БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

Боб Шоу

МИЛЛИОН ЗАВТРА

Нэвил Шют

НА ПОСЛЕДНЕМ БЕРЕГУ

Гарри Гаррисон

КОСМИЧЕСКИЙ ВРАЧ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ДЕТЕКТИВ

ФАНТАСТИКА

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

•

ДЕТЕКТИВ

Боб Шоу

МИЛЛИОН ЗАВТРА

Фантастический роман

●

Нэвил Шют

НА ПОСЛЕДНЕМ БЕРЕГУ

Фантастический роман

●

Гарри Гаррисон

КОСМИЧЕСКИЙ ВРАЧ

Фантастический роман

НИЖНИЙ НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Ф Л О К С»
1992

ББК 84.0
М 60

Художник
Л. Колосов

Миллион завтра: Фантастические романы. (Перевод с ан-
М60 глийского.) — Нижний Новгород: издательство «Флокс»; 1992.— 415 с.

ISBN 5-87198-009-0

В сборник вошли произведения известных зарубежных писателей-фантастов, в которых представлено три облика будущего. Общество внешнего благополучия, в недрах которого происходит глубокий нравственный кризис, изображено в произведении английского фантаста Боба Шоу «Миллион завтра». В романе английского писателя Нэвила Шюта «На последнем берегу» перед читателем предстают трагические моменты жизни последних людей, оставшихся в живых после атомной катастрофы. В увлекательном романе «Космический врач» популярнейший американский фантаст Гарри Гаррисон описывает неожиданности, подстерегающие человека в космосе.

М $\frac{4703010100—007}{Д40(03)92}$ без объявл. **ББК 84.0**

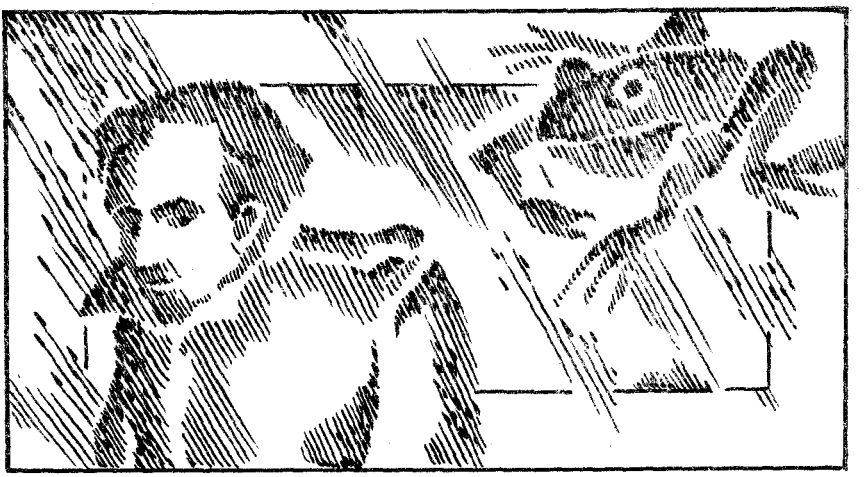
ISBN 5-87198-009-0

© Издательство «Флокс». Составление, перевод, 1992.
© Л. Колосов. Оформление, 1992

Боб Шоу

МИЛЛИОН ЗАВТРА

Фантастический роман



Глава ПЕРВАЯ

Было раннее утро. Карев спокойно сидел за столом и не делал ровным счетом ничего.

Благодаря кислородно-аскорбиновой бомбе, которую принял перед завтраком, он не чувствовал физических последствий похмелья. Все же какое-то едва ощутимое напряжение, легкое подрагивание нервов говорило о том, что природа не дает обмануть себя так просто. У него была внутренняя убежденность, что он чувствовал бы себя лучше, расплачиваясь за перепой острой головной болью и тошнотой...

«Мне сорок лет,— подумал он,— и я уже плохо переношу это. Ничего не поделаешь, в скором будущем придется остыть». Он машинально коснулся щетины над верхней губой и на подбородке. Согласно с господствующей модой для исправных его возраста, щетина была пятимиллиметровой и, когда он нажимал на нее пальцем, отклоняя вбок, пружинила почти как проволочная щетка или как ряды малых переключателей, вызывающих попеременно удовольствие, боль и умиротворение. «Чем в гроб ложиться, лучше закрепиться»,— мысленно повторил он популярную поговорку.

Он глянул сквозь прозрачную стену своего рабочего кабинета. Вдали, за блестящими трапециевидными зданиями города, побле-

скивали белизной, пульсирующей в такт ударам его солнца, Скалистые горы. В это утро должно было выпасть много снега, но отряды управления погодой уже вступили в дело, поэтому небо над ледовыми пропастями выглядело прямо-таки штормовым. Солнечный свет пульсировал, проходя сквозь неуловимые мембраны магнитных управляющих полей, видимых благодаря заключенным в них частицам льда. В глазах утомленного Карева небо выглядело как панорама потрепанных серых внутренностей. Он повернул голову и только решил сосредоточиться на пачке перфокарт, как раздался тихий звонок телепресса. На проекционном экране приемника появилась голова Хирона Баренбойма, председателя корпорации Фарма.

— Вы там, Вилли? — глаза с экрана смотрели вопросительно, ничего не видя.— Я хотел бы с вами увидеться.

— Здесь, здесь,— ответил Карев и, прежде чем включить изображение, убрал с поля зрения перфокарты, с которыми должен был закончить два дня назад.— Чем могу служить?

Взгляд Баренбойма замер на лице Карева, и председатель одарил его улыбкой.

— Не на волнах эфира,— сказал он.— Прошу через пять минут прийти ко мне в кабинет. Конечно, если вы можете вырваться.

— Конечно, могу.

— Отлично. Я хотел бы обговорить кое-что с вами наедине,— сказал Баренбойм, и его безволосое лицо расплылось в воздухе, оставив Карева на милость неясного беспокойства.

Председатель был настроен доброжелательно, но при этом ясно дал понять, что что-то затевает. Карев же неохотно встречался со старыми остывшими, даже в чисто дружеской обстановке. В его понимании возраст ста лет являлся границей, ниже которой еще можно было считать остывшего обычным человеком. Но если общаешься с человеком вроде Баренбойма, который пять лет назад отметил двухсотый день рождения...

Обеспокоенный Карев встал, перевернул внешнюю стену на сторону зеркала, одернул тунику и внимательно посмотрел на себя. Высокий, плечистый, хотя и не отличающийся атлетическим сложением, с прямыми черными волосами и бледным лицом, затененным щетиной в форме испанской бородки, он выглядел совсем неплохо, хотя, может, и не совсем как идеал бухгалтера. Почему же он боялся разговаривать с остывшими вроде Баренбойма и его заместителя Мэнни Плита? Потому что уже пора и тебе остыть, сказал внутренний голос. Время закрепиться, а ты не любишь, когда тебе об этом напоминают. Ты исправен в полном значении этого слова, Вилли, и не в смысле: исправен физически или биологически, как говорят это остывшие. Просто исправен!

То поглаживая щетину, то до боли вдавливая ее в кожу, Карев

торопливо вышел из комнаты в секретариат. Он миновал достающие до пояса административные машины, задумчиво кивнул головой Марианне Тоун, присматривавшей за электронными устройствами, и вошел в короткий коридорчик, ведущий к кабинету Баренбойма. Круглое черное окно в дверях кабинета мигнуло один раз, узнав его, после чего гладкая деревянная плита отодвинулась в сторону, и Карев вошел в большой солнечный кабинет, в котором всегда пахло кофе. Сидящий за красно-голубым столом Баренбойм улыбнулся ему и указал на стул.

— Пожалуйста, садитесь и подождите, сынок. Мэнни скоро придет: я хочу, чтобы и он был посвящен в суть дела.

— Спасибо, господин председатель.

Сдерживая любопытство, Карев сел и стал внимательно разглядывать своего хозяина. Баренбойм был мужчиной среднего роста, с плоским, срезанным назад лбом, с выступающими надбровными дугами и с задранным носом с раздувающимися ноздрями. С почти обезьяньей верхней частью головы контрастировали маленький деликатный рот и аккуратный подбородок. Белые ладони, вечно приводящие в порядок бумаги и перфокарты, были довольно пухлыми и гладкими. В отличие от множества остывших ровесников, Баренбойм педантично заботился об одежде, всегда на несколько месяцев опережая моду. «На вид ему сорок, хотя на самом деле уже двести,— подумал Карев.— Он имеет право обращаться ко мне «сынок», ибо с его точки зрения я еще не достиг юношеского возраста». Он снова коснулся щетины, и глубоко посаженные в глазницах глаза Баренбойма дрогнули. Карев знал, что его жест не ускользнул от внимания и был прочитан в свете накопленного за двести лет опыта. Понял он и то, что, позволяя заметить движение глаз, Баренбойм дает понять, что читает его мысли, и хочет, чтобы он знал об этом... Он почувствовал растущее головокружение, беспокойно шевельнулся на стуле и глянул на стену. Потревоженный серый воздух по-прежнему переваривал вьюгу, и Карев смотрел на это до тех пор, пока двери в первый проходной кабинет не дали знать о прибытии вице-председателя Плита.

За полгода работы в Фарме Карев видел Плита всего несколько раз, обычно издалека. Этот шестидесятилетний человек закрепился, судя по его виду, в возрасте около двадцати лет. Как и у всех остывших, лицо его было без волос, как будто его поскребли пумексом, чтобы убрать малейшие следы щетины. Всю его кожу от волос надо лбом до самой шеи покрывал однородный светлый румянец, распространявшийся даже на белки бледно-голубых глаз. Кареву пришло в голову сравнение с фигурами из комиксов, которые он видел в программах, посвященных истории литературы: карикатурист изобразил бы нос Плита одной крючковатой чертой, а узкие губы короткой, изогнутой вверх линией, в натяну-

той веселости которой отражалась какая-то неуловимая мысль, таящаяся под гладким, как пластик, лбом.

Плит был одет в янтарную тунику и узкие брюки, а единственным украшением всего костюма являлся гравированный золотой брелок в форме сигары. Он кивнул головой Кареву, чуть раздвинув при этом губы, и занял место рядом с Баренбоймом, садясь как будто на воздух, но его поддерживал магнитный стул (модель Королева Виктория), вмонтированный в брюки.

— Итак, к делу,— сказал Баренбойм, отодвигая в сторону бумаги и устремляя на Карева спокойный, дружеский взгляд.— Сколько вы работаете на Фарме, Вилли?

— Полгода.

— Полгода... А удивило бы вас известие, что все время вашей работы мы с Мэнни внимательно следим за вами?

— Ну... конечно, я знаю, что вы поддерживаете постоянный контакт с персоналом,— ответил Карев.

— Это верно, но за вами мы наблюдаем особенно. Вы интересуете нас, потому что нравитесь нам. А нравитесь потому, что обладаете очень редкой чертой — сообразительностью.

— Да?

Карев внимательно смотрел на обоих шефов, ища объяснения. Лицо Баренбойма было, как обычно, непроницаемо, зато Плит, с глазами, как выцветшие кружки, легонько покачивался на своем невидимом стуле и улыбался, не разжимая губ, погруженный в какие-то внутренние процессы.

— Да,— продолжал Баренбойм.— Здравый рассудок, мужицкий ум, толковая голова — назовите как угодно — во всяком случае, ни одна фирма не может процветать без этого. Скажу вам, Вилли, ко мне приходят в поисках работы действительно умные ребята, а я заворачиваю их, ибо они слишком интеллигентны и так разговорчивы, что их никто не переговорит. Совсем как компьютеры, которые выполняют миллион операций в секунду, а в результате посылают новорожденному счет на тысячу долларов за электричество. Вы понимаете?

— Да, я знаком с парочкой таких,— ответил Карев, вежливо улыбаясь.

— Я тоже знаю много таких. Но вы-то другой человек. Именно потому я так быстро вас продвинул, Вилли. Вы работаете у нас полгода, а уже занимаетесь контролем счетов целого отдела биопоэзы. Можете не сомневаться, это действительно быстрое продвижение. Другие работают у меня четыре-пять лет, а занимают более низкие должности.

— Я искренне благодарен за все, что вы для меня сделали,— заверил Карев с растущим интересом. Он знал, что является вполне приличным бухгалтером и только. Так неужели могло произой-

ти такое, что подняло бы его на высшую ступень управления за много лет до срока?

Баренбойм взглянул на Плита, который играл золотой сигарой, потом снова на Карева.

— Поскольку я очень четко определил свою позицию, надеюсь, вы позволите мне задать очень личный вопрос. Я имею на это право?

— Разумеется,— ответил Карев, судорожно сглатывая слюну.— Спрашивайте.

— Отлично. Так вот, Вилли, вам сорок лет и вы по-прежнему биологически исправный мужчина. Когда вы собираетесь закрепиться?

Вопрос этот резко ударил Карева потому, что его задали неожиданно, и потому, что этим вопросом они попали в самую точку его беспокойства о своей супружеской жизни. Оно росло в нем уже лет пять, с момента, когда он обнаружил на виске Афины первый седой волос. С трудом подыскивая подходящие слова, он почувствовал, что краснеет.

— Пока... пока я не определил точной даты. Конечно, мы часто разговариваем об этом с Афиной, но нам кажется, что у нас еще есть время...

— Есть время! Я удивлен. Ведь вам сорок лет. Стеролы никого не ждут, и вы знаете не хуже меня, что развитие склероза сосудов — единственный физиологический процесс, который нельзя повернуть вспять с помощью биостатов.

— Но ведь есть средства против быстрой свертываемости,— мгновенно ответил Карев, ни секунды не задумываясь, как боксер, парирующий удар.

На Баренбойма это не произвело впечатления, но, видимо, он решил начать с другой стороны, ибо взял какую-то перфокарту и сунул ее в читник.

— Это ваши личные данные, Вилли. Я вижу, что... — он замолчал, вглядываясь в экран размером с ладонь,—...ваша жена по-прежнему фигурирует в картотеке Министерства Здоровья как смертная. А из документов следует, что ей уже тридцать шесть лет. Почему она так долго тянет?

— Мне трудно ответить на это,— Карев глубоко вздохнул.— У Афины свои чудачества. Она сказала... сказала...

— Сказала, что не сделает себе укола, пока этого не сделаете вы. Подобная ситуация часта среди моногамных супружеских пар, живущих «один на один». Отчасти в этом нет ничего удивительного, но...— в улыбке Баренбойма отразилась печаль двух столетий.— Но, говоря напрямую, Вилли, сколько можно с этим тянуть?

— Действительно... Вообще-то, через неделю будет десятая годовщина нашей свадьбы.

Карев с удивлением вслушивался в свой голос, как в чужой, гадая, что он сейчас произнесет.

— Я решил,— продолжал он,— что для празднования этой годовщины мы с Афиной должны повторить наш медовый месяц. А потом я хотел закрепиться.

На лице Баренбойма отражались удивление и облегчение. Он взглянул на Плита, а тот, румяный и безобразно довольный, кивнул головой, подскакивая на своем пружинящем стуле.

— Вы даже не представляете, Вилли, как я рад, что вы решились,— сказал Баренбойм.— Я не хотел оказывать на вас давления, хотел, чтобы вы действовали, как человек совершенно свободный.

«Что со мной происходит? — мысленно задал себе вопрос Карев. Он с трудом сдерживал желание коснуться щетины на лице, когда эта мысль холодным огнем вспыхнула в его голове.— Я же вовсе не хотел закрепляться через месяц».

— Вилли,— вежливо обратился к нему Баренбойм,— вы человек неглупый. До сих пор наш разговор был беспредметен, поэтому вы наверняка удивляетесь, зачем вас сюда пригласили. Я прав?

Карев рассеянно кивнул. «Я не могу закрепиться,— думал он.— Правда, Афина любит меня, но все равно, я потерял бы ее самое большее за год».

— Итак, приступим к делу,— в словах Баренбойма, сформулированных и произнесенных с опытом, полученным в течение жизни в три раза большей, чем обычно, совершенно ясно прозвучало напряженное возбуждение, и Карев замер от дурных предчувствий.— Хотели бы вы стать первым в истории человечества мужчиной, который, получив бессмертие, сохранит свои мужские способности?

Разум Карева взорвался образами, хаосом слов, понятий, желаний, опасений. Он пересек бесчисленные вселенные, над серебристыми морями прокатились черные звезды.

— Я вижу, что удар был силен. Нужно время, чтобы освоиться с этой мыслью,— сказал Баренбойм и с довольным выражением лица откинулся на стуле, сплетя белые пальцы.

— Но ведь это невозможно,— запротестовал Карев.— Общеизвестно, что...

— Вы такой же, как и мы, Вилли. Вы не можете принять на веру то, что гипотеза Вогана является всего лишь тем, чем является, то есть — гипотезой. Концепция, что бессмертное существо не может иметь способностей к воспроизведению, очень эффектна. Воган утверждал, что если биостатическая связь появится и начнет действовать случайно или умышленно, природа затормозит мужскую способность плодиться для соблюдения биологического равновесия. Не пошел ли он в своих предположениях слишком далеко? Не принял ли он локальное явление за универсальное?

— Он у вас есть? — резко прервал его Карев, вспомнивший,

что все фармацевтические фирмы мира уже более двухсот лет, невзирая на затраты, яростно и до сих пор безуспешно ищут биостат, терпимый к сперматидам.

— Есть,— прошептал Плит, заговорив впервые за время беседы.— Теперь нам нужен только подопытный кролик стоимостью в миллиард долларов. Это вы, Вилли.

Глава ВТОРАЯ

— Я должен точно знать, что от меня потребуется,— сказал Карев, хотя уже принял решение. Афина выглядела как никогда привлекательно. Все же в последнее время он заметил на ее лице первые слабые знаки, предупреждающие, что пора кончать это топтание на месте и делать вид, что ботинки от этого не изнашиваются... Мы проводим великолепный уик-энд, освещенный месяцем в пурпурном полумраке, а когда сквозь пальцы просачиваются последние его минуты, нам не хватает честности, чтобы заплакать от жалости. «Через неделю эта прелесть повторится»,— говорим мы, делая вид, что наш собственный календарь повторяющихся недель, месяцев и времен года — это истинная карта времени. Но время — это просто черная стрела...

— Разумеется, мой дорогой,— ответил Баренбойм.— Прежде всего вы должны помнить о необходимости соблюдать полную тайну. Впрочем, может, я просто яйцо, которое хочет быть умнее курицы? — Он взглянул на Карева, отдавая должное трезвости рассудка своего бухгалтера.— Скорее, это вы могли бы сказать мне, что потеряла бы Фарма, если бы какой-нибудь другой концерн узнал об этом преждевременно.

— Соблюдение тайны — это абсолютная необходимость,— признал Карев, по-прежнему видя перед собой лицо Афины.— Это значит, что мы с женой должны будем исчезнуть?

— Да нет же! Совсем наоборот. Ничто не привлекло бы внимания промышленного шпиона так быстро, как ваше исчезновение отсюда и появление, скажем, в наших лабораториях на Перевале Рэндела. Мы с Мэнни считаем, что лучше всего вам вместе с женой и дальше вести нормальную жизнь, как будто не произошло ничего чрезвычайного. Обычные врачебные осмотры, о которых никто не будет знать, вы сможете проходить здесь, в моем кабинете.

— Значит, я должен делать вид, что не закрепился?

Баренбойм внимательно разглядывал свою правую руку.

— Нет,— сказал он.— Вы именно должны делать вид, что закрепились (до чего нелепое выражение!). Не забывайте, что ни о каком закреплении нет и речи. Вы останетесь биологически ис-

правным мужчиной, однако вам безопаснее начать пользоваться депиляторами для лица и вообще вести себя так, как положено остывшему.

— Ах, вот оно что,— ответил Карев, удивленный силой внутреннего протеста, который все это у него вызвало. Ему невероятно повезло получить предложение бессмертия безо всяких связанных с этим ограничений, что еще несколько минут назад было нереальной мечтой, и все же он содрогнулся при мысли об уничтожении внешних признаков мужественности.— Конечно, я соглашусь на все, но если это новое средство так хорошо, то не лучше ли делать вид, что я не получил укола?

— При других обстоятельствах — да. Однако я догадываюсь, что большинство друзей знает о вашем отношении к уколам. Верно?

— Похоже, так.

— Значит, их удивит, если ни с того, ни с сего Афина станет бессмертной, а вы внешне нисколько не изменитесь. Вы же знаете, как трудно женщине скрыть факт, что она сделала укол.

Карев кивнул головой, вспомнив, что только женщины являются действительно бессмертными созданиями природы, ибо только они могут принимать биостаты, не уничтожая при этом свою половую систему. Побочное действие этого лекарства заключалось в том, что оно идеально регулировало производство экстрадиола, создавало ореол вызывающе цветущего здоровья, оптимальное самочувствие, о котором прежде женщины могли только мечтать. Карев представил себе Афину в этом состоянии божественного совершенства, сохраненном навсегда, и мысленно выругал себя за то, что тянет с решением.

— Я вижу, что не успеваю за ходом вашей мысли, господин председатель. Конечно, вы захотите обсудить это с моей женой?

— Решительно нет. До сих пор я не имел удовольствия познакомиться с вашей женой и, хотя из ее психотеки следует, что она женщина надежная, лучше, чтобы пока мы друг друга не знали. Ваша семейная жизнь должна идти как обычно, безо всяких изменений. Понимаете?

— Я должен сам ей все объяснить?

— Именно так. Втолкуйте ей, насколько важно соблюдение тайны,— сказал Баренбойм и посмотрел на Плита.— Думаю, что мы можем доверять нашему Вилли, правда, Мэнни?

— Я тоже так думаю.

Плит кивнул головой и пружинисто подскочил на стуле. Покрасневшие белки его глаз блестели в утреннем свете, а золотая сигара на груди сверкала.

Баренбойм одобрительно щелкнул языком.

— Значит, решено. Мы только хотели бы, чтобы сразу после укола вы прошли контрольные исследования на Перевале Рэндела,

и легко найдем причину, требующую визита ревизора в лаборатории биопоэзы. Таким образом тайна будет сохранена.

Карев искренне улыбнулся.

— Это колоссальное научное достижение, настоящий перелом. Вы не могли бы рассказать мне...

— Нет, Вилли. Это запретная тема. Как вы знаете, биостатические соединения по своей природе вредят андрогенам. Это физическое правило лежит в основе гипотезы Вогана, что неизменность клеток — другими словами, потенциальное бессмертие — исключает сохранение мужских половых черт. Нам удалось победить — точнее, обойти — это действие, но я считаю, что вам лучше знать как можно меньше о научной стороне вопроса. Мы обозначили это новое средство шифром Е.80, но даже эта информация вам не нужна.

— А может ли мне что-то грозить в связи с этой попыткой? — осторожно спросил Карев.

— Может, вас постигнет только некоторое разочарование, ибо до сих пор мы не проводили проб в полном масштабе. Думаю, однако, что это вы переживете. Мы предлагаем тебе это не даром, парень — надеюсь, ты позволишь мне называть тебя на ты?

— Но я вовсе...

— Хорошо, хорошо,— прервал его Баренбойм, махая пухлой рукой.— Ты совершенно верно ставишь вопрос, что ты с этого будешь иметь. Если я вижу, что кто-то из моих служащих сорит своими деньгами, то задаю себе вопрос, что он делает с моими. Понимаешь?

Загнутые вверх уголки губ Плита поднялись еще выше, и, следуя его примеру, Карев улыбнулся.

— Это хорошо,— признал он.

— То, что я скажу сейчас, понравится тебе еще больше. Как ты знаешь, в последнее время мы ввели в бухгалтерии много новых методов. Согласно с двадцатилетней ротационной системой, моего главного бухгалтера ждет понижение в должности через три года, но в связи с недавними процедурными новшествами он готов ускорить свой переход на низшую должность. Не пройдет и года, как ты мог бы занять его место.

Карев сглотнул слюну.

— Но ведь Уолтон отличный бухгалтер,— сказал он.— Я бы не хотел сталкивать его...

— Вздор! Уолтон работает у меня более восьмидесяти лет и, уверяю тебя, не может дождаться, когда снова окажется у подножия лестницы и начнет карабкаться вверх ступенька за ступенькой. Он делал это уже трижды, и ничто не доставляет ему большего удовольствия!

— В самом деле?

Карев отогнал мысль, что по правилам ротационной системы он

тоже в конце концов будет вынужден отказаться от должности руководителя. Он чувствовал, как золотые столетия стелются перед ним как мягкий бесконечный ковер.

Зная, что его посещение кабинета председателя не избегнет внимания большинства служащих, Карев поборол искушение пораньше уйти с работы и поделиться новостями с Афиной. «Рабочее время не сократишь»,— мысленно сказал он себе и сидел, прикованный к столу, отдаваясь свободному течению мыслей, которые порой заставляли кружиться его голову. Было уже довольно поздно, когда он вспомнил, что обещал Афине приехать ровно в пять и помочь подготовиться к небольшому приему, который она сегодня устраивала. Взглянув на циферблат, вытатуированный на запястье, кожа в пределах которого изменяла положение частиц пигмента в зависимости от передаваемых сигналов времени, он понял, что на дорогу до дома ему осталось неполных полчаса.

Когда он выходил из конторы, сидящая у стола с административным компьютером Марианна Тоун подняла голову и посмотрела на него.

— Уходишь раньше, Вилли? — спросила она.

— Немножко. Мы устраиваем сегодня прием, и я должен принять в нем участие.

— Приходи ко мне, и устроим настоящий бал,— предложила Марианна, с улыбкой, но серьезно.— Будем только ты и я.

Это была высокая полноватая брюнетка с широкой в бедрах фигурой и разочарованием во взгляде. На вид ей было лет двадцать пять.

— Только ты и я? — повторил Карев, уклоняясь от ответа.— Вот не знал, что в душе ты такая обыкновенная.

— Я не обыкновенная, а ненасытная. Так что скажешь, Вилли?

— Женщина, а где твоя девичья скромность? — спросил он, направляясь к выходу.— До чего уже дошло? Человек не чувствует себя в безопасности в собственной конторе.

Марианна пожала плечами.

— Не бери в голову, на будущей неделе я ухожу,— сказала она.

— В самом деле? Очень жаль. А куда?

— К Свифтсу.

— Ого! — воскликнул Карев, зная, что Свифтс — это компьютерное бюро, принимающее исключительно женщин.

— Понимаешь? Но так, пожалуй, будет лучше всего.

— Я должен бежать, Марианна. До завтра.

С неясным чувством вины Карев заспешил к лифту. Бюро Свифтса было известно по деятельности своего Клуба Приапа, и переход туда Марианны означал, что она отказывается от бесконечных попыток обратить на себя внимание исправных мужчин. Он предполагал, что там она будет счастлива, хотя и сожалел, что

Марианна, женщина с фигурой, созданной для рождения детей, обрекает себя на общение с пластиковым фоллусом.

Перед зданием Фармы царил пронизывающий для поздней весны холод, хотя несостоявшуюся метель удалось загнать в Скалистые горы. Карев отрегулировал помещенный в поясе термостат и торопливо миновал охранника, все еще расстроенный за Марианну. Эксперимент с Е. 80 должен удаться, подумал он. Ради нас всех.

Повернув к своему болиду, он краем глаза заметил, что по земле на краю стоянки движется какой-то комок. В первый момент он не мог понять, что привлекло его внимание, но в конце концов различил силуэт крупной жабы, облепленной пылью и пеплом. Горло ее равномерно раздувалось. Он сделал шаг, переступив через жабу, подошел к болиду и быстро уселся на него. Он знал, что при въезде на станцию метро образуется, как обычно в часы пик, пробка, и если он хочет попасть домой пораньше, то времени терять нельзя. Он включил турбину, добавил газу и выехал на автостраду, направляясь на юг. Проехав около километра, он вдруг затормозил и, урча что-то сквозь зубы, повернул. Оказавшись снова перед зданием Фармы, откуда уже выходили служащие, а на стоянке фары бросали во все стороны ослепительные лучи света, он нашел жабу, сидевшую на том же месте и все так же раздувавшую горло.

— Иди сюда, малютка,— сказал он, беря в ладони холодное, покрытое песком тело.— После полугодового сна любой перепутал бы стороны света.

Он подождал перерыва в движении, перешел на другую сторону автострады и бросил жабу в сборный бассейн, темные воды которого подмывали дорогу. Теперь мимо него непрерывно мчались болиды и автомобили, поэтому он с трудом перебрался к своей машине. Гадая, заметили ли его действия из будки охранника, он влился в движение, однако эти несколько потерянных минут оказались решающими. Чтобы попасть на станцию метро, он потратил еще десять минут и застонал при виде очереди на выезде.

Уже стемнело, когда он, наконец, добрался до зарядной станции. Автоматический погрузчик сфотографировал регистрационный номер болида, после чего всунул его в туннель метро, оставляя шасси на транспортере, который поднял их к северному выходу, чтобы ими мог воспользоваться какой-нибудь проезжающий экипаж. Когда его машина проходила через шлюз, Карев попытался расслабиться. Благодаря многотонному давлению сжатого воздуха он мог доехать до отстоящей на сто миль другой станции за двадцать минут. Однако на северном конце трассы его ждала еще одна очередь за шасси, и он высчитал, что опоздает домой на час.

Он было подумал, не позвонить ли жене, воспользовавшись болидофоном, но передумал. Слишком многое нужно было сказать.

Афина Карев, стройная, узкая в бедрах и гибкая, как змея,

брюнетка, могла, расслабившись, свить свое тело, как пружину, а в приступе гнева напрячь его, как стальной клинок. Правильность ее черт нарушало только слегка западающее левое веко — памятка из далекого детства — из-за чего лицо ее иногда выглядело заговорщицки. Карев вошел в типичный для служащего со средними доходами дом-купол, за который выплачивал растянутый на сто лет кредит. Афина, готовясь к приему, успела уже сложить внутренние стены. На ней было световое ожерелье, окутывающее ее блеском драгоценностей, отраженных в море солнечного света.

— Ты опоздал,— сказала она безо всякого вступления.— Привет.

— Привет. Извини, я застрял по дороге.

— Мне пришлось самой складывать стены. Почему ты не позвонил из конторы?

— Я же извинился. Кроме того, я застрял, уже выйдя из конторы.

— Да?

Карев ответил не сразу, думая, сказать ли Афине о жабе, рискуя, что она еще больше рассердится. Моногамные супружества были редкостью в обществе, в котором количество женщин на выданье относительно числа мужчин, не принявших еще лекарства, обеспечивающего бессмертие, и сохранивших потенцию, составляло восемь к одному. После подписания обязательства, что в течение нескольких лет он не закрепится, он должен был вступить в полигамную супружескую связь, которая, благодаря суммированию приданых, обеспечит ему состояние. Один из неписанных законов, по которым строилась его жизнь с Афиной, гласил, что она свободна от оказывания ему покорности и благодарности, а когда хочет устроить скандал, всегда делает это с настоящей яростью. Желая любой ценой избежать ссоры, Карев солгал, сказав об аварии рядом с въездом в метро.

— Кто-нибудь погиб? — мрачно спросила Афина, расставляя пепельницы.

— Нет, авария была не слишком серьезной. Только на какое-то время заблокировала дорогу,— ответил он, пошел на кухню и налил себе стакан обогащенного молока.— Сегодня много гостей?

— Больше десятка.

— Я кого-нибудь знаю?

— Не глупи, Вилли, ведь ты знаешь их всех.

— Значит, придет и Мэй со своим новым бычком?

Афина с громким стуком поставила последнюю пепельницу.

— А кто, если не ты, всегда критикует людей, что они старомодны и банальны?

— В самом деле? — удивился Карев и хлебнул молока.— В таком случае, я не должен их критиковать, потому что никоим обра-

зом не могу привыкнуть к виду все новых тринадцатилетних подростков, которые, ничуть не стесняясь, совокупляются с Мэй на самой середине моей комнаты.

— А может, ты сам хочешь ее? Она пойдет за тобой, только помани пальцем.

— Доволно,— прервал он жену. Когда она проходила мимо, он схватил ее и привлек к себе, обнаружив, что под переливающимся блеском светового ожерелья на ней ничего нет.— А что ты сделаешь, если испортится электричество?

— Думаю, что как-нибудь сумею обогреться,— ответила она, неожиданно прильнув к нему всем телом.

— Не сомневаюсь,— сказал Карев, задохнувшись на мгновение.— Я не позволю, чтобы ты постарела хотя бы на один день. Это недопустимо.

— Ты хочешь меня убить? — пошутила она, но он почувствовал, что ее стройное тело напрягалось под его руками.

— Нет. Я уже заказал в Фарме уколы для нас. Наверняка получу лучшие, со скидкой, поскольку, как ты знаешь, работаю для...

Афина вырвалась из его объятий.

— Я не изменила своего решения, Вилл,— сказала она.— Я не собираюсь этого делать и смотреть, как ты стареешь и стареешь...

— Не беспокойся, дорогая, мы сделаем это одновременно. Если хочешь, я буду первым.

— О!

Серые глаза Афины потемнели от раздирающих ее сомнений. Он понял, что жена мысленно унеслась в будущее и задает себе вопрос, ответ на который оба они знали слишком хорошо... Что происходит с прекрасным сном о любви, когда любимый становится импотентом? Как долго продлится связь душ после атрофии яичников?..

— Это уже решено? — спросила она.

— Да,— он заметил ее внезапную бледность и почувствовал угрызения совести, что так неловко задел эту тему.— Но беспокоиться нечего. Форма изобрела новый биостат, и я буду первым, кто его получит.

— Новый биостат?

— Да, средство, благодаря которому мужчина остается вполне исправен.

Нанесенный наотмашь удар был совершенно неожиданным и попал прямо по губам.

— Что ты...

— Я предупреждала, что тебя ждет, если ты еще раз решишься на такой разговор.— Афина смотрела на него с отвращением, дрожащее веко почти полностью закрыло левый глаз.— Пусти меня, Вилли.

На распухших губах Карев почувствовал вкус крови.

— Что тебе взбрело в голову?

— А тебе? На твоей совести уже многое, Вилл. Однажды ты пробовал убедить меня сделать укол, когда я принимала иллюзоген, в другой раз привел сюда мою мать, чтобы она тебе помогла. Еще никогда ты не брался за дело так неловко. Вбей себе в голову, что я не сделаю себе укола, пока его не сделаешь ты.

— Но это никакая не хитрость! Действительно изобрели...

Она прервала его проклятием, обрушившимся на него, как еще один удар, и отошла. Чтобы сдержать бушующую в нем мрачную ярость, он заставил напрячься все свои мышцы.

— Афина, разве так должно выглядеть моногамное супружество? — спросил он.

— Именно так! — ответила она с нескрываемой злостью.— Можешь мне верить или нет, но именно так оно и выглядит. Такое супружество — это нечто большее, чем господин муж с заросшим лицом и сачком, говорящий: «Охотно бы вас обслужил, девушки, но — увы! — дано слово, жена ждет, и я должен блюсти верность!» Что и говорить, эта роль доставляет тебе большое удовольствие, но...

— Ну-ну, давай дальше,— сказал он.— Раз уж въехала в этот туннель, то езжай до конца.

— Супружество вроде нашего в самой своей основе опирается на безграничное доверие, а ты даже не знаешь, что значит это слово. Ты тянул с закреплением до тех пор, пока не вступил в возраст, грозящий тромбами, ибо уверен, что я не смогла бы жить, перестань ты три или четыре раза в неделю спать со мной. Ты так уверен в этом, что заложил бы голову.

Карев окаменел.

— Еще никогда я не слышал такого тенденциозного...

— Я права или нет? — прервала она его.

Он вдруг закрыл рот. Вспышка Афины являла собой смесь злости, страха и характерных для нее устаревших взглядов на связи между людьми. Однако это не меняло того факта, что все сказанное ею — в том числе и о нем — полностью соответствовало истине. Именно в эту минуту при огромной любви он почувствовал к ней и ненависть. Одним глотком он допил молоко, смутно надеясь, что содержащаяся в нем известь успокоит его нервы. Его вовсе не удивляло, что в нем по-прежнему клокочет гнев. Только Афина могла превратить минуты, которые должны были стать лучшими в их жизни, в очередной испорченный вечер, в очередной фильм из горьких, регулярно повторяющихся эпизодов. Это выглядело так, словно их взаимное воздействие друг на друга создавало нестабильное магнитное поле, полюса которого иногда менялись на противоположные, поскольку иначе уничтожили бы их обоих.

— Послушай,— в отчаянии обратился он к ней.— Мы должны поговорить об этом.

— Пожалуйста, говори, если хочешь, но я не обязана этого выслушивать,— ответила Афина, приторно улыбаясь.— Помоги мне немного. Достань те новые самоохлаждающиеся стаканы, которые я купила на прошлой неделе.

— Раньше или позже это открытие должно было совершиться. Подумай, сколько усилий вложено в эти исследования за последние двести лет.

Афина кивнула.

— И, как оказалось, стоило,— ответила она.— Подумай только, нам никогда больше не придется возиться с кубиками льда.

— Я говорю об этом новом средстве Фармы,— настойчиво повторил он, огорченный тем, что Афина напускает на себя беззаботный вид, который свидетельствовал о ее разыгравшемся упрямстве.— Афина, это средство действительно существует.

— Принеси еще закуски.

— Ты наглая, глупая, отвратительная ведьма,— заявил он.

— Ты не лучше,— ответила она, подталкивая его в сторону кухни.— Вилл, я просила принести стаканы.

— Ты хочешь стаканы? — поддавшись детскому капризу, Карев дрожал от возмущения. Он пошел на кухню, вынул ледяной самоохлаждающийся стакан и рванулся обратно. Афина задумчиво осматривала свои приготовления. Карев пробил стаканом играющий всеми цветами радуги ее наряд, сильно сжал ее за талию и почувствовал резкую судорогу напрягшихся мышц. Афина вывернулась, стакан покатился по полу, и в этот момент вошел первый из приглашенных гостей.

— Отличная забава,— сказала с порога Гермина Снедден.— Можно проиграть с вами?

— В это могут играть только супружеские пары,— тихо ответила Афина, пронзая взглядом Карева.— Но ты входи и выпей чего-нибудь.

— Меня не нужно уговаривать.

Среди бессмертных почти не встречались люди полные — это обеспечивало неизменность образцов воспроизводимых клеток — но у Гермины всегда была величественная фигура. Подняв руки почти до уровня плеч, она проплыла через комнату и, таща за собой пурпурный шелк, добралась до бара. Разглядывая завораживающую коллекцию бутылок, она что-то вынула из сумки и поставила на стойку.

— Да, да, выпей чего-нибудь, Гермина,— сказал Карев. Он зашел за стойку и едва не застонал, увидев проектор трехмерных картин. Похоже, сейчас начнется игра в «цитаты».— А может, тебе хватит духовной пищи?

— Я одета в красное, значит, дай мне выпить чего-нибудь красного,— игриво попросила она.—Все равно, чего.

— Хорошо.

Всем своим видом выказывая равнодушие, Карев выбрал какую-то неопределенную, подозрительную бутылку, память о давно забытом отпуске, и налил ей полный стакан.

— Что тут у вас было, Вилл? — спросила Гермина, наклоняясь над стойкой.

— А кто говорит, что что-то было?

— Но я же вижу. Твое красивое лицо выглядит сегодня, как гранитная скульптура. В тебе есть что-то от Озимандия.

Вот и началось, подумал Карев и вздохнул. Друзья Афины много читали и поэтому обожали эту игру в цитаты. Он подозревал, что в разговоре с ним они из кожи лезут, чтобы набить его литературными ассоциациями. Карев, который в жизни не дочитал до конца ни одной книги, понятия не имел, кто такой этот Озимандий.

— Озимандия я делаю сознательно,— ответил он.— Прости, я на минутку.— Он подошел к Афине.— Выйдем в кухню, поговорим, пока не пришли остальные гости.

— Вилл, нам на это не хватит времени ни сегодня, ни в любой другой вечер,— заверила она его.— А теперь держись от меня подальше.

Она отошла так быстро, что он ничего не успел ответить. Он стоял один посреди кухни, чувствуя, что сердце его постепенно заполняет леденящая обида, и прислушиваясь к ускоренному ритму своей крови. Афина заслуживала наказания: с бездумной жестокостью она превратила их связь в оружие, которым уничтожала его, когда ей это вздумается. За такое поведение следовало чем-то досадить ей, вот только чем? Когда из главной части здания донесся шум, возвестивший прибытие новых гостей, где-то в его подсознании возникла некая идея. Он заставил себя успокоиться, а потом легкомысленной походкой вышел с кухни, чтобы их приветствовать, вернув улыбку на все еще болезненно пульсирующие после удара Афины губы.

Среди шестерых новоприбывших оказались Мэй Рэтрей и неуклюжий, примерно четырнадцатилетний блондинчик, которого представили Кареву как Верта. С болтовней дамы удалились, обсуждая сверкание и цвета туалетов и духи. На какое-то время Карев остался один на один с парнем. Верт смотрел на хозяина с явным отсутствием интереса.

— У тебя необычное имя,— начал Карев.— По-французски оно означает зеленый, правда? Твои родители...

— Мое имя — Трев. Прочитав наоборот, получим Верт,— прервал его парень, и на его поросшем пушком лице на мгновение появилось воинственное выражение.— Меня назвали Трев, но я счи-

таю, что мать не должна иметь права выбора имени для своего сына. Мужчина должен сам выбрать себе такое имя, какое захочет.

— Верно, но ты вместо того, чтобы взять себе любое другое имя, взял то, которое дала тебе мать, только перевернул его...— Карев замолчал, поняв, что ступает на скользкую почву психологии.— Выпьешь чего-нибудь, Верт? — спросил он.

— Я обойдусь без алкоголя,— ответил Верт.— Не обращайте на меня внимания.

— Спасибо,— искренне ответил Карев.

Он подошел к бару и, делая вид, что наводит порядок, остался за стойкой, глотая шотландское виски из самоохлаждающегося стакана. Ему нужно было на что-нибудь опереться, чтобы устоять перед перспективой вечера, заполненного игрой в цитаты и разговорами с Вертом. До возвращения женщин он успел выпить половину второго стакана неразведенного алкоголя и уверовать, что справится с ситуацией. Более того, он справится с самой Афиной, ибо уже решил, как отомстит ей. Явились еще четверо гостей, и он занялся их обслуживанием у бара. Двое из них — Берт Бертон и Вик Наварро — были остывшими немногим старше его, и только он попытался образовать с ними группу противников игры в цитаты, на середину комнаты вышла Афина.

— Я вижу, что у всех есть при себе проекторы, поэтому приступим к игре,— сказала она тоном распорядителя праздника.— Автора лучшей цитаты ждет сюрприз, однако напомню, что требуются цитаты только легкие, стихийные, а каждый пойманный на цитировании опубликованных текстов, платит фант.— Раздались тихие аплодисменты, и под куполом дома запрыгали разноцветные пятна от регулируемых гостями проекторов. В воздухе замелькали яркие трехмерные буквы и слова. Когда Афина нацелила свой проектор, Карев со стоном сел за стойкой.

— Я начну, чтобы вас расшевелить,— заявила она, включила аппарат, и в нескольких шагах от нее повисли в воздухе ярко-зеленые буквы, сложившиеся в надпись: «КАКОЙ СМЫСЛ ГОВОРИТЬ ПО-ФРАНЦУЗСКИ, ЕСЛИ ВСЕ ТЕБЯ ПОНИМАЮТ?»

Карев подозрительно оглядел гостей, которые почти все весело смеялись, потом еще раз внимательно прочитал слова. Их смысл по-прежнему ускользал от него. Афина не раз объясняла ему, что в игре в цитаты все искусство заключается в том, чтобы вынуть какую-нибудь фразу из контекста обычного разговора или корреспонденции и представить ее как самостоятельное целое, создав тем самым у читателя фантастический противоконтекст. Она называла это словесной голографией, совершенно дезориентируя Карева. Уже больше года, с тех пор, как эта игра стала модной, он, как мог, избегал ее.

— Очень хорошо, Афина, но что вы скажете на это? — раздал-

Глава ТРЕТЬЯ

Оба пистолета для подкожных уколов лежали в черном футляре, в складках традиционно пурпурного бархата. Ствол одного из них был обклеен вокруг красной лентой. Баренбойм постучал по помеченной трубке старательно ухоженным пальцем.

— Это для тебя, Вилли,— решительно сказал он.— Мы поместили заряд в самом обычном пистолете, чтобы после процедуры никто не заметил ничего необычного. После употребления сними ленту.

Карев кивнул головой.

— Понимаю,— сказал он, захлопнул футляр и спрятал в саквояж.

— Тогда пока все. Значит, теперь ты на три дня уезжаешь в горы на свой второй... м-м-м... медовый месяц, а я устроил все так, чтобы после возвращения начальник лаборатории биопоэзы обратился к тебе с просьбой лично проверить некие бюджетные операции на Перевале Рэндела. Можно сказать, все сделано, как надо, верно?

Баренбойм развалился в большом кресле так, что круглый живот торчал вверх под складками туники. За двести лет его лицо приобрело выражение сдержанности, а своей ухоженностью и таинственностью напоминало лицо фарфорового Будды.

— Полностью с вами согласен.

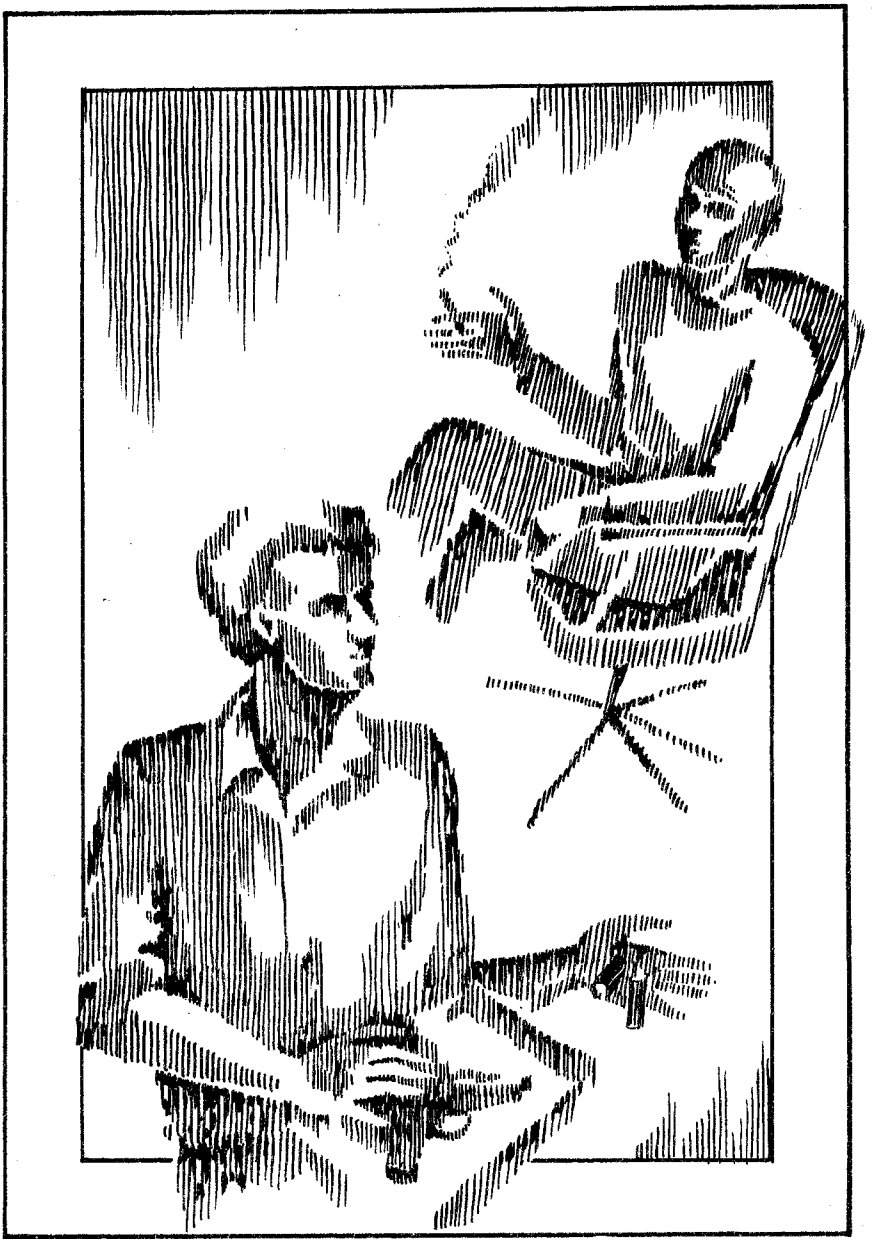
— Надеюсь на это, Вилли, ведь тебе здорово повезло. Как приняла это известие твоя жена?

— Просто не могла поверить,— ответил Карев со смехом, стараясь, чтобы он прозвучал как можно естественнее. После попытки обсудить с Афиной эту проблему прошло уже четыре дня. С тех пор супруги обрастали паутиной быстро твердеющей горечи, не в силах сблизиться или понять друг друга... Он, конечно, чувствовал, что ведет себя, как ребенок. Но ему хотелось наказать Афину за то, что она обнажила его душу, отплатить ей за преступление, заключающееся в том, что она знает его лучше, чем он сам. Из-за неудержимой нелогичности их супружеского соперничества он мог сделать это только одним способом: доказать, что она неправа, даже если она и права. Он решил не говорить Афине о препарате Е. 80, зная, что потом сможет оправдать свое поведение необходимостью соблюдения тайны.

— Вот и хорошо. Теперь я передаю все в твои руки, Вилли. Ты вернешься в свою контору и какое-то время не будешь со мной контактировать. Кто-нибудь из нас, Мэнни или я, свяжемся с тобой после твоего возвращения.

Карев встал.

— Я еще не поблагодарил...



— Это излишне, Вилли, совершенно излишне. Желаем тебе хорошего отпуска,— сказал Баренбойм. Он не перестал улыбаться даже тогда, когда его заслонила закрывшаяся дверь кабинета.

Карев вернулся в свой кабинет и закрыл дверь на ключ. Сев за стол, он вынул из саквояжа черный футляр, положил его перед собой и внимательно осмотрел запоры. Их спроектировали так, чтобы крышка отскакивала под прямым углом к коробке, однако, загнув отверткой металлические заслонки, он сумел изменить их положение таким образом, что крышка открывалась под меньшим углом. Довольный проделанным, он сорвал красную ленту с пистолета, содержащего Е.80, и положил его в переднее углубление футляра.

* * *

Голубые воды озера Оркней мягко поблескивали в лучах послеполуденного солнца. Спускаясь по лестнице с вертовзлета, Карев глубоко вздохнул и обвел взглядом видимые вдалеке снежные склоны, маленькие, как игрушки, сосны, и светлые пастельных оттенков контуры отеля Оркней Регал. Как с гордостью было объявлено через динамики реактивной машины, из-за холодного атмосферного фронта, воздействующего на западные штаты, руководство курорта пошло на расходы, связанные с установлением над озером линзообразного поля Бюро Управления Погодой. Глядя наверх, в пустую голубизну, Карев чувствовал себя так, словно оказался внутри старинного прозрачного украшения с падающими хлопьями внутри.

— Как называются эти старинные стеклянные шары с миниатюрными хлопьями снега? — обратился он с вопросом к Афине, когда вместе с другими пассажирами входил в здание аэропорта.

— Не знаю, есть ли у них специальное название. У Ольги Хикней их в коллекции больше десятка, и она называет их снегуличками, но, кажется, это название цветка.

Афина тоже с интересом разглядывала долину и говорила совершенно спокойно, чего не было с ней со времени той вечерней ссоры. Она раскраснелась и одета была в новый вишневый плащ, похожий, вдруг подумал Карев, на тот, который носила десять лет назад во время их свадебного путешествия. Было ли это знаком для него?

— Мне удалось получить ту же самую комнату,— не задумываясь сказал он, отказавшись от мысли сделать ей сюрприз позднее.

Афина слегка подняла брови.

— Ты вспомнил? — удивилась она.— Ах да, наверное, в отеле подсказали номер комнаты.

— Вовсе нет. Я помнил сам.

— Правда?

— Так же, как помню все, что связано с теми двумя неделями.

Он тронул Афину за плечо и повернул лицом к себе. Мимо торопливо прошли несколько пассажирок.

— Вилл,— шепнула она.— Мне так жаль... Все, что я наговорила...

От ее слов он воспрял духом.

— Не будем возвращаться к этому. Впрочем, все, что ты сказала — справедливо.

— Я не имела права так говорить.

— Нет имела. Ведь мы же настоящие супруги, ты не забыла?

Она приблизилась к нему, приоткрыв губы, а он закрыл их своими, дыша ее дыханием, пока другие пассажиры быстро проходили мимо. Афина первая высвободилась из его объятий, но когда они входили внутрь под обстрелом любопытных взглядов, держала его под руку. Карев заметил, что был здесь единственным исправным. Компания людей, рассыпавшихся по залу для прилетающих пассажиров, состояла из остывших, которые смотрели на них с выработанным равнодушием, и женщин с искусственным весельем в глазах.

— Что со мной происходит? — прошептал он.— Веду себя, как пылкий подросток.

— Ничего страшного, любимый.

— Да, но и устроили же мы представление! Едем в отель.

Во время поездки по старомодной железной дороге к озеру Карев думал, возможно ли, чтобы человек в его возрасте мог чувствовать полное удовлетворение. Именно по этой причине моногамные супружества не исчезли и сохранили смысл даже к концу двадцать второго века. Простая правда, часто повторяемая, но только теперь понятая до конца, заключалась в том, что чем больше человек вкладывает в такую связь, тем больше от нее получает. Карев вдыхал свежий воздух и, ощупывая рукой прямоугольник небольшого плоского футляра в саквояже, пытался смириться с реальностью бессмертия. Сделав только один укол и соблюдая потом некоторую предосторожность, ни Афина ни он не должны были умереть. Он искал в себе каких-нибудь следов эйфории, которая должна сопутствовать этой мысли, но нашел только странное оцепенение. Все было относительно. Если бы он родился двести лет назад в голодающей Индии, то смирился бы с тем, что его ждет двадцать семь лет жизни, и не помнил бы себя от радости, если бы какая-то добрая сила неожиданно отпустила ему семьдесят лет. Родившись в довольном собой бабьем обществе двадцать второго века, он счи-

тал, что продолжающаяся бесконечно жизнь — это нечто такое, что принадлежит ему как социальное благо, только масштабом отличающееся, скажем, от возмещения за несчастный случай на работе. Говорили, что творческий гений человечества парализован, но, быть может, это было связано с ослаблением чувств, с разрежением цветов жизни в жилах вечности.

Он искоса взглянул на Афину, освежая в памяти причины, по которым хотел жить вечно. В возрасте тридцати шести лет она имела отличное здоровье и находилась у пика физического развития, который биостаты должны были превратить в бесконечное плоскогорье. Когда она сидела, восторженно глядя в окна вагона, он впитывал ее всеми чувствами. У него явилось впечатление, что Афина — это название всей вселенной. Когда она улыбнулась какому-то, только ей известному воспоминанию, и случайно наклонила голову, то перед ним открылись жемчужины зубов, ярко блестящие на солнце. Он отметил, записал и вложил в память это открытие, как наблюдатель вселенной записывает появление новой звезды. Ему пришло в голову, что Афина выглядит на свои тридцать шесть лет и в то же время как будто совсем не изменилась с того времени, когда десять лет назад они поженились. Это, конечно, было невозможно. Но какие же конкретные изменения произошли в ней? Стараясь быть объективным, он заметил легкую впалость щек, превращение пушка на верхней губе в волоски, появление слоя жирка на внутренней стороне верхних век, которые со временем должны были стать желтыми. Внезапно он принял решение. До сих пор он планировал, что уколы они сделают вечером последнего дня пребывания у озера Оркней, но такая задержка показалась ему вдруг невыносимой. Он не мог позволить, чтобы Афина постарела еще хотя бы на час.

— Перестань, Вилл,— сказала Афина.

— Что перестать?

— Пожирать меня глазами при людях,— ответила она, слегка покраснев.

— А пусть себе смотрят, мне это не мешает.

— Мне тоже, но это странно действует на меня, так что перестань.

— Ты приказываешь,— сказал он, делая вид, что надулся.

Она взяла его за руку и держала ее до конца пути к берегу озера. На мгновение ему захотелось, рискуя собственным удовольствием и нарушением неповторимого великолепия этой минуты, попытаться еще раз убедить ее в существовании Е.80 и его значении. Однако желание это быстро прошло. Ожидался великолепнейший отпуск в их жизни, кроме того, ему неудержимо хотелось обладать Афиной, убежденной — правда, ненадолго — что он верит во вне-

физическую основу их любви. Он предвидел, что игра эта продлится до тех пор, пока не придется возвращаться домой.

Когда он вышел из вагончика и подал руку выходящей Афине, легкие его вдохнули воздух, прилетевший с озера. Небольшое расстояние, отделявшее их от отеля, они решили пройти пешком, отослав багаж с машиной, обслуживающей гостей. Во время этой прогулки Афина разговаривала свободно и радостно, но его разум в преддверии переломного момента их жизни был полностью поглощен каким-то мрачным предчувствием. «А если у Е.80 нет тех свойств, которые приписывает ему Баренбойм? А если я действительно закреплюсь?» — мысленно спрашивал он себя. Формальности по прописке он совершил, не соображая, что делает. Затем два раза ошибся, идя в направлении, указанном стрелками, которые, реагируя на ключ в его руке, зажигались по дороге к номеру. Спустя десять минут в почти не изменившейся с тех пор спальне с видом на воды озера, сверкающие, как будто их осыпали бриллиантами, он вынул из саквояжа футляр с пистолетами для уколов и открыл его. Афина как раз вешала одежду в шкаф. Услышав слабый щелчок, она повернулась. На ее лице мелькнуло предвестие миллиона завтра.

— Ты не должен этого делать,— сказала она, испепеляя взглядом футляр с двумя идентичными пистолетами с ненарушенными печатями.

— Уже пора, Афина. Самое время.

— Ты уверен, Вилл? — колеблясь, спросила она.— У нас нет детей.

— Они нам не нужны,— ответил он, протягивая ей футляр.— Впрочем, на прошлой неделе я принял таблетку, и может пройти много месяцев, прежде чем я снова смогу стать отцом, а я не хочу ждать месяцами. Я хочу сделать это сейчас. Немедленно.

Афина печально кивнула головой и начала раздеваться. Карев отложил футляр и тоже снял одежду. Он поцеловал Афину всего один раз, почти холодно, и вновь протянул ей футляр. Не подозревая, что ее рука направлена его обманом, она взяла лежащий с краю пистолет и сломала печать. Карев вытянул руку, подставляя локоть. Афина прижала пистолет к светящимся под кожей голубым треугольникам, раздалось громкое шипение, и маленькая капелька пронзила ткани его тела, вызвав на мгновение ощущение холода. Карев взял другой пистолет и выстрелил его содержимым в локоть Афины.

«Она в безопасности,— подумал он, когда позднее они лежали в объятиях на приятно прохладной софе.— Вот только как я скажу, что обманул ее?»

Глава ЧЕТВЕРТАЯ

Ему снилось, что у него стеклянное тело. Из одной цепи опасных событий он попадал в другую — то нес службу в антинатуристических бригадах в Африке и Южной Азии, то сносил тяготы четвертой экспедиции на Венеру или участвовал в поисках марганцевых руд на дне Тихого океана. Его хрупким членам и торсу угрожала гибель от пуль, бомб, падения, слепой силы огромных коленчатых валов, которые в любую минуту могли стереть его в порошок...

Тогда он просыпался с чувством холода и одиночества, не находя ободрения от близости жены. Он убеждался, что это всего лишь сны, но от этого они не становились менее ужасными. Когда-то еще в школе учитель сказал ему, что прежде чем изобрели биостаты, популяция людей в сравнении с популяцией стеклянных статуэток имела совершенно иной график средней продолжительности жизни. В случае статуэток каждый год разбивалась небольшая их часть, так что в конце концов не оставалось ни одной. Что же касается людей, то большинство из них доживало до шестидесяти, после чего происходило резкое сокращение популяции. Наступление эры биостатических лекарств означало, что они могут рассчитывать на продолжение жизни до бесконечности, но не на беззаботное бессмертие. Существо, имеющее возможность бесконечно продолжать свою жизнь, было «бессмертным», но стоило ударить его о горный склон со скоростью в три раза большей скорости звука, чтобы оно это бессмертие потеряло. Мы добились только того, делал вывод учитель, что подключились к обществу стеклянных статуэток.

Масштабы личной ответственности самого человека за сохранение жизни поразили Карева. Смерть в сорок лет в автомобильной или авиакатастрофе была бы событием фатальным, если бы означала потерю всего тридцати лет жизни. Когда же впереди ждали тысячелетия, смерть просто невозможно было допустить. Стоя у окна и глядя на мрачное озеро, Карев лучше понимал то, что современный философ Осман назвал «бабьим обществом», имея в виду земное общество, в котором мужские черты исчезали бесповоротно. Были ликвидированы войны, если не считать небольших акций, проводимых антинатуристическими бригадами, но по истечении более чем двухсот лет с первой посадки на Луне, планеты Марс и Венера оставались практически не изученными. Немногим исправным, готовым отправиться в путешествие к ним, не хватало помощи стоящих у власти остывших, и Карев, хоть по-прежнему и связанный с биологическим кругом мужественности, понял, почему это происходит. «На нас давит будущее,— подумал он,— вот и все объяснение».

Однако сильнее всего решения требовали проблемы ближайше-

го будущего. Рассвет уже стирал с неба самые слабые звезды, и это означало, что через пару часв они отправятся домой, а ему не удалось еще сказать Афине правду об уколе Е.80. Три дня, проведенные над озером Оркней, оказались самыми лучшими в их десятилетней супружеской жизни. Он и Афина были как два подобранных и установленных друг против друга зеркала, и потому, сложив мнимое доказательство веры в нее, Карев создал образ самого себя, который отражался по очереди то в одном, то в другом из них. («Любовь,— сказал Осман,— это ни что иное, как одобрение хорошего вкуса партнера»). Однако теперь перед ним была перспектива поворота зеркала Афины боком и направления бесценного жара в холодную пустоту, где — согласно законам термодинамики чувств — он пропадал без следа.

Его сомнения имели также чисто физические параметры. Убежденность Афины в том, что он уничтожил соединяющую их эротическую связь, казалось, сильнее возбуждала ее. Как бы желая сжечь без остатка пылающее в нем желание, она втянула его в длившуюся почти без перерыва три дня сексуальную оргию, не давая даже заснуть, если он не соединился с нею, когда они лежали, прижавшись друг к другу — ее ягодицы на его бедрах — как две ложки. Но свою мужскую силу он мог демонстрировать только три дня. Известны были случаи, когда в течение именно такого периода после приема биостатов организм продолжал производить андрогены, однако в ближайшие часы он должен был либо сделать вид, что потерял желание, либо рассказать Афине обо всем.

Хуже всего было то, что он все еще колебался. Иногда это казалось ему очень простым — Афина наверняка обрадовалась бы, узнав, что они стали первой в мире супружеской парой, которой дано одновременно и жить без конца, и без конца любить друг друга. Однако через некоторое время он соглашался с реалиями ограниченного мира, каким было его супружество. В этом запутанном континууме невозможно было взять что-либо, не расплатившись, это было нарушением равновесия. Он сознательно убедил Афину, что верит в принципиально неэротический элемент их любви, обманул ее и бессовестно использовал, посягнув на предоставленные ему запасы чувств. Сейчас пришло время признания, и его охватил страх.

Стоя в свете раннего утра, уставший и подавленный, он решил спасаться единственным доступным ему способом. После возвращения на работу его ждал полет на Перевал Рэндела для медицинского осмотра, чтобы изучить эффективность Е.80. В нем теплилась надежда, что средство подвело. Он чувствовал себя вполне нормально, но — странно, что эта мысль была ему почти приятна — может, он действительно закрепился, может, действительно остыл. С этой точки зрения логика подсказывала хранить молча-

ние до тех пор, пока физиологи Фармы не дадут окончательное заключение.

Слегка дрожа от холода, а может, от облегчения, Карев снова лег в постель.

Утром, хотя это и было необязательно, он настроил лезвия своей магнитной бритвы и сбрил пятимиллиметровую щетину. Когда он садился в летящий на юг вертовзлет, ему казалось, что его подбородок и верхняя губа так и блестят своей наготой. Управляющая бортовыми системами, или, как когда-то говорили, пилот, носила сшитый по мерке мундир, золотой оттенок которого великолепно гармонировал с ее загаром. Остановившись, чтобы приложить кредиск к теледетектору в переднем люке, Карев, несмело улыбнулся ей. Она ответила ему безликой улыбкой и тут же перевела взгляд на стоящих за ним пассажиров.

Расстроенный, он сел и сидел, касаясь пальцами лица и глядя в окно, пока после короткого разбега они не оторвались от земли. Машина поднималась вертикально на высоту более тысячи метров, пока не покинула невидимые глазу стены звукопоглощающей системы, и помчалась на юг параллельно белым вершинам Скалистых гор. Возвращая ему очень нужную сейчас веру в себя, далеко внизу мелькали узлы дорог и линии подземного транспорта равномерно размещенных административных округов западных штатов.

Население мира не уменьшилось с конца двадцатого века, но и не увеличилось, ибо бессмертные мужчины были неплодны. Кроме того, человечество имело два столетия, чтобы освоиться с новой ситуацией и найти оптимальные решения существующих проблем. Жизнь в обществе стеклянных статуэток стала скучной и однообразной, но все люди перед давящей на каждого личной ответственностью за собственное бессмертие в первую очередь заботились о безопасности. Никто в здравом уме сознательно не соглашался рисковать. Хотя Карев летел на Перевал Рэндела на машине, снабженной тремя независимыми системами, удерживающими ее в воздухе, все равно он цепенел от ужаса.

Что бы я сделал, задумался он, произойди какая-нибудь, хотя бы малая авария, и попадись мне на глаза труп?

Лаборатория на Перевале Рэндела располагалась в восьмидесяти километрах к югу от Пуэбло, скрытая от посторонних глаз у стыка двух горных долин. Туда вела дорога, подходящая, правда, для обычных машин, но негодная для болидов из-за их высоко расположенных центров тяжести. Восемьдесят человек персонала жили в Пуэбло и его пригородах, прибывая на работу коптером Фармы.

На аэродром в Пуэбло Карев попал перед полуднем и в большом салоне коптера застал всего трех человек, одних остывших. Согласно распоряжению Баренбойма, он поговорил с ними во время короткого полета. Расспрашивая о положении лаборатории би-

опоэзы и здания управления, он сообщил им, что является бухгалтером и летит на Перевал Рэндела для контроля финансовых дел. Его собеседники выглядели тридцатилетними, а их поведение говорило, что в действительности они лишь немного старше. Им не хватало позы недоступности, характерной для Баренбойма. Кареву пришло в голову, что когда станет известно о Е.80, старые бессмертные и, особенно, закрепившиеся недавно, почувствуют себя обделенными. С другой стороны, как никогда до сих пор могли найти подтверждение некоторые аспекты философии остывших. Даже в период перед самым появлением биостатов некоторые мужчины имели достаточно времени, чтобы пресытиться половыми наслаждениями — каким же путем пошли бы эти люди в течение двухсот лет неизменной потенции? Неуверенная мысль, что, может быть, бесполовое бессмертие имеет свои положительные стороны, снова пришла Кареву в голову, когда коптер миновал вершину поросшего соснами холма и снизился, направляясь к серебристым куполам лабораторий Фармы.

Карев заторопился к главному входу, чувствуя, что в Колорадо заметно теплее, чем в их северном районе, и вошел в одну из кабин, стоящих шеренгой поперек холла. Последовала небольшая заминка, во время которой удаленный на тысячу километров компьютер фирмы проверил его идентичность, выразил согласие на его присутствие и с помощью микроволнового сигнала открыл внутреннюю дверь кабины, впуская его в главный коридор.

— Мистер Баренбойм просит, чтобы вы зашли в его кабинет на уровне Д, как только посетите мистера Аберкромби, начальника бухгалтерии,— информировала его машина.

— Понял,— ответил он с некоторым удивлением. Он знал, что Баренбойм очень редко посещает Перевал Рэндела, но ведь никогда прежде ни Фарма, ни какая-либо другая фармацевтическая фирма не вела такой важной работы, как создание и испытание Е.80. Карев нашел кабинет начальника бухгалтерии и провел там около часа, обсуждая профессиональные вопросы и устанавливая, в чем конкретно заключаются трудности, которые он должен устранить. Вскоре стало ясно, что дело касается не столько способа ведения расчетов, сколько отношений между отделом и Баренбоймом. Аберкромби, тучный остывший со слезящимися глазами и пристальным взглядом, производил впечатление хорошо разбирающегося в ситуации и относился к Кареву осторожно, как будто подозревая, что имеет дело с правой рукой Баренбойма по грязной работе. Реация эта развеселила Карева, и он воспринял ее как обещание того, что его ждет, когда он займет руководящую должность и получит власть. Но в то же время она слегка смутила его. Он постарался поскорей уйти от Аберкромби и отправился на уровень Д.

Кабинет Баренбойма здесь был меньше и не такой роскошный,

как в дирекции Фармы. Круглый черный глаз во внутренней двери заморгал, узнавая Карева, и гладкая деревянная плита сдвинулась в сторону. Он вошел внутрь и сразу почувствовал знакомый аромат кофе, который всегда окружал Баренбойма во время работы.

— Привет, привет, Вилли! — Баренбойм, которого он застал сидящим за красно-голубым столом, прошел через комнату и пожал Кареву руку. Глаза его сверкали в глубоких глазницах.— Как хорошо, что ты пришел.

— Я тоже рад, что вижу вас.

— Вот и отлично,— сказал Баренбойм, возвращаясь на свое место и указывая Кареву на свободный стул.

— Э-э... да,— признал Карев, подумав про себя, что все не так уж отлично, ибо ему дали всего несколько свободных дней. Только сейчас ему пришло в голову, что Баренбойм изо всех сил старается вести себя, как исправный, или по крайней мере не как типичный остывший. Это напомнило ему, что связующая их нить целиком искусственна, случайна и основана на практических целях.

— Ну, и как там было? Отпуск удался?

— Да, было очень приятно, озеро Оркней в это время года прекрасно.

Лицо Баренбойма выразило нетерпение.

— Я не спрашиваю о пейзажах. Как твое вожделение? Еще есть?

— А как же! — со смехом ответил Карев.— Даже слишком.

— Прекрасно. Я вижу, ты побрился.

— Я думал, так будет лучше.

— Конечно, но тебе скорее следует пользоваться депилятором. У твоего подбородка явно синеватый оттенок, и ты совершенно не похож на остывшего.

Карев почувствовал удовлетворение, но постарался скрыть его. «Та бабенка в самолете была, наверное, слеповата»,— подумал он.

— Сегодня же обзаведусь депилятором,— заверил он.

— О нет, мой дорогой. Нельзя оставлять ни малейшего следа, который указал бы, что ты принял не обычный биостат. На что это будет похоже, если остывший купит депилятор?

— Простите.

— Ничего, Вилли, но именно на такие мелочи нужно обращать внимание. Я дам тебе кое-что, прежде чем ты уйдешь,— Баренбойм посмотрел на свои пухлые ладони.— А теперь разденься.

— Простите?

Баренбойм кончиком пальца осторожно пригладил обе брови.

— Нам нужны пробы тканей с разных мест тела,— объяснил он,— чтобы проверить, как протекает процесс репродукции клеток, ну и, конечно, нужно будет исследовать количество сперматозоидов в сперме.

— Я понимаю, но думал, что это сделает кто-то из ваших биохимиков.

— Сделав результаты доступными всему персоналу лаборатории? О нет, спасибо. Правда, Мэнни лучший биохимик-практик, чем я, но дела задержали его на севере, поэтому я займусь тобой сам. Ни о чем не беспокойся, Вилли, дверь закрыта на ключ, а у меня есть опыт.

— Разумеется. Я сказал, не подумав.

Карев встал и с неприятным чувством, что дела обретают совершенно неожиданный оборот, снял одежду.

Только после получасового ожидания в аэропорту ему пришло в голову, что Афина, может быть, вовсе за ним не приедет. В это не слишком позднее послеобеденное время зал ожидания для пассажиров был почти пуст. Карев вошел в видеофонную будку, сообщил номер дома и нетерпеливо уставился на экран, ожидая появления Афины. Впервые за десять лет их совместной жизни она не приехала встречать его, когда он возвращался из путешествия. Впервые он возвращался остывшим, как она считала. Мысленно он убеждал себя, что не встречает она его не по этой причине. Цвета на экране сложились в двумерное изображение лица его жены.

— Здравствуй, Афина,— сказал он, ожидая ее реакции при виде его.

— А, это ты, Вилл,— апатично ответила она.

— Я жду в аэропорту уже больше получаса. Я думал, ты приедешь за мной.

— Я забыла.

— Да-а? — удивился он. Может, причиной была двумерность изображения, но на мгновенье лицо Афины показалось ему чужим и враждебным.— Ну, так я тебе напоминаю. Приедешь ты или нет?

— Как хочешь,— ответила она, пожимая плечами.

— Если для тебя слишком сложно, я возьму в аэропорту болид,— холодно сказал он.

— Хорошо. До встречи.

Изображение расплылось, напоминая рой цветных светлячков, которые помчались в глубь серых бесконечностей.

Карев пощупал гладкую кожу на подбородке, и в нем поднялась, пронзая его навылет, мощная волна чувств. Только через некоторое время он понял, что это... печаль. Афина была, пожалуй, единственная из всех, кого он знал, кто вел себя со всеми абсолютно откровенно. При этом безо всяких угрызений совести выворачивая наизнанку смысл сказанных несколько минут назад слов, если это отвечало перемене состояния ее духа. Она могла купить дорогую вазу и в тот же вечер разбить ее вдребезги, могла уговорить его поехать на отдых в выбранный ею курорт, и, приехав туда, тут же рвануть назад. Неужели она годами паразитировала на

его чувствах, клянясь, что ее любовь к нему ничуть не ослабнет после остывания, а потом, спустя неполную неделю после этого факта, могла отнестись к нему с нескрываемым презрением?

Он понял, что ответ на это вопрос однозначен: да.

Если Афина считает, что Карев минус секс равняется нулю, то он не ждал с ее стороны никакой игры. Она тут же с жестокой легкостью сказала бы ему это в глаза и принялась бы строить свою жизнь заново. Размышляя об остывании, он предвидел, что их супружество выдержит максимум год, однако допускал возможность, что оно продлится месяц или даже неделю. «Я должен ей все рассказать,— мысленно внушал он себе.— Я должен немедленно ехать домой и рассказать всю правду о Е.80».

Толкнув плечом дверь, он вышел из будки и побежал нанимать болид. По дороге домой, мчась под многотонным давлением сжатого воздуха, он мысленно повторял, что скажет ей. Пробы, взятые Баренбоймом, показали хорошие результаты, значит, он, Карев, является и бессмертным, и мужчиной. Значит, их супружество начнется заново и может выдержать неопределенно долгое время. Он собирался сказать ей правду, продемонстрировать ее всей силой своих бедер. «У нас будут дети,— мелькнуло у него в голове, и мысль об этом умерила дрожь его пальцев.— Как только кончится действие последней противозачаточной таблетки, которую я принял, мы подумаем о ребенке...»

Когда Карев ставил нанятый болид в сквер, окружающий дом, окна дома-купола заполняла матовая чернота. Он вошел через главный вход и увидел, что внутри царит почти полная темнота, нарушаемая только блеском созвездий, высвеченных проектором на потолок. Все перегородки были убраны, и в первый момент он подумал, что Афина куда-то вышла, но тут же заметил, что она лежит на софе, глядя на переливающиеся огоньки звезд. Подойдя к пульту климатизации, он убрал затемнение с окон, впуская в комнату солнечный свет.

— Я уже здесь,— заявил он, хотя это было излишне.— Приехал как можно быстрее.

Афина не шевельнулась.

— Ты меня удивляешь, Вилл. Факт, что ты сделал из себя евнуха, нисколько не затормозил тебя. И это прекрасно,— сказала она с такой холодной яростью, что он даже испугался.

— Я должен с тобой поговорить, Афина. У меня для тебя новость.

— А у меня для тебя, дорогуша. Держи! — воскликнула она, бросая ему маленький, блестящий предмет, который он поймал в воздухе. Это был серебряный кружочек; на одной из его сторон виднелось красное пятнышко.

— Ничего не понимаю,— медленно сказал он.— Это похоже на индикатор беременности.

— Это именно он и есть. Я вижу, что нейтрализация не повредила твоим глазам.

— Но я по-прежнему не понимаю... Чей он?

— Как это чей? Конечно, мой.— Афина села и повернулась к нему лицом. Ее левое веко явно опустилось.— Я лизнула его сегодня утром, и он вот так мило покраснел.

— Но это же невозможно. Ты не можешь быть беременна, ибо последний раз я принимал таблетку месяц назад и...— Карев замолчал, на лбу его выступил холодный пот.

— Наконец-то ты понял,— левый глаз Афины почти полностью закрылся, а ее лицо, застывшее, как у жрицы, выражало немую ярость.— Ты нисколько не ошибся относительно меня, Вилл. Оказывается, я не могу жить без регулярных сношений. Не прошло и двух дней после твоего отъезда, а я уже имела в твоей постели другого. Или лучше сказать, он имел меня в твоей постели?

— Я не верю тебе,— обессиленно сказал он.— Ты лжешь, Афина.

— Ты так думаешь? Тогда смотри,— она взяла с туалетного столика еще один кружок и с миной мага, делающего фокус, положила его себе на язык. В глазах ее появилось холодное веселье, когда она вынула кружок изо рта и показала его мужу. На той стороне, которая касалась языка, появилось в центре темно-красное пятнышко.— Что ты скажешь на это?

— Что скажу? Послушай,— все окружающее потеряло очертания, кануло в пространство, а сам он слушал, как его помертвевшие губы выплевывают на Афину все, что его сейчас переполняет. Он повторял все известные ему ругательства так долго, что они потеряли остроту от множества повторений.

Афина насмешливо улыбалась.

— Отличное представление, Вилл,— сказала она,— но словесное насилие не заменит настоящего.

Карев посмотрел на свои руки. Каждый палец в отдельности, независимо от остальных, совершал круговые движения.

— Кто это был? — спросил он.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я хочу знать, кто будет отцом.

— Хочешь заставить повернуть вспять то, что он сделал?

— Скажи мне это сейчас же,— Карев со звуком проглотил слюну.— Советую тебе сказать мне.

— Ты мне надоел, Вилл,— ответила Афина и закрыла глаза.— Прошу тебя, уйди.

Блаженно улыбающаяся Афина продолжала лежать на софе. Он вышел, вернулся к своему болиду и уехал.

Глава ПЯТАЯ

— Моя жена беременна,— объявил Карев, старательно выговаривая слова, и выпил кофе, ожидая реакции, которая последует.

За красно-голубым столом Баренбойм и Плит образовывали как бы маленькую живую картину, в точности такую же, как в день, когда Карев впервые посетил кабинет председателя. Руки у Баренбойма были сложены, как для молитвы, взгляд его глубоко посаженных глаз скользил поверх них. Плит с довольным лицом подскакивал на своем невидимом викторианском стуле. Его покрасневшие глаза блестели, а губы образовали остро выгнутую вверх дугу.

— Ты уверен в этом, Вилл? — спросил Баренбойм голосом, в котором не было никаких эмоций.

— Полностью. Она проверила это два раза.

— Когда это произошло?

— На прошлой неделе,— ответил Карев, любой ценой желая скрыть то, что чувствовал под двухсотлетним взглядом Баренбойма. А утаивал он тот факт, что его личное супружеское участие в этом зачатьи перечеркивает результаты эксперимента за миллиард долларов.

— Итак, нет уже ни малейших сомнений. Это последнее доказательство, что Е.80 оправдал свое назначение. Что скажешь, Мэнни?

Плит коснулся пальцами висящей у него на груди золотой безделушки в форме сигары, и его губы выгнулись в еще более крутую дугу.

— Полностью с тобой согласен,— сказал он.— Именно этого мы и ждали.

Оба удовлетворенно переглянулись, понимая друг друга без слов, как могли только остывшие, прожившие уже много десятков лет.

— А что дальше? — вставил Карев.— Вы сообщите это общественности?

— Нет! — воскликнул Баренбойм, наклоняясь над столом.— Еще не время. Соблюдение тайны в эту минуту важнее, чем когда бы то ни было, до тех пор, пока химический состав субстанции Е.80 не будет защищен патентом.

— Понимаю.

— Кроме того — надеюсь, Вилли, ты не обидишься на меня за эти слова — хорошо было бы подождать конца беременности, чтобы убедиться, будет ли она доношена и родится ли ребенок нормальным.

— Нет, я не обижусь.

— Отличный ты парень! — Баренбойм откинулся на стуле.—

Мэнни! Ну и дурни же мы! Сидим тут и говорим только о делах, и совсем забыли поздравить нашего молодого коллегу.

Плит расцвел так, что его красное, как будто начищенное щеткой лицо, засветилось еще более сильным румянцем, но ничего не сказал.

Карев глубоко вздохнул.

— Не нужно меня поздравлять,— сказал он.— Честно говоря, мы с Афиной расстались. На какое-то время, конечно, на пробу.

— Да? — Баренбойм нахмурил брови, изображая беспокойство.— Немного странное время для разлуки.

— Это длится у нас уже около года,— врал Карев, вспоминая, как выскочил из дома-купола всего через несколько секунд после оскорбления Афины.— А поскольку мы ждем ребенка, для нас это может быть лучшим, последним шансом, чтобы окончательно определить, что, собственно, нас объединяет. Надеюсь, это не перечеркнет ваших планов.

— Конечно, нет, Вилли. Но как ты собираешься жить?

— Именно об этом я и хотел с вами поговорить. Я знаю, что моя особа важна для изучения Е.80 — мистер Плит назвал меня подопытным кроликом за миллиард долларов — но я хочу на какое-то время уехать за границу.

Баренбойм остался невозмутим.

— Это можно устроить без труда,— сказал он.— У нас есть филиалы во многих городах мира. Впрочем, тебе об этом знать ни к чему. Куда ты хотел бы отправиться?

— Мне бы не в городе,— ответил Карев, беспокойно вертясь на стуле.— Фарма по-прежнему заключает контракты с бригадами антинатуристов?

Баренбойм сначала взглянул на Плита и только потом ответил.

— Да. У нас меньше контрактов, чем прежде, но мы все же поставляем и применяем биостаты во многих оперативных районах.

— Именно этим я и хотел бы заняться,— сказал Карев, торопившийся высказать свое, прежде чем его прервут.— Я знаю, что в такой ситуации не имею права рисковать, но мне хочется на некоторое время бросить все. Я хотел бы пойти добровольцем в бригаду антинатуристов.

Он замолчал, ожидая отказа Баренбойма, но, к его удивлению, председатель кивнул головой, а на лице его появилась улыбка.

— Значит, хочешь остудить парочку натуристов? — сказал он.— Знаешь, иногда они выбирают смерть сдаче... Это тебя не пугает?

— Пожалуй, нет.

— Как ты сам сказал, Вилли, с точки зрения нашей фирмы в игре появляется некоторый риск,— говоря это, Баренбойм снова

взглянул на Плита.— Однако, с другой стороны, благодаря этому ты на несколько месяцев исчезнешь из поля зрения, что было бы совсем неплохо. С момента подачи патента вопрос обеспечения безопасности станет еще более трудным. Как ты считаешь, Мэнни?

Плит улыбался своим мыслям.

— В этом есть резон, но я не уверен, понимает ли наш молодой коллега, во что хочет влезть. Навязывание кому-то бессмертия против его воли является самым худшим видом насилия над человеком.

— Вздор! — резко запротестовал Баренбойм.— Я убежден, что Вилли продержится в бригаде антинатуристов несколько месяцев. Ты возьмешь это с ходу, правда, сынок?

В первый момент Карев не знал, что ответить, но потом вспомнил Афину и понял, что должен немедленно отправиться в далекое путешествие, на случай, если захочет простить ее, охваченный слабостью или безумием.

— Я справлюсь,— обреченно ответил он.

Часом позже он спускался на скоростном лифте вниз. В саквояже лежал официальный перевод в группу Фармы в бригаде антинатуристов. Поскольку несколько минут назад кончился рабочий день, внизу было еще полно людей. Он с интересом смотрел на проходящих мимо техников и служащих, думая, почему то, что он отправляется в Африку, так меняет отношение к нему. «Я, наверное, сплю,— подумал он.— Слишком легко все это получилось...»

— Привет, Вилли,— раздался за его спиной чей-то голос.— Я не ослышался? Говорят, что вырываешься в мир из-под опекунских крыльев Фармы. Не могу в это поверить. Скажи, что это не так.

Повернувшись, Карев заметил заросшее лицо Рона Ритчи, высокого блондина, исполнительного двадцатидвухлетнего парня, работавшего в отделе биопоэзы на должности младшего координатора продажи.

— Нет, это правда,— ответил он.— Я не мог больше выдержать на одном месте.

Ритчи сморщил нос и улыбнулся.

— Я горжусь тобой, парень. Другие в твоем возрасте, как только закрепятся, начинают изучать философию, а ты, прыгая от радости, едешь в Бразилию.

— В Африку.

— Во всяком случае, куда-то далеко. Пойдем отметим это, выпьем, покурим.

— Но...— Карев умолк, поскольку только сейчас до него дошло, что жены и дома, где он мог бы провести вечер, у него нет.— Последнее время я много пил и теперь хочу ограничиться.

— Да брось ты! — Ритчи обнял Карева за плечи.— А ты поду-

мал, что, может, ты уже никогда меня не увидишь? Для одного из нас это стоит нескольких глотков.

— Пожалуй, да.

Карев всегда считал, что его ничто не связывает с Ритчи, но выбирать приходилось либо его общество, либо вечер, проведенный в одиночку. Еще недавно он ждал, что Баренбойм пригласит его на ужин или потратит несколько часов, чтобы обговорить уход из конторы, однако формальности уладили с фантастической быстротой, после чего Баренбойм и Плит покинули его, отправляясь на какую-то встречу. Хотя выезд в Африку был исключительно его идеей, он непонятно почему чувствовал себя так, будто от него избавляются.

— Вообще-то я охотно бы выпил,— сказал он.

— Это я понимаю,— Ритчи потер руки, открыв в улыбке ряд мелких зубов.— Куда отправимся?

— К Бемонту,— ответил Карев, мысленно видя перед собой стены цвета табака, глубокие кресла и десятилетнее виски.

— В рай такие идеи. Пойдем, я отвезу тебя в местечко получше,— Ритчи ухватился за конец сачка, открыл им дверь и торопливо зашагал, как будто его тянула вперед какая-то невидимая сила. На своих худых мускулистых ногах он в несколько больших шагов пересек холл, сопровождаемый хихиканьем девушек, которые только что выскочили из бокового коридора. Среди них была Марианна.

— Марианна, у меня еще не было случая сказать тебе,— заговорил с ней Карев.— Я здесь сегодня последний день...

— Я тоже,— оборвала она его, глядя вслед удаляющемуся Ритчи.— Прощай, Вилли.

Она равнодушно отвернулась, а Карев машинально коснулся рукой лишенного щетины лица. Разозленный, он некоторое время провожал ее взглядом, а потом быстро двинулся к двери, чтобы догнать Ритчи. Его молодой коллега жил недалеко, а потому ездил на дорожном автомобиле с низкой подвеской, который казался странным в сравнении с комфортабельным, основательным болидом. Карев опустился на пассажирское кресло возле Ритчи и мрачно отвернулся к боковому окну. Он был потрясен реакцией Марианны, которая вдруг перестала видеть в нем человека. В душе он задавал себе вопрос, задело бы это его так сильно, если бы он действительно остыл? Афина была его женой, но он в некотором смысле ждал именно такой перемены, зато Марианна была для него просто женщиной, которая регулярно давала ему понять, что пойдет за ним, если он позовет, и по каким-то необъяснимым причинам он был уверен, что его мнимое закрепление не повлияет на их дружбу.

— Вот мы и прибыли,— сказал Ритчи, въезжая на стоянку.

— Прибыли? А куда?

— В Святыню Астарты.

— Езжай дальше,— буркнул Карев.— Даже когда я был исправен, меня никогда не тянуло в бордели, а...

— Не волнуйся, Вилл,— прервал его Ритчи, выключая двигатель.— Никто не заставляет тебя подниматься наверх, и, надеюсь, ты не против, чтобы я немного заработал.

Кареву снова показалось, что им манипулируют, что его водят за нос, но он вышел из машины и пошел ко входу в Святыню. К ним подошла стройная девушка, окутанная блеском, испускаемым голубовато-фиолетовым световым ожерельем, и протянула кассету для денег. Бросив взгляд на гладко выбритый подбородок Карева, она тут же перестала интересоваться им и повернулась к Ритчи, который вынул из сумки стодолларовый банкнот и бросил его в кассету.

— Астарта приглашает вас в свое жилище,— прошептала девушка и провела их в большой бар, занимавший весь первый этаж здания.

— Не понимаю,— сказал Карев.— Мне казалось, что деятельность этих заведений заключается в том, что девушки платят вам, а не наоборот.

Ритчи тяжело вздохнул.

— Неужели все бухгалтера такие непрактичные? Конечно, они нам платят, но и заведение должно иметь с этого какой-то доход. Эти сто долларов за вход обеспечивают ему избранность и покрывают расходы на содержание, а мужики, вроде меня, все равно зарабатывают, получая плату с девушек.

— О! И сколько же ты можешь получить?

Ритчи пожал плечами, проталкиваясь сквозь толпу к бару.

— Двадцать новых долларов за успокоение.

— Теперь я понимаю, почему это заведение приносит доход,— насмешливо сказал Карев.

— Что это за намеки, ты, замороженное яйцо? — резко спросил Ритчи.— Думаешь, что я не верну этой сотни? Подожди, и увидишь сам. Что ты пьешь?

— Виски.

Наконец Ритчи добрался до зеркальной стойки и приложил к глазу автобармена свой кредиск.

— Одно шотландское и одно заправленное,— сказал он.

Тут же в отверстии показались два запотевших стакана. Край одного из них светился нежным розовым светом, показывая, что он содержит что-то еще, кроме алкоголя. Карев взял ничем не выделяющийся стакан и, хлебнув слегка успокаивающий напиток, критически осмотрелся. Большинство присутствующих были исправными разного возраста. Хостессы, одетые в световые оже-

релья, кружили между столиками и кабинами, как колонны застывшего огня. В зале находилось и несколько остывших, одетых, как он с облегчением заметил, совершенно обычно и болтающих с приятелями с самым беззаботным видом.

— Будь спокоен, Вилли,— сказал Ритчи, как будто читая мысли Карева.— Это нормальное заведение, и никто не будет на тебя наговаривать.

Опасения, охватившие Карева при мысли о перспективе проведения всего вечера в обществе Ритчи, вдруг усилились.

— Я не особый поклонник запретов,— равнодушно сказал он,— но разве ты не знаешь, что остывшие мужчины не любят, когда их причисляют к потенциальным гомосексуалистам?

— Прошу прощения, профессор? А что я такого сказал?

— Почему кто-то должен на меня наговаривать?

— Я уже сказал, что прошу прощения,— Ритчи одним глотком выпил содержимое стакана и улыбнулся.— Не горячись так, парень. Я считаю, что все запреты нужно нарушать. Это единственный интеллигентный образ жизни.

— Все запреты?

— Точно.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно,— Ритчи отставил стакан.— Выпьем еще по одной,— предложил он.

— На, возьми это, я едва пригубил.

Сказав это, Карев оттянул в поясе брюки Ритчи и вылил туда содержимое своего стакана, после чего отпустил эластичный материал, который с хлопком вернулся на место.

— Что ты?..— опешил Ритчи, у которого слова застряли в горле.— Что ты делаешь?

— Нарушаю запрет, касающийся вливания алкоголя кому-нибудь в штаны. Я тоже хочу жить интеллигентно.

— Ты что, спятил? — Ритчи посмотрел на мокрое пятно, разливающееся вниз по его худым ногам. Потом с растущим гневом, сжимая кулаки, поднял взгляд на Карева.— Я тебя за это в отбивную превращу.

— Попробуй,— серьезно ответил Карев.— Но помни, что тогда ты потеряешь сто долларов, которые заплатил за вход сюда.

— Значит, ребята не ошибались относительно тебя.

— В каком смысле?

— В таком. Что ты такой же подозрительный, как часы за два доллара,— Ритчи резко придвинул свое лицо к лицу Карева.— Мы все знаем, почему Баренбойм так тащит тебя вверх. Куда это вы пропали, когда уехали якобы в Пуэбло?

Карев, который за всю сознательную жизнь никого не бил, ударил Ритчи кулаком по шее. Правда, нанес он удар непрофессио-

нально, тем не менее высокий Ритчи повалился на колени, хрипя и с трудом хватая воздух. Откуда ни возьмись, из полумрака выскочила группа крепких бабенок в кожаных шлемах на головах. Они схватили Карева под руки и вывели из бара. В холле его некоторое время подержали неподвижно перед теледетектором, чтобы компьютер запомнил его лицо и внес в список нежелательных посетителей, потом свели по лестнице вниз и отпустили. Входящие в Святыню мужчины высказывали шутливые предположения, по какой это причине выбрасывают из борделя остывшего, но ему было все равно. Долгое время в нем нарастало желание ударить кого-нибудь, и он был благодарен Ритчи за то, что тот дал повод для этого. В правой руке, как воспоминание от нанесенного удара, осталось покалывание, похожее на электрические импульсы. Мысленно он почти согласился с Афиной.

Только гораздо позднее, когда он накачался виски, его стала мучить мысль, что Ритчи — человек, вовсе ему не близкий — проболтался, будто знал о его «тайных» связях с Баренбоймом. А ведь и Баренбойм, и Плит делали все, чтобы не допустить утечки информации, указывающей на связь Карева с Е.80. Неужели сведения все же просочились?

Погружаясь в сон, он видел перед собой опасные столетия, а потому ему снова снилось, что у него тело из стекла.

Глава ШЕСТАЯ

Утреннее небо над аэропортом, ясное, чистое и безоблачное, если не считать огромного столба тумана, окружающего туннель тихих стартов, слепило глаза. Относительно теплый воздух сразу над землей попадал в этот столб из-за разности магнитных полей и быстро поднимался вверх, превращая туннель в невидимый реактивный двигатель, выбрасывающий газы в верхние слои атмосферы. Карев, прибывший в аэропорт заранее, посмотрел старт нескольких самолетов, которые подъезжали к основанию столба из туч, поднимались вертикально вверх и исчезали. Он напрягал зрение, пытаясь увидеть, как они выскакивают вверху и ложатся на курс, но глаза разболелись, и он бросил это занятие.

Вскоре он понял, что ошибся, приехав в аэропорт так рано. Кратковременное действие выпитого вчера алкоголя прошло, оставив ему взамен плохое самочувствие. К тому же у него было слишком много времени для обдумывания своего ближайшего будущего. Было вполне возможно, что уже сегодня он примет участие в боевой акции бригады антинатуристов. Каждый раз эта мысль потрясала его с новой силой, и он вглядывался в далекие вершины

Скалистых гор со смешанным чувством ностальгии и горечи. Я не хочу ехать в Африку, думал он. И уж совсем не хочу иметь дело ни с какими натуристами. Что я здесь делаю? В нем вдруг вновь проснулся гнев на Афину.

Ругаясь себе под нос, он двинулся в сторону ряда телефонных будок, но вспомнил, что ему нечего ей сказать. Конечно, он мог сообщить ей, что уезжает за границу, но ведь было известно, что когда компьютер Фармы введет вызванные его отъездом изменения в кредитную систему, то автоматически уведомит ее об этом. Что же касается чувств, то он хотел сказать ей: «Смотри, что ты наделала. Из-за тебя я еду в Африку, где могу погибнуть от рук какого-нибудь натуриста». Но ему не было дано пережить даже такого детского удовлетворения, отчасти из-за гордости, отчасти потому, что человек, которому он хотел это сказать — прежняя Афина — перестал существовать. Что он мог получить от разговора с враждебно настроенной к нему незнакомкой, которая жила теперь в теле Афины? Он понял, что гордился когда-то своим старомодным моногамным супружеством — связью, пережившей его мнимую импотенцию всего на несколько часов. Даже тон, каким она сообщила ему эту новость, говорил сам за себя. По ней не было видно никаких признаков сожаления или других чувств, за исключением презрения к тому бесполому существу, которое когда-то было ее мужем. И это спустя всего несколько часов! Спустя несколько паршивых...

Он вдруг заметил, что люди в зале ожидания для отлетающих внимательно смотрят на него, перестал сжимать кулаки на саквояже и вымученно улыбнулся одетой в розовое женщине, сидевшей рядом, держа на коленях грудного младенца. Она не среагировала, только подозрительно поглядела на него. Он отвернулся и пошел к автомату с чаекофем. Повернув диск, он заказал порцию горячей жидкости, рассеянно выпил ее, а когда объявили его рейс, встал на движущуюся ленту рядом с другими летящими на восток пассажирами. Первое содрогание эскалатора, означавшее начало путешествия, наполнило его паническим страхом. Заставив себя расслабиться, он стал дышать ровнее и делал это вплоть до входа на борт самолета, где его поглотило беспокойство о собственной безопасности во время полета.

За сорок лет своей жизни он совершил не менее тысячи путешествий на самолетах и не мог вспомнить ни одного, во время которого не заметил бы какого-нибудь маленького, но потенциально смертельного дефекта в самой машине или в ее обслуживании. Это мог быть едва ощутимый запах горящей изоляции, влажный след на швах баков на крыле или какой-то необычный тон в шуме двигателя — мелочи, на которые не обратит внимания профессионал, но которые слишком бросаются в глаза слегка образованному ди-

летанту. На этот раз не понравилась бутылка со сжатым газом, которая в случае катастрофы должна была заставить выскочить из обшивки кресла перед ним большой пластиковый мешок, который предохранял от сотрясения. Бутылка стояла косо относительно шейки баллона, и вполне возможно, что крышка отошла и газ улетучился.

Он хотел спросить стюарда, как часто проверяют бутылки с газом, но тут рядом с ним заняла место пассажирка в розовом. Она безуспешно пыталась отцепить ремни сумки, в которой находился ребенок. Это была та самая женщина, которая сидела возле него в зале ожидания.

— Вы позволите? — обратился он к ней, а затем освободил край одного из пластиковых покрывал сумки от пружинного замка на ремне, и тот без труда расстегнулся.

— Спасибо,— сказала пассажирка.

Она вынула молчащего ребенка и посадила его себе на колени. Карев сложил сумку и сунул ее под сиденье, а потом откинулся в кресле, думая, сказать ли соседке, что застежка на ремне выглядит опасно слабо. В конце концов он решил этого не делать — пассажирка относилась к нему с явным недоверием, даже враждебностью — но все же, не переставая, думал, какой странной показалась ему на ощупь стальная обшивка. В одном месте металл был тонким, как бумага, как будто — откуда-то из глубины сознания всплыла беспокоящая мысль — им пользовались слишком долго. Современные виды семьдесят третьей стали служили много десятков лет, прежде чем...

Он откинул со лба волосы и под защитой этого жеста искоса взглянул на незнакомку. Ее бледное лицо с правильными чертами казалось нормальным и сдержанным, и он немного успокоился, почти стыдясь того, о чем только что подумал. Когда двести лет назад стали доступны усовершенствованные биостаты, власти быстро установили, где кроется основная опасность злоупотребления ими. Нелегальное введение биостатов особам несовершеннолетним каралось так сурово, что подобные случаи были почти неизвестны, хотя в самом начале отметили ряд странных и неэтичных случаев. Самыми частыми и наиболее трудными для искоренения оказались случаи злоупотребления биостатами, которые совершали родители в отношении собственных детей. Влюбленные в своих чад матери, чаще те, которые не подлежали продолжению жизни до бесконечности, останавливали время, пытаясь обессмертить своих детей, когда те были еще маленькими. Вместе с введением фактора неизменности в механизм воспроизведения клеток физическое развитие ребенка останавливалось. То же самое происходило и с умственным развитием, поскольку складкообразование мозга, необходимое для увеличения площади коры, прекращалось. Ребенок,

навсегда «замороженный» в возрасте трех лет, со временем мог бы стать очень развитым, даже ученым, но, не имея выхода к высшим функциям разума, оставался вечным ребенком.

Бывали и случаи злоупотребления биостатами по чисто деловым причинам. К самым громким принадлежало дело Джона Сирла, мальчика с удивительным сопрано, которого родители «заморозили», когда ему было одиннадцать лет, только по той причине, что он был единственным кормильцем семьи. Этот случай, как и большое количество молоденьких актеров, которые остались подозрительно инфантильными, заставили ввести суровые законы и точный контроль за производством и распределением биостатов. Легальное введение средства несовершеннолетним случалось теперь только в случае неизлечимой болезни. Обеспечивая организму больного ребенка неизменность, его спасали от немедленной смерти. Это, однако, не решало моральной проблемы, заключающейся в том, что болезнь сохранялась и укреплялась. Даже тогда, когда дальнейшее развитие медицины находило смертным соответствующие лекарства, страдающий той же болезнью бессмертный ребенок оставался неизлечимо больным, поскольку образ его тела был закодирован в клетках раз и навсегда.

Еще одной из начальных проблем было использование биостатов в неуместных целях. В период горячечного соперничества между фирмами-производителями, когда каждый день тратились огромные средства, чтобы спасти как можно больше больных, стоящих на пороге смерти, оказалось, что некоторые хозяева одаряют бессмертием своих собак и кошек. Введенные со временем инструкции ограничивали употребление биостатов ветеринарами, но конные скачки и другие развлечения, в которых настоящий возраст животных играл важную роль, пережили катастрофу сродни землетрясению. Благодаря тому, что биостаты приводят каждый нормальный здоровый организм в отличную форму, родилась мода на мясо бессмертных коров, овец и свиней, которая впоследствии не исчезла, даже к концу двадцать второго века...

Почувствовав на себе взгляд, Карев повернул голову. Ребенок, сидевший на коленях матери, откинул одеяло, и его розовое, кукольное личико освещал теперь яркий свет, проникающий в окна самолета. Голубые глазки — мудрые, хотя и обращенные в себя из-за детской неразделимости их «я» с внешним миром — смотрели на Карева. Он инстинктивно отстранился, когда младенец протянул к нему пухлую ручку. Заметив его реакцию, мать прижала ребенка к груди. Некоторое время она вызывающе смотрела Кареву в глаза, затем взгляд ее скользнул в сторону и остановился где-то на горизонте личной вселенной, в которую не имел доступа ни один мужчина.

Шестимесячный ребенок, с неприязнью подумал он. Младенец

выглядел шестимесячным, но вполне возможно, ему было столько же лет, как и Кареву. Еще какое-то время он вслушивался в нарастающий стон двигателей самолета, затем встал с кресла и прошел назад в поисках свободного места. Единственное не занятое находилось возле бортового стюарда. Карев тяжело опустился в свободное кресло и сидел, постукивая пальцем по зубам.

— Она подействовала вам на нервы? — сочувственно спросил стюард.

— Кто?

Стюард кивнул вперед салона.

— Миссис Дениер, Летучая Голландка,— объяснил он.— Иногда мне кажется, что она должна платить за два билета.

— Вы ее знаете?

— Все летающие на трассе до Лиссабона, знают миссис Дениер.

— Она часто путешествует? — спросил Карев, стараясь выказать только легкий интерес.

— Не так часто, как регулярно. Каждый год, весной. Кажется, тридцать лет назад на этой трассе разбился самолет, в котором летела она, ее муж и ребенок. Муж погиб.

— О! — сказал Карев и подумал, что больше ему ничего знать не надо. Он глубоко вдохнул воздух, пахнущий пластиком, и выглянул в окно. Самолет как раз двигался с места.

— Она отсидела десять лет за введение биостата ребенку и с тех пор нет весны, чтобы не появилась.

— Неслыханная история.

— Похоже, таким образом она хочет воскресить прошлое или ищет такой же смерти, но я в это не верю. Наверное, у нее дела по ту сторону океана. Женщины так долго не отчаиваются.

Самолет добрался до центра стартового туннеля, и рев двигателей достиг предела. Этой фазы полета Карев больше всего не выносил — когда машина начинала подниматься, у нее не было достаточной скорости, а у пилота времени для реакции, чтобы ее спасти, если бы отказали двигатели. Кареву захотелось мысленно отвлечься от полета.

— Простите,— сказал он.— Я не расслышал из-за двигателей.

— Я сказал, что женщины не ходят в трауре так долго.

— Как долго?

— Из того, что я знаю, не менее тридцати лет. Трудно поверить, правда?

Карев покачал головой, думая о перетертом замке сумки. Значит, он износился до такой степени за тридцать лет. Входя в атмосферу, самолет подозрительно закачался, и Карев, держась за подлокотники кресла, задал себе вопрос, не исполнится ли сегодня желание миссис Дениер.

Глава СЕДЬМАЯ

Было далеко за полдень, когда самолет Объединенных Наций из Киншасы, скользя с почти баллистической скоростью на северо-восток, пролетел над редкими постройками округа Нувель Анверс и заложил вираж в сторону лесной поляны.

Когда в тот же день, только раньше, Карев летел самолетом из Лиссабона, он с надеждой смотрел на реденькие деревца и кустики, придававшие североафриканской саванне идиллический вид. Он имел весьма туманное понятие о том, где располагается бригада антинатуристов, которой Фарма по контракту доставляла лекарства. Если бы оказалось, что это где-то в районе похожей на парк саванны, ближайшие несколько месяцев прошли бы почти приятно. Однако пейзаж медленно менялся, и в данный момент самолет мчался над вечно зелеными джунглями, в которых, казалось, мог без следа пропасть не только он один, но и все человечество. Его настроение отчаяния и самобичевания еще более углубилось. Он должен был бросить свою безумную мысль вступить в бригаду антинатуристов еще в то серое утро, после разрыва с Афиной. Служба в бригадах проходила на основе добровольности, поэтому, если бы он пошел на попятный, это произвело бы на нее еще меньшее впечатление, чем его первое решение вступить в них. В этом был парадокс его характера — когда ситуация требовала решительности, он покорно приспосабливался, когда же разум подсказывал уступчивость, тогда наперекор логике он становился несгибаем.

Когда машина описывала вираж в сонном, желтом воздухе, Карев на мгновение увидел в нескольких километрах к северу резко локализованную бурю. Он успел только взглянуть высоко в небо, где заметил едва уловимое напряжение полей управления погодой, но посадка закончилась, и деревья закрыли обзор. Машина остановилась в конце поляны, и рев двигателей смолк. Карев отстегнул ремни, встал и двинулся к выходу за четырьмя другими пассажирами, бородатыми молчаливыми исправными. Они спустились по лесенке на примятую траву, где их ждала машина. Они отъехали в сторону просвета между деревьями. Карев остался один, чувствуя себя совершенно потерянным. Он как раз выглядывал через люк, вдыхая насыщенный влагой воздух, когда из кабины на носу вышла пилот — крепкая блондинка с голубой униформе Объединенных Наций.

Она посмотрела на него с некоторым сочувствием, за что он был ей глубоко признателен.

Кивнув головой на частокол деревьев, он спросил:

— Можете вы мне сказать, как добраться до ближайшей цивилизации?

— Вы не Фарму представляете?— спросила блондинка с акцентом, выдающим в ней англичанку или австралийку.

— Фарму,— подтвердил он, ободренный тем, что услышал название своей фирмы в совершенно незнакомом окружении.

— Не беспокойтесь, они скоро здесь будут. Я привезла кое-что для них. Советую вам сесть и отдохнуть до прибытия грузовика. Здесь такая влажность, что человек раз-два и падает с ног.— Она глянула на его лишенный растительности подбородок и стянула блузку, открыв полный, но очень женственный торс.— На будущей неделе я возвращаюсь в Лапландию, поэтому, пока можно, пользуюсь даровым витамином Д,— объяснила она. Бросив блузку на кресло, она села на лесенке, делая глубокий вдох, как будто хотела максимально подвергнуть груди действию солнечных лучей.

Сердце Карева стучало, как молот,— он не предвидел всех последствий игры в остывшего. Правда, всемирная мода отошла от экспонирования женской наготы, но женщины обычно не слишком жаловали давно принятые нормы поведения, если оказывались в обществе остывших мужчин.

— Я подожду внутри,— сказал он.— Боюсь с непривычки обгореть.

Он сел, удивленный впечатлением, которое произвела на него не слишком привлекательная женщина. Машина внутри нагрелась, Карев закрыл глаза. Он чувствовал себя виноватым, что обманул ее, и это действовало на него, как катализатор...

Он не знал, сколько прошло времени до момента, когда его разбудило хлопанье дверц автомобиля. Подойдя к люку, он спустился по лестнице на вытоптанную траву, где снова одетая блондинка тихо разговаривала с невысоким мужчиной, который своими мускулистыми плечами напоминал атлета-тяжеловеса. У прибывшего был большой живот, на который натянулась тонкая ткань его полевого мундира Объединенных Наций, и, хотя он уже седел и лысел, лицо его покрывала серебристая щетина, говорившая всем и каждому о его исправности.

— Меня зовут Феликс Парма, я начальник транспорта,— представился он Кареву зычным голосом с шотландским акцентом.— Прошу прощения за опоздание. Компьютер предупредил о вашем приезде, но я немного проспал. Нужно было прийти в себя после вчерашнего.

— Ничего страшного,— ответил Карев. Он спустился вниз и пожал протянутую ему руку, болезненно переживая насмешку, читавшуюся в глазах пришельца, внимательно разглядывавшего его лицо. Его задело, что хотя от Пармы несло потом, именно из-за него пилот вновь надела блузку.— Вы работали допоздна? — спросил он.

— Ну, скажем, что работал,— коротким жестом Парма дал по-

нять, что пил, и усмехнулся. Карев заметил сетку жил на его курносом носу.— А вы? Любите выпить?

— Бывает. При определенных обстоятельствах,— Карев почувствовал, как поднимается в нем симпатия к этому физически истощенному исправному, который приехал неизвестно откуда и разговаривал с ним вполне нормальным языком. Правда, Кареву было непонятно, почему Парма предпочел так постареть и не закрепился, но во всем другом они могли сойтись.

— Вы были когда-нибудь в Африке?

— Нет.

— В таком случае, это необыкновенное явление. Что ты на это скажешь, Вильям?

— Обыкновенны только те, которых нет,— ответил Карев, мысленно мучаясь вопросом: «Зачем Афина это сделала?»

— Выпьем,— заявил Парма таким тоном, как будто принимал важное решение.— Помоги мне носить ящики.

Пока Карев таскал вместе с ним от транспортного люка с грузовику больше десятка герметически закрытых контейнеров, пилот причесывалась, сидя на лесенке для пассажиров. Интересно, подумал он, она делает это для Пармы или просто так? В мире, в котором зрелые женщины значительно превосходили численностью исправных мужчин, ему приходилось видеть еще более странные пары.

Перетащив все ящики, Парма небрежно помахал ей рукой на прощание и сел за руль.

— Едем, Вильям,— буркнул он.— Девушка ничего себе, но раз мы собрались выпить, то не будем терять времени.— Он завел двигатель, и они, трясясь и подскакивая, поехали по поляне. Оглядываясь назад, чтобы в последний раз взглянуть на блондинку, Карев снова заметил на расстоянии в несколько километров бурю со странно локализованными границами — клубящаяся колонна серой пыли и грозного пурпура, выглядевшая на фоне заходящего солнца, как гриб ядерного взрыва.

Карев коснулся руки Пармы и, указав на это явление, спросил:

— Что там происходит?

— Это и есть наша боевая акция,— ответил Парма. Грузовик резко повернул и въехал в туннель, вырубленный в джунглях. Уже темнело.— Там мы работаем.

— Не понимаю. Перед посадкой я видел поля управления погодой, но... Доставка с Атлантики такого количества воды должна стоить кучу денег.

— Игра стоит свеч. Эта буря локализована точно над деревней натуристов. Уже три недели. Официально это часть акции по уменьшению влажности воздуха в этом районе Африки, но настоящая причина в другом.

— Три недели без перерыва? — недоуменно спросил Карев.— В таком случае, что происходит с людьми внизу?

— Мокнут и разбухают,— со смехом ответил Парма и сплюнул в окно.

— И болеют.

— И болеют,— не колеблясь согласился Парма.— Если ты уже когда-нибудь этим занимался, то наверняка предпочел бы устраивать облаву на больных, чем на здоровых натуристов. В этом все дело.

— Должен быть какой-то способ получше.

— Да, есть: газ. Или пыль. Использование того и другого было бы дешевле, легче и быстрее, но Хельсинкская Конвенция связывает нам руки. Натурист может тебя убить, и никто не скажет ни слова, но попробуй царапнуть одного из них хоть стрелой, и беды не оберешься.— Парма включил фары, чтобы разогнать быстро густеющую темноту, и деревья по сторонам дороги как бы сомкнули ряды.— Ты видел когда-нибудь трупы?

— Нет,— быстро ответил Карев.— Я догадываюсь, что дождь деморализует этих людей.

— И это тоже. Начинается с того, что горстка туземцев отделяется от племени и превращается в натуристов. Они строят отдельную деревню и живут грабежами, как в добрые старые времена. Поначалу все сходит с рук, но со временем нормальные разумные бессмертные выходят из себя и обращаются с жалобой к нам. Мы, однако, вмешиваемся не сразу и не боремся с ними. Мы перестали это делать. Сначала наши крепкие дикари замечают, что ни с того ни с сего становится дьявольски сыро, а после нескольких недель проливного дождя в середине лета приходят к выводу, что оскорбили кого-то там, наверху. Ну а потом обычно без труда удается уговорить их присоединиться к бабьему обществу.

Карев взглянул на Парму, который в профиль очень напоминал Хемингуэя.

— Кому ты, собственно, сочувствуешь?

— Уж, конечно, не натуристам. Это их дело, как жить: недолго, но весело, проливая кровь, пот и сперму, но они не имеют права убивать других. Это недопустимо, недопустимо до такой степени, что оправдывает разрушение их веры в то, что после зимы наступает лето.

На дальнем конце прямой, как стрела, дороги засверкали первые огни.

— Хорошо, что создатели Хельсинкской Конвенции не предвидели использование погоды как оружия,— сказал Карев.

— Разве? — Парма рассмеялся.— По моему скромному разумению не ввели такого запрета только потому, что управление погодой является единственным современным повсеместно использу-

емым видом оружия. Ты когда-нибудь слышал о беспорядках на Кубе во время трехлетней засухи в прошлом столетии? Об этом не говорили вслух, но держу пари, что Штаты уже тогда умели управлять погодой и воспользовались этим.

— Но ты говорил...

— Я говорил о сегодняшнем дне. Достаточно располагать соответствующими средствами, чтобы сконструировать крупное поле управления погодой, и компьютеры такого качества, что рассчитают тебе взаимодействие различных факторов, и вот уже все готово к ведению войны: тихо, тайно, предательски. Можно уничтожать урожай в других государствах или вызывать такую жару, духоту и влажность, что люди, делающие пробор справа, начнут убивать людей, делающих пробор слева. Вот это война, Вильям!

— Я по-прежнему не понимаю, на чьей ты стороне.

— Это неважно, пока я делаю то, что должен делать. Меня называют Парма из Фармы.

Огни впереди внезапно рассыпались по сторонам. Грузовик добрался до следующей поляны, окруженной кольцом строений различной величины. Парма остановился перед последним из домиков, два ряда которых образовывали миниатюрную улочку, выходящую к темному лесу.

— Твоя хата,— объяснил Парма.— Мы собрали ее только сегодня после обеда, и света еще нет, но ты можешь бросить свой багаж. Поедем в наш клуб, а парни тем временем закончат работу.

Карев все еще сомневался.

— Я хотел бы немного освежиться,— сказал он.

— Сделаешь это в клубе. Идем, водка ждет, а время идет.

Карев вылез, открыл дверь домика и поставил свой саквояж внутрь, в пахнущую смолой темноту. Всего двадцать четыре часа назад он шел с Ритчи на чужую ему холостяцкую пирушку, и сейчас рассчитывал, что этот вечер не будет похож на тот. «Что делает теперь, именно в эту минуту, Афина?»— мысленно задал он себе вопрос. Снова чувствуя одиночество, он вернулся к грузовику, и тот повез его через поляну к относительно большому геокуполу, где размещался клуб. В округлом помещении, центр которого занимал бар, царила атмосфера, типичная для подобных заведений. На пружинистом сегментном полу расставили складные столики и стулья, а на таблице объявлений висели различные листы и листики, некоторые несомненно служебные, другие, намалеванные каким-нибудь художником-любителем, предвещали будущие развлечения. Хотя здесь было тепло, Карев содрогнулся. Вернувшись из туалета, он застал Парму за столом, на котором стояли две полулитровые кружки пива.

— До восьми ничего другого не подают,— объяснил Парма.— Говорят, что из-за таких, как я, чтобы не упивались сразу, как

свиньи,— он поднял кружку и одним глотком влил в себя ее содержимое.— Мало того, что это недемократично, но еще и наивно.

Карев попробовал пиво. Оно было холодное и имело приятный терпкий вкус, поэтому он не задумываясь последовал примеру Пармы, прищурив глаза, когда защипало в горле.

— Мне нравится, как ты пьешь свою кварту,— сказал Парма, употребив слово, обозначавшее когда-то меру емкости жидкостей, а теперь ставшее опознавательным паролем среди пьяниц.— Закажи еще пару.

Карев взял очередные две кружки у бармена, который обслуживал клиентов с такой кислой миной и так неловко, как будто хотел дать им понять, что днем у него есть другие, более важные дела. В клубе было пустовато, но когда Карев осмотрел зал, то с удивлением отметил, что среди присутствующих преобладают остывшие. Это напомнило ему, что Парма не иронизировал по поводу его внешнего вида и вел себя со сдержанной мужской сердечностью, что было как бальзам для задетой гордости Карева. На мгновение он подумал, что если бы он действительно закрепился, ему было бы легче перенести перемену отношения к себе коллег из конторы.

— Вот не думал, что в этом деле так много остывших,— сказал он, ставя кружку на стол.— Что они тут делают? Хотят быть лучше, чем есть?

— Понятия не имею,— равнодушно ответил Парма.— Я делаю только то, что должен делать.

Он опустошил кружку до половины, бодая пену испещренным жилками носом, и Карев почувствовал растущую симпатию к этому пожилому мужчине. Сев, он принялся за свое пиво, которого было как будто больше, чем в первый раз. Следующие кружки, выпитые в тот вечер, казались ему чем дальше, тем больше, но стоило поднести их к губам, как содержимое их чудесным образом исчезало. Пока Карев удивлялся этому вдруг открытому свойству, круглый зал постепенно заполнялся, а потом вдруг закачался вокруг него и задрожал. Лица людей превратились в двумерные ничего не выражающие маски, а потом вместе с Пармой он оказался за дверями, спотыкаясь в темноте. Он бы не нашел дороги к своему домику, но Парма довел его до самых дверей. Молча пожав Кареву руку, он ушел, еле волоча ноги.

Чувствуя, что должен немедленно лечь, Карев открыл дверь и щелкнул выключателем. Свет не загорелся, и тогда его затуманенная алкоголем память сказала ему, что в тот вечер техники все же должны были закончить монтажные работы. Заглядывая в домик в первый раз, прямо напротив двери он заметил пульт климатизации. Вытянув вперед руки, он двинулся в том направлении, пока не почувствовал под руками гладкий пластиковый главный ру-

бильник. Он без труда повернул его, дом залил свет, и только тут Карев заметил, что на пульте нет предохранительной панели.

Некоторое время он с бьющимся сердцем тупо смотрел на ряд шин высокого напряжения, в которые мог воткнуть пальцы, если бы ему не повезло. Неспособный удивиться или разозлиться, он подошел к кровати и упал на нее.

Вскоре он заснул, но во сне его хрупкому стеклянному телу угрожали большие машины, слепая сила которых могла растереть его в сверкающую пыль.

Глава ВОСЬМАЯ

Утренние лучи солнца разбудили Карева. Он с большим трудом поднялся, чувствуя в висках болезненную пульсацию, и пошел в маленькую ванную. Когда он оттуда вышел, то в первый момент хотел снова лечь, но вспомнил, что Парма говорил, чтобы он с самого утра явился к координатору группы и официально подписал контракт. Поэтому он открыл саквояж, вынул капсулы с кислородом и витамином С, которые использовал с похмелья, и быстро проглотил одну. Из-за желатиновой оболочки капсула застряла в горле, и он хотел уже сходить за стаканом воды, когда взгляд его упал на пульт климатизации.

Обнаженные концы проводов зловеще поблескивали. Хмуря брови, Карев огляделся вокруг и увидел, что предохранительная панель пульта лежит на стуле. На лбу у него выступил пот. Он фыркнул, осознав собственную глупость — ведь без предохранительной панели нельзя было повернуть главный рубильник и пустить ток.

И все-таки свет в домике зажегся! Рубильник передвинулся без труда!

Сжимая виски, чтобы смягчить упорную пульсацию, он подошел к пульту и заглянул внутрь. Провода, блокирующие главный рубильник, пока он не соединится со стержнем на панели, были свернуты и явно не действовали. Мгновенно в голове его возникла мысль: кто-то хотел меня убить, и все это из-за Афины! Потом он немного отошел, и его охватил яростный гнев, который испытывает бессмертный, жизни которого угрожала опасность из-за чьей-то небрежности. Он пообещал себе, что виновный поплатится за это.

Когда он бросил грязную одежду в ликвидатор и надел свежую чистую тунику и брюки, головная боль стала постепенно проходить. Он вышел наружу. Утренний свет резал глаза, куда бы он ни взглянул, как будто на небе светило несколько солнц. Вместе с теплым воздухом в легкие попал тяжелый запах каких-то незна-

комых ему цветов. Пройдя короткой улочкой, он добрался до площади, которая оказалась пустой, если не считать двоих в голубых униформах Объединенных Наций, которые прохлаждались под тентом. Перед геокуполом, в котором размещался клуб, по-прежнему стоял грузовик Пармы. Карев уже хотел спросить кого-нибудь из этих двоих, куда ему идти, когда заметил герб Объединенных Наций на другом геокуполе по ту сторону площади.

Внутри за длинной стойкой сидела служащая, а за ней стояли хорошо ему знакомые выходы компьютерного терминала. Перегородки из матового пластика образовывали вокруг купола отдельное служебное помещение.

— Чем могу служить? — сонно и без особого интереса спросила девушка.

— Я из группы Фармы, меня зовут Карев.

— Да?

— Я хотел бы поговорить с техником, который проводил вчера в мой домик электричество,— сказал он, открывая депилированный подбородок внимательному взгляду служащей.

— Вы хотите пожаловаться?

— Да. Он допустил преступную небрежность, и я чуть-чуть не был поражен током.

— Сочувствую, но именно этот техник улетел сегодня утром первым самолетом.

— Вы можете сообщить мне его фамилию? Я хотел бы кому-нибудь доложить об этом.

— Кому?

— Не знаю... кому-нибудь, кто может наказать его.

— В таком случае обратитесь к мистеру Кенди, координатору,— сказала служащая с таким укором, словно Карев нарушил какой-то неписанный закон. Она провела его в одно из помещений, где за столом сидел молодо выглядевший остывший блондин, подстриженный ежиком. Кенди был довольно мускулист для остывшего, а его румянец говорил о цветущем здоровье. Он крепко и сердечно пожал руку Карева, после чего внимательно выслушал его рассказ, делая записи.

— Разумеется, я дам делу ход,— пообещал он.— Кстати, мистер Карев, поскольку уже довольно поздно, скажите: вы готовы начать работу?

— Ради этого я сюда и приехал,— с улыбкой ответил Карев.— Но, честно говоря, я не знаю, на что могу пригодиться. Я приехал сюда, потому что...

— Вам ни к чему объясняться, мы в основном функционируем благодаря синдрому Beau Geste.— Кенди сложил листок бумаги из блокнота и его углом стал ковырять в больших и ослепительно белых передних зубах.— Вы представляете Фарму, поэтому може-

те помогать при применении биостата, производимого вашей фирмой. Е.12, если не ошибаюсь?

— Но я всего лишь бухгалтер.

— Этот вопрос решен в Нью-Йорке,— бесстрастно, хотя и с долей иронии, ответил Кенди.

— Я знаю, но думал... что, может...

— Кроме того, помощь в конторе нам не нужна.

— Дело не в этом...— Карев замолчал, пытаясь привести мысли в порядок.— Когда начинается облава?

— Уже началась. Мы занимаемся переселенной ветвью старого племени малави, а они маловосприимчивы к нашим чудесам с погодой.— Кенди написал фамилию Карева на формуляре и подал ему его через стол.— Идите с этим на склад, там вам выдадут снаряжение. Мы запланировали удержать осадки до окончания акции, и будем действовать под прикрытием тумана. С этой целью,— рядом с первым формуляром Кенди положил второй, голубой,— вы получите автомат.

— Пистолет?

— Да. Типа подкожного, на случай, если имеете что-то против применения насилия. Массовое обессмерчивание исключает применение индивидуальных инъекций.

Двухместный вездеход на воздушной подушке, который Карев взял с транспортной базы Объединенных Наций, легко двигался по дороге, ведущей на север, к тому месту, где над горизонтом висела буря. Карев вел маленькую машину почти стыдясь того, что обнаружил в себе черты искателя приключений. В обычный день в это время он сидел бы за столом в дирекции Фармы, делая вид, что следит за работой компьютеров, а на самом деле считая минуты, отделяющие его от обеденного перерыва. Зато здесь, одетый в голубую униформу Объединенных Наций, он вел незнакомую ему до сих пор машину по дороге, по которой не ездил никогда прежде. Между деревьями чужого леса светило горячее африканское солнце.

Он заново открыл известную истину, что сам приезд на новое место значит немного, на человека действуют изменения в смысле психическом и духовном. Это второе всегда происходило с опозданием, иногда на несколько дней или даже недель, ибо пребывая в обществе других людей, он не мог остаться один на один с собой и тем самым познакомиться с новой средой. Когда-то, еще молодым практикантом, он приехал на трехнедельный семинар в Полярный Город, где все время его не покидало странное оцепенение и удивление тем, что он не в состоянии вкусить отличия этого города от всех других.

Только в последний день, освобожденный от обязательных лекций и назойливого общества коллег по профессии, он отправился за город и углубился на километр в мир вечного льда. Завернув за

ослепительно белый холм и потеряв из виду цивилизацию, он вдруг обнаружил, что оказался в Антарктиде, совершенно так, будто его перенесла какая-то волшебная сила, которая всего секунду назад вырвала его из привычной жизни. Вневременная, грозная красота заставила его остановиться, затаив дыхание, и созерцать необыкновенное зрелище.

Подобное чувство он испытывал и сейчас, оказавшись вдруг в одиночестве, вел машину мимо кустов из рода мареновых, усыпанных сказочно красивыми цветами. Его ждали опасности и острые ощущения, новые поступки и переживания. Если столько несло в себе ближайшее будущее, то что говорить о миллионе завтра? Чувство, что он борется с самой жизнью, наслаждается ее радужно разноцветным содержимым, не притупляло остроту событий, приведших к этому, но по крайней мере он чувствовал, что живет. Понимая, что поддается наплыву чувств, подобных тем, которые испытываешь во время траура, и желая сбить накал своих переживаний, он начал фальшиво насвистывать. Дорога внезапно пошла вниз, к довольно широкой реке с коричневой водой, вероятно, из-за длительного ливня, вызванного группой управления погодой.

Он немного притормозил, чтобы не испачкать машину, и направил ее на противоположный берег, туда, где продолжалась дорога. Вездеход уверенно шел над поверхностью мчащейся воды, и вдруг — на самой середине реки — двигатель заглох. Это произошло безо всяких предупредительных сигналов, вроде уменьшения мощности или изменения тона работы двигателя — просто он вдруг смолк. Машина упала на воду, вода залила двигатель, громко шипя при соприкосновении с разогретым металлом. Через несколько секунд Карев оказался на дне реки, сидя в грязном пластиковом пузыре.

Он инстинктивно начал звать на помощь, но через некоторое время понял, что крики не помогут, и заставил себя замолчать. Предохранительная подушка уберегла его от удара о пульт управления, а благодаря великолепной герметизации кабины вода в нее не попадала. Однако ему угрожала смерть от удушья. Карев разблокировал и толкнул дверь. Безрезультатно. Испугавшись, что от удара корпус перекосился, он изо всех сил надавил плечом на твердый пластик. На ноги брызнула вода, но двери не дрогнули, прижатые внешним давлением. Следовало уравнять давление внутри и снаружи, а для этого впустить в кабину воду. Пол кабины едва увлажнился, а он уже изрядно намучился. Ему хотелось снова закричать, но пришлось смириться с фактом, что вожделенный миллион завтра находится только в его руках.

Вода не проникала в кабину, но при движении по дороге воздуха было достаточно. Это означало, что при соприкосновении с водой вентиляционные отверстия плотно закрылись. Можно ли найти

какую-нибудь слабую точку? С трудом он снял с потолка маскирующую плиту, открыв пластиковые трубки, расходящиеся от узла, который, наверняка, проходил сквозь крышу кабины. Схватившись за трубки, он дернул их. Они слегка растянулись, но и только. Теряя самообладание, он набросился на вентиляционную систему, изо всех сил дергая трубы, пока железный обруч, стиснувший грудь, не возвестил, что запас воздуха в кабине кончается. На пластиковых трубках, выполненных по специальному заказу Объединенных Наций, не было видно и следа повреждений.

Дыша, как кузнечный мех, Карев упал на сиденье, напуганный хрипом, сопровождавшим его отчаянные попытки вдохнуть воздух. Неужели уже все?.. Его взгляд остановился на микроскопическом выключателе на кожухе вентилятора. Протянув руку, он повернул его кончиком пальца... и в кабину сквозь решетки вентилятора хлынула вода.

Изо всех сил держа себя в руках, Карев сидел неподвижно, пока кабина почти полностью не заполнилась водой. Воздух, оставшийся в тесном пространстве между булькающей водой и крышей, уже не годился для дыхания, когда он возобновил попытки открыть двери. На этот раз они поддались без труда. Карев оттолкнулся от машины, вынырнул на поверхность и поплыл к берегу. Сильное течение снесло его вниз, но все же он вылез на другой берег и добрался до дороги. Коричневая вода, пересилившая силу тяготения, быстро и бесшумно скользила над тем местом, где остался вездеход, стирая всякий его след. Если бы он не заметил ручной регулятор вентилятора, то сидел бы там до сих пор — и до темноты никому не пришло бы в голову искать его...

Он сориентировался, что находится на северном берегу реки, а высоко над горизонтом поднимается грозная колонна дождя. Легкое пластиковое снаряжение, которое ему выдали на базе, лежало на дне реки, зато при себе он имел пистолет для уколов. Карев решил добираться до цели путешествия пешком, хотя имел веские причины вернуться. «Второе покушение в течение суток, не слишком ли?» — шепнул внутренний голос. Отправляясь в путь в ботинках, в которых хлюпала вода, он отогнал от себя эту мысль, но она снова вернулась как холодный, чисто логический вывод. Все снаряжение, которым пользовались Объединенные Нации, было сделано на заказ с максимальной точностью, доступной технике двадцать второго века. Какова же была вероятность случайной аварии двигателя в единственной по дороге точке, где ему грозила смертельная опасность? До каких астрономических величин вырастала эта вероятность, если вспомнить о необыкновенном факте, каким было отсутствие предохранительной панели на пульте климатизации в его доме?

Ни у одного из жителей лагеря не было причин желать его

смерти — никто здесь не знал его до вчерашнего дня. Карев глубоко вздохнул, заметив вдруг, что его новая одежда почти высохла, хотя и выглядит немного неряшливо. Чтобы защититься от усиливающейся жары, он надвинул на голову козырек, прикрепленный к тунике, и ускорил шаг. Ливень поднимался все выше и выше, и вот уже до него донеслись зловещие раскаты, нарушавшие покой утра. Где-то высоко наверху, на границе стратосферы, человек заставил технику манипулировать силами природы, а с их помощью и мыслями других людей. Эта идея подействовала на Карева угнетающе, ибо он знал, что происходит, и принимал в этом участие. Интересно, как подействовало это на малавов, живших в деревне, когда они поняли, что само небо обернулось против них?

Впереди над дорогой навис туман, сквозь который Карев заметил фигуры людей и контуры машин. Ливень закрывал уже все поле зрения и, хотя спину еще грело солнце, на лице он чувствовал прохладные щупальца влаги. Мир вокруг выглядел неестественно, как освещенная прожекторами сцена, где за специальными эффектами наблюдают режиссеры. Карев поднял к подбородку застежку молнии туники.

— Фамилия? — спросил мужской голос из открытой двери стоящего в стороне фургона.

— Карев. Из Фармы,— ответил он и полез за документами.

— Порядок. Идите дальше, вас ждет мистер Шторх.

— Спасибо.

— Вы найдете его примерно в километре отсюда,— говоривший высунул темное от щетины лицо и с интересом взглянул на Карева.— А где ваша машина?

— Осталась там... Неисправность. Вы не могли бы меня подвезти?

— К сожалению, нет. С этого места запрещено передвижение на машинах,— ответил мужчина и тут же спрятался.

Карев пожал плечами и пошел дальше. Через минуту видимость уменьшилась до пятидесяти шагов, и он двигался, окруженный коконом сухости в дожде, который разбрызгивался, преломляемый козырьком. После пятиминутного марша по густой красной грязи он приблизился к группе из примерно тридцати мужчин в светло-зеленом снаряжении. Один из них отошел от остальных и направился к Кареву. Это был плотный исправный со слегка насмешливым взглядом, загорелый и — вот неожиданность — довольно красивый, несмотря на сломанный нос и белый шрам, пересекающий верхнюю губу.

— Деви Шторх,— представился он, протягивая руку.— Меня известили о вашем приезде, но где ваше снаряжение?

— Осталось в вездеходе,— ответил Карев, пожимая руку.

— Вам придется за ним вернуться. Разве вам не сказали, что...

— Это невозможно. Вездеход лежит на дне реки, утонул на самой середине.

— Как это утонул? — спросил Шторх, внимательно глядя на него.

— А так. Пошел прямо на дно,— Карев начал раздражаться.— Заглох двигатель, и я только чудом сумел спастись.

Шторх с сомнением покачал головой.

— Ничего не понимаю. Вы говорите, что заглох двигатель, но что случилось с плавательными баллонами?

— Плавательными баллонами? — Карев удивленно открыл рот.— Ничего похожего я не видел, машина пошла на дно, как камень.— Он замолчал, переваривая новую информацию. Если аварийная спасательная система вышла из строя в момент подозрительного дефекта двигателя, число, выражающее вероятность того, что это не было случайностью, вырастало до совершенно нового порядка.

— Это нужно будет расследовать,— сказал Шторх.— Видимо, вам дали машину, частично размонтированную после консервации. Такой аварии вообще не должно было быть.

— Я тоже так думаю,— ответил Карев, тяжело вздыхая.— Еще немного, и я бы оттуда не выбрался.

Шторх посмотрел на него с таким сочувствием, что это немного поправило настроение Карева.

— Сегодня я не буду брать вас в деревню,— сказал Шторх.— Возвращайтесь к фургону, и вам дадут...

— Я хочу идти с вами,— прервал его Карев, желавший скорее принять крещение боем. Еще больше ему хотелось произвести хорошее впечатление на Шторха. Возможно, это была жалкая попытка доказать, что под поверхностью остывшего по-прежнему скрывается «настоящий» мужчина.

— Нам не хватает людей, мистер Карев, но я не могу подвергать вас такой опасности.

— Ответственность я беру на себя.

Шторх заколебался.

— Ну, хорошо, но прошу держаться сзади и не выходить вперед, пока я не дам знака. Понятно?

— Да.

Группа пошла по дороге. Из отрывистого разговора Карев узнал, что селение малавов не является деревней, а представляет собой хутора по десятку хижин, рассыпанные на площади в четыре квадратных километра. Расположенная прямо перед ними часть селения должна была первой подвергнуться обработке, и невозможно было предсказать, какой прием их ожидает. Проведенная раньше разведка установила, что у туземцев нет огнестрельного оружия, но никто не знал, насколько достоверна эта информация.

Когда первая крытая соломой хижина оказалась перед ними, группа рассыпалась цепью и углубилась в заросли. Кареву показалось, что его товарищи, в отличие от него самого, не дилетанты в этом деле. Он осторожно спрятался за дерево, чувствуя себя, как мальчик, играющий в индейцев, и стал ждать, что будет дальше. Царившую тишину нарушал только неустанный шорох дождя.

Потом он заметил, что члены бригады пустились бегом, а их зеленое снаряжение поблескивало, как сегменты туловищ огромных насекомых. Они бежали сквозь клубящиеся полосы тумана, окружая хижины все более плотным кольцом. Сердце неприятно заколотилось у него в груди, когда оттуда донесся приглушенный крик. Крик быстро усилился до вопля, потом почти полностью стих. Показалась массивная фигура Шторха. Он махнул рукой и снова исчез между хижинами.

Карев неохотно побежал вперед и вскоре был в центре селения. Вооруженные члены группы окружили полтора десятка мрачных туземцев. Большинство из них валялись в грязи, однако некоторые не сдавались и продолжали вырываться. Их с трудом удерживали. За всем этим следили стоящие на порогах хижин женщины и дети, которые то и дело поднимали плач. У одного из лежавших была на голове большая рана, из которой стекали ему на спину струйки крови, которые тут же размывал дождь. Глядя на кровь, Карев почувствовал отвращение к тому, что делала группа Объединенных Наций.

— Познакомьтесь с нашим антропологом, доктором Виллисом,— сказал стоявший рядом Шторх.— Идите с ним и делайте уколы всем мужчинам, возраст которых он оценит на шестнадцать или более лет.

— Шестнадцать!? Это официально установленная граница?

— Да. Вас это удивляет?

— Пожалуй, это слишком рано для...

— Это натуристы, мистер Карев. На-ту-ри-сты! Не думайте, что лишите кого-то весеннего дыхания первой любви или чего-то в этом роде. В шестнадцать лет некоторые из них уже полностью выработаны.

— Все же это, пожалуй, слишком рано,— упирался Карев, поглядывая искоса на Виллиса, который был остывшим и имел совершенно седые брови, выгнутые, как крылья чайки.

— Я знаю, о чем вы думаете,— сказал Виллис.— Но мы имеем дело с существами, которые отбросили все ценности нашего общества. Разумеется, они имеют на это право, и нам вовсе не в радость навязывать кому-либо бессмертие. Но мы тем более не позволим, чтобы они лишали жизни других.

— Для агитации сейчас не время и не место,— энергично вставил Шторх.— Я советовал вам, мистер Карев, вернуться в лагерь

и отдохнуть. Если вы не в силах справиться с заданием, то только напрасно расходуете свое и чужое время. Ну так как, вы делаете эти уколы, чтобы я мог перейти в другую часть деревни, или мне остаться и делать их самому?

— Я сделаю это,— буркнул Карев, открывая сумку.— Простите, но меня это несколько выбило из колеи.

— Не беда,— Шторх сделал знак рукой, и к нему подошли четверо мужчин. Новая группа быстро двинулась вперед и исчезла между хижинами.

— Начнем с этих трех,— сказал Виллис, указывая на схваченных туземцев.

Двое из них тут же успокоились, зато третий принялся вырываться с удвоенной силой. Ему было немногим более двадцати лет, и сильные руки со слегка выступающими на бицепсах венами говорили о многочасовой титанической работе. Двое державших его едва не упали, поскользнувшись в грязи. Карев бросился вперед, держа наготове пистолет для уколов. Туземец с искаженным страхом и ненавистью лицом отпрянул назад так стремительно, что мужчины, нагруженные снаряжением, рухнули вместе с ним на землю.

—Чего вы ждете? — рявкнул один из них, потеряв терпение.

— Простите.

Карев обежал их, заходя сзади, и выпустил заряд в жилистую шею туземца. Жертва обмякла. Мужчины осторожно отпустили его и поднялись с земли. Карев обошел остальных, чувствуя облегчение, когда они с готовностью протягивали руки для уколов, и одновременно презирая их за такую покорность. Не спуская глаз с первого туземца, которому ввел биостат, он заметил, что тот идет к хижине, где его обнимает высокая молодая женщина. Как заботливая мать с ребенка, она стряхнула часть грязи с его рубахи, кроме которой на нем не было ничего. Глаза ее, сверкавшие в полумраке под навесом крыши, медленно открывались и закрывались, как два гелиографа, передавая Кареву сообщение, о смысле которого он мог только догадываться. «Я слишком поспешно бросил Афину,— взорвалась в его голове мысль.— Я должен к ней вернуться».

— Ну, с этими все,— сказал один из группы, вытирая заросшее лицо, мокрое от дождя и пота.— Пошли отсюда.

Карев думал теперь только об Афине.

— А что с женщинами?

— С ними мы не связываемся. Обычно они добровольно являются в какой-нибудь медицинский центр Объединенных Наций. Решение за ними.

— Ах, так,— Карев спрятал пистолет в сумку.— Значит, они не в счет.

— Кто говорит, что не в счет? Просто они ни на кого не нападают.

— Смотрите, какие здесь все благородные,— сказал Карев, глядя, как остальные собираются уходить в том направлении, куда ушли Шторх и его группа.— Одну минутку. Я хотел бы поговорить с туземцем, который первым получил укол.

— Не советую тебе этого, новичок.

Карев тоже чувствовал, что поступает неразумно, но для него туземец, который так сопротивлялся уколу, был его собственным отражением. Правда, с той разницей, что чернокожему не впрыскивали в кровь дозы Е.80, и значит, настоящий Карев имел над ним преимущество. Осторожно обойдя глазеющих мужчин и детей, он прошел через площадь и приблизился к хижине, где со склоненной головой стоял грязный туземец. Заметив его, женщина отступила в хижину.

— Ты понимаешь по-английски? — неуверенно спросил Карев.

Туземец поднял голову и пронзил его взглядом, отделенный от него стеной мрачной враждебности, а затем отвернулся лицом к стене.

— Прости,— ни с того, ни с сего сказал Карев. Он уже хотел вернуться к своим, когда из хижины с устрашающей быстротой выскочила женщина. Она подбежала к нему, блеснув сталью в руке, и — отступила. Некоторое время он смотрел на ее торжествующее лицо, затем перевел взгляд на торчащий у себя в груди нож.

Когда к нему подбежали члены группы Объединенных Наций, он лежал в грязи, недоуменно покачивая головой.

Глава ДЕВЯТАЯ

— Нож был очень стар,— сказал Шторх,— и это вас спасло.

Карев спокойно смотрел в потолок фургона, в котором лежал.

— Что со мной? — спросил он.

— Вы выкарабкаетесь. Нож был так сточен от долгого употребления, что походил на тонкую иглу, а это не самое действенное оружие.

— Я ни на что не жалуюсь.

Поскольку у него ничего не болело, Карев попытался сесть.

— Не так быстро,— удержал его Шторх, хватая за плечо и укладывая обратно.— Вам прокололи легкое, врач вынужден был сделать коллапс.

— Коллапс легкого? Что это значит?..

— Это временное явление. Чтобы легкое отдохнуло, не боль-

ше.— Шторх оглянулся на кого-то, находившегося вне поля зрения Карева.— Так ведь, доктор?

— Конечно,— ответил мужской голос.— Нет причин для беспокойства, мистер Карев. Ваше легкое немного кровоточило, но мы остановили и свернули кровь. Сейчас нужно только дать ему отдохнуть.

— Понимаю.

Карев почувствовал тошноту при мысли, что одно легкое в его груди свернулось. Дыша, он сосредоточился на своих внутренних ощущениях, и впервые в жизни заметил, что вдох начинается не в легких, а в мышцах грудной клетки. Ребра поднимаются, растягивая прикрепленные к ним живые мешки, благодаря чему через рот и нос воздух попадает в освободившееся пространство. В его случае функционировало только одно легкое. Ожидая, что ему не будет хватать воздуха во время переноса на носилках из фургона в машину, он старался дышать размеренно.

По возвращении на базу его перенесли в средних размеров купол, где располагался пункт медицинской помощи. В одной-единственной палатке кроме его кровати стояли еще три свободные, обстановка была тиха и спокойна. Каждые полчаса к нему заглядывала медсестра, дважды заглянул врач по фамилии Реддинг, чтобы справиться о его самочувствии и сообщить, что завтра его отсюда увезут. Оба относились к нему с профессиональной вежливостью, что вызвало у него уныние и чувство бессилия. Общеизвестно было, что бригады антинатуристов во всем мире испытывают нехватку желающих служить в них и редко отказываются от добровольцев. Он же с самого начала чувствовал, что старожилы считают себя профессионалами, вынужденными время от времени мириться с присутствием любителей. Кенди называл это синдромом Beau Geste. Карев понятия не имел, кто такой Beau Geste, но чувствовал, что вечерком за кружкой пива его утренний поступок вызовет взрыв смеха в огромном круглом баре клуба Объединенных Наций. Надеясь, что ему приснится Афина и старые добрые времена, он сдался одолевавшей его сонливости...

Вечером, когда о стекла бились белые бабочки, через его палату прошла процессия гостей, среди которых были Кенди, Парма и несколько других, которых он помнил, как в тумане. Похоже, только Парма искренне выразил сожаление о его завтрашнем отъезде, с торжественным и серьезным выражением на посеребренном щетиной лице, предложив ему притащить из бара в госпиталь немного пива для прощального приема. Карев вежливо поблагодарил и после его ухода попросил у сиделки что-нибудь успокаивающее. Проглотив слоистую капсулу и ожидая, пока она подействует, он со стоическим спокойствием разглядывал потолок.

По прошествии долгого времени он пришел в себя с чувством

странного беспокойства. Взглянув на запястье, он с минуту разглядывал гладкую кожу, пока не сообразил, что район Нувель Анверс расположен слишком далеко от передатчика времени, чтобы его часы действовали. Возле кровати послышались чьи-то шаги. Молодой человек с неестественной белой кожей, одетый в белый халат, подал ему стакан воды и светло-голубую таблетку.

— Простите, что беспокою вас, мистер Карев,— тихо сказал он,— но пора принять тонизирующее.

— А зачем? — сонно спросил Карев.

— Доктор Реддинг предпочитает не рисковать: в здешнем климате раны опасны.

— Ну, тогда...— Карев оперся на локоть и взял стакан воды. Без единого слова он принял таблетку и уже подносил ее к губам, когда заметил, что у незнакомца черные каемки под ногтями. Приглядевшись, он в слабом свете разглядел на тыльной стороне его ладони въевшуюся сетку грязи.

— Минуточку,— сказал он, с огромным трудом стряхивая сонливость, вызванную успокаивающим средством.— Вы уверены, что доктор Реддинг велел мне принять это лекарство?

— Абсолютно.

— А если я откажусь, что тогда?

— Мистер Карев,— сказал незнакомец с легким нетерпением,— не осложняйте нам жизнь и примите лекарство, хорошо?

— Я его приму, но после разговора с доктором Реддингом,— ответил Карев, пытаясь разглядеть лицо незнакомца, но его плечи и голова находились за пределами конуса света от лампы.

— Как хотите, мистер Карев, я не собираюсь с вами ругаться.

Незнакомец протянул руку, и Карев положил таблетку ему на ладонь. В ту же секунду он был прижат к кровати тяжестью тела в белом халате, а рот его закрыла сильная рука. Таблетка скрипнула о его зубы. Совершенно не сомневаясь, что умрет, если таблетка окажется на его языке, Карев попытался сбросить с себя нападающего, но ноги его запутались в простыне. Твердая рука зажала ему нос, лишая доступа воздуха, а это означало, что он выдержит всего несколько секунд. Перед глазами уже поплыли красные круги, когда он вдруг понял, что держит в руках гладкий предмет — стакан с водой. Держа его за дно, он нанес удар, целясь в маячившее перед глазами лицо. Стекло разлетелось на куски, по руке потекла вода, и Карев почувствовал, что снова может дышать. Незнакомец со стоном отскочил в сторону, одной рукой держась за пораненную щеку, а другой вытаскивая нож. Карев, как безумный, откинул одеяло, скатился с кровати на другую сторону, вскочил и, не задерживаясь, рванулся к двери, слыша за собой догоняющие шаги. Что-то хлюпало у него в груди, как мокрая тряпка, он мельком подумал, что это бездействующее легкое, но основное внимание со-

средоточил на том, чтобы уйти от удара ножом в спину. Он проскочил сквозь маятниковую дверь, увидел следующую, ведущую в служебное помещение, и навалился на нее плечом. Внутри не было никого. Он схватил стоящую на столе резную эбеновую фигурку и повернулся, приняв защитную позу, но нападающий исчез. Слышен был только скрип колышущихся не в такт створок дверей. Соблюдая осторожность, Карев вышел в холл в тот момент, когда в черном прямоугольнике входных дверей показалась одетая в белое фигура. Он поднял свою палицу, но оказалось, что это сиделка, которая присматривала за ним.— Вы не должны вставать, мистер Карев,— сказала она, подозрительно глядя на деревянную фигурку.— Что здесь происходит?

— Кто-то напал на меня и хотел убить,— ответил он.

— У вас просто был кошмар. Вернитесь в постель.

— Я вовсе не спал, а глазам своим я доверяю,— сказал Карев, вручая ей статуэтку.— Вы не видели, отсюда никто не выбегал? И вообще, почему вы выходили?

— Я никого не видела, а если вы обязательно хотите знать, почему я выходила, то меня вызвали по телефону в отдел связи.

— Там действительно что-то случилось?

— Нет.

— Тогда все ясно,— торжествовал Карев.

— Что ясно?

— Кто-то выманил вас отсюда, чтобы сделать возможным нападение на меня.

— Мистер Карев,— сказала сиделка, подталкивая его к палате,— для меня ясно только одно: Феликс Парма или кто-то из его дружков снова упился в дым. Наверное, бродят сейчас в темноте, выдумывая глупые шутки. А теперь очень прошу вас вернуться в постель, хорошо?

— Тогда прошу вас посмотреть,— сказал Карев, которому пришла в голову другая мысль.

Он повел сиделку к кровати с перевернутым матрасом и осмотрел все вокруг. Голубая таблетка исчезла, а на лежащих на полу осколках стекла не было следов крови. Он внимательно осмотрел левый рукав пижамы и нашел одно красное пятнышко, почти полностью смытое водой, текшей по руке.

— Вот, смотрите, капля крови,— сказал он.

— А здесь еще одна,— ответила она, указывая на красное пятно, появившееся на пижаме.— Вы разбередили рану, и я должна сменить вам повязку.

Карев набрал воздуха, собираясь продолжить убеждение, но потом решил подождать с выяснением деталей до завтрашнего утра, когда встретится с Кенди, координатором группы Объединенных Наций.

— Я наверняка видел это в вашей компкарте, но детали вылетели у меня из головы,— сказал Кенди.— Сколько вам лет, мистер Карев?

— Сорок.

— О! Значит, вы закрепились совсем недавно.

Выражение «закрепились» неприятно задело Карева, и он едва не попросил Кенди не пользоваться им, но тут же понял, что́ тот имеет в виду. Было повсеместно известно, что многолетние остывшие, уставшие как от жизни, так и от постоянного страха смерти, иногда испытывают неудержимое желание выйти навстречу смерти. В таких случаях они бессознательно бродят в местах, где часто бывают несчастные случаи, пока, наконец, дело не доходит до желанной трагедии.

— Совсем недавно,— подтвердил Карев.— И уверяю вас, что не являюсь неудачником.

— Так я и подумал,— Кенди с отвращением оглядел небольшую палату, как бы давая понять, что спешит и имеет другие, более важные дела. Его глянцевая кожа блестела в косых лучах солнца, падающих сквозь окно.

— Сначала эта история в вашем домике, потом авария вездехода на реке, а теперь...

— Я не являюсь неудачником и всем сердцем хочу остаться в живых,— прервал его Карев.

— Я сказал, что так и подумал.

— Понимаю, но я не назвал бы невезением попытки отравления или нападения с ножом в руке.

— Мы достали вездеход из реки,— сказал Кенди, хмуря брови и явно не собираясь обсуждать ничем не подтвержденное покушение.

— Ну, и?..

— Установлено отсутствие стержня в датчике высоты. Когда стержень выпал, это явилось для датчика сигналом, что машина поставлена на стоянку или коснулась земли, и — что совершенно естественно — двигатель заглох.

— Совершенно естественно.

— Так или иначе следует признать это невезением, ибо почему мы должны предполагать, чтобы точка выпадения стержня была ему задана?

Карев провел рукой по складкам постели.

— Я не знаю конструкции ваших вездеходов,— сказал он,— но думаю, что, когда переезжаешь через реку, датчик высоты погружается в воду.

— Это неизбежно.

— А если бы кто-то убрал настоящий стержень и на его место поставил другой, сделанный, скажем, из гордонита?

— А что такое гордонит?

— Сплав, который растворяется почти сразу после соприкосновения с водой.

Кенди тяжело вздохнул.

— Снова мы возвращаемся к таинственному заговору против вас. Вы выдвигаете предположение, что на базе находится убийца.

— Вовсе нет! — Карев почувствовал новый прилив гнева.— Предположение я выдвигал вчера, сегодня я со всей уверенностью утверждаю это.

— Я проверил членов всех групп и не нашел на базе никого со свежей раной на лице,— сказал Кенди и встал.

— А та территория вокруг базы, которую, если не ошибаюсь, вы называете Африкой?

Кенди улыбнулся.

— Мне нравится ваше чувство юмора, мистер Карев. Есть такая очень старая английская шутка, о том, как король Дарий встречается за завтраком с Давидом, которого накануне бросил в пещеру со львами. Король спрашивает: «Как тебе спалось?» «Плохо,— отвечает Давид.— Если говорить честно, мне мешали львы». Король презрительно фыркает и говорит: «Видимо, ты сам их туда притащил, а это уже не моя вина».

Карев неуверенно улыбнулся.

— Это шутка?

— Я тоже долго думал над этим. Но потом — а должен вам сказать, что я интересуюсь литературой девятнадцатого и двадцатого столетий — обнаружил, что последнюю фразу, вложенную в уста короля, говорили обычно английские хозяйки, сдававшие комнаты, когда жильцы жаловались на блох в постели.

— И все же это не слишком смешно. Я хотел спросить вас, что значит Beau Geste, но пришел к выводу, что не стоит.

— Я имел в виду только, что если кто-то действительно охотится за вами, то это не имеет ничего общего с базой Объединенных Наций. Вероятно, вы досадили кому-то до прибытия сюда.

Карев хотел возразить, но не придумал ни одного подходящего аргумента. Он проводил Кенди взглядом, пока его плечистая фигура не исчезла за дверью, и попытался соединить события последних дней в логическое целое. Единственный общий вывод, к которому он пришел, был таким, что вся его жизнь чертовски осложнилась после того, как он узнал о Е.80. Баренбойма и Плита беспокоила возможность промышленного шпионажа. Может быть, старательно обдуманные шаги, предпринятые для сохранения в тайне их совместных действий, оказались не вполне успешными? Допустим, он вылил на Рона Ритчи свое виски за то, что тот делал оскорби-

тельные намеки на связь Карева с Баренбоймом. Но вдруг известие о Е.80 дошло до могучих и безжалостных конкурентов? Каким образом они пытались бы узнать об этом побольше? Разве не захотели бы они похитить его, чтобы допросить и обследовать? Но что можно выведать у трупа? И разве не заинтересовала бы их также Афина?

Карев нажал кнопку, вызывающую сиделку.

— Когда меня должны отправить отсюда? — спросил он, когда та появилась.

— Доктор Реддинг заказал на сегодняшний вечер вертовзлет, приспособленный для перевозок носилок. Вы полетите прямо в Лиссабон.

Тон ее голоса сказал ему, что она еще не простила ему нарушения ее планов прошлой ночью.

— Ах, так... И это было сделано по обычным каналам? Все знают, когда и на чем я улетаю?

— Не все,— холодно ответила сиделка.— Это мало кого интересует.

Карев махнул рукой.

— Спасибо, это все. Я вас позову, если меня снова кто-нибудь атакует.

— Можете не беспокоиться.

Когда она вышла, он взял с ночного столика коммуникатор и сказал, что хочет говорить с начальником транспорта Фармы. После короткой паузы его соединили.

— Парма из Фармы,— услышал он голос с характерным шотландским акцентом.— С кем я говорю?

— Это Вилл Карев.— Карев взглянул на дверь палаты, убеждаясь, что она закрыта.— Где ты сейчас, Феликс?

— В клубе. Пью свой литровый завтрак.

— Ты едешь сегодня к самолету?

— Да, он прилетает минут через пятьдесят. Не знаю, успею ли.

— Успеешь, а кроме того, возьмешь с собой меня.

— Но ведь...— голос Пармы прервался от удивления.

— Это для меня очень важно. Ты мог бы взять по дороге мои вещи из домика и подъехать за мной минут через пять? — спросил Карев, стараясь, чтобы его слова прозвучали возможно более драматично.— И никому ни слова.

— Ну, хорошо. Но что случилось?

— Я расскажу потом. Приезжай скорее.

Карев отложил коммуникатор и осторожно встал с кровати. Он осмотрел шкаф, но не нашел в нем одежды, в которой мог бы отсюда выйти. Стоя у окна, он смотрел через него, пока не заметил едущий через главную площадь грузовик. Подождав, пока тот подъедет ко входу, он скользнул к двери и вышел из зала. Когда

он шел, висящее в груди правое легкое подхватило ритм его шагов, чуть постукивая о ребра. Стараясь не нарушать равновесие, он незаметно покинул здание, а потом сел в ждущий его грузовик. Несмотря на облегчение, которое его охватило, он чувствовал себя оскорбленным тем, что никто не заметил его бегства.

— Пойми меня правильно,— сказал Парма, от которого пахло пивом.— Как все прочие, я люблю развлечься, особенно в такой дыре, но тебе, случайно, не следует лежать в постели?

— Поехали,— поторопил его Карев, беспокойно поглядывая на дверь госпиталя.

— Хорошо, Вилли, но мне это не нравится,— заявил Парма, отпуская сцепление, так что колеса закрутились на месте, поднимая пыль, а потом грузовик двинулся через площадь, визжа и скрипя колесами и корпусом, протестующими против такого обращения.— И сразу тебе скажу, что это не лучшая машина для бегства.

— Ничего, сойдет.

Карев внимательно посмотрел по сторонам, ища каких-нибудь признаков заинтересованности его отъездом. Однако на накаленной солнцем базе было тихо, и видно было только двух мужчин в голубых униформах Объединенных Наций, развалившихся в тени тента. Возможно, это те самые, которых он видел накануне точно в том же месте. Ни один из них даже не взглянул на грузовик, проехавший мимо, волоча за собой вихрь пыли и сухих листьев.

— А собственно, что ты такое сотворил? — спросил Парма, когда грузовик выехал на лесную дорогу, и деревья по обе стороны сомкнулись, бросая на нее тень.

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Вот как? — буркнул удивленный Парма.— Я спрашиваю потому, что люблю заранее знать, если лезу в какие-то неприятности.

— Прости меня, Феликс,— ответил Карев, поняв вдруг, как далеко зашел, используя такое недолгое знакомство.— Я не пытаюсь уйти от объяснений. Я действительно ничего не сделал, разве что ты сочтешь проступком невыполнение указаний врача.

— Зачем тебе так нужно быть там, когда прилетит самолет?

— Мне нужно не только быть там, но и улететь на нем,— объяснил Карев и добавил: — Как думаешь, это можно сделать?

— Ну и жара,— мрачно сказал Парма.— Нужно было взять с собой пару банок пива.

— Ну, так как же? — допытывался Карев.

— Ты припираешь меня к стене, Вилли. Я тоже работаю для Фармы, но начальник транспорта не должен нелегально переправлять людей вместе с грузом.

— Я не хочу, чтобы меня отправляли нелегально. Впиши меня

в сопроводительные документы, или как это там называется, и ничего больше.

Парма вздохнул, и заполняющий кабину пивной перегар, смешавшись с запахом пота, стал почти невыносим.

— А что ты имеешь против полета на самолете, заказанном для тебя доктором Реддингом?

— Ничего. И именно поэтому не хочу на нем лететь.

— Что? — спросил Парма и выругался, поскольку грузовик подскочил на выбоине, и его занесло. Борясь с рулем, он снова вывел машину на дорогу.

— На базе есть кто-то, покушающийся на мою жизнь, и он может подложить в самолет бомбу.

Услышав это, Парма расхохотался.

— Эх ты, кочерыжка — так говорят в Глазго вместо «капустный лоб» — кому нужна твоя смерть?

— Именно это я и хотел бы знать.

— Вилли, единственные люди в этих местах, имеющие что-то против тебя, это те бывшие натуристы, которых ты вчера остудил, но они не могут даже приблизиться к базе,— сказал Парма, весело смеясь.

Карев справился с раздражением, охватившим его от того, что вопросы, бывшие для него делом жизни и смерти, вызывали у других в лучшем случае смех или сомнение.

— Это началось еще до моего участия в экспедиции,— объяснил он.— А прошлой ночью какой-то человек вошел в госпиталь и хотел заколоть меня ножом.

— Это был сон, обычное явление после того, что случилось днем.

— Это не был сон, на меня действительно напали,— сказал Карев, после чего детально описал нападавшего, отметив про себя, что легкое начало тереться о ребра в такт подскакивающему на неровностях грузовику.— Ты не мог бы ехать помедленнее? У меня резонирует легкое.

— Конечно,— ответил Парма, притормаживая и сочувственно глядя на грудь Карева.— Я вижу, ты действительно хочешь любой ценой убраться отсюда. Я не знаю никого, кто подходил бы к описанию, но возможно, на базу пробрался кто-то чужой.

— Так я и подумал. Ну так как? Ты посадишь меня в этот самолет или нет?

Парма помял пальцами свой красный нос.

— Знаешь, Вилли, мне нравится, как ты управляешься с пивом, и если бы не это...

— Спасибо, Феликс. Где мой саквояж?

Карев пробрался назад и снял с себя пижаму. Его обрадовало, что повязка на груди невелика и хорошо держится. Переодевшись,

он вернулся в кресло возле водителя, и тут рев реактивных двигателей, поставленных вертикально, заглушил рокот грузовика Пармы. Над ними пронесся серебристый самолет, задрав нос, и скрылся за деревьями.

— Вот и твой рейс, он немного раньше,— сказал Парма.

— Я и не знал, что он такой шумный.

— Все самолеты вертикального взлета и посадки ревут одинаково. Это их конструктивная черта, но обычно ты слышишь, как они стартуют, в заглушающих туннелях,— объяснил Парма, громко шмыгая носом.— Здесь же никто не заботится о таких мелочах.

— А что с пилотом? Будут из-за меня какие-нибудь затруднения?

— Скорее, нет,— ответил Парма, поглядывая на часы. Это была старая радиомодель, но — как с сожалением отметил Карев — она действовала там, где его татуировка, принимающая радиоволны, оказалась непригодной.— Это, наверняка, Колин Бурже. Когда она попадает в наши края, то всегда прилетает пораньше, чтобы немного позагорать. Я успел достаточно хорошо узнать ее.

— Это та, с которой я прилетел?

— Точно, я совсем забыл об этом,— Парма толкнул Карева в бок.— Пришлась тебе по вкусу, а?

— Точно.

Карев мысленно вернулся к темноволосой девушке, которая у него на глазах сняла блузку. Тогда его охватило желание, смешанное с чувством вины, но это было ничем, по сравнению с примитивным вожделением, вспыхнувшим сейчас при одной мысли о ее обнаженном бюсте. «Они не ошиблись с этим Е.80,— подумал он,— я вовсе не остыл». Спустя несколько минут грузовик выехал на залитый солнцем аэродром. Пилот, уже сидевшая на передней лестнице, с ловкостью дикого зверя натянула блузку.

— Прибыли,— шепнул Парма и, впервые намекая на внешний вид Карева, говорящий о его состоянии, добавил: — Вилли, ты прожил несколько десятков лет. Ты ни о чем не жалеешь?

— Немного да,— ответил Карев,— но несколько не о том, о чем ты подумал.

Глава ДЕСЯТАЯ

— Добрый день, Колин! — крикнул Парма.— Не бросай загорать из-за меня.

Щуря глаза от солнца, женщина подняла голову и заглянула в кабину грузовика.

— Я перестаю загорать не из-за тебя, а из-за себя,— ответила она.— Чем скорее ты сделаешь укол, Феликс, тем лучше для всех.

— Очень мило,— обиженно сказал Парма.— Вот благодарность за то, что я консервирую себя в состоянии готовности.

— Интересно, что это за консервирующее средство?

— По-моему, у тебя сегодня слишком острый язык,— сказал Парма и вылез из машины. Следом за ним последовал Карев.— Ты уже знаешь Вилли Карева, правда?

— Да,— ответила пилот, глядя на Карева.

Он заметил, что зрачки ее глаз, в которых отражаются солнечные лучи, сверкают, как две золотые монетки.

— Я хотел попросить тебя, чтобы ты подбросила его до Киншасы. Ему нужно домой.

— Да? Быстро вы отсюда удираете.

— Вилли получил ножом в грудь от натуриста,— поспешил объяснить Парма.— Собственно, он не должен даже вставать с постели, но, как я уже сказал, у него есть причины поскорее убраться отсюда.

Девушка с интересом посмотрела на Карева, но когда заговорила, в ее голосе звучало сомнение.

— Я могу изменить сопроводительные документы, если ты этого хочешь, но помни, что у меня не санитарный самолет. Что будет, если он упадет в обморок во время полета?

— Такой большой и сильный мужик упадет в обморок? Выдам тебе секрет, Колин, этот молодой человек...

— Может говорить сам за себя,— закончил за него Карев.— Уверяю вас, что мне не станет плохо, я не упаду в обморок и не сделаю никакой другой глупости. Вы заберете меня или нет?

— Только спокойно,— сказала Колин, снова взглянув на Карева, которому показалось, что он видит на ее лице тень неуверенности.— Ну, хорошо, если вы готовы в дорогу, прошу садиться.

— Спасибо.

Заметив неуверенность девушки, Карев почувствовал, как в нем дрогнула мужская гордость — неужели внешние признаки остывания не смогли скрыть его мужественность? Он сел на ступеньке грузовика, обхватив руками деревенеющую грудную клетку, а Парма с девушкой занялись разгрузкой самолета. У него была слабая надежда, что они стартуют сразу, но они еще час ждали прибытия других машин, которые подъезжали, забирали или оставляли ящики и исчезали в лесу. Большинство водителей были в хороших отношениях с пилотом, а из разговоров он сделал вывод, что они работали для многих контрагентов программы Объединенных Наций: специалистов по управлению погодой, снабжению, наземному транспорту, строительству, и для других служб, необходимых для поддержания затерянного в глуши островка технической цивилиза-

ции. Некоторые входили в самолет покурить и обменивались парой слов с пилотом, и тогда он видел, что они с интересом посматривают в его сторону. Его беспокоило опоздание и то, что не удалось исчезнуть вдруг и незаметно, как он планировал. Каждый из этих людей, курсирующих между базой и самолетом, мог быть агентом тайной силы, которая старалась его уничтожить...

Неожиданно услышав громкий взрыв смеха в самолете, он вскочил на ноги и совершил унизительное открытие, что ревнует. После короткого разговора и одного вопросительного взгляда он вбил себе в голову, что имеет какое-то особое право на Колин Бурже. Та же логика, что в сказке о принцессе, которая подсознательно узнает принца, скрытого под видом жабы, а потом автоматически выходит за него замуж. Он вдруг почувствовал к себе такое отвращение, что даже фыркнул. «Что ни говори, эта роль доставляет тебе удовольствие,— сказала когда-то Афина,— но это нечто большее, чем разгуливать с заросшим щетиной лицом и сачком...» Однако это было еще до того, как она отказалась от всего, что говорила о моногамном супружестве, и тем самым потеряла право судить его слабости. Он подошел к переднему люку и заглянул в самолет. Колин искренне смеялась чему-то, а когда их взгляды встретились, Карев отметил, что ее глаза еще больше похожи на блестящие золотые кружки. С расчетливой томностью он ответил улыбкой на ее улыбку и снова сел в грузовик.

Похоже было на то, что, несмотря на беззаботность, Колин старательно помечает в блокноте привезенные и полученные товары. Движение вокруг самолета постепенно ослабевало, и наконец на месте остался только грузовик Пармы. Пока Колин проверяла, хорошо ли закрыты двери грузового отсека, Карев попрощался с Пармой.

— Спасибо за все,— сказал он.— Как только узнаю, отчего моя жизнь пошла вверх дном, свяжусь с тобой и все тебе объясню.

— Охотно послушаю тебя, Вилли. Будь осторожен.

Карев пожал ему руку, сел в самолет и пристегнулся ремнями к пассажирскому креслу сразу за местом пилота. Его очень обрадовало, когда оказалось, что он будет единственным пассажиром.

— Ну, поехали,— сказала Колин, герметично закрывая переднюю дверь и пристегиваясь ремнями к креслу. С импонирующей ловкостью она включила системы управления, запустила стартеры турбин и медленно направила самолет вверх. Когда они поднялись выше деревьев, она слегка опустила нос и стартовала, резко забираясь вверх, что вызвало у Карева странное чувство в пустом месте под ребрами. Он схватился за грудь.

— Простите,— сказала Колин, оглядываясь на него.— Больно?

— Не очень, но у меня выпущен воздух из одного легкого,

и оно так сильно реагирует на ускорение, что могло бы служить безынерционной системой управления.

— Как это произошло?

— Это неприятная история,— ответил он и рассказал ей, как дошло до удара ножом, стараясь не выставлять себя героем.

— Фатально,— сочувственно сказала она,— но я по-прежнему не понимаю, почему вы так торопитесь уйти с базы.

Карев на некоторое время задумался над ответом.

— Меня хотел убить еще кто-то, уже на базе,— сказал он и замолчал, ожидая взрыва смеха. Однако его не было. Колин сидела, хмуря брови, а он удивлялся, как мог подумать, что она мало привлекательна.

— Вы догадываетесь, кто это был и почему так поступил?

— Гмм... нет.

Подсознательно он объединял нависшую над ним угрозу с тем, что принял дозу Е.80, но единственным, с кем он мог поделиться сомнениями, был Баренбойм.

Колин восхитительно передернула плечом.

— До чего таинственно и очаровательно,— сказала она.

— Да, таинственно,— ответил Карев,— но совершенно не понимаю, какой провод, то есть повод... провод... заговорил со мной из патефона...

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросила Колин, поворачиваясь в кресле.— Вы так странно говорите...

Он со страхом взглядывался в нее. Какие-то удивительно странные вещи происходили с золотыми кружками ее глаз... нет, даже не с самими глазами, а только с их расстановкой... они чудовищно разошлись, и теперь их разделяло расстояние, равное периметру вселенной, поскольку, хотя они по-прежнему находились на ее лице, их разделяли миллионы световых лет...

Рев белого вихря, напор силы тяжести... напор? Карев заморгал и, напрягая глаза, взглядывался в остальные пассажирские кресла. Они двигались относительно друг друга, на этот раз на самом деле. На теле сжались металлические захваты. Здоровое легкое колотилось в груди, как сердце. Он взглянул вниз, на танцующие вдали вершины деревьев, потом снова вверх. Самолет с прямоугольной дырой в корпусе летел дальше и находился высоко над ними, все более уменьшаясь. Остальные кресла вокруг него поднимались и опускались на воздушных течениях или вращались вокруг своих осей с висящими ремнями. Чистый, холодный воздух обжигал ноздри.

— Не бойся,— крикнула Колин, и тут же около него пролетело кресло пилота, из которого торчали во все стороны разные трубки, провода и рычаги.

— Что случилось? — крикнул он, цепляясь пальцами за под-

локотники. Где-то на западе сверкала лента реки, и ему показалось, что на ближнем берегу он заметил облачко дыма. Вершины деревьев были совсем рядом и приближались с устрашающей быстротой.— Что в нас попало? — спросил он.

— Каждый расчет — это верная гибель,— ответила Колин, голос которой почти потерялся в шуме рассекаемого воздуха.

— Осторожно! — предупредил он.— Сейчас приземлимся.

Он внимательно осмотрел подлокотники кресла и нашел в углублении торчащий рычажок, который можно было передвигать пальцем. На память ему пришли сотни брошюр о безопасности полета, которые он когда-то внимательно прочел. Он помнил, что нажатие рычага увеличивает пористость невидимой магнитной оболочки, поддерживающей кресло, и тем самым ускоряет падение, ослабление усиливает поле, а передвижение в сторону изменяет поле так, что кресло летит в нужном направлении.

Карев вздрогнул, ибо миновал верхушки деревьев, и со всех сторон его окружил бесформенный котел листьев. Он слышал, как другие кресла с треском пробиваются сквозь буйную растительность, но все внимание сосредоточил на минимальных и, казалось бы, неважных движениях пальца, которые должны были обеспечить ему безопасное приземление. Прямо под ним появилось какое-то низкое дерево, и он толкнул рычаг вправо, но кресло среагировало недостаточно быстро, и полетело наискось вниз, продираясь сквозь ветви дерева. При этом оно подскакивало, дрожало и тормозило, Карева били по лицу мелкие ветки, а потом он оказался на земле, каким-то чудом сохранив вертикальное положение. Сквозь буйную растительность с громким треском падали остальные кресла. Карев нажал освобождающую кнопку, и, когда металлические захваты спрятались в свои гнезда, спокойно встал.

— Эй! Эй! — услышал он.

Задрав голову, он увидел, что кресло Колин застряло, накренившись набок, в нижних ветвях раскидистого дерева. Девушка находилась метрах в восьми над землей, но все-таки улыбалась.

— Подожди! — крикнул он.— Я залезу на дерево.

— Хорошо и то, что есть. Без расчета нет полета.

Колин освободилась из кресла и сделала шаг вперед, в пропасть. С развевающейся гривой темных волос, лениво перебирая ногами, она, как камень, полетела вниз и упала на заросшую кустами кочку.

Карев бегом бросился по неровной почве и трясущимися руками раздвинул куст. Колин была без сознания, а по лбу у нее стекала блестящая, как лакированная, струйка крови. Он поднял у нее одно веко и кончиком пальца коснулся глазного яблока. Глаз не реагировал, и на основе своих скудных медицинских знаний Карев сделал вывод, что Колин находится в состоянии глубокой потери

сознания или даже получила сотрясение мозга. Он ощупал её безвольное тело и, не найдя нигде переломов, вытащил ее из куста и положил на мох.

Опустившись рядом с ней на колени, он внимательно осмотрел все царапины на своей коже и попробовал восстановить ход событий. Единственное объяснение, которое он мог предложить, это то, что в вентиляционную систему самолета с помощью часового механизма впустили какой-то галлюциноген с быстрым действием. Это был не иллюзоген или какое-то другое средство, доступное в аптеках, а что-то, вызывающее нарушение координации движений и ориентации в пространстве, и значит, смертоносное в условиях полета. Похоже было на то, что сначала он подействовал на Карева, быть может, потому, что его единственное легкое работало с максимальной производительностью, и, вероятно, по той же причине был раньше удален из его организма. Увидев, что произошло с ним, Колин успела вовремя катапультировать их из самолета. Наркотик продолжал действовать на нее и после приземления, отчего она и попыталась прогуляться по воздуху.

«Четвертое покушение на убийство»,— подумал Карев. К тому же тот, кто за этим стоял, оказался настолько беспощаден, что готов был вместе с ним послать на смерть непричастную к делу женщину. Карева снова охватил бессильный гнев. Снова жизнь ему спасла случайность, но не может же ему без конца везти...

Потом ему пришла в голову еще одна мысль. До сих пор он считал, что последнее покушение провалилось, но разве, несмотря на это, он не обречен на верную смерть? Самолет, бездушная машина, летел дальше не юго-запад. Его двигатели, извлекающие из воздуха воду, которая превращалась в топливо, вероятно, унесут его далеко за Атлантику, и, значит, нет возможности вызвать спасательную группу на место катастрофы. Они разбились километрах в ста от ближайшего селения, к тому же в таком районе, где, если посчастливится, за день можно сделать километров десять. Однако он, имея на руках раненую женщину, двигался бы гораздо медленнее.

Жужжание крылатых насекомых в тяжелом воздухе усилилось и стало зловещим, так что трудно стало собираться с мыслями. Он сжал ладонями виски. Река, которую он заметил, падая, вероятно, Конго, текла на западе, и именно там поднималась струйка дыма, которая могла означать селение. Он взглянул на Колин и похлопал ее по щекам, надеясь, что она придет в себя, но лицо ее осталось бледным и неподвижным. Он снова испытал чувство, что только что прибыл в Африку и всего несколько секунд назад его вырвали из дома. Потрясающая чуждость этого континента начиналась со странных и незнакомых мхов, на которых он лежал, и простиралась во все стороны, на тысячи километров, таинственная и враждебная. Он же, затерянный в этом мире, не был готов к тому, что-

бы схватиться с ним. Ему нечего было делать в Африке, он не имел права работать здесь, не имел права даже быть здесь. Смирение, охватившее его, сменил через минуту яростный гнев, постепенно становившийся неотделимой частью его натуры.

Он сунул руку под лежащую Колин, осторожно поднял ее и двинулся на запад, к реке.

До захода солнца оставалось около часа, поэтому он не мог добраться к реке до темноты, но что-то заставляло его идти и идти. Уже через несколько минут он истекал потом, а его здоровое легкое, казалось, готово было в любую секунду разорваться. Он двигался вперед еще медленнее, чем предвидел. Местность была такой неровной, постоянно приходилось то подниматься, то спускаться, и даже там, где проходы не блокировал подлесок, крутые склоны создавали непреодолимую преграду, заставлявшую искать обход. Он упрямо шел — не клал теперь Колин на землю, когда отдыхал, а прислонял ее к стволу дерева, чтобы избавать себя от необходимости каждый раз поднимать ее снова. Резкие крики обезьян и птиц порой затихали, звуча, как эхо событий из другого мира.

Когда темнота расставила по лесным проходам свою стражу, ноги стали отказываться повиноваться ему. Хрипло дыша, он осмотрелся вокруг в поисках какого-нибудь убежища. Колин в забытьи шевельнулась у него на руках и застонала. Он положил ее на землю, едва не перевернувшись при этом, и стал смотреть на нее, ожидая других признаков возвращения сознания. Она снова застонала, задрожала и шевельнула руками. Из-под полуопущенных век выглядывали белки глаз, а сотрясающая ее дрожь усилилась.

— Колин, ты слышишь меня? — настойчиво спросил он.

— Хо... холодно,— сказала она тонким детским голоском.

— Сейчас я тебя прикрою. Только...— говоря это, он стащил с себя тунику, старательно укутал ее и оглядел темнеющую панораму леса. Становилось все холоднее, а в его распоряжении были только трава и листья. Он начал рвать горстями высокую траву там, где в нее падали самые большие листья, и бросал все это на ее ноги и тунику. Когда он закончил, было уже совсем темно, и теперь уже он задрожал от холода. Он залез под тунику, стараясь не сбросить покрывавшую ее траву, и обнял Колин. Она свободно и естественно шевельнулась рядом с ним, положила ногу на его ногу, и тело Карева залила волна блаженства. Он лежал совершенно неподвижно, с закрытыми глазами, пытаясь расслабиться. Незаметно уплывали минуты, может, даже часы, во время которых он плавал по мелководью океана сна. Порой он приходил в себя, и тогда видел над собой яркие фонари звезд. Завороженный самой дальней точкой убегающего света, он мчался через галактику. В конце концов он понял, что Колин не спит.

— Вилл? — спросила она.

— Да,— ответил он, стараясь говорить спокойно.— Ты в безопасности. Тебе ничего не грозит.

— Но что случилось? У меня какие-то сумасшедшие воспоминания.

— К сожалению, я впутал тебя в свои непонятные дела.

Он представил ей свою версию, объясняющую, как дошло до этой катастрофы, потом описал дальнейшие события.

— И теперь ты хочешь нести меня на руках до самой реки Конго?

— Ты не так уж тяжела. Мы прошли уже километра два.

Он заметил, что она не убрала ноги, переброшенной через его ногу, и все так же крепко прижимает груди к его боку.

Она рассмеялась.

— Ты невозможен. А ты не подумал, что?..

— Что именно?

— Нет, ничего. Думаешь, у нас есть шанс дойти пешком до цивилизации?

— Не знаю,— мрачно ответил он.— Я думал, что узнаю это от тебя.

После долгой паузы она заговорила снова.

— Я скажу тебе только одно.

— И что же?

— Ты вовсе не остывший.

— О! — Он хотел было возразить, но его тело давало ей неопровержимое доказательство, что она права.— Ты сердишься?

— А должна?

— Когда мы прилетели сюда, я видел, как ты загораешь.

— По-моему, твоя маскировка совсем не ради этого. Кстати, у меня уже тогда были сомнения. Сколько женщин тебе удалось обмануть?

— Множество,— заверил он ее.

— Значит, это были не настоящие женщины, Вилл.

Эти слова сопровождало легкое, но убедительное движение бедрами, и он ответил тем же, поскольку ничто в мире не могло его удержать. Она жадно прильнула губами к его губам, и он пил с них ошеломляющий нектар, наполнявший его теплом и надеждой. «Оправдывает ли тебя потребность в надежде?» — задала его совесть вопрос его телу. Он сопротивлялся вожделению, пытаясь взвесить аргументы против того, чтобы поддаться минутному настроению. Афина? Афина изменила правила игры. А сама Колин? Он коснулся засохшей крови на ее лбу.

— Ты поранилась,— шепнул он.— Порядочно ли это с моей стороны?

— Я бессмертна, а у бессмертных раны заживают быстро.—

Он чувствовал на своем лице ее горячее дыхание.— Кроме того, мы, может, никогда отсюда не выберемся.

— Ну, хорошо,— сказал он, переворачиваясь и перенося вес тела на упругую плоскость ее бедер.— В таком случае мы оба выигрываем.

На рассвете, когда они помогли друг другу одеться, Карев взял Колин под руку и хотел двинуться на запад, но она удержала его.

— Не туда,— сказала она.— Нам нужно вернуться на место приземления.

— А что это нам даст?

— Эти авиакресла — стандартный тип, используемый Объединенными Нациями в джунглях: во всех есть радиопередатчик, начинающий работать сразу после катапультирования.

Карев схватил ее за плечи.

— Значит, мы не погибнем? — воскликнул он.

— А разве я утверждала обратное?

— Вчера ты сказала, что, может, мы никогда отсюда не выберемся,— укоризненно напомнил он.

Колин пожала плечами.

— Но ведь нас могли покусать ядовитые змеи.

— Ах, ты...— он потряс ее, давясь смехом.— Почему ты не сказала мне об этом вчера?

— Гмм...

— Демонстрировала твердость духа и благородство?

Она рассмеялась и обняла его.

— Тебе нечего стыдиться, Вилли, в этой роли ты неповторим. Можешь сказать жене, что тебя окрутила лишенная совести африканская летчица.

— Откуда ты знаешь, что у меня есть жена?

— Но ведь есть, правда?

— Да, я женат. Один на один. Это имеет какое-то значение?

Прежде чем она успела ответить, с востока донесся рокот вертолета.

— Нужно спешить,— сказала она.— Нас будут искать, а потом расспрашивать.

— Я думаю.

Карев нахмурился. Покончив с одной неприятностью, он тут же попадал в лапы других, которые все больше обострялись. Незаметно и быстро добраться домой ему помешали. Можно было предвидеть, что исчезновение самолета привлечет к нему всеобщее внимание, и тем самым выдаст его местопребывание неизвестным, охотящимся за ним, а может, даже будет угрожать раскрытием тайны Е.80.

— Что тебя гнетет, Вилл? — спросила Колин, заглядывая ему в глаза.— Разве для тебя это было так страшно?

— Это было чудесно,— искренне ответил он,— но моя полная тайн и неожиданностей жизнь с каждой минутой все более усложняется. Я воспользовался твоим самолетом прежде всего для того, чтобы быстрее добраться до дома.

— Ты хочешь сказать, что если придется задержаться в Киншасе, тебе будет угрожать смерть?

— Есть еще и другие причины, о которых я не могу говорить.

— Тогда идем,— Колин отпустила его и пошла.— У меня есть друзья в Киншасе, они мигом оформят документы и отправят тебя в дорогу.

— Документы! — ворчал Карев, направляясь за ней.— Как часто тебе приходилось терять самолет?

— А я его вовсе не потеряла,— снисходительно ответила она.— Зачем же тогда, по-твоему, системы автоматического приземления? Самолет сел вчера в Киншасе. Не так гладко, как под моим руководством, но все же без повреждений.

— Полный газа, вызывающего галлюцинации?

— Сомневаюсь, потому что каждые четыре минуты система климатизации полностью меняет воздух в кабине.

— Правда? — Он помог ей перелезть через поваленное дерево.— Те, кто охотятся за мной, до сих пор не оставили никаких конкретных следов. Если баллон под газ сделали из самоуничтожающегося пластика, то не осталось ничего... А как мы объясним факт, что покинули самолет?

— Скажу, что что-то испортилось. Прежде чем они разберутся, пройдет два дня.

— Как жаль, что я не знаю техники,— сказал он.

— Подумай, сколько бы ты из-за этого потерял,— упрямо сказала Колин.

Она легко обогнала его: мускулы крепких и все-таки стройных ног напрягались на каждом шагу. Они шли, ориентируясь по рокоту вертолета, и через четверть часа добрались до места, где приземлились. Когда они нашли первое пустое кресло с самолета, одежда Карева была мокрой от росы, нападавшей с листьев. Кресло лежало на боку у подножия дерева. Вертолет терпеливо кружил над балдахином ветвей, которые прогибались и колыхались под напором направленного вниз потока воздуха.

— А где мое кресло? — спросила Колин.

Карев огляделся и указал ей кресло, которое до сих пор торчало в ветвях дерева.

— Здесь ты приземлилась,— сказал он.— Точнее, зависла.

Колин присвистнула.

— И я просто шагнула оттуда?

— Когда я это увидел, то совсем потерял голову.

— Нужно признать, что это ставит вопрос в совершенно ином

свете. Я скажу подругам, что́ нужно делать, когда они полетят по этой трассе.

Карев с трудом заставил себя улыбнуться. Колин начинала говорить, как многие из его неудовлетворенных знакомых, которые кончали в Клубах Приапа, и все же выглядела в сравнении с ними совсем иной. Он вдруг понял, что перемена произошла в ней, когда она убедилась, что он женат. Он с беспокойством смотрел, как она лезет на дерево и, гибко двигаясь, пробирается к застрявшему в ветвях креслу. Она что-то вынула из него, поднесла ко рту, и он услышал голос, едва пробивающийся сквозь рев вертолета. Спустя минуту она вновь была на земле, поправляя голубую блузку, выбившуюся из-за пояса юбки.

— Они спустят за нами клетки,— небрежно сказала она.

— Колин,— быстро произнес он,— может, это наша последняя возможность поговорить наедине.

— Возможно.

Он схватил ее за руки.

— Я женат уже десять лет, но только вчера впервые нарушил клятву верности. В первый и единственный раз,— сказал он. Она хотела вырвать руки, но он не отпустил.— Понимаешь, я вовсе не уверен, что по-прежнему имéю жену. Что-то между нами произошло. Я не могу тебе этого рассказать, но мое пребывание в Африке в роли остывшего и попытки увернуться от убийц прямо связаны с этим.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Не хочу, чтобы ты думала, что я отправляюсь в теплый семейный угол после маленького прыжка в сторону. Это не в моем стиле.

— Но зачем ты мне все это говоришь?

— Потому что я считаюсь с тобой. Я мог бы тебя полюбить, Колин.

Она вызывающе посмотрела на него.

— Ты так думаешь?

— Я знаю наверняка.— Собственные слова огорчили его, ибо были близки к правде, но не совсем отвечали ей. Он был благодарен Колин, но благодарность, которой он не мог как следует выразить, переродилась в чувство вины.— Послушай, если окажется, что у меня уже нет жены...

— Не надо, Вилл,— мягко ответила она.— Ты перебираешь с благородством.

Он выпустил ее руки, и инстинктивно, как будто договорившись, они отошли друг от друга, когда среди деревьев появились две клетки, спущенные наудачу со ждущего их вертолета.

Глава ОДИННАДЦАТАЯ

Карев облегченно вздохнул только над Атлантикой, летя на запад стратосферным кораблем. Вместо того, чтобы добираться по определенным каналам до кредитов Фармы и тем самым задержать отлет, он избрал другой путь — воспользовался собственным кредиском, чтобы оплатить перелет из Киншасы в Лиссабон, а оттуда до Сиэтла. В Лиссабоне он пережил неприятную минуту, когда узнал, что билет будет стоить более тысячи новых долларов — ему пришло в голову, что его текущего счета может не хватить. Однако компьютерная сеть подтвердила его платежеспособность, и он вспомнил, что в этом месяце у нового доллара был очень выгодный по отношению к эскудо курс.

Одним из побочных результатов бессмертия была необходимость реформы мировых денежных систем. Не говоря уже о связанном с ним ростом производительности труда, средний доход на одного потребителя в Соединенных Штатах, оценивавшийся в пять тысяч долларов в середине двадцатого века, увеличился бы за три столетия до суммы, превышающей восемь миллионов долларов ежегодно. Введение в жизнь биостатов, ведущее к оптимальному использованию мыслительного потенциала и доступных средств, взвинтило ежегодный прирост производительности до уровня десяти процентов, и появились прогнозы доходов порядка миллиарда долларов в год. Чтобы не допустить того, что доллар станет ничего не значащей мелкой монетой, его стоимость сделали постоянной и неизменной долей общественного продукта, рассчитываемой раз в месяц. По международному соглашению прочие государства предприняли подобные шаги, создав также денежный фонд Объединенных Наций, который поглощал разницу, возникающую между валютами отдельных стран.

Стратосферный корабль спустился пониже, пробиваясь сквозь плотные слои воздуха, когда Карев совершил удивительное открытие. Он пролетел уже восемь тысяч километров, и ни разу не подумал, что самолету может грозить авария. Возможные опасности воздушного путешествия были ничем в сравнении с тем, что он пережил за прошедшие два дня на земле — и все-таки остался жив. Он оказался в таких переделках, когда судьба его зависела от него самого, и справился. Мысль эта вызвала у него тупое удивление, не покидавшее его до минуты, когда он выходил в Сиэтле. Благодаря тому, что летя с востока на запад, он выигрывал во времени, здесь был еще день, и ему удалось попасть на самолет, который еще до темноты доставил его домой.

На пастельных оттенков здания падала все более глубокая тень, в зеркальных окнах и стенах отражалось небо цвета платины.

Мир снова выглядел знакомым, и мрачное чувство опасности ослабло. Карев хотел только одного: узнать, что Афина дома и ждет его. Тогда африканский эпизод развеялся бы, как дым. В гараже в аэропорту он сел в болид и не спеша поехал домой. Как он и ожидал, их купол был погружен в темноту, но только увидев его, он признался самому себе, что втайне рассчитывал застать Афину. Он вошел внутрь и зажег свет. Перед уходом она прибрала дом так старательно, что он выглядел совершенно нежилым. Воздух был стерилен.

«Как я мог допустить такое?» — спрашивал он самого себя. Его поразила собственная глупость и поразительная беспомощность. Когда Е.80 расходился по его венам, он должен был позвонить Баренбойму и попросить втолковать Афине, как выглядит правда. Тем временем он принес в жертву свое супружество, чтобы защитить изобретение, в которое вложила деньги Фарма, и его жертва оказалась напрасной, поскольку все указывало на то, что какие-то люди уже знают о Е.80 или по крайней мере что-то подозревают. Он устал, и его здоровое легкое перекачивало воздух с таким трудом, как будто он только что закончил бег. Несмотря на это, он решил ехать к Афине и все уладить. В случае необходимости он был готов отвести ее к Баренбойму, хотя существовал более простой и вместе с тем более приятный способ доказать ей, что он остался исправным...

Он подошел к видеофону и набрал номер коммуны, в которой жила Катерина Таргет, мать Афины, однако, прежде чем его соединили, отключился. До коммуны было неполных пятнадцать километров, и он мог доехать туда за несколько минут. Он не был у нее более двух лет, но мог ввести телекоммуникационно-картографический номер здания в дорогоуказатель болида и пользоваться во время езды сообщениями, касающимися трассы. Уже опускалась ночь, когда он подъехал к двухэтажному зданию, которое было легко узнать, поскольку именно такие отдавали женщинам, желавшим жить группами. Там находились отдельные квартиры для матерей с дочерьми, а также комнаты, служащие временным романам с проезжающими мужчинами, но в остальном жизнь проходила совместно. Кареву здесь не нравилось, главным образом потому, что его собственная мать после ухода отца, который отправился искать счастья в других связях, по-прежнему жила в маленьком домике.

Оказалось, что ворота открыты, и он прошел внутрь на прямоугольный двор, где худощавая брюнетка, выглядевшая лет на двадцать с небольшим, возилась на клумбе с цветами. Судя по внешнему виду, это могла быть мать Афины, но память на лица была у него неважной, и он не был уверен.

— Миссис Таргет! — крикнул он.— Вы мать Афины?

Она повернулась к нему с улыбкой, которая не скрыла холода, появившегося в ее глазах, когда она заметила его чистый подбородок.

— Нет,— ответила она.

— Простите. Вы похожи...

— На члена семьи? — закончила она. Голос у нее был теплый, звучный.— Так оно и есть. Я бабка Афины. А вы?

— Меня зовут Вилл Карев. Я не знал, что...

— О, здесь нас живет четыре поколения. Таргеты — это старинный род, и мы хотим держаться вместе.

Его собеседница закопала семечко во влажную землю, включила ручной биотрофический излучатель, направив его на семя, и критически следила, как из-под земли появляется росток, разрастается, пуская листья, и расцветает, совсем как в ускоренном фильме.

— Это очень... красиво,— неуверенно сказал он. Дочери, маниакально привязанные к своим матерям, которые сами были дочерьми, связанными чувственной связью со своими матерями, и так далее, всегда вызывали у него отвращение. В некоторых коммунах жило по восемь поколений женщин, что напоминало нескончающийся ряд входящих одна в другую матрешек.— Семейная связь еще не потеряла своего значения.

— Да.— Бабка Афины, которая до сих пор не представилась ему, выключила излучатель. Она присела, чтобы осмотреть вблизи новый цветок, недовольно фыркнула и вырвала, швырнув на землю, где его белые корни анемично задрожали, как черви.— Слишком высокий. Когда я не до конца сосредоточусь, они вырастают слишком высокими.

— Простите.

Карев смотрел на корни, а бабка Афины передвинула рычажок излучателя и вновь направила его на цветок. Растение почернело и исчезло, отдав свои составляющие почве.

— Облегчает работу в саду и к тому же не нужно ждать, верно? — сказал он.

— Если вам это не нравится, Вилл, а я вижу это по вашему лицу, скажите прямо.

— Кто сказал, что мне не нравится? — ответил Карев и неискренне засмеялся, разглядывая пятно на земле и непонятно почему думая о жабе, которую спас от смерти на стоянке Фармы.

— Афина говорила, что в глубине души вы луддист.

— Может, все не так плохо, раз только в глубине души,— парировал он, гадая, что значит «луддист».— Надеюсь, за это меня не арестуют.

Бабка Афины фыркнула.

— Ну, так где же Афина? — спросила она.

— Об этом я и хотел у вас спросить.

— А откуда мне это знать? Она уехала отсюда вчера, сразу после вашего звонка.— Бабка Афины поднялась и заглянула Кареву в глаза.— Как же так, разве...

— Вчера я был еще в Африке,— хрипло произнес он.— Я никому не звонил.

— Тогда где же она?

Слова эти уже не дошли до него, поскольку он резко повернулся и выбежал, но вопрос звенел в ушах всю обратную дорогу.

Старательный осмотр дома не дал никаких результатов, которые могли бы навести на ее след — он не был даже уверен, что Афина вчера заглядывала сюда. Она не оставила никакого устного сообщения, никакой записки. Совершенно ничего. Он вдруг снова начал задыхаться, подбежал к видеофону и набрал номер дирекции Фармы. На проекционном экране аппарата появилась трехмерная рисованная фигура, изображающая традиционную секретаршу.

— Мне очень жаль, сэр,— энергично сказала она,— но рабочее время кончилось, и сотрудники Корпорации Фарма покинули контору. Они снова придут сюда ровно в девять тридцать.

— У меня важное служебное дело к мистеру Баренбойму.

— Я постараюсь помочь в меру своих возможностей. Вам известен код?

Карев назвал сознательно усложненный код, который заучивали на память все высшие работники Фармы, служащий для связи в делах, не терпящих отлагательства. Секретарша, являющаяся образом в мозгу компьютера Фармы, задумчиво покивала головой.

— Примерно до полуночи мистера Баренбойма можно будет застать у мистера Эммануэля Плита,— сообщила она.— Вас соединить?

Когда Карев вместо ответа выключил аппарат, она разочарованно исчезла, расплываясь в светящемся тумане. В первый момент он хотел позвонить Баренбойму, но поскольку исчезновение Афины могло иметь связь с изобретением Е.80, решил действовать как можно осторожнее. Трудно было устроить подслушивание видеофонов, однако он допускал и такую возможность.

Он вернулся к болиду скорым нескоординированным шагом, благодаря которому мог передвигаться достаточно быстро, а бездействующее легкое не колотилось о ребра. Ноги были, как ватные, и это напомнило ему, что он почти два дня ничего не ел. Поскольку он никогда еще не был дома у Плита и только примерно представлял его расположение, он проконсультировался с дорогоуказателем в болиде, как туда лучше всего добраться. Спустя полчаса он въезжал в ворота небольшого имения, расположенного в десяти километрах к северу от его дома. Дом, построенный из настоящего камня, был низким, но просторным. Из его окон на спускающиеся

террасами газоны падал свет. Буйная растительность и необыкновенно теплый для этого времени года вечерний ветерок говорили о том, что имение климатизировано. Вылезая из болида, Карев удивленно осмотрелся по сторонам и глубоко вдохнул ароматный воздух. Он не сомневался, что вице-председатель Фармы зарабатывает очень много, однако не подозревал, что искусственно улыбающийся Плит живет в таком достатке. Пройдя через маленький патио, он уже подходил к двери, когда та вдруг открылась. Простирая к Кареву руки, из нее выбежал Баренбойм, а румянолицый Плит смотрел на это, стоя на пороге.

— Вилл! Мой дорогой! — воскликнул Баренбойм, а его глаза, сидящие глубоко в глазницах, выражали беспокойство.— Что ты здесь делаешь?

— Я должен с тобой поговорить,— ответил Карев, понявший, что Баренбойм играет эту сцену специально для него. Он только не мог понять, что за этим кроется.

— Прошу тебя, входи и садись! — пригласил его Баренбойм, беря его под руку и вводя внутрь следом за шедшим впереди Плитом.— Мне сообщили из Африки, что тебя ранили, и ты попал в госпиталь, а потом исчез или что-то вроде этого. Мы беспокоились о тебе.

Они вошли в большую комнату, полную книжных полок, где лампы бросали мягкий свет, отражающийся от деревянной мебели. В самом центре стоял на столе небольшой глобус. Позволяя направлять себя, Карев уселся в кресло у камина, где пылали бревна, неотличимые от настоящих.

— Это не я исчез, а моя жена,— уточнил он.

— Невозможно, Вилли, в наше время женщина не может исчезнуть. Она всегда оставляет яркий след в виде кредитных операций в...

— Я не шучу,— резко прервал его Карев, с удивлением отметив, что уважение, которое когда-то вызывал у него Баренбойм, исчезло бесследно.

— Ну, разумеется, Вилли. Я вовсе не хотел,— он замолчал и взглянул на Плита, который стоял в углу, внимательно прислушиваясь к разговору.— В таком случае, может, ты расскажешь, что произошло?

— С некоторого времени кто-то хочет меня убить, а теперь еще и Афина исчезла,— сказал Карев, и сделал паузу, чтобы посмотреть на реакцию Баренбойма. Затем коротко описал события двух последних дней.

— Значит, так...— сказал Баренбойм, когда Карев закончил.— И ты полагаешь, что это связано с изобретением Е.80?

— А как по-твоему?

— Мне очень неприятно, Вилли,— сказал Баренбойм,— но

я склонен признать твою правоту. Произошло именно то, чего мы хотели избежать любой ценой.

— Но...— в глубине души Карев рассчитывал, что его догадка будет отброшена.— Если кто-то похитил Афину, то что с ней произойдет?

Баренбойм подошел к бару и налил виски.

— Если ты боишься, что похитители ее убьют, то можешь спать спокойно,— ответил он.— Эксперименты, интересующие ученого, специализирующегося на биостатике, требуют сохранения подопытного в идеальном состоянии.

— Какие еще эксперименты?

— Может быть, виски? — спросил Баренбойм, вручая Кареву бокал.— Мэнни объяснил бы тебе это лучше, но, коротко говоря, их может интересовать, нормально ли развивается плод. Это очень важно. Ты слышал когда-нибуль о талидомиде?

— Гмм... нет.

— Следующий вопрос, это наследственность. Допустим, родится мальчик: будет ли строение его клеток и механизм их воспроизводства таким, как у бессмертного, или нет? Допустим, что мужской потомок исправного мужчины, бессмертного, благодаря Е.80, окажется неисправным, что тогда?

— По-моему, это не многое меняет,— нетерпеливо заметил Карев.

— Возможно, но я только хотел дать тебе понятие о том, почему наши конкуренты могли заинтересоваться твоей женой. Мы тоже хотели бы это знать. Самое главное, что она в полной безопасности, пока мы ее не найдем и не вернем обратно.

— Верно! — Карев допил виски и встал.— Я позвоню в полицию.

— А вот этого я делать не советую,— сказал Баренбойм, и стоящий в углу Плит беспокойно шевельнулся.

— Почему?

— Скажу тебе откровенно, Вилли, как обстоят дела. Ты слишком упрям, и, думаю, не простил бы мне, утаи я что-нибудь от тебя. Если на этом этапе мы введем в дело полицию, завтра утром о Е.80 будет знать весь мир. Конечно, мы хотим сделать это средство доступным всем, но при этом, чтобы им не воспользовались наши конкуренты...

— А тем временем, день за днем, тысячи мужчин закрепляются,— гневно вставил Карев, думая об африканских туземцах, которых против их воли лишил мужских достоинств.

Баренбойм пожал плечами.

— Это лучше, чем смерть, Вилли,— сказал он.— Но ты не дал мне закончить. Ты имеешь право пойти в полицию и, невзирая на последствия для Фармы, я не посмел бы тебя удержать, но я хочу предложить тебе другой выход.

— Я весь — внимание.

— По-моему, хороший частный детектив найдет твою жену быстрее, чем ватага ревностных, но шумных полицейских, и тем самым и ты и Фарма только выиграют. Я знаю подходящего человека, который охотно возьмется за это, и готов сейчас же позвонить ему. Только прошу тебя, дай мне неделю времени. Если за неделю мы ничего не добьемся, сообщай с полицию. Что скажешь, Вилли?

— Даже не знаю,— буркнул Карев. Глядя на искренне обеспокоенное лицо Баренбойма, он снова испытал мимолетное чувство, что им манипулируют, однако был вынужден признать правоту их аргументов.— Этот твой человек действительно так хорош?

— Это лучший из лучших. Я сейчас ему позвоню.

— В этой комнате нет выхода видеофона,— сказал Плит, в первый раз включившись в разговор.— Ты можешь воспользоваться аппаратом в большом салоне. Прошу.

— Вот он — грех традиционной архитектуры: ничего для удобства, все для эффекта,— вздохнул Баренбойм.— Налей себе еще, Вилли, а мы пойдем позвоним. Я уверен, что хозяин не имеет ничего против. Правда, Мэнни?

— Чувствуйте себя, как дома.

Они вышли из комнаты. Карев долил себе виски и подошел к столу, разглядывая глобус. Небольшой, размером примерно с апельсин, он располагался в сложном корпусе с карданной подвеской, увенчанной набором линз, а континенты разместили на нем как попало. Приглядевшись внимательнее, он понял, что все на нем перевернуто, как в зеркале. Поверхность глобуса была усеяна тысячами географических названий, ни одно из которые нельзя было прочесть невооруженным глазом. Разглядывая подставку, Карев обнаружил на ней два ряда кнопок, снабженных надписями: «Географическая долгота» и «Географическая широта». Удивляясь точности инструмента, он нажал самую большую красную кнопку. Глобус закрутился, устанавливаясь в положение, определенное запрограммированными координатами, а в объективе загорелся свет.

Глядя на фрагмент глобуса, высвеченный на потолке, Карев глотнул из бокала, и внезапно алкоголь потерял для него вкус, ибо в самом центре светящейся карты он заметил африканскую местность Нувель Анверс.

Значит, Баренбойм и Плит по каким-то, только им известным причинам, изучали именно этот небольшой участок континента, где его едва не лишили жизни.

Он погасил глобус и снова сел в кресло, пытаясь любой ценой придать себе свободный и беззаботный вид, когда его начальники вернутся в комнату.

Глава ДВЕНАДЦАТАЯ

Впервые в жизни оказавшись с глазу на глаз с частным детективом, Карев с интересом разглядывал Теодора Гвинни. Этот невысокий энергичный мужчина с внимательным взглядом, выглядевший так, будто остудился лет в пятьдесят, был одарен разумом, казалось, работавшим в ускоренном темпе — он мчался вперед только затем, чтобы закончить шуткой все, о чем говорилось. Кареву казалось, что Гвинни бросался на любую, даже самую банальную фразу, как терьер на добычу, и терзал ее до тех пор, пока не вырывал из нее какой-нибудь афоризм. Каждый короткий обмен фразами четырех мужчин, собравшихся в библиотеке Плита, кончался какой-нибудь эпиграммой, которую Гвинни произносил, понизив голос, обнажая при этом в улыбке снежно-белые зубы. Поначалу Карев сомневался в его компетенции, однако заметил, что Баренбойм обращается к Гвинни с некоторым уважением и прислушивается к каждому слову детектива.

— Похоже на то, Теодор, что мы поручаем тебе сразу два дела,— задумчиво сказал Баренбойм, складывая пухлые руки, как для молитвы.

— Два дела... но ты упал бы со стула, если бы я потребовал двойного гонорара,— ответил Гвинни, сверкая зубами.— Прошу прощения, давай дальше.

Баренбойм понимающе улыбнулся.

— Мы просим тебя найти жену Вилли,— сказал он.— Кроме того, есть еще его личное дело. Вилли убежден, что кто-то хотел его убить.

— Это чудовищно,— сказал Гвинни, сочувственно глядя на Карева.— Только одно может быть хуже неудачного покушения на нашу жизнь: покушение удачное.

Наученный опытом, Карев кивнул. Он еще раньше обратил внимание на то, что Баренбойм не слишком поверил в смертельную опасность, нависшую над его головой. Частицей своего естества он испытывал раздражение, не сумев убедить никого, что является целью атак убийцы, но огонь в камине так мило грел его ноги, а шотландское виски так мило согревало его желудок, что Карева охватило блаженство, превратившее усталость в наслаждение.

— Не вижу трудностей,— сонно сказал он.— Я хотел бы сотрудничать с Теодором, когда он будет искать мою жену. Догадываюсь, что одновременно он позаботится о том, чтобы я был жив и здоров.

— А я догадываюсь, что как доктор,— вставил Гвинни, потирая руки,— смогу потребовать дополнительный гонорар за врачебную опеку.

— Кстати, Вилли, ты же у нас выздоравливающий,— сказал Баренбойм.— Ты уже был у врача?

— Еще нет. Я привык работать в половину мощности.

— Я не знаток этого, но тянуть не следует. Я пришлю тебе нашего врача.

— Не беспокойся,— ответил Карев, в котором вдруг ожила неприязнь к госпиталям.— Утром я навещу своего.

— Хорошо. Пусть прицлет счет в Фарму.

— Спасибо,— Карев поймал себя на том, что едва не заснул.— Пожалуй, мне пора домой.

— Это не обязательно,— с удивительной горячностью произнес Плит, все время просидевший неподвижно на своем невидимом викторианском стуле, поигрывая брелком в виде сигары.— Предлагаю вам ночлег у меня.

Карев отрицательно покачал головой.

— Я все же предпочитаю вернуться домой,— ответил он.— Именно там могла бы искать меня Афина.

Он встал и, убедившись, что Гвинни знает его домашний номер, вышел и сел в болид. Когда он доехал до дома, ноги его на каждом шагу подгибались, и он заснул, едва упав на кровать.

Проснулся он утром, и сразу же вернулись опасения за жизнь Афины, которые так легко рассеялись вчера аргументами Баренбойма. Из рассуждений председателя вытекало, что ни у кого нет причин убивать Афину. Однако точно так же не было причин убивать и его. Тем не менее четырежды в течение одних суток он был на волосок от смерти. Хоть и не чувствуя голода, Карев сделал себе легкий завтрак, состоявший из яиц и сока цитрусовых, а потом подошел к видеофону и соединился с доктором Вести. Он договорился встретиться в десять, а освободившееся время потратил на удаление щетины и поиски чистой одежды.

Кабинет доктора Вести располагался на восьмом этаже здания медицинских наук. Карев явился туда пораньше, но кибернетическая секретарша не заставила его ждать, а сразу впустила. Вести был похож на ученого. Он остудился только после шестидесяти. Кареву он указал на стул.

— Добрый день, Вилл,— сердечно сказал он.— У тебя что, проблемы с адаптацией?

— То есть?

— Из твоей компкарты следует, что вы с Афиной недавно зарегистрированы в министерстве здоровья как бессмертные. Я думал, что, может...

— Ах, вот оно что! Нет, это не гидра вожделения поднимает свою голову, а... Можешь ли ты что-то посоветовать при проколотом легком?

Карев рассказал, что с ним случилось, не вдаваясь в подробно-

сти, правда, почему так внезапно и не предупреждая никого покинул полевой госпиталь.

— Вообще-то я должен тебя поблагодарить, Вилл,— сказал Вести, задумчиво разглядывая его.— Почти за восемьдесят лет врачебной практики я впервые сталкиваюсь с колотой раной. Разденься до пояса, и я посмотрю, что они с тобой сделали.

Он включил стоящий на столе выход компьютера и запросил подробную информацию о лечении Карева в госпитале в Африке. После едва заметной паузы устройство выплюнуло ленту бумаги, которую Вести с интересом изучил. Отложив ее, он снял с груди Карева повязку. Пока он теплыми сухими пальцами ощупывал район раны, Карев старался не смотреть вниз.

— Выглядит неплохо,— сказал, наконец, Вести, хотя в его голосе звучало сомнение.— Когда точно ты сделал себе укол?

Карев мысленно подсчитал.

— Десять дней назад,— сказал он.

— Ага. А какой марки был пистолет?

— Я работаю на Фарму,— ответил Карев, стараясь говорить спокойно, но в то же время почувствовав волнение,— поэтому...

— То есть ты пользовался Фармой Е.12?

— Конечно. А почему ты спрашиваешь?

— Так, мелочи. Мне показалось, что рана заживает медленно, слишком медленно для бессмертного. Вероятно, что-то нарушило процесс заживления. А теперь сядь, и я осмотрю то легкое.

Вести приложил к ребрам Карева головизор, чтобы изучить правое легкое. Испуганный мыслью, что случайно может увидеть свои внутренности, Карев закрыл глаза и не рискнул открыть их до конца осмотра.

— Вообще-то оно выглядит совершенно здоровым. Думаю, можно будет его снова запустить,— заявил Вести.

— Это как? Надуть?

— О, ничего страшного,— с улыбкой заверил Вести.— Я впрысну тебе в грудную клетку клеющее средство и снова прикреплю легкое к ребрам. Ты ничего не почувствуешь.

Карев мрачно кивнул головой и, напрягая воображение, постарался представить лицо Афины.

Пройдя зенит и постепенно опускаясь, солнце изменяло форму, пересекая невидимые барьеры, отделявшие друг от друга разные сферы управления погодой. Как у амебы или капли масла, стекающей по стеклу, его овал изменялся, удлинялся, разбрызгивался, образуя кровавую росу, капли которой затем вновь стягивались в целое. Слабнущие силы зимы, побежденные околоземными течениями, затаились на севере, но их держали в узде. Карев прохажи-

вался по саду, пытаясь приспособиться к новому темпу событий. С того памятного утра, когда Баренбойм вызвал его в свой кабинет; дни проходили, вспыхивая и угасая, как молнии. Теперь же время словно остановилось, и он, ожидая сообщений от Гвинни, чувствовал себя, как муха, попавшая в смолу. Несколько раз он пересек туда и обратно весь сад, мимоходом отметив про себя, что не мешало бы привести в порядок пару растений с Марса, которые начинали слишком уж разрастаться. Однако не мог всерьез заняться такими банальными вещами.

— Как дела, Вилли? — донесся голос из соседнего сада.— В последнее время тебя не было видно. Где ты пропадал?

Карев повернулся и увидел загорелое лицо Банни Костелло, который смотрел на него из-за забора.

— В Африке,— ответил он, жалея, что не заметил его пораньше, чтобы успеть избежать встречи. Сосед, самый старый человек, которого он знал, даже старше Баренбойма, родился в первой половине двадцатого века и был уже одной ногой в могиле, когда появились биостаты. Они-то и спасли ему жизнь.

— В Африке? Что ты говоришь! — недоверчиво сказал Костелло.— А уважаемая супруга вместе с тобой?

— Ты что-то знаешь, Банни?

— Что я знаю? О чем?

— Обо мне и Афине,— объяснил Карев, тяжело вздыхая.— Что ты о нас слышал?

— Ничего. Впрочем, я не любитель повторять сплетни, я от всего сердца за старое супружество, дорогой мальчик.

Значит, знает, подумал Карев.

— Почему же сам не попробуешь? — спросил он.

— Это страшно, Вилли. Ужасно. Знаешь, я уже однажды был женат.

— Правда? — спросил Карев, потихоньку отступая.

— Да... но не могу вспомнить черты ее лица. Да и имя тоже.

Лоб Карева покрылся холодным потом.

— Ну и память у тебя, Банни,— сказал он.

— Не хуже, чем у других. Помню то, что было сто лет назад.

— Я знаю таких, которые помнят в два раза больше.

«А какой в этом смысл? — задумался он.— Зачем тебе, человек, миллион завтра, если ты не можешь сохранить их в памяти?»

— Главное, сохранить последовательность,— говорил Костелло, прикрывая глаза от солнца.— Чтобы сохранить воспоминания, нужно их освежать. Какое-то время я вел дневник и собирал фотографии, но и то и другое куда-то запропастилось. Кроме того, я путешествовал, вот и потерял последовательность. А ты, Вилли, ведешь дневник?

— Нет.

— Советую тебе начать. Мне бы хватило одной зацепки. Один след, и я вспомнил бы пятьдесят лет. К сожалению, во время Великого Объединения я был в Южной Америке, а здесь все бумаги потерялись.

— А гипноз не помогает?

— Нет. Клеточные матрицы пропали. Даже у смертных они со временем стираются, а биостаты, видимо, ускоряют этот процесс.— Костелло печально улыбнулся.— Возможно, старение и память о прошлом — это одно и то же. Поэтому, если человек перестает стареть...

Освободиться от Костелло было непросто. Наконец Карев вернулся в тишину своего купола. Он принял душ, а потом сделал себе чаекофе. Уныние, охватившее его во время разговора со старым остывшим, не проходило. «Возможно ли, что придет день, скажем, лет через сто, когда мне придется заглядывать в дневник, чтобы вспомнить цвет волос Афины? — мысленно спрашивал он себя.— И вообще, существует ли бессмертие с сохранением абсолютной цельности личности? Или же это просто означает, что мое бессмертное тело будет последовательно населять ряд незнакомцев, постепенно и незаметно переходящих один в другого, по мере того как время стирает биологические записи?»

Не задумываясь над тем, что делает, он осмотрел ящики и шкафчики и нашел чистый блокнот. На первой странице вверху написал: «28 апреля 2176 года». Он вглядывался в гладкий белый лист, постукивая ручкой по зубам и совершенно не представляя, что написать и как это сформулировать. Может, это должны быть бесстрастные рассуждения, начинающиеся со слов: «Любимый дневник»? А может, лучше воспользоваться таинственной фразой: «Жена беременна, отец неизвестен». Есть надежда, что через сто лет будущий Карев сможет на основании этих отрывков воссоздать целое.

Он отодвинул от себя блокнот, подошел к видеофону и приказал провести самоконтроль. Все контуры работали нормально. Недовольный и раздраженный, он обошел весь купол, дыша глубоко и размеренно, чтобы проверить, как работает правое легкое. Ему казалось, что хорошо, он не чувствовал даже уколов, которые сделал доктор Вести. Он был готов ко всему, только бы Гвинни поскорее позвонил. Ему пришло в голову, что обнаружение каких-нибудь следов может занять у детектива несколько дней, и он громко застонал. Если так выглядит испытание бессмертием...

Ему позвонили сразу после девяти. Незадолго до этого после упорных усилий Карев погрузился в неглубокий сон и теперь резко сел в темноте, все еще слыша звонок видеофона. Несколько секунд он ничего не мог понять, глядя на яркое изображение головы

Гвинни, появившееся на экране, но потом пришел в себя. Быстро подбежав к видеофону, он сказал, что принимает соединение.

Слепо смотревшие глаза Гвинни ожили.

— О, наконец-то. Я вас разбудил?

— Что-то вроде. Я плохо себя чувствовал.

— Вы выглядите так, будто в вас стреляли,— сказал Гвинни, глядя исподлобья.— А может, соседи целились в ваш дом, открывая бутылки шампанского?

— Вы узнали что-нибудь о моей жене? — холодно спросил Карев, гадая, какую профессиональную ловкость проявил в свое время этот человек, чтобы заслужить признание Баренбойма.

Гвинни немедленно посерьезнел.

— Это еще не точно,— предупредил он,— но есть явный след.

— Какой?

— Я начал со звонка вашей жене, который якобы был от вас. Звонили с общественного аппарата в магистрате.

— Но ведь это никуда не ведет?

— В моем деле прийти никуда часто означает прийти куда-то. Кроме Фармы в районе вашего дома нет других производителей лекарств, верно?

— Да.

— Итак, я связался с парочкой знакомых, обслуживающих компьютеры в кредитных центрах, разумеется, соблюдая осторожность, и узнал, что какой-то тип по фамилии Гиман приехал в город для агентства Сопер Бюро.

— Ни фамилия, ни название ничего мне не говорят.

— Может, и нет, но так получилось, что я знаю, кто содержит это агентство: фирма НорАмБио.

— Теперь понимаю.

Карев почувствовал, как начало колотиться у него сердце, а волосы встали дыбом. НорАмБио была средних размеров фармацевтической фирмой, вкладывающей средства в исследования и производство биостатов.

Гвинни сверкнул своими белыми зубами.

— Это еще не конец. В прошлом году принадлежащая НорАмБио техническая фирма перекупила запущенную компанию «Идеально Гладкие Подшипники» из Айдахо Фоллс. Многие месяцы фабрика не работала, но последние два дня, точнее, ночи, там происходит что-то странное.

— Вы думаете?..

— Уверенности у меня нет.

— Но вы полагаете, что там моя жена?

Гвинни пожал плечами.

— В этом мы скоро убедимся,— ответил он.— Я как раз туда еду. Просто я подумал, что вас интересует, как идет следствие.

— Я еду с вами,— заявил Карев.

Гвинни ответил не сразу, его лицо с большой угловатой челюстью выражало сомнение.

— Не скажу, что пришел от этого в восторг,— заметил он.— Это путешествие может оказаться опасным, а за риск платят мне, а не вам.

— Это не важно,— отрезал Карев.— Скажите только, где вы, и я приеду.

Через несколько минут, когда он уже выходил, снова зазвонил видеофон. Карев нетерпеливо повернулся, ожидая увидеть Гвинни, но в аппарате мигал желтый огонек, означавший дальнее сообщение без изображения. Когда он принял соединение, на экране появился текст. Первая его строка извещала, что отправлено оно с базы Объединенных Наций Нувель Анверс, а содержание было следующим:

ЭКСПЕРТИЗА ЗАТОПЛЕННОГО ВЕЗДЕХОДА УСТАНОВИЛА ПРИСУТСТВИЕ ГОРДОНИТА В МЕХАНИЗМЕ ДАТЧИКА ВЫСОТЫ ПОЛЕТА. ДОЛЖЕН ИЗВИНИТЬСЯ ПЕРЕД ВАМИ. БУДЕТ ПРОВЕДЕНО ДЕТАЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ. БЕРЕГИТЕ СЕБЯ. ДЭВИ ШТОРХ.

Удовлетворенный Карев покачал головой и сделал фотокопию сообщения, чтобы показать ее Гвинни и Баренбойму. Однако по дороге к месту свидания ему пришло в голову, что есть что-то идиотское в ситуации, когда стеклянная статуэтка чувствует удовлетворение, получив неопровержимое доказательство того, что ее хотели разбить на кусочки.

Глава ТРИНАДЦАТАЯ

— Вы знаете, как проще всего привести человека в замешательство? — спросил Гвинни с переднего сиденья, поворачиваясь к Кареву боком. За его головой пролетали, уносясь назад, приглушенные пластиковым покрытием туннеля огни поселка в Айдахо.

— Нет,— ответил Карев. Он бы предпочел вообще молчать и думать об Афине, но поскольку они продвигались по пневматической перистальтике туннеля, Гвинни было нечего делать, и он начал болтать.

— Нужно сделать то, что я сейчас.

— То есть? — спросил Карев, внимательно следя за лицом детектива, который уставился на него.

— Вы не видите?

— Того, что вы на меня смотрите?

— Не на вас,— ответил Гвинни, придвигая свое лицо ближе.— Я смотрю на ваши губы. Если вы хотите привести кого-то в замешательство, достаточно вглядываться в его губы, когда он говорит.

— Спасибо за бесценный совет,— мрачно ответил Карев.— Уверен, он мне весьма пригодится в дальнейшей жизни.

— Пустяки, у меня голова набита такой информацией. Я почерпнул ее из книг.

Карев нахмурился. Раз за разом кто-нибудь напоминал ему о литературе, и, насколько он помнил, в большинстве это были остывшие. Может, они проводили время за чтением? Он поерзал на сиденье, пытаясь расслабиться. Беспокойство за ближайшее будущее переполняло его, и он почувствовал непреодолимое желание поговорить с Гвинни.

— Вы действительно читаете книги? — скептически спросил он.

— Ну, конечно. А вы — нет?

— Нет. Но иногда смотрю Османа в тривизии,— он говорил, как будто оправдывался.

— Этого выскочку! — насмешливо воскликнул Гвинни.— Разве не он сказал однажды, что предводительствовать другими, значит, не видеть необходимости следовать за другими?

— Не знаю.

— Разумеется, он,— заверил его Гвинни.— В роли философа этот человек попросту жалок. Возьмем к примеру Бредли...

— Вы не могли бы объяснить,— быстро сказал Карев,— кто или что такое Beau Geste?

Гвинни неуверенно покачал головой.

— Я читал мало беллетристики. Кажется, это был английский аристократ, который затеял семейный скандал, а затем бежал из страны и вступил в какой-то гарнизон с железной дисциплиной, где-то в пустыне. Вероятно, в бывший Французский Иностранный Легион.

Карев кивнул — это объясняло слова Кенди, по поводу его приезда в Африку.

— В таком случае, что вы читаете?

— Почти все. Книги исторические, научные, биографии...

В этот момент Карев вспомнил слова старого Костелло.

— И сколько из этого вы помните?

— О! — воскликнул Гвинни.— Дело вовсе не в том, чтобы запомнить. Прочтя книгу из любой области знаний, даже если вы не запомните из нее ни слова, вы хоть и останетесь по-прежнему в целом невеждой, но все-таки что-то в вас сдвинется.

— То есть как?

— Это трудно объяснить. Пожалуй, можно сказать, что после этого человек представляет объем своего незнания.

Карев промолчал, соображая, достаточный ли это повод для

бессмертия — открытие своего невежества. Можно ли считать, что это растет мудрость? А может, новый вид невежества Гвинни тоже подчиняется стирающему действию времени? Лицо Костелло выражало печаль и разочарование человека, который многое пережил, но ничего от этого не сохранил.

Постепенно тормозя, болид проехал ряд автоматически открывающихся и закрывающихся шлюзов, потом попал в камеру терминала в Айдахо Фоллс. После короткого перерыва, во время которого автоматический погрузчик поставил болид на шасси, Гвинни направил машину на юг. На дороге машин было мало, и вскоре они оказались на окраине старого города, где по обе стороны пустынных улиц тянулись мрачные фабричные строения. Голубовато-зеленый свет обтекал монотонные стены и сочился к звездам, приглушая их сияние. Карев почувствовал почти приятную дрожь возбуждения — это предчувствие опасности по-прежнему было для него слишком новым и чуждым; однако он знал, что по крайней мере оно разгонит нараставшую с утра тоску. Кроме того, он ждал, что в любую минуту может увидеть Афину. Он глубоко вздохнул и вдруг почувствовал кислый запах пота. Карев взглянул на Гвинни: лоб детектива покрывали капли пота. Для Карева этот непривычный запах связывался с нервным напряжением. То, что он появился, удивило и обеспокоило его.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Скорее, неважно,— ответил Гвинни.— В моей профессии это обычное дело.— Он коснулся мокрого лба.— Нужно будет отрегулировать обогреватель. Вы готовы?

Карев кивнул.

— Это здесь? — спросил он.

— Недалеко отсюда. Остаток пути лучше пройти пешком.

Гвинни открыл тайник и вынул из него небольшой фонарь. Кареву показалось, что наполняющий машину запах еще более усилился. Он быстро распахнул дверцу болида и вылез, жадно втягивая в легкие холодный вечерний воздух.

— Кажется, фабрика там,— сказал Гвинни, указывая в глубь улочки, где свет фонарей терялся во мраке.

Карев пригляделся, но не заметил нигде никаких надписей — все здания казались ему анонимными.

— Вы знаете этот район? — спросил он.

— Я ехал сюда по карте,— ответил Гвинни.

Он перешел на другую сторону улицы и, осторожно ступая, направился к черным трапециевидным воротам. Карев шел следом за ним. Внезапно его охватила уверенность, что в фабричном здании, из которого не доносилось ни единого звука, никого нет, и что его хитростью втянули в какую-то идиотскую игру. Он уже хотел высказать свои сомнения, когда из ворот прямо на них выскочила,

рыча и скаля клыки, какая-то серая тень. Гвинни отскочил в сторону, закрываясь фонарем, а потом грязно выругался, поняв, что это всего лишь потревоженный пес. Карев задумчиво посмотрел вслед убегающему животному. Часть его сознания, которая день и ночь ревниво охраняла его безопасность, подсказывала ему, что что-то здесь не так.

— Вы видели когда-нибудь подобное? — спросил Гвинни.

Он открыл сумку и вынул металлический прутик, который оказался отмычкой. В слабом свете фонарей Карев заметил на ней зубцы, которые нервно шевелились, как ножки гусеницы. Он рассеянно встряхнул головой, пытаясь постичь причину своего подсознательного беспокойства. Гвинни сунул отмычку в замок маленькой дверцы, вырезанной в воротах. Дверь тут же открылась, и из темноты за нею пахнуло затхлостью. Гвинни знаком предложил Кареву войти.

Карев не двинулся с места.

— Как можно привозить человека, за безопасность которого отвечаешь, в такое страшное место? — сказал он.— У вас действительно хорошая информация?

— Очень хорошая. Не забывайте, что мы входим с черного хода, через склады. Конторы наверняка выглядят более обжитыми.

— Здесь так пустынно...

— Вы боитесь темноты?

Гвинни осторожно зажег фонарь, просунул его в открытую дверь и вошел внутрь. Карев тоже вошел, внимательно следя за детективом, когда на того падали лучи, отраженные от металлических стен контейнеров, похожих на силосные башни. Ему вдруг вспомнилось, как испуганный Гвинни инстинктивно направил на пса фонарь таким жестом, словно это было оружие... И зажигал он его тоже осторожно, как бы с уважением, проявляемым к оружию... Сейчас же он двигался, как краб, это было естественным для человека с пистолетом в руке, но нелепым для человека с фонарем.

Карев замер на месте, ожидая, пока его спутник удалится. Неужели это болезненная подозрительность? В Африке кто-то явно хотел его убить, но если к заговору присоединился Гвинни, это могло означать только одно...

— Где вы, Вилли? — спросил Гвинни, поворачиваясь и светя фонарем назад.

— Здесь,— ответил Карев, зажмурясь от резкого света. Наконец фонарь перестал светить ему в глаза. Он опустил взгляд и заметил на своей груди дрожащее, ослепительно-белое пятнышко. «Ну и глупец же я!» — подумал он и на всякий случай отпрянул в сторону. В ту же секунду из руки Гвинни брызнула струя энергии.

Потрясенный и ослепленный, Карев помчался со всех ног, за-

крывая руками лицо. Налетев на какой-то столб, он упал на колени и пальцами нащупал металлические ступени. На ощупь найдя перила, он бесшумно поднялся по лестнице, догадываясь, что попадет на помост, который заметил раньше, окидывая взглядом башни. На помосте он лег ничком и лежал, яростно моргая глазами, перед которыми плавали разноцветные круги. Постепенно зрение пришло в норму, и Карев заметил, что в здании снова темно, и только где-то внизу виднеется странная красная точка. Пока он ее разглядывал, она сменила цвет на вишневый, а затем погасла. Тут Карев понял, что это светится раскаленный металл, в который попал выстрел из лазера Гвинни. При мысли о том, что ждало бы его, не отскочи он в сторону, лоб его покрылся испариной.

Внизу появилась белая точка, потанцевала по металлическим стенам и погасла. Карев лежал без движения, оценивая свои шансы. В отличие от него, у Гвинни было оружие, к тому же дьявольски действенное — лазер — но чтобы прицелиться, ему сначала требовалось осветить цель рассеянным лучом. Делая это, он выдавал свое положение, но это было минимальное преимущество. Сам он, имея такой лазер, чувствовал бы себя относительно безопасно. Снова вспыхнул фонарь, светя в другом направлении, и Карев сильнее прижался лицом к металлической решетке помоста.

Еле ползущие секунды заставили его сделать вывод, что если он будет неподвижно лежать и ждать, пока его обнаружат, то не переживет этой ночи. Несколько раз он отгонял мысль атаковать Гвинни, но она возвращалась с тупым упрямством, почти таким же непреодолимым, как лазер. Наконец он поднял лицо от металлической решетки и обнаружил, что внизу виднеется слабый узор потолочных окон. Он осторожно осмотрелся вокруг. Сквозь стекла над его головой сочился бледно-зеленый свет, который он различил, только когда глаза его привыкли к темноте. Постепенно он увидел очертания сложных машин и башен, соединенные с чуть заметными контурами помостов, поручней, кранов и изогнутых труб. Может, в башнях есть что-то, пригодное как оружие?

Он подождал очередного отсвета внизу. Тот вспыхнул ближе, и он использовал его рассеянный свет, чтобы заглянуть в находящийся рядом контейнер. Он был метра два глубиной, и до половины заполнен какими-то блестящими пузырями размером с кулак. Карев видел их мерцание, похожее на бледный отблеск звезд, даже после того, как погас фонарь. Пока он смотрел на них, из глубин памяти выплыли слова Гвинни: «Компания с названием «Идеально Гладкие Подшипники». Подшипники! Пузыри внизу были шарами из литого металла!

Охваченный вдруг надеждой, он придвинулся ближе к краю контейнера. Такой шар размером с апельсин был бы неплохим оружием. Левой рукой он ухватился за поручень, а правую опустил

вниз и коснулся ею холодных шаров. Он сжал пальцы на одном из них, но тот тут же выскочил из захвата. Карев попытался еще раз, хватая сильнее, но шар выскользнул снова. От столкновений шаров раздался резкий треск, и снизу сразу же выстрелил луч фонаря, освещая поручень над Каревым зеленым полусветом.

Карев, наконец, понял, что совершил ошибку. Шары, которые он хотел использовать как оружие, не были обычными металлическими шарами. Традиционные подшипники были вытеснены десятки лет назад новыми, с поверхностью настолько гладкой, что она вообще не испытывала трения. Если ничто не поддерживало такой шар с боков, то при нажиме он выскакивал из руки, как косточка. Подшипники эти нашли широкое применение в технике, но совершенно не годились в качестве метательного оружия. Ничем другим он не располагал.

Затаив дыхание, Карев сунул пальцы под другой шар, сжал их в виде корзинки и поднял вверх. Когда его ладонь оказалась на уровне лица, пришлось изменить положение тела, и тяжелый шар выпрыгнул как живой, спеша к своим собратьям. В башне опять зазвенело, и тут же рубиновый меч лазера рассек поручень, осыпав спину Карева раскаленными добела капельками металла. Карев сжал зубы и возобновил свои попытки. На этот раз ему удалось поднять шар одним непрерывным движением как раз в тот момент, когда Гвинни добрался до верха лестницы. Карев отвел руку с шаром в сторону и застонал от отчаяния, когда тот выскользнул из руки на помост и покатился легко и пружинисто.

Удивленный Гвинни направил свет на шар, который катился в его сторону, явно набирая скорость.

Карев бросился следом. Какое-то мгновение ослепляющий свет фонаря бил ему в лицо, затем Карев прыгнул на Гвинни. Он попытался его повалить, но низенький детектив сопротивлялся с отчаянной силой, и они заметались от одного поручня к другому по всей длине помоста. Карев стонал от страха, видя, что Гвинни не выпускает лазера. Он почувствовал, что противник старается направить оружие на него, и все его мышцы как будто взорвались неукротимой энергией.

Они вместе перелетели через поручень и рухнули вниз, в один из контейнеров. На мгновенье Кареву показалось, что он погружается в холодную воду, но потом он понял, что оказался в баке, заполненном мельчайшими шариками для подшипников. Не признающие трения маленькие металлические шарики оказывали сопротивление меньшее, чем вода, и он сразу опустился на дно. Шарики атаковали его рот, как рой разъяренных насекомых. Он чувствовал, как они постукивают о его зубы и струей вливаются в желудок — металлические грызуны, стремящиеся под влиянием силы тяжести в самую низкую точку контейнера, в котором

оказались. Им было наплевать, что доступными для них контейнерами были в данном случае его желудок и легкие.

Закрыв рот, он с трудом выпрямился и высунул голову наружу. Выплюнул шарики изо рта, но губы его были у самой поверхности, и новая волна залила его подбородок, наполнив рот металлическим роем. Попытка выплюнуть его могла кончиться очередным наплывом шариков. Он спазматическим движением проглотил их со слюной и, дыша сквозь сжатые зубы, добрался до стенки бака. Недалеко тянулся поручень. Карев схватился за него, подтянулся, вылез на помост и, когда лег, его вырвало. Только избавившись от всех дьявольских шариков, попавших в желудок, он вспомнил о Гвинни. Детектив, едва достававший ему до плеча, не мог выставить голову над поверхностью шариков. Карев заглянул в бак, но там все было неподвижно.

«Гвинни или...— он поискал подходящее слово,— утонул, или лежит еще живой на дне контейнера». Мысль сознательно погрузить голову в серебристую «жидкость» наполнила Карева ужасом, однако не исключено, что детектив мог жить еще долгое время, дыша воздухом, проходящим между шариками. Карев перебросил ногу через край контейнера, и в этот момент внутри что-то изменилось. Сквозь ровную поблескивающую поверхность пробился изнутри пурпурный свет. Это выглядело так, словно миллионы стальных шариков превратились в рубины, освещенные на мгновение лучами солнца.

Свет вдруг погас, и Карев, опускавшийся в бак, замер в неподвижности. Гвинни нажал на спуск лазера, это было ясно. Но сознательно или случайно? Центр контейнера снова засветился, на этот раз в одной точке, приобретя цвет раскаленного металла. Жар ударил в лицо Карева, а затем он уловил запах расплавленной стали и чего-то еще.

Кашляя и задыхаясь, он подполз к узкой лестнице, ведущей вниз, и, только спустившись, почувствовал, что в брюках и туфлях полно шариков, мешающих при ходьбе. Он сел, снял туфли и высыпал из них стальные шарики, рассеянно слушая, как они катятся по незаметным уклонам пола. Гвинни умер! Из миллиона завтра, которые, по мнению Османа, принадлежали каждому человеку, у него не осталось ничего! Ничего! Он перестал быть человеком, детективом, врагом. Охваченный печалью и недоумением, которые испытывает бессмертный, столкнувшись со смертью, Карев едва перевел дыхание. Он покачал головой, бросая горькие проклятия в равнодушную темноту. Затем он пришел в себя и решительно принялся вытряхивать оставшиеся шарики. Для этого пришлось снять всю одежду и вывернуть ее наизнанку. Занимаясь этим, он обнаружил шарики под языком и в глубине носа, и потому фыркал и плевался. Тут он почувствовал резь в глазах. Когда

он надавил на веки, из глазниц выскочили шарики и скатились по щекам.

Минут через десять он оделся и добрался до двери, через которую они с Гвинни вошли на фабрику. Он подошел к болиду детектива, но вспомнил, что ключа от стартера нет, и пошел пешком по стерильно чистым улицам, пытаясь вспомнить трассу, по которой они сюда приехали. События этой ночи парализовали его разум, но несколько выводов напрашивались сами собой.

Известие, что Афину выследили в Айдахо Фоллс, было сфабриковано — это была старательно подготовленная ловушка, чтобы выманить его из дома и организовать его «исчезновение». Поскольку Гвинни нанял Баренбойм, логично было предположить, что именно председатель Фармы, одарив Карева новым видом бессмертия, устроил серию покушений на его жизнь. Только почему? Зачем ему это нужно?..

Потом ему в голову пришла новая мысль, отодвинув анализ мотивов поступков Баренбойма на второй план. Если Баренбойм хотел его убить, то вся история о махинациях конкурирующей фармацевтической фирмы была высосана из пальца, а это означало, что Афины может уже не быть в живых. В то же время, если она жива, только Баренбойм знает, где ее искать.

Глава ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Здание полицейского отделения тонуло во мраке. Карева, почерпнувшего свои знания о действиях полиции из случайных программ тривизии, это весьма удивило. Он предполагал, что в их упорядоченном бабьем обществе преступления совершаются относительно редко, но ему и в голову не приходило, что полиция работает лишь в обычное рабочее время. После долгих поисков, приведших его сюда, у него горели ступни, да и грудная клетка давала о себе знать. Карева мучила мысль, вдруг шарики попали в легкие, но он пытался не думать о возможных операциях по этому поводу. Подумать об этом еще будет время.

Он поднялся по лестнице к темному входу в отделение и заколотил в дверь. Удары кулака по усиленному пластику звучали удивительно глухо. Когда он, наконец, отвернулся от двери, то заметил в углу крыльца экран видеофона. Под ним был городской код и надпись: «В экстренных случаях после окончания работы звонить по этому номеру». Не слишком этим обрадованный, он набрал номер и стал ждать, пока экран оживет. Сначала он расцветился красками, затем на нем появилось плоское изображение мужчины с мрачным взглядом, одетого в серый полицейский мундир.

— В чем дело? — сонно спросил полицейский.

Карев ответил не сразу, думая, с чего начать.

— У меня похитили жену, а один из людей, сделавших это, погиб,— сказал он.

— Правда? — спросил полицейский, как будто это не произвело на него никакого впечатления.— Предупреждаю, что аппарат, перед которым вы стоите, автоматически регистрирует узор сетчатки глаза. Это позволяет нам находить и предавать суду за розыгрыш.

— Вы считаете, я способен на розыгрыш?

Полицейский холодно разглядывал его.

— Где и когда это, по-вашему, произошло? — спросил он.

— Слушайте, вы,— гневно сказал Карев.— Я сообщаю о серьезном преступлении и не собираюсь по этой причине провести всю ночь на вашем паршивом крыльце.

— Если вы не сообщите нам подробности, мы мало что сможем сделать.

— Хорошо. Жену похитили три дня назад в Три Спрингс, к северу отсюда, а человек этот погиб сегодня вечером, здесь, в Айдахо Фоллс, на фабрике подшипников.

Полицейский вытаращил глаза.

— Вы были сегодня на этой фабрике?

— Да, но...

— Как вас зовут?

— Вильям Карев. Вы могли бы объяснить, что необычного в том, что...

— Не трогайтесь с места, мистер Карев. Помните, что у нас есть узор вашей сетчатки.

Экран погас, и Карев остался с хаосом в голове. Он сел на самую нижнюю ступеньку и оглядел пустую незнакомую улицу. Его вытатуированные на запястье часы показывали, что пошел всего третий час ночи.

Открывая сумку, чтобы поискать сигарету, он услышал рокот геликоптера. Решив, что это означает прибытие полиции, он поднялся и взглянул в небо, но машина была слишком велика для таких целей. Она летела над городом на малой высоте, разрывая винтами ночной воздух и сотрясая землю. Вдоль ее корпуса сверкали голубые огоньки, заставившие Карева вздрогнуть от внезапного предчувствия. Он посмотрел на юг, откуда пришел, и увидел на горизонте красное зарево. Не было сомнений, что геликоптер, в котором он узнал пожарную машину, летит именно туда. Дьявольский жар, вызваный лазером Гвинни, вероятно, прожег стенки бака, и раскаленные до красноты шарики раскатились по всей фабрике. Впрочем, возможно, детектив заранее установил поджигающее устройство, чтобы скрыть следы своего преступления.

Когда почти бесшумно перед ним остановилась полицейская машина, Карев все еще вглядывался в зарево на юге. Из машины вышел высокий худощавый исправный лет сорока. У него было вытянутое землистое лицо и серые глаза, которые грозно смотрели на Карева поверх удивительно красного носа.

— Префект Маккелви,— буркнул полицейский, прыжками поднимаясь по лестнице, чтобы открыть дверь отделения.— Вас зовут Карев?

— Да. Все началось с исчезновения...

— Помолчите,— прервал его Маккелви. Он вошел внутрь, зажег свет, сел за стол и кивнул Кареву, приглашая занять стул напротив.— Хочу предупредить, что наш разговор записывается.

— Это хорошо,— ответил Карев, напрасно ища взглядом микрофон или камеру.— Я должен многое рассказать и хочу, чтобы это было записано.

Лицо Маккелви вытянулось.

— В таком случае начнем... Вы признаете, что были сегодня на фабрике подшипников?

— Да, но...

— В какое именно время?

— Я вышел около часа назад, примерно в четверть второго, а был там около двадцати минут, но дело не в этом. Я здесь, чтобы сообщить об исчезновении своей жены.

— А я веду следствие по делу о возможном поджоге,— парировал Маккелви.

— Очень жаль,— решительно ответил Карев,— ибо я не буду говорить о мелочах, вроде этого пожара, пока вы не сделаете что-нибудь в деле моей жены.

Маккелви вздохнул и стал разглядывать свои ногти.

— Вы говорите о своей жене,— неохотно сказал он.— Это было...

— Супружество «один на один»,— ответил Карев. Он заметил, что префект обратил внимание на его лишенное щетины лицо, но понял вдруг, что теперь ему безразлично, примут его за исправного или остывшего.— Она не ушла от меня, потому что я бессмертен, ее кто-то похитил.

— Вы догадываетесь, почему?

— Да,— Карев глубоко вздохнул и мстительно подумал: «Надеюсь, что это обойдется Баренбойму в миллиард!» — Фирма, для которой я работаю, изобрела новый вид биостата, который оставляет мужчину мужчиной.

— Что, что?

— Препарат этот называется «Фарма Е.80», и я первый, на ком его опробовали,— объяснил Карев. Он решил не упоминать о деталях разрыва с Афиной и о своих безумствах после этого.—

После этого моя жена забеременела, отчего стала интересовать определенные круги.

— Минутку,— оживленно прервал его Маккелви.— Вы отдаете себе отчет, о чем говорите?

— В полной мере.

Маккелви вытащил ящик стола и некоторое время разглядывал что-то внутри.

— Вы не лжете,— удивленно признал он, и глаза его выразили заинтересованность.— Пожалуйста, дальше, мистер Карев.

Карев описал ему все, включая покушения на его жизнь в Африке, что подтвердило сообщение от Шторха, подключение Баренбоймом к этому делу Гвинни и то, как погиб детектив. Префект то и дело поглядывал на аппарат, скрытый в столе, и согласно кивал головой.

— Удивительная история,— сказал он, когда Карев выдохся.— Полиграф время от времени показывал небольшие отклонения, но поскольку вы сейчас слишком возбуждены, я считаю, что в принципе вы говорили правду.

— Спасибо. Что вы собираетесь делать?

— Дело в том, что ваш рассказ несет в себе противоречия. Зачем этому Баренбойму желать вашей смерти или похищать вашу жену?

— Откуда мне знать? — сказал Карев.— Вам мало того, что я сказал? Это очевидно, что Баренбойм организовал покушение на мою жизнь.

— Это вовсе не так очевидно. Он мог нанять Гвинни, ничего не зная о заговоре.

— Но...

— Здесь в игру включаются огромные деньги и влиятельные силы. Гвинни мог вовлечь в заговор кто-то другой,— сказал Маккелви и сунул руку в свою щетину, отчетливо затрещавшую при этом.

— О боже,— с горечью сказал Карев.— Теперь я понимаю, почему Баренбойм советовал мне не обращаться в полицию.

Маккелви пожал плечами.

— Нам нужно найти останки Гвинни. Они будут доказательством того, что он погиб, а если что-то осталось от лазера, это поможет нам доказать преступные намерения.

— Долго это продлится?

— Судя по размерам пожара, два дня.

— Два дня! А что с моей женой?

Маккелви потянулся к выходу компьютера.

— Взгляните на это с моей стороны. Единственным доказательством похищения вашей жены является неподтвержденное заявление ее бабки, что якобы ей звонили вы. Я воспользуюсь след-

ственной программой компьютера, и если она не даст результатов, скажем, до завтрашнего вечера, появится повод для дальнейших поисков.

— Я не могу ждать так долго, до завтрашнего вечера меня могут убить,— заявил Карев.— А может, вы не верите, что кто-то пытается меня убить?

Маккелви изо всех сил постарался сдержаться.

— Мистер Карев,— сказал он,— я верю, что кто-то охотится на вас, но как префект полиции могу действовать только на основании явных доказательств. Дайте мне шанс их получить, хорошо?

Он включил вывод и заказал данные на Гвинни, Баренбойма и Корпорацию Фарма. Когда закончил, подошел к стенному автомату и вернулся с двумя чашками дымящегося чаекофе.

— Спасибо,— машинально ответил Карев и глотнул горячий напиток.

Префект доверительно улыбнулся.

— Поскольку мы все равно ждем,— сказал он,— я позволю себе спросить: этот биостат действительно действует? Я имею в виду...

— Я знаю, что вы имеете в виду. Я по-прежнему исправен, но, черт меня побери, не могу дать вам явных доказательств.

— Это необязательно,— ответил Маккелви, нервно посмеиваясь.— Знаете, в прошлом году я едва не закрепился. Подумать только...— Выход компьютера зазвенел и выплюнул компкарту. Маккелви сунул ее в читник.— Это наши документы о Корпорации Фарма,— объяснил он. Манипулируя регуляторами, он некоторое время изучал содержание компкарты, все сильнее хмурясь.

— Что-то не так? — спросил Карев.

— Не знаю. Вы не говорили, что вашей фирме не хватает наличных.

— Это невозможно. Я знал бы об этом, поскольку работаю в бухгалтерии.

— Здесь написано черным по белому,— настаивал Маккелви.— Согласно этим документам доходы Фармы падают уже три года, а потери оборота, ожидаемые на этот год, превышают восемь миллионов новых долларов.

— Вы неправильно интерпретируете,— заверил его Карев.— Дайте мне читник.

Префект заколебался.

— Информация, полученная из секретной компьютерной сети, служит только для полиции, но с другой стороны, придя сюда, вы оказали мне услугу...— Он испытующе посмотрел на Карева и протянул ему аппарат.

Карев поднес его к глазам, и его охватило ощущение нереальности, ибо он убедился, что префект не ошибся.

Компкарта, которую он внимательно изучал, содержала крат-

кий анализ финансовый структуры Фармы, отдел за отделом. Похоже было на то, что его отдел — биопоэзы — и еще один с трудом закроют баланс текущего года без потерь, зато все другие направлялись прямым путем к банкротству. Он быстро пробегал взглядом колонки на стороне «дебет», пытаясь охватить финансовые дела Фармы, когда его внимание привлекла одна позиция: «Капиталовложения, содержание и амортизация лаборатории в Друмхеллере — 1650000,00 новых долларов». Проверив баланс предыдущего года, он нашел в том же разделе меньшие суммы и никаких упоминаний о нем годом раньше. На другой стороне нигде не было упоминания о лаборатории в Друмхеллере. Он покрутил верньеры, пытаясь проникнуть в секреты, упомянутые в зашифрованных частичках компьютерной карты, но Маккелви вырвал читник у него из рук.

— Довольно,— буркнул он.— Что вы искали?

— Ничего. Просто меня заинтересовали цифры.

Он решил оставить при себе информацию, что Баренбойм вложил два миллиона новых долларов в лабораторию, которая не заработала ни цента, чтобы оправдать затраты на свое сооружение. Это были интересные сведения, но настоящая сенсация заключалась в том, что само существование лаборатории держалось в тайне от самых высокопоставленных работников Фармы. Карев с холодным злорадством заключил, что знает, где ведется работа над производством Е.80.

Это означало и то, что он знает, где искать Афину.

Глава ПЯТНАДЦАТАЯ

Уже светало, когда он, наконец, покинул полицейский участок. Вспомнив советы Маккелви, он поехал на общественном болиде прямо в Три Спрингс и пошел за покупками. Догадываясь, что префект пустил за ним следственную программу компьютера, он купил в кредит немного продуктов. Продемонстрировав таким образом, что оказался в своем районе, он приступил к более серьезным покупкам, которые должен был сделать за наличные.

Огнестрельное оружие на американском континенте невозможно было свободно купить уже более века — в бабьем обществе оно было лишним. Однако он не собирался брать крепость Баренбойма голыми руками.

Обойдя несколько магазинов, он, наконец, нашел один, специализирующийся на кемпинговом снаряжении, и купил в нем традиционный трапперский нож, легкий топорик и кожаный мешок. Получив покупки, он поехал домой на такси и снова расплатился кре-

дитной картой, чтобы показать Маккелви, что вернулся домой.

В доме за время его отсутствия ничего не изменилось — царила та же тоскливая тишина, на видеофоне не было никаких сообщений. *Он съел легкий завтрак, затем упаковал нож и топорик* в мешок. Подумав, добавил к ним несколько вафель и бинокль. Еще не перевалило за полдень, а до лаборатории в Друмхеллере было всего два часа езды на север, поэтому можно было поспать. Он лег на диван, размышляя о том, не слишком ли оптимистично решил, что заснет, раз голова полна мыслями о...

Разбудил его свет послеполуденного солнца, падавший на лицо. Слегка дрожа, он подошел к видеофону и получил из его банка памяти код магистрата в Друмхеллере. Набрав номер, Карев заказал разговор с конторой промышленного инспектора. Спустя всего несколько секунд на экране появилось пухленькое лицо молодого исправного.

— Вилл Карев, финансовый инспектор Корпорации Фарма,— представился Карев.— Как ваше имя?

— Спинетти,— ответил молодой человек, обиженный его тоном.

— Так вот, мистер Спинетти, у меня для вас плохие новости. Одна из машин, за которыми вы, кажется, наблюдаете, прислала нам совершенно бессмысленные расчеты, касающиеся нашей собственности в Друмхеллере. Мой хозяин уже теряет терпение и поручил мне, чтобы...

— Минуточку,— прервал его Спинетти, покраснев.— Может, вы сначала уточните, прежде чем начнете ругаться? Насколько мне известно, у Фармы нет никакой собственности в этом районе.

— Неужели вам все нужно объяснять, как ребенку? — спросил Карев.— Я работаю у Хирона Баренбойма. Это вам что-нибудь говорит?

— О! — Спинетти обеспокоенно замигал.— Химическая лаборатория на двенадцатом километре.

— Кажется, на тринадцатом.

— На двенадцатом, по Третьему Радиалу,— Спинетти скрипнул зубами.— Хотите приехать и померить лично?

— Чтобы это было в последний раз,— предупредил его Карев и прервал соединение, надеясь, что не выпустил у Спинетти слишком много желчи. Он взял мешок, вышел к стоявшему перед домом болиду и поехал на север.

Прикрытое тучами солнце висело над горизонтом, когда Карев добрался до Друмхеллера и, считая километры, помчался от центра города по Третьему Радиалу. Сейчас, когда он оказался перед перспективой вломиться в, скорее всего, охраняемую лабораторию, она волновала его больше, чем он предполагал. Прежнее убежде-

ние, что он нашел место заключения Афины, вдруг ослабело и почти совсем его покинуло, когда он остановил болид на мрачной дороге. Узкие улочки пригорода остались позади несколько минут назад, и здесь, на двенадцатом километре, стояли только два здания, похожие на кинодекорации на фоне высохших лугов. Одно из них наверняка было складом, другое — представляло собой длинное многоэтажное строение, стоящее на небольшом пригорке. От дороги к воротам в металлическом заборе, окружавшем здание, тянулся узкий тракт спрессованной земли. Карев поискал взглядом признаки жизни, но здание лаборатории, красновато поблескивающее в лучах заходящего солнца, с таким же успехом могло оказаться останками древней цивилизации, когда-то развивавшейся здесь.

Он поехал дальше по дороге, пока не оказался вне поля зрения возможного наблюдателя, оглядывающего местность с вершины пригорка, и заглушил двигатель болида. Не обращая внимания на любопытные взгляды людей из проезжающих машин, он сел поудобнее и стал ждать, пока потемнеет небо, просвечивающее сквозь кораллово-розовую сетку конденсационных полос. Когда он начал подниматься по склону холма, воздух уже похолодал, и ветерок ощупывал его тело невидимыми пальцами. Заметив лабораторию, он обрадовался, что из верхних окон падает свет, и в то же время отметил, насколько открыты подступы к зданию. Он мог рассчитывать только на то, что Баренбойм заботился о безопасности не до такой степени, чтобы установить тепловые датчики или инфракрасные теледетекторы.

Чувство, что он выставил себя напоказ, росло в нем до тех пор, пока он не оказался в тени забора, имеющего, как выяснилось, более трех метров высоты. Изучив его вблизи, он констатировал, что это гладкая металлическая конструкция без единой заклепки, на головку которой можно было бы поставить ногу. Чтобы убедиться, что не достанет до верха пальцами, Карев подпрыгнул, а затем пошел вдоль забора, обогнул лабораторию сзади и наконец добрался до ворот. Как стена была монолитной по всей длине и не годилась для подъема, так и закрытые ворота выглядели не менее неприступными. Он взглянул туда, где, как рассыпанные угольки, светились огни Друмхеллера. Вилл Карев, коммандос-любитель, остановился перед первой преградой из жести, которую можно попробовать разрезать домашним консервным ножом...

Воодушевленный этой мыслью, он вынул из мешка топорик и подошел к стене с той стороны, чтоб его не было видно с дороги. Недалеко от угла забора он замахнулся топориком, который вошел в светло-серый металл удивительно легко и бесшумно. Он отскочил на некоторе расстояние и прислушался. За стеной было тихо, поэтому он вернулся и атаковал ее точными вымеренными ударами.

За несколько минут он вырубил метровый кусок в форме перевернутого «V», который затем отогнул к земле. Через промежуток, в котором размещались опоры стен, находилась очередная плоскость из жести. С внутренней стеной справиться оказалось труднее, поскольку он не мог как следует размахнуться, но в конце концов он одолел и ее. Слегка отогнув вырубленный кусок на себя, он заглянул в образовавшуюся щель и заметил слабо освещенное забетонированное пространство вплоть до стены лаборатории. Насколько он мог понять, никто его не обнаружил.

Заткнув тяжелый нож за пояс и с топориком в руке он протиснулся сквозь отверстие. Треугольный кусок жести удалось легко вернуть на место, так что отверстие не бросалось в глаза. Пока Карев занимался этим, внезапно вспыхнул свет, бросив на стену его тень. Он повернулся с поднятым топором и заметил фары машины, вероятно, въехавшей в ворота. Свет фар, отражающийся и передвигающийся по узкой полосе между забором и лабораторией, казалось, заполнял весь мир. Кареву казалось, что водитель его заметил, иначе быть не могло, но машина повернула и проехала дальше, пока не исчезла за углом здания.

Неужели произошло чудо? А может, водитель был настолько хитер, что не показал вида, что его заметил? Карев сунул топор сзади за пояс и подбежал к ближней стене лаборатории. Ухватившись за желоб, он подтянулся, подгоняемый страхом. Над стеной нависал карниз плоской крыши, и, когда Карев выбирался на нее, топорик выскочил из-за пояса и упал вниз, громко звякнув о бетон. Карев распластался на крыше, но заметил, что ту ее часть, на которой он лежит, видно из окон второго этажа. Он бросился бежать, пересек крышу и присел в углу, пригнув голову чуть ниже окон. Через пять, может, десять минут он поверил, что его присутствия никто не заметил. С новым приливом оптимизма, который прежде заставил его прийти сюда, он огляделся вокруг.

Со своей крыши он видел луга за забором, которые тянулись на север, исчезая в серых складках местности — оттуда ему ничто не угрожало. В одном из окон над его головой горел свет. Он подполз к нему, встал и заглянул внутрь. Увидел он маленькую комнатку, вся мебель которой состояла из стула и раскладушки. На ней находилась темноволосая женщина. Несмотря на то, что она лежала спиной к окну, он немедленно узнал мягкую округлость ее бедер.

Это была Афина!

Карев постучал в стекло и замер, слишком поздно подумав, что в невидимом углу комнаты может быть кто-то еще. Афина приподняла голову и тут же спокойно легла снова. С бьющимся сердцем Карев выждал несколько секунд и постучал снова, наблюдая за реакцией Афины. Она подняла голову, села и посмотрела в его сторону. От удивления глаза ее широко раскрылись, и она броси-

лась к окну, прижимая руки к стеклу. При виде беззвучно шевелящихся губ Карева охватила неудержимая радость — если бы только удалось вызволить Афину из комнаты, они перебрались бы через забор и удрали.

Он вынул из-за пояса нож, схватил его за лезвие и ударил рукоятью в стекло. Удар, от которого у него заболело запястье, прозвучал неожиданно громко, но стекло даже не треснуло. Он повторил попытку, и на этот раз нож едва не выпал из его одеревеневшей ладони. Афина прижала дрожащие пальцы к губам и оглянулась на дверь комнаты. Смущенный крепостью стекла, Карев отложил нож и потянулся за топориком, но тут же вспомнил, что тот упал на землю. Неопределенно махнув Афине рукой, он подбежал к навесу и свесил вниз ноги. Найти желоб ему не удалось, но нельзя было терять времени, и он прыгнул, махая руками и ногами, чтобы не потерять равновесия. Приземлился он тяжело и тут же начал на ощупь искать топорик. Желоб, по которому он поднимался, находился всего лишь в метре от него, но топора не было и следа. Проклиная выходки неодушевленных предметов, он расширил круг поисков.

— Он здесь, Вилли,— сказал вдруг холодный, иронический голос, который мог принадлежать только двухсотлетнему бессмертному.

Вздрогнув и чуть не задохнувшись, Карев вскочил на ноги и вгляделся в темноту.

Тучный, модно одетый Баренбойм выглядел нелепо на фоне мрачного забора. Он внимательно следил за Каревым, а в правой руке держал фонарь таким образом, что не оставалось сомнений, что это оружие.

— Баренбойм,— выдохнул Карев.— Я чувствовал, что ты покажешься.

— Взаимно, мой дорогой,— ответил Баренбойм и махнул фонарем.— Входи.

— Минутку, я ушибся, прыгая с крыши.

Карев нагнулся и сунул руку за пазуху. Его пальцы сжались на рукояти ножа.

— Не нужно было замахиваться на геройские подвиги, которые кончаются фатально,— процедил Баренбойм.— А теперь двигай.

— Почему ты не убьешь меня здесь? Слишком уж на виду?

Карев осторожно тащил нож, пока он не оказался у него в руке.

— Где именно ты расстанешься с этим миром, не так уж важно,— холодно ответил Баренбойм. Он зажег фонарь и осветил лицо Карева.

— Мои глаза! — простонал Карев.

Он отвернулся, одновременно доставая из-под туники нож. Баренбойм охнул, когда Карев, используя единственный свой шанс,

изо всех сил метнул тяжелый клинок. Тот попал Баренбойму прямо в горло, но рукоятью, и старый остывший повалился на стену, не выпуская фонаря из рук. Карев бросился на него, прежде чем тот успел направить на противника лазерный меч; схватил Баренбойма за правую руку, заставив выпустить фонарь, и ударил кулаком в живот раз, второй, третий...

Он пришел в себя, заметив, что, чтобы продолжать бить Баренбойма, нужно его поддерживать. Тогда он отпустил старика, а когда тот упал, отступил, сообразив, что делал все, чтобы его убить. Видя, что нож попал не тем концом, он почувствовал сожаление и гнев. Могло казаться, что события должны были сильно его потрясти, но способность к самоанализу покинула его где-то на трассе долгого путешествия через Нувель Анверс и Айдахо Фоллс в Друмхеллер.

Он присел рядом с лежавшим без сознания Баренбоймом, поднял фонарь, а затем открыл его сумку и вынул оттуда все ключи. Потом побежал по узкой бетонной дорожке ко входу в лабораторию. На площадке перед входом стояла машина, наверняка та, на которой приехал Баренбойм. Ворота были открыты. Карев подбежал к двери здания, но оказалось, что она заперта. Неужели в целом здании кроме Афины никого нет? Он опробовал несколько ключей, прежде чем ему попался нужный. В холле не было ни души, но он заколебался перед входом, не уверенный, что в лаборатории у Баренбойма не было никаких помощников.

Карев осмотрел горевший все это время фонарь. Передвигая выключатель назад, его гасили, а подавая вперед — зажигали. Направив фонарь в землю, он передвинул выключатель еще дальше вперед, почувствовал пружинистое сопротивление, и в следующую секунду поверхность бетона закипела. Мгновение он благодарно смотрел на фонарь, а затем вбежал в здание, уже не боясь, что наткнется на противника. По обе стороны холла находились лестницы, но к Афине, скорее всего, вела правая. Он прыжками поднялся по ней и побежал по коридору, тянувшемуся через все здание. В противоположном его конце он обнаружил другой, поперечный коридор с шестью дверями в дальней стене. Прикинув, в какой комнате может быть Афина, он нажал ручку. Дверь не подалась, но он чувствовал за ней ее присутствие.

— Афина! — крикнул он.

— Вилл! — ответила она слабым голосом.— Ох, Вилл, это правда ты?

— А кто же еще? — крикнул он. Четвертый из опробованных ключей открыл замок, и в ту же секунду Афина оказалась в его объятиях.— Тихо, тихо,— шептал он, гладя ее дрожащее тело своими неожиданно спокойными и сильными руками.

— Вилл,— сказала она, отодвигаясь на шаг,— нужно бежать

отсюда. Ты даже не представляешь, какие на самом деле эти двое...

Она вглядывалась в него испуганными глазами. У него перехватило дыхание, когда он увидел, что левое веко у нее почти совсем закрылось, что — как он хорошо знал — означало сильное волнение.

— Затем я и пришел, дорогая. Пойдем.

Он схватил ее за руку, и они побежали. Ему казалось, что его несет мощный ветер, он чувствовал, что ступнями едва касается пола. Пролетев лестницу, они выскочили на свежий ночной воздух.

— Поедем на машине Баренбойма,— коротко объявил он.

Они забрались в машину и закрыли двери. За несколько секунд он один за другим перепробовал несколько ключей, но вот один из них подошел. Турбина завелась мгновенно. Не включая фар, он резко развернулся на площадке и, как ракета, вылетел через открытые ворота. Прямо на него из темноты надвинулось что-то большое. У него мелькнула мысль, что это несущийся навстречу автомобиль, а в следующую секунду они столкнулись. Карев почувствовал, что его машина встала на дыбы, и на мгновенье подумал, что она переедет через эту машину с обтекаемыми формами. Мир вдруг перекосился, Афина закричала, и голос ее утонул в оглушительном грохоте, с которым автомобиль врезался в склон холма.

Амортизирующие баллоны, выросшие из приборной доски под давлением газа, спасли Кареву жизнь, но когда, сидя под их давлением, он поднял голову и увидел торжествующее лицо Плита, то пожалел, что не погиб.

Глава ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Прежде, чем они выйдут, забери мой фонарь,— прохрипел Баренбойм, все время держась за живот.— Наш молодой друг забрал его, когда удирал.

Плит кивнул и сунул руку между пластиковыми стенками баллонов. Он шарил до тех пор, пока не нашел фонарь, и забрал его, довольно изогнув тонкие губы.

— Однако нам повезло, я никак не ожидал, что подопытные кролики могут быть такими опасными,— сказал Баренбойм, беря фонарь.— С дороги могли заметить этот карамболь?

Плит покачал головой.

— Пожалуй, нет. Оба ехали без света.

— Тогда еще ничего.

Баренбойм обошел свою машину, критически осматривая ее. Карев чувствовал, что Афина шевелится рядом с ним, реагируя на осмотр Баренбойма, как железные опилки на магнит. Он попытался дотянуться до нее рукой.

— Разбито управление,— сказал Баренбойм, остановившись около Плита.— У тебя есть трос, чтобы затащить машину на территорию лаборатории?

— В складе должен быть какой-нибудь трос.

— Верно! Займись этим, а я провожу наших гостей обратно.

Баренбойм нажал выпускной клапан сбоку машины, и из баллонов с шипеньем начал выходить газ, а сами баллоны все больше и больше сжимались. Получив свободу движений, Карев вылез из машины и помог Афине выбраться через свою дверь. Та, что находилась с ее стороны, так погнулась, что открыть ее было невозможно. Держась подальше от Карева, с фонарем наготове, Баренбойм махнул рукой в направлении лаборатории. Карев пожал плечами, обнял Афину, и они пошли. В холле они направились к правой лестнице.

— Не туда,— сказал Баренбойм,— идем в подвал,— и он указал на дверь под лестницей.

Карев открыл дверь и помог Афине спуститься в большой подвал, оборудованный как лаборатория высоких температур. Центр ее занимало устройство, которое он мысленно назвал электронной печью. Его окружали телемикроскопы, автоматические руки и проекторы теплопоглощающих приборов.

— Вилл,— прошептала Афина,— не нужно было тебе приезжать сюда. Он нас убьет.

Карев никак не мог придумать какую-нибудь утешительную ложь.

— Похоже на то,— мрачно ответил он.

— А я думаю, что из всех именно ты будешь... Ты не боишься?

— Скорее, я смертельно испуган.

Он жалел, что хотя бы частично не может объяснить ей свое открытие, что жить в страхе — именно страхом была объята вся его жизнь — это почти то же, что не жить вообще, однако сейчас это прозвучало бы бессмысленно. Афина, возможно, уже поняла его.

— Афина,— с отчаянием сказал он,— ты разочаровалась во мне?

— Нет, Вилл, нет.

Она закрыла ему рот ладонью, в глазах засверкали слезы.

— Это уже слишком,— мрачно заявил Баренбойм.— Избавьте меня, пожалуйста, от сцены примирения.

— Очень жаль, Баренбойм,— процедил Карев,— что мне не удалось проткнуть тебя ножом насквозь. Впрочем, в некотором смысле, это не имеет значения. Понимаешь, тебя, собственно, уже нет, поэтому нет необходимости убивать тебя.

Говоря это, он смотрел в глаза Баренбойма, и ему доставило хоть слабое, но удовлетворение то, что он впервые установил кон-

такт с хладнокровным мозгом своего противника. Он уже знал, что с самого начала их знакомства Баренбойм использовал его с таким же бесстрастием, с каким резал бы на куски подопытное животное. Он вдруг почувствовал себя старым, как будто прожил столько же лет, как Баренбойм.

Женственные губы Баренбойма дрогнули, потом разошлись в улыбке.

— Ты очень верно заметил, Вилл,— сказал он.— Очень проницательно.

Держа фонарь направленным на Карева, он подошел к пульту управления в стене и нажал несколько кнопок. Восемь электронных пушек вокруг печи засветились ярко-красным светом, который слегка потускнел, когда проекторы теплопоглотителей поставили перегородки от потолка до пола. Созданные ими магнитные поля были колоссально усиленными версиями тонких экранов, служащих для управления погодой, а их задача заключалась в том, чтобы удержать дьявольский жар, создаваемый в центре электронной печи. Зарешеченные вытяжки в потолке прямо над печью отводили избыток тепла в систему отопления всего здания.

— Ты опоздал,— сказал Карев, чувствуя, как Афина прижимает лицо к его плечу.— Я уже был в полиции и рассказал им все, что знаю о тебе.

— Значит, немногое,— заметил Баренбойм, вращая микрометренные винты.

— Они знают, что ты подослал ко мне убийц в Африке и в Айдахо Фоллс.

— Вношу поправку, Вилли. Они знают только, что кто-то хотел тебя убить. Поскольку же Гвинни вышел из игры, никакой связи со мной доказать не удастся. Да и зачем бы мне тебя убивать?

— Из-за денег,— ответил Карев.— Они знают, что Корпорация Фарма идет прямо к банкротству.

На мгновенье Баренбойм нахмурился.

— Знаешь, Вилли, пожалуй, я ошибся, выбирая тебя. Не знаю, как тебе удалось справиться с Гвинни, кроме того, ты все время проявлял неожиданную неуступчивость, но как ты объяснишь, каким образом, убив тебя, я могу избавиться от финансовых затруднений, если бы вообще они у меня были.

— Я считал, что ты объяснишь мне это.

— Считал, да просчитался! — Сделав последнюю поправку на пульте и отойдя от него, Баренбойм вновь обрел прежнюю жизнерадостность.— Насколько я знаю, обычно в этом месте тривизийных детективов мерзавец дает детальные объяснения, но я — чтобы показать, насколько бесчеловечен — нарушу правила игры. Как тебе нравится этот мстительный ход?

— Совсем неплохо,— признал Карев, незаметно перенося тя-

жесть тела на другую ногу. Когда они впервые встретились перед зданием, реакция Баренбойма показалась ему слегка замедленной, поэтому единственный шанс на спасение он видел в неожиданном броске на него, чтоб отнять фонарь.— Однако мне интересно, что склонило тебя к этому. Ты гордишься отсутствием человеческих чувств, значит, тебя толкнуло на это мое упоминание о твоей бездарности в делах, так?

— Бездарность! — с искренним возмущением воскликнул Баренбойм.

— А как же это назвать? — Карев слегка отодвинулся от Афины.— Когда человек с двухсотлетним опытом доводит до краха такое предприятие, как Фарма...

— Фарма! — фыркнул Баренбойм.— Фарма это мелочь, Вилли. Через несколько часов я сам заработаю для себя миллиард новых долларов. И это, по-твоему, бездарность?

— Но ведь...— От напряжения, с которым он поддерживал этот искусственный разговор, у Карева вспотел лоб. Двигаясь как можно незаметнее, он отодвинулся от Афины на шаг.— Не понимаю...

— Конечно, не понимаешь. Ты не понял даже того, что Е.80, чудесный биостат, который ты ввел себе под кожу, это от начала до конца мистификация. До тебя не дошло, что я вас обманул, Вилли. Тебя и твою жену.

— Обманул? — Карев взглянул на Афину, лицо которой побелело так, что стало почти прозрачным.— Но ведь...

— Я выдумал эту историю с Е.80, Вилли. И не держал ее в тайне, как ты воображал. Чтобы убедить некую евро-азиатскую фирму, что это правда, я незаметно подсунул им некоторые данные. Промышленный шпионаж — это острейшее оружие, но обоюдоострое. Информация, которую они считали выкраденной, убедила их гораздо быстрее, чем...

— К дьяволу их,— оборвал его Карев, которого мучили дурные предчувствия.— Что ты сделал со мной и Афиной?

Баренбойм взял себя в руки и холодно усмехнулся.

— Разумеется, Вилли, я забыл, что твое особое постоянство чувств нарушит твой взгляд на эту операцию.

Карев сделал шаг вперед, не обращая внимания на лазер.

— Что со мной и Афиной? — спросил он.

— Вы были подопытными кроликами. Чтобы доказать действенность Е.80, вы должны были произвести на свет потомство. Твой укол с Е.80 был обыкновеннейшей водой, зато твоя жена получила нечто совершенно другое.

— Что именно?

— Ты не заметил никаких перемен в ее поведении после этого укола?

Карев мысленно вернулся к трем дням, проведенным у озера Оркней, к Афине, сжигаемой необыкновенным желанием, которое не могло возникнуть в нормальном организме.

— Вы дали ей...

— Очень ценное возбуждающее средство. Это было обязательно, чтобы твоя жена как можно скорее забеременела.— Баренбойм снова усмехнулся.— Да и ты при случае наверняка проявил себя.

Карев повернулся к жене.

— Афина, я хочу тебе...— слова застряли у него в горле.

— Все хорошо, Вилл.

Он вновь стал лицом к лицу с Баренбоймом и шагнул вперед на негнущихся ногах.

— Убей меня сейчас же,— прошептал он.— Убей, или...

Баренбойм пожал плечами и направил на него фонарь. Большой палец начал передвигать выключатель вперед.

— Стой! — крикнул с лестницы чей-то голос.— Что ты делаешь, Хирон? Это похоже на...

Через перила перегнулся Плит, глядя на Баренбойма красными глазами.

— На что это похоже?

— На убийство, а на это я никогда не давал согласия.

Плит спустился по лестнице с золотой висюлькой в виде сигары, болтающейся на его груди, и двинулся к ним через лабораторию. Разум Карева, замерший и как бы скованный льдом, уловил странную деталь разыгрывающейся сцены — Афина отступала перед Плитом, человеком, который торговался за ее жизнь.

— Успокойся, Мэнни,— утомленно сказал Баренбойм.— Я считал тебя реалистом.

— Я сказал: без убийств!

— Мэнни, уже через несколько часов мы получим миллиард новых долларов.— Баренбойм по-прежнему целился Кареву в грудь.— Взамен за этот миллиард мы отдадим химическую формулу, не стоящую совершенно ничего. Когда наши клиенты обнаружат правду, они ведь разозлятся. Надеюсь, я выражаюсь достаточно ясно?

— Я никогда не давал согласия на убийство.

Дальнейшее Баренбойм объяснял с оскорбительно мелочной детальностью.

— Предвидя гнев наших клиентов, а затем и вполне естественную жажду мести, мы с тобой подготовили свое исчезновение. Чтобы это нам удалось — даже при маскирующей операции, подготовка которой заняла у меня весь прошлый год — мы должны иметь несколько дней форы. Как далеко, по-твоему, мы сможем уйти в современном мире до тех пор, пока эта парочка поднимет шум?

— Мы могли бы связать их и накачать наркотиками.

— Верно, но кто-то другой мог бы их развязать и отрезвить. Ты знаешь, что Вилли уже был в полиции?

Плит повернул свое пластиковое гладкое лицо к Кареву.

— Но зачем? — спросил он.

— Поскольку твой сообщник,— объяснил Карев, произнося последнее слово с нажимом,— за последние дни много раз пытался меня убить. Ты ввязался в паршивую историю, Плит.

— Совершенно верно,— радостно согласился Баренбойм.— Даже Вилли понимает, что слишком поздно испытывать угрызения совести. Итак...

Афина, которая отошла к лестнице, спазматически зарыдала, и Баренбойм направил фонарь в ее сторону. Карев рванулся вперед, но недостаточно быстро — его опередил Плит, ставший между лазером и Афиной.

— Хорошо,— быстро сказал он.— Я согласен, что Карева нужно заставить молчать, но ее нет. Мы заберем... заберем ее с собой.

— Что на тебя нашло, Мэнни?

— Но ведь она беременна! — выкрикнул Плит.

— И что с того? — спросил Баренбойм, слегка хмурясь.— Ты же не отец.

— В том-то и дело...— Горло Плита конвульсивно сжималось, а губы выгнулись вверх в карикатурной улыбке.— В том-то и дело, что я отец. Ты не запретишь мне иметь ребенка.

— Ты что, спятил?

— Нет, Хирон, нет,— обхватив пальцами свою золотую сигару, Плит показал ее Баренбойму.— Мне было двадцать лет, Хирон. Двадцать лет, и я ещё никогда не жил с женщиной. Это заслуга моей матушки, она воспитала меня в убеждении, что половые отношения — это отвратительная... болезнь.— Он весь дрожал.— И именно она, моя матушка — она не любила, когда ее называли «мать» — вошла однажды в мою спальню и поймала меня. Она назвала это самоосквернением... У нее был пистолет для уколов, не знаю откуда, и она выстрелила в меня... заставила стать перед ней на колени... и выстрелила...

— Не подходи ко мне,— слабым голосом сказал Баренбойм.

— Мне было всего двадцать лет,— пробормотал Плит, не отрывая взгляда от золотой сигары,— но я обманул ее, мою матушку... у меня было еще два дня, чтобы собрать свое семя... как студенту-химику, мне удалось сохранить его в бактериостате... а потом я держал его в этой вот подвеске собственного изготовления... а она, моя матушка, никогда об этом не узнала.

— Ты болен,— прошептал испуганный Баренбойм.

— О, нет,— раскрыв, наконец, секрет своих тайных достижений, Плит улыбался.— Я по-прежнему исправен, Хирон, не то, что

ты... По-прежнему ношу герб мужественности. У меня были другие женщины, даже без возбуждающих средств... но ни одна из них не забеременела. Когда я узнал, что укол для Афины содержит и возбуждающее, и средство, способствующее зачатию... что же, разве настоящий мужчина может пройти мимо такой возможности?

Плит улыбнулся Баренбойму.

— Ты пошел к ней домой? — воскликнул Баренбойм, и лицо его посерело.— Рискнул миллиардным предприятием ради... ради...

Он вырвал золотую сигару из рук Плита и со всего размаха, так что лопнула тонкая цепочка, на которой она висела, швырнул в печь. Сигара описала блестящую дугу, пролетела сквозь тепловые экраны и попала в самый центр ярко-красного ада. Они увидели короткую вспышку, и сигара исчезла.

— Матушка!!! — заревел Плит.— Я убью тебя!

И он бросился на Баренбойма. Они столкнулись, а спустя секунду лазер прожег в теле Плита дымящуюся дыру. Карев двигался как во сне, даже окружающий его воздух превратился в прозрачный липкий сироп. В момент, когда лазер поворачивался к нему, он перескочил через потрескивающий труп Плита и ударил Баренбойма кулаком, тяжелым, как свинец. Баренбойм скорчился, а Карев, выкручивая ему пальцы, вырвал из них лазер. Он посветил ему в глаза, вглядываясь в их зрачки, которые становились все меньше, как удаляющиеся черные миры, и легонько двинул вперед выключатель.

— Вилл! — донесся откуда-то издалека голос Афины.— Нет! Не надо!..

Он замер и усилием воли взял себя в руки.

— Я тоже не такой, как ты,— сказал он Баренбойму и встал с пола.

Пройдя через лабораторию, он подошел к Афине, которая сидела на ступеньке, и сел рядом.

— Почему ты не сказала мне о Плите? — спросил он.

— Я никому не могла рассказать о той ночи,— она схватила его за руку и прижалась к ней губами.— Я не знала, что со мной произошло. Я чувствовала себя такой испачканной, Вилл... и должна была как-то оттолкнуть тебя от себя.

— Но ведь я бы все понял и смирился с этим.

Афина грустно улыбнулась, левое веко ее подрагивало.

— Правда, Вилл? Я не поверила тебе, когда ты говорил об этом новом средстве... Какие у нас были основания считать себя людьми настолько исключительными, чтобы и наша любовь была бессмертной?

— Тогда мы не были к этому готовы,— сказал он.— Но теперь — да.

Глава СЕМНАДЦАТАЯ

Афина охотно дала бы ему годичную отсрочку, но Карев решил, что двух месяцев будет достаточно. Была середина лета, и воды озера Оркней, видневшиеся из окон отеля, имели цвет аметиста и пылали, как солнце.

Карев вынул из сумки пистолет для уколов и положил возле стопки книг, которые привез с собой, чтобы прочесть за время отпуска. Книги были традиционные, отпечатанные на бумаге, не потому, что переживали сейчас свой ренессанс, а потому, что давали большее чувство причастности ко времени и его непрерывности. Он учился понимать отрезок времени, пришедшийся на его долю, как неразрывно связанный с вечностью, а себя самого как частицу истории и природы. Ему по-прежнему не очень-то нравилось чтение, и он сомневался, что это занятие займет у него все грядущие годы, но сами книги он научился уважать. Это были первые бессмертные...

— Пойду поплаваю, пока еще можно показываться людям на глаза,— сказала Афина, разглядывая в зеркальной стене свое нагое тело. Фигура ее за прошедшие два месяца округлилась, но только он замечал первые признаки выпуклости, под которой находился развивающийся плод, ребенок, которого они решили воспитать.

— Ты выглядишь чудесно,— сказал он.— Можно даже не одевать купальник.

— Ты думаешь, Вилл? — Она начала поворачиваться, но когда заметила пистолет для уколов, довольная улыбка исчезла с ее лица.— Уже? — спросила она.

— Да,— подтвердил он и спокойно кивнул головой.

— Хочешь, я останусь с тобой? — спросила Афина, подходя к нему.

— Нет, иди на пляж и прими побольше этого дорогого солнца. Я сейчас туда приду.— Она хотела возразить, и тогда он спросил: — Ты мне не веришь?

Она закрыла глаза для поцелуя, потом накинула на себя и завязала свободный халат и, не оглядываясь, вышла из комнаты. Там, где она только что стояла, пылинки кружились и танцевали в косых лучах солнца. Карев взял пистолет и некоторое время сидел, опираясь левой рукой о книги. Возможно, если бы он достаточно много читал, то смог бы писать и сам — когда-нибудь, через много лет. Если бы однажды он приложил перо к бумаге, то создал бы философию бессмертных.

Самое большое заблуждение бессмертных — это ненасытность, желание иметь в себе постоянно все свое прошлое и будущее. Бессмертный должен смириться с фактом, что бесконечная жизнь — это бесконечная смена личностей, которые населяют тело, посте-

пенно изменяясь с течением времени. Однако прежде всего бессмертие — это непрерывное появление новых личностей. Бессмертный должен согласиться, что его «я» существует на определенном отрезке времени и умрет так же неизбежно, как те бессознательные, безликие рачки, чьи хрупкие останки принадлежат вечности и разбросаны по всем ее берегам.

На мгновение в теплую, светлую комнату ворвался холод. Он понял, что больше не является тем самым Каревым, которым был три месяца назад, и он не жалел об этой перемене. Он не был отцом ребенка, которого носила Афина, но в некотором смысле должен был стать отцом всех будущих Каревых. Эта ответственность компенсировала отсутствие физической потребности отцовства, и ее должно было хватить ему, даже если бы когда-нибудь пути его и Афины разошлись.

Он взял пистолет, выстрелил его содержимое в запястье, которое окружила ледяная дымка, а потом спустился на пляж к жене, чтобы провести вместе с ней начало их долгого совместного отпуска.

Нэвил Шют

НА ПОСЛЕДНЕМ БЕРЕГУ

Фантастический роман

К месту последней встречи
Влачимся вместе
Страшимся встречи
На берегу полноводной реки

Вот так кончится мир
Вот так кончится мир
Вот так кончится мир
Не взрыв но всхлип

Т. С. Элиот *

---

* Перевод А. Сергеева (поэма «Полые люди», в кн.: Т. С. Элиот, «Бесплодная земля», М., Прогресс, 1971.)

1

Питер Холмс, лейтенант австралийского Королевского Военного Флота, проснулся на рассвете и долго лежал, разморенный милым теплом спящей рядом Мэри, глядел, как первые лучи солнца освещают кретоновые занавески. По углу падения лучей он определил время — около пяти; вот-вот солнце разбудит маленькую Дженнифер, и надо будет вставать. Однако пока еще было время полежать.

Он проснулся с радостным чувством, хотя в первый момент и не понял, от чего это. Причина была, конечно, не в елке, потому что Рождество уже прошло. Пихта в саду, которую он украсил гирляндами цветных лампочек, выглядела не хуже большой елки, что стояла в миле от них на главной площади Фалмута. В рождественский вечер к ним пришли друзья, и веселье удалось на славу. «Праздник прошел,— неспешно думал он.— Сегодня четверг, 27 декабря». Он чувствовал, что спина у него вся горит после вчерашнего дня, проведенного на пляже и в лодке: он не смог отказать себе в удовольствии поучаствовать в гонках. Самым разумным было бы вообще не надевать сегодня рубашки... И вдруг, уже совсем проснувшись, он вспомнил, что должен быть сегодня полностью одет и, к тому же, в парадный мундир. В одиннадцать часов

он должен явиться в Министерство Военного Флота в Мельбурне. Это означало назначение, первое задание за семь месяцев. Кто знает, не на море ли, куда тянет его сердце!

Но в любом случае — это работа. Он заснул вчера, обрадованный этой перспективой, и радость сохранилась до утра. Несмотря на офицерское звание, он с августа не имел должности и уже простился с надеждой получить ее когда-либо. Тем не менее, каждый месяц он получал из Министерства жалование и благодарил за это бога.

Ребенок зашевелился и тихонько заплакал. Лейтенант почти автоматическим движением включил электрический чайник, стоявший на подносе с чашками и бутылкой. Мэри тоже проснулась и спросила, сколько времени. Он ответил и добавил, целуя ее в щеку:

— Снова отличное утро.

Она села, откинула волосы со лба.

— Вчера я здорово поджарилась на солнце. Дженнифер я намазала далмановой мазью, но не знаю, стоит ли ехать с нею сегодня на пляж.— Тут она тоже вспомнила.— О... Питер, сегодня четверг, ты должен быть в Мельбурне, правда?

Он кивнул.

— А лучше бы сегодня посидеть дома, в тени.

— Я, наверное, из дома не выйду.

Он встал и пошел в ванную, а когда вернулся, Мэри уже причесывалась перед зеркалом. Сев на край постели, он заварил чай.

Мэри заметила:

— Сегодня в Мельбурне будет страшная жара. Может, все-таки поехать с Дженнифер в клуб, часам к четырем? А ты бы потом подъехал туда? Я могу захватить твои плавки.

В гараже стояла их небольшая машина, но с тех пор как закончилась короткая мировая война — то есть уже год — они не ездили на ней. Однако Питер Холмс хорошо владел инструментами и соорудил вполне приличный заменитель. У них были два велосипеда, и он сделал к ним небольшой двухколесный прицепчик, который был и коляской для ребенка, и багажником, они могли ездить с ним по очереди. Труден был только длинный подъем из Фалмута в гору.

Он кивнул Мэри.

— Неплохая мысль. Я оставлю свой велосипед на станции.

— Каким поездом ты едешь?

— В девять ноль-пять.— Он отхлебнул чаю и посмотрел на часы.— Сейчас допью и поеду за молоком.

Вскоре, в шортах и футболке, он вышел из дома. Они жили в первом этаже старого дома, разделенного теперь на квартиры; им при этом разделе достался гараж, большая часть сада и веранда. На веранде они держали велосипеды и прицеп. Логичнее было бы поставить машину под деревьями, чтобы поместить в гараж

велосипеды, но Питер никак не мог на это решиться: маленький «моррис» был первой в его жизни машиной и помнил его ухаживания за Мэри. Они поженились в 1961 году, за шесть месяцев до войны и разлуки, правда, не такой долгой, как они думали. Он тогда отплывал на корабле Ее Величества в неизвестность. Внезапно разразилась ошеломляюще короткая война, война, историю которой никто не написал. Охватив все северное полушарие, она закончилась так же внезапно, как и началась — на тридцать седьмой день, с последним сейсмическим толчком после взрыва последней бомбы. В конце третьего месяца Питер Холмс вернулся в Вильямстаун на борту «Анзака», когда государственные мужи южного полушария съехались в Веллингтон, чтобы обсудить положение, в котором вдруг оказался мир. Из Вильямстауна он вернулся в Фалмут, к своей Мэри и «моррису». В баке еще оставалось три галлона бензина, и он быстро использовал их, как и следующие пять, без труда купленные на заправочной станции, еще до того, как австралийцы осознали, что бензина из северного полушария больше не будет.

Сейчас он спустил велосипед с веранды на газон и прикрепил к нему прицеп: его ждала четырехмильная поездка. Приходилось самому ездить за молоком и сметаной: без бензина фермеры не могли развозить продукты по домам.

Он съехал под горку в лучах теплого утреннего солнца, слушая, как в прицепе грохочут жестянки, и с удовольствием думая о будущем назначении.

Движение на шоссе было слабым. По самой середине медленно двигался экипаж, который когда-то был машиной, но теперь, без мотора и лобового стекла, стал просто крытой повозкой. По обочине осторожно проехали два всадника. Питер даже не мечтал о лошади: в последнее время эти редкие животные меняли хозяев не менее чем за тысячу фунтов. Этого он себе позволить не мог, но его частенько навещала мысль, что Мэри пригодился бы вол. «Моррис» можно легко превратить в повозку, правда, при мысли об этом сердце Питера обливалось кровью.

Он доехал до фермы за полчаса и пошел прямо в молочную. Фермер, флегматичный верзила, хромой еще со времен второй мировой войны, был его хорошим знакомым. Сейчас он сидел у сепаратора и под тихий шум электродвигателя следил, как молоко течет в одну сторону, а сметана — в другую.

— Добрый день, мистер Пол,— сказал Питер.— Как себя чувствуете?

— Хорошо, мистер Холмс.— Фермер взял у него банку и наполнил молоком.— А у вас все в порядке?

— Вполне. Сегодня еду в Мельбурн, в Министерство Флота. Думаю, что наконец получу работу.

— О! — сказал фермер.— Поздравляю. Такое долгое ожидание хоть кого измучает.

Питер вздохнул.

— Боюсь, возникнут сложности, если меня куда-нибудь ушлют. Но Мэри будет приезжать за молоком по крайней мере дважды в неделю.

— Пока вы не вернетесь,— сказал фермер,— можете не беспокоиться об оплате. Молока у меня больше, чем могут выпить все мои свиньи, даже в такую сушь. Вчера ночью я вылил в реку двадцать галлонов... Ну, а как я его вывезу? Пожалуй, надо разводить больше свиней, вот только ни к чему. Не знаю, что и делать...— Помолчав, он добавил: — Миссис Холмс будет трудно приезжать сюда. С кем она оставит Дженнифер?

— Наверное, будет возить с собой.

— Это тоже не слишком удобно.— Фермер вышел из-под навеса, посмотрел на велосипед Питера и прицеп.— Какая хорошая вещь,— похвалил он.— Более удобной я еще не видел. Сами смастерили?

— Сам.

— А где вы взяли эти колеса?

— Это от мотоцикла. Я купил их на улице Елизаветы.

— А можно там достать еще два для меня?

— Попробую,— сказал Питер.— Может, и достану. Они лучше, чем велосипедные... лучше тянут.— Фермер кивнул, соглашаясь, а он добавил: — Но их трудно найти. Люди не хотят расставаться с мотоциклами.

— Я говорил жене,— мечтательно произнес фермер,— что если бы у меня был такой прицепчик, на него можно было бы поставить кресло, и она, как на рикше, могла бы ездить со мной в Фалмут за покупками. В наше время женщине очень скучно сидеть в такой дыре,— объяснил он.— Это не то, что до войны, когда она в любой момент могла взять машину и через двадцать минут быть в городе. Машина с волом тащится три с половиной часа туда и столько же обратно — вот уже семь часов на одну дорогу. Жена пробовала ездить на велосипеде, но чтобы до города... Нет, это не для нее, к тому же сейчас мы ждем ребенка. Но если бы у меня был такой прицеп, я мог бы возить жену в Фалмут два раза в неделю и при случае доставлять молоко и сметану миссис Холмс прямо домой...— Он помолчал.— Я хотел бы сделать это для моей старушки. По радио говорят, что нам уже немного осталось.

— Я пошарю сегодня в магазинах и посмотрю, как там с колесами. Вам ведь все равно, сколько это будет стоить?

— Конечно. Лишь бы это были хорошие колеса, чтобы не возиться с ними. Хорошие покрышки — это самое главное... чтобы выдержали до конца. Такие, как у вас.

— Я посмотрю,— еще раз заверил Питер.

— Из-за меня вам придется сделать крюк.

— Я могу съездить туда на трамвае. Это не составит никакого труда. Слава богу, бурого угля пока хватает.

Фермер повернулся к работающему сепаратору.

— Точно. Хороши бы мы были без электричества.— Он подвинул одну из жестянок под струю молока, ловко убрав уже наполненную.— Скажите, мистер Холмс,— спросил он,— этот уголь добывают большими экскаваторами? — Питер кивнул.— А откуда они берут для них бензин?

— Я как-то интересовался этим,— ответил Питер.— Его получают из того самого бурого угля. Галлон стоит около двух фунтов.

— Неслыханно.— Фермер задумался.— Я уж было подумал, что раз они делают его для себя, то могли бы и нам дать немного. Но за такую цену...

Питер забрал банки с молоком и сметаной, поставил их в прицеп и поехал обратно. Дома он принял душ, переоделся в мундир, так редко доставаВшийся из шкафа, быстро позавтракал и, снова на велосипеде, съехал с холма, чтобы успеть на поезд в восемь пятнадцать и поискать колеса для фермера перед визитом в Министерство.

Велосипед он оставил в мастерской, где когда-то обслуживали его машину. Теперь здесь не было никаких машин. На площадке стояли лошади — собственность служащих и предпринимателей, живущих за городом. То и дело въезжал кто-нибудь в бриджах и куртке, оставлял коня и шел на станцию, чтобы ехать в город на поезде. Бензиновые колонки, стоявшие в ряд, служили теперь коновязью. Вечером каждый возвращался и, с папкой, притороченной к седлу, верхом ехал домой. Деловая активность слабела день ото дня: скорый из города в пять ноль-три уже отменили, и все возвращались поездом в четыре семнадцать.

По пути Питер Холмс терялся в догадках о своем новом назначении; газеты не выходили из-за отсутствия бумаги, и все новости узнавали только по радио. В последнее время австралийский военный флот располагал весьма небольшим подвижным составом. Ценой огромных затрат и трудов семь небольших судов с бензиновыми двигателями приспособили к углю, причем результат был совершенно неудовлетворительный. От попыток сделать то же самое с авианосцем «Мельбурн» отказались, поскольку выяснилось, что он будет плыть слишком медленно, чтобы при нормальной скорости ветра на него могли садиться самолеты. Кроме того, запасы топлива для авиации нужно было расходовать бережно, и программу обучения летного состава практически свернули. Похоже было, что дальнейшее содержание военной авиации становилось совершенно бессмысленным.

Питер не слышал о каких-либо служебных передвижениях среди

офицеров этих семи тральщиков и фрегатов. Он полагал, что кто-то заболел и нужно его заменить или, может, в Министерстве решили сменять офицеров, чтобы они не отвыкали от моря. Однако наиболее правдоподобной была версия, что ему предложат работу на берегу, в казармах или, что еще хуже, на складах. Скажем, в таком унылом, забытом богом и людьми месте, как интендантство Военного Флота во Флиндерсе. Он был бы глубоко разочарован, оставшись на берегу, хотя это и было бы к лучшему. Оставаясь здесь, он мог бы по-прежнему опекать Мэри и ребенка, а времени уже оставалось мало.

Поезд шел до Мельбурна почти час. С вокзала Питер отправился на трамвайную остановку. Постукивая на стыках, трамвай без задержек ехал через город, в котором кроме него не было другого транспорта, и вскоре Питер уже вышел в районе, где когда-то была сосредоточена торговля автомобилями. Большинство магазинов были закрыты, но в некоторых еще пытались продавать бесполезный заполняющий витрины товар. Некоторое время он прогуливался в поисках легких мотоциклетных колес в хорошем состоянии и в конце концов купил их — одного размера, но выпущенные разными фирмами — это осложняло вопрос с осью. Правда, он надеялся, что механик в автомастерской Фалмута справится с этим.

Он снова сел в трамвай и поехал в Министерство. В секретариате адмирала он доложил о себе; молодой лейтенант уже знал его.

— Добрый день, господин лейтенант,— сказал он.— Ваше назначение на столе у адмирала, он хочет вручить его лично. Я доложу, что вы прибыли.

Питер поднял брови: это показалось ему необычным, но в нынешнем сократившемся флоте все становилось каким-то странным. Он прислонил колеса к столу секретаря, с легким беспокойством одернул мундир, снял нитку с рукава.

— Адмирал ждет вас, господин лейтенант.

Он вошел в кабинет и стал по стойке «смирно». Адмирал, сидевший за столом, кивнул ему.

— Добрый день, лейтенант. Вольно. Садитесь.

Питер сел. Адмирал наклонился к нему, угостил сигаретой и протянул зажигалку.

— С некоторых пор у вас нет должности.

— Так точно, господин адмирал.

— Ну так вот, я нашел для вас место на корабле. К сожалению, не могу дать вам командование, не могу даже направить на один из наших кораблей. Я назначаю вас офицером связи на «Скорпион», подводную лодку Соединенных Штатов.— Он быстро взглянул на лейтенанта.— Насколько я знаю, вы знакомы с капитаном Тауэрсом.

— Так точно, господин адмирал.

С капитаном подводной лодки «Скорпион» Питер за последние месяцы столкнулся раза два. Это был спокойный тихий человек

лет тридцати пяти, родом из Новой Англии, о чем говорил его акцент. Знаком был Питер и с его рапортом времен войны. Когда она началась, атомная субмарина «Скорпион» патрулировала район между Киска и Мидуэем. Вскрыв запечатанный конверт, капитан, подчиняясь содержавшемуся в нем приказу, направился в подводном положении в сторону Манилы. На четвертый день, где-то к северу от Айво-Джима, осматривая в перископ пустое море, Тауэрс отметил, что видимость на редкость плоха, будто все закрывало пылевое облако; попутно он констатировал, что детектор на головке перископа показывает высокий уровень радиации. Он попытался сообщить об этом в Пирл-Харбор, но без результата; радиоактивность увеличивалась по мере того, как он приближался к Филиппинам. В ту же ночь он связался с Датч-Харбором и шифром передал своему адмиралу донесение, но не получил никакого ответа. На следующую ночь молчал и Датч-Харбор. Продолжая выполнять приказ, Тауэрс проложил курс к северу от Лусона. В проливе Балинтанг он заметил, что атомной пыли стало очень много, а радиоактивность значительно превысила опасный для жизни предел. На седьмой день войны он смотрел в перископ на Манилу, по-прежнему не имея никаких новых приказов. Радиация здесь была ниже, но все же убийственна, поэтому он не стал всплывать. Видимость была хорошей: в перископ он увидел дымный саван над городом, из чего сделал вывод, что несколько дней назад здесь произошел по крайней мере один ядерный взрыв. На берегу, лежавшем в пяти милях, не было заметно никакого движения. Двигаясь к суше по главному каналу, глубина которого, как утверждала карта, доходила до двадцати саженей, лодка вдруг села на мель на перископовой глубине; это подтверждало его вывод. Продув балластные цистерны, они легко снялись с мели и вернулись в море.

В ту ночь им не удалось связаться ни с одной американской радиостанцией, ни с одним кораблем, который мог бы ретранслировать их сигнал. Выкачивая воду из цистерн, они израсходовали много сжатого воздуха, а новый в этом зараженном районе лучше было не набирать. Уже восьмой день корабль шел под водой; экипаж по-прежнему был в хорошей форме, но стали появляться первые тревожные признаки: все беспокоились о семьях на родине. Наконец им удалось связаться с австралийской радиостанцией в Порт-Морсби на Новой Гвинее, и оттуда сообщили, что условия у них нормальные, но сигналы они ретранслировать не могут.

Капитан решил, что лучше всего взять курс на юг. Обогнув Лусон с севера, лодка направилась на остров Яп, где стояла американская телеграфная станция. Туда они добрались через три дня, установили, что уровень радиоактивности невысок, почти нормален, всплыли на поверхность спокойного моря, проветрили корабль, и капитан начал партиями выпускать экипаж на мостик.

С облегчением он заметил какой-то американский крейсер. С него ему указали место для стоянки и выслали шлюпку. Став на место, Тауэрс выпустил на палубу весь экипаж и отправился в шлюпке на крейсер, чтоб отдаться под командование капитана, некоего Шоу. От него он впервые услышал о китайско-русской войне, которая была следствием войны между Россией и НАТО, явившейся результатом войны израильско-арабской, спровоцированной Албанией. Он узнал, что и русские, и китайцы использовали кобальтовые бомбы. Новости эти пришли кружным путем: из Австралии, а туда были ретранслированы через Кению. Крейсер ждал у Япа рандеву с американским танкером, ждал уже неделю, но последние пять дней не имел никакой связи со Штатами. У капитана Шоу было ровно столько топлива, чтобы на средней скорости довести корабль до Брисбена, но не дальше.

Капитан Тауэрс оставался в Джапе шесть дней; тем временем приходили новости одна хуже другой. Не было связи ни с одной радиостанцией в Соединенных Штатах и Европе, но еще два дня удавалось принимать трагические сообщения из Мехико-сити. Потом мексиканская радиостанция умолкла, и им осталось слушать только Панаму, Боготу и Вальпараисо, где совершенно не знали, что происходит на северном континенте. Была установлена связь с несколькими кораблями Военного Флота Соединенных Штатов, находившимися в Южной Атлантике. Большинство из них тоже были почти без топлива. Капитан Шоу оказался старшим по званию среди капитанов этих кораблей, он решил вести остаток флота в австралийские воды, чтобы отдаться под команду тамошнего адмиралтейства. Он разослал всем приказ идти в Бресбен, и через две недели там собрались одиннадцать военных кораблей Соединенных Штатов; без топлива и почти без надежды получить его. Это было год назад, но и теперь они еще стояли там.

Ядерного горючего для «Скорпиона» в Австралии не было, но его можно было приготовить. Как выяснилось, лишь этот корабль представлял собой оперативную ценность в австралийских водах, поэтому его отправили на верфи Военного Флота в ближайший порт — Вильямстаун под Мельбурном. Пока готовили ядерное горючее, он долго стоял без дела, но полгода назад все было готово, и лодка отправилась в Рио-де-Жанейро с грузом топлива для какой-то другой американской субмарины. Но когда вернулась в Мельбурн, требовала серьезного ремонта на верфи.

Вот и все, что Питер Холмс знал о капитане Тауэрсе из Военного Флота Соединенных Штатов. Предложенная ему должность была чем-то новым: свой рейс по водам Южной Америки «Скорпион» совершал без какого-либо офицера связи.

— Надолго меня туда направляют, господин адмирал? — спросил Питер, беспокоясь о Мэри и дочери.

Адмирал пожал плечами.

— Скажем, на год. Мне кажется, это ваше последнее назначение, Холмс.

— Знаю, господин адмирал,— ответил молодой офицер,— и очень благодарен за эту возможность.— Он поколебался, но продолжал: — Все ли время корабль будет в море? У меня здесь жена и ребенок. Жизнь теперь нелегка в сравнении с той, какая была раньше, и женщине будет тяжело одной в доме. Да и времени осталось уже мало.

Адмирал кивнул.

— Да, конечно, судьба у нас одна. Именно поэтому я и хотел поговорить с вами перед назначением на эту должность. Я не обижусь, если вы попросите не назначать вас, но в таком случае вам придется расстаться с надеждой получить работу. Если же говорить о времени пребывания в море, то ремонт кончится...— он взглянул на календарь,— четвертого, то есть через неделю, и тогда корабль поплывет в Кэрнс, Порт-Морсби и Порт-Дарвин, чтобы вернуться в Вильямстаун с донесением о местных условиях. Капитан Тауэрс высчитал, что этот рейс продлится одиннадцать дней. Потом мы планируем более длительный рейс, примерно на два месяца.

— А перерыв между этими двумя плаваниями будет, господин адмирал?

— Думаю, корабль пробудет на верфи недели две.

— И после второго рейса в программе больше ничего?

— Пока ничего.

Молодой офицер задумался о заботах, ожидающих Мэри: закупках продуктов, возможных болезнях дочери, доставке молока. Хорошо хоть сейчас тепло и не нужно колоть дрова для обогрева. Если второй рейс начнется в середине февраля, то он вернется домой в середине апреля, прежде чем станет холодно. Если же плавание продлится дольше, может, фермер возьмется снабжать Мэри дровами... раз уж получит колеса для прицепа. Значит, можно смело уезжать, если, конечно, ситуация не ухудшится. А что если вдруг откажет электричество или радиация будет распространяться быстрее, чем предсказывают ученые? Он постарался отогнать эту мысль.

Питер знал, что Мэри рассердилась бы, откажись он от этого предложения. Ведь она сама была дочерью флотского офицера, родилась и выросла в Саутси, на юге Англии; он познакомился с ней на борту «Неутомимого», когда служил на море. Мэри наверняка не будет возражать... Он поднял голову.

— Я готов отправиться в оба эти рейса, господин адмирал,— сказал он.— Но можно ли потом вернуться к этому вопросу? То есть... я хочу сказать, что нелегко планировать наперед, когда это приближается к нам.

Адмирал задумался. В нынешних условиях просьба лейтенанта была вполне разумной. Правда, случай был беспрецедентный, поскольку должностей для офицеров сейчас очень мало, но следовало ожидать, что этот офицер не согласится служить на внешних водах в последние месяцы перед...

Он кивнул головой.

— Я сделаю это для вас, мистер Холмс. Вы назначаетесь на эту должность на пять месяцев, до тридцать первого мая. По возвращении из второго рейса явитесь ко мне.

— Слушаюсь, господин адмирал.

— На «Скорпион» прибудете во вторник, в первый день нового года. Если подождете пятнадцать минут в секретариате, вам дадут письмо к капитану. Корабль стоит в Вильямстауне, близ авианосца «Сидней».

— Я знаю, господин адмирал.

Адмирал встал.

— Ну что ж, лейтенант.— Он протянул руку.— Удачи на новом месте.

Они обменялись рукопожатием.

— Спасибо, господин адмирал, что подумали обо мне,— сказал Питер. Уже выходя, он задержался в дверях.— Может, капитан Тауэрс сегодня на борту? — спросил он.— Раз уж я приехал в город, то мог бы заглянуть туда, показаться ему и, может, посмотреть корабль. Я хотел бы сделать это до того, как явлюсь официально.

— Насколько я знаю, он там,— ответил адмирал.— Можно позвонить на авианосец... попросите моего секретаря.— Он взглянул на часы.— В половине двенадцатого от главных ворот туда отправляется автобус. Вы еще успеете на него.

Через двадцать минут Питер Холмс уже сидел рядом с водителем в электрическом грузовике, который, выполняя роль автобуса, регулярно курсировал до Вильямстауна и обратно. Когда-то на нем перевозили товары для одного из крупных магазинов Мельбурна, а после войны его реквизировали и перекрасили в защитный цвет. Не встречая никаких помех — движения, по существу,— не было, грузовичок легко делал двадцать миль в час. К двенадцати они приехали на верфь, и Питер пошел на мол, у которого стоял авианосец «Сидней». Поднявшись на палубу, он направился в кают-компанию.

Там он застал человек двенадцать офицеров; шестеро из них были в габардиновой рабочей форме цвета хаки.

Капитан «Скорпиона» тоже был здесь; он с улыбкой встал навстречу Питеру.

— О, лейтенант! Рад, что вы приехали.

— Я полагал, господин капитан, что вы не будете против.

У меня приказ прибыть во вторник, но поскольку я был в Министерстве, мне пришло в голову, что я не помешаю, если заеду к вам пообедать и посмотреть корабль.

— Прошу вас,— сказал капитан Тауэрс.— Я с радостью узнал от адмирала Гримвайда, что он направил вас к нам. Познакомьтесь с нашими офицерами.— Он повернулся к американцам.— Мой заместитель, мистер Фаррелл, и мой инженер, мистер Линдгрен.— Он улыбнулся.— Только высококвалифицированные инженеры могут справиться с нашими двигателями. Это мистер Бенсон, мистер О'Догерти и мистер Хирч.— Молодые офицеры неловко поклонились.— Выпьете чего-нибудь перед обедом?

— О... спасибо, с удовольствием. Пожалуйста, джин с английской горькой. Сколько офицеров на «Скорпионе», господин капитан?

— Одиннадцать,— ответил капитан, нажимая кнопку звонка.— Кроме того, у нас четверо механиков.

— У вас должно быть много места для кают.

— У нас немного тесно, когда мы собираемся все вместе, но на подводных лодках это обычное явление. Однако для вас, лейтенант, местечко найдется.

— Только для меня или будет напарник? — с улыбкой спросил Питер.

Капитана это предположение слегка шокировало.

— Почему? Каждый офицер, да вообще каждый на «Скорпионе» имеет свою собственную каюту.

Явился стюард, и капитан распорядился:

— Один джин с английской горькой и шесть оранжадов.

Смущенный Питер не знал, куда деваться. Он задержал стюарда.

— На ваших кораблях не пьют, господин капитан?

— Нет. Дядя Сэм этого не любит. Но ведь это британский корабль.

— Я предпочитаю быть как все,— сказал Питер и обратился к стюарду: — Семь раз оранжад.

— Семь так семь,— небрежно заметил капитан, и стюард вышел.— На одних военных флотах пьют, на других нет,— продолжал Тауэрс,— но, по-моему, это не имеет никакого влияния на конечный результат.

Они пообедали на авианосце — двенадцать офицеров за одним из длинных, пустых столов, а потом спустились на стоявший борт о борт «Скорпион». Это была самая большая подводная лодка, которую когда-либо видел Питер Холмс — корабль водоизмещением около шести тысяч тонн, с ядерным приводом мощностью гораздо больше десяти тысяч лошадиных сил. Команду составляли около семидесяти человек, не считая одиннадцати офицеров. Все они ели и спали среди лабиринта труб и кабелей, как обычно на подводных лодках, но эта была оборудована исключительно хорошо — с уче-

том тропических условий: на ней стояли кондиционеры и очень большой холодильник. Питер Холмс, никогда прежде не плававший на подводных лодках, поначалу не сумел оценить технические достоинства «Скорпиона», но капитан обратил его внимание на простую систему рулевого управления и хорошую, несмотря на значительную длину корпуса, маневренность субмарины.

Во время ремонта большую часть вооружения убрали, оставив только два торпедных аппарата. Благодаря этому стало больше места для кают, а в машинном отделении, после того как убрали торпеды с кормы, условия работы механиков значительно улучшились. В этой части корабля Питер провел почти час с лейтенантом Линдгреном, инженером. Он впервые оказался на корабле с ядерной силовой установкой, и многие приспособления были для него в новинку. Много времени требовалось и для того, чтобы понять систему циркуляции жидкого натрия, отводящего от реактора тепло, систему различных теплообменников и циклическую подачу гелия к двум скоростным турбинам, двигавшим корабль с помощью огромных редукторов, гораздо более чувствительных, чем все остальные элементы привода.

Наконец он вернулся в маленькую каюту капитана. Тот позвонил стюарду, попросил принести два кофе и опустил для Питера складное сиденье.

— Вы хорошо приглядились к двигателям? — спросил он.

Австралиец кивнул.

— Я не инженер,— сказал он.— Это превосходит мое понимание, но все же очень интересно. Много у вас с ними хлопот?

— Пока они работают без замечаний. На море мало что можно сделать, если они начнут барахлить. Можно только надеяться, что они не перестанут крутиться.

Стюард подал кофе, и они молча принялись за него.

— Я получил приказ прибыть к вам во вторник,— сказал Питер.— Когда я должен быть здесь, господин капитан?

— Во вторник мы выплываем на пробу,— сказал капитан.— А может, в среду, хотя едва ли: это было бы слишком поздно. В понедельник мы грузим запасы, и команда собирается на борту.

— Тогда, может, мне явиться в понедельник? — предложил австралиец.

— Можно и так,— согласился капитан.— Пожалуй, мы выйдем во вторник, в полдень. Я сказал адмиралу, что для начала хочу сделать короткий рейс по Бассову проливу и вернуться, скажем, в пятницу, в состоянии оперативной готовности. Поэтому, если вы сможете прибыть в понедельник, меня это вполне устроит.

— А до понедельника я вам не нужен? Я приеду в субботу, если могу чем-то помочь...

— Спасибо, лейтенант, но это ни к чему. Половина команды на

берегу, да и вторую половину я тоже отпущу на субботу и воскресенье. Здесь не будет никого, за исключением одного офицера и шести вахтенных. Так что в понедельник перед обедом вполне подойдет.— Он испытующе посмотрел на Питера.— Вам не говорили, чем мы, собственно, займемся?

Австралиец остолбенел от удивления.

— Разве вам не сказали, сэр?

Американец рассмеялся.

— Ни слова. Похоже, последним узнает содержание приказа именно капитан.

— Адмирал вызвал меня по поводу моего назначения,— сказал Питер.— Он сказал, что это должен быть рейс до Кэрнса, Порт-Морсби и Порт-Дарвина, который продлится одиннадцать дней.

— Ваш капитан Никсон из оперативного отдела спрашивал меня, как долго это может продлиться,— заметил капитан.— Но приказа я еще не получал.

— Адмирал говорил еще, что после этого рейса будет другой, гораздо более опасный и долгий, который продлится около двух месяцев.

Капитан Тауэрс замер с чашкой в руке.

— Для меня это что-то новое,— сказал он.— Он не сказал, куда?

Питер покачал головой.

— Нет, сказал только, что это продлится месяца два.

Воцарилось молчание, потом американец улыбнулся.

— Думаю, если кто-нибудь заглянул бы сюда в полночь, он увидел бы, как я наношу свои предположения на эту карту. Сегодня, завтра и послезавтра...

Австралиец решил, что нужно придать разговору более легкий тон.

— Вы едете куда-нибудь на уик-энд? — спросил он.

— Нет,— ответил капитан.— Буду сидеть здесь. Впрочем, может, на пару часов выберусь в город, в кино.

Такого рода виды на уик-энд, да еще когда ты иностранец и далеко от родины, могли нагнать меланхолию на любого.

— А если вам на эти два дня поехать в Фалмут? У нас есть комната для гостей. При хорошей погоде мы проводим время в яхт-клубе, плаваем, ходим под парусом. Моя жена будет рада, если вы приедете.

— Это очень мило с вашей стороны,— задумчиво сказал капитан.

Он выпил еще одну чашку кофе, обдумывая предложение. Люди северного полушария теперь редко чувствовали себя хорошо среди людей южного. Слишком многое разделяло их после последней войны. Жалость создавала непреодолимый барьер, и он отлич-

но знал об этом. Более того, он знал, что австралиец прекрасно понимает это, хотя и пригласил его к себе. Однако ему хотелось лучше узнать Питера Холмса. Коль скоро он будет связан с командованием Военного Флота через него, не мешало знать, что́ он за человек — это говорило за посещение его дома. Кроме того, смена обстановки позволит ему расслабиться после нудного безделья, которое мучало его уже несколько месяцев. Пусть ему будет неловко среди этих людей, это все же лучше, чем слоняться два дня среди гулких стен пустого авианосца в обществе своих мыслей и воспоминаний.

Он слабо улыбнулся и отставил чашку. Хотя такой визит и выглядит глупо, еще глупее было бы отклонить дружеское предложение.

— А я не помешаю вашей жене? — спросил он.— Ведь у вас в доме маленький ребенок.

Питер замотал головой.

— Ей будет приятно,— сказал он.— Теперь она не часто видит новые лица.

— Я с удовольствием приеду на один вечер,— сказал американец.— Завтра я должен быть здесь, но в субботу охотно бы поплавал. Вас устроит, если я приеду в субботу утром, поездом? И вернусь в воскресенье?

— Я встречу вас на станции.

Они обговорили расписание поездов, потом Питер спросил:

— Вы ездите на велосипеде? — Капитан кивнул.— Тогда я возьму с собой второй велосипед. От станции до нас две мили.

— Отлично.

Красный «олдсмобиль» стал уже почти забытым сном. Всего пятнадцать месяцев назад капитан Тауэрс сидел за его рулем, направляясь в аэропорт, а теперь с трудом мог вспомнить, как выглядела приборная доска или с какой стороны был рычажок, передвигающий сиденье. Он полагал, что машина все еще стоит в гараже у его дома в штате Коннектикут, неповрежденная, быть может, со всем тем, о чем он уже научился не думать. Нужно жить в новом мире и по возможности забыть о старом; теперь его будут ждать велосипеды на железнодорожной станции в Австралии.

Питер вышел с авианосца достаточно рано, чтобы вернуться в Вильямстаун грузовичком, курсирующим между верфью и Министерством Военного Флота. Он заглянул в Министерство, забрал письмо со своим назначением и колеса для фермера, после чего трамваем поехал на вокзал. Около шести он вышел из поезда в Фалмуте, повесил оба колеса на руль велосипеда и не спеша поехал домой. Когда через полчаса он добрался, весь мокрый от пота — жара стояла невыносимая,— Мэри в летнем платье, прохладная и свежая, поливала газон.

Она бросилась ему навстречу.

— О, Питер, как ты вспотел! Вижу, ты достал эти колеса.

— Да. Мне очень жаль, что я не смог приехать на пляж.

— Я догадалась, что тебя задержали. Мы вернулись домой в половине шестого. Что с твоим назначением?

— Это долгая история,— ответил он, втаскивая велосипед и колеса на веранду.— Я все тебе расскажу, но сначала приму душ.

— Все хорошо или все плохо? — спросила она.

— Хорошо. До апреля в море, потом — ничего.

— Питер,— обрадовалась она,— это просто здорово. Быстренько прими душ, остынь и все мне расскажи. Я вынесу шезлонги. Да, в холодильнике есть бутылка пива.

Через пятнадцать минут, посвежевший, в спортивной рубашке с расстегнутым воротником, он сел в тени и, попивая холодное пиво, рассказал ей все по порядку.

— Ты когда-нибудь встречалась с капитаном Тауэрсом? — спросил он под конец.

— Нет,— она покачала головой.— Джейн Фримен познакомилась с ними всеми во время приема на «Сиднее». Она говорила, что он довольно симпатичный. Но каково тебе будет под его командой?

— Пожалуй, хорошо,— ответил он.— Капитан знает свое дело. Сначала мне будет неловко на американском корабле, но, должен признать, они мне понравились.— Он рассмеялся.— Я там сразу нарвался — попросил джин, заправленный горькой.— Он рассказал ей об этом, и она согласилась.

— Джейн тоже об этом говорила. Они много пьют на суше, но ни капли — на корабле. Кажется, они вообще не пьют в мундирах. У них там был какой-то овощной коктейль, а все остальные упились так, что ого-го!

— Я пригласил его на уик-энд,— сообщил он.— Он приедет в субботу утром.

Мэри со страхом взглянула на него.

— Он? Капитан Тауэрс?

— Пришлось пригласить. Ему будет у нас хорошо.

— О, Питер, едва ли. Они теперь нигде не чувствуют себя хорошо. Это слишком болезненно для них... бывать в семейных домах.

Он попытался ее успокоить.

— Капитан не такой. Прежде всего, он гораздо старше. Нет, ему действительно будет хорошо у нас.

— То же самое ты говорил о командире эскадрильи из Королевских Воздушных Сил,— возразила она.— Ну, помнишь... я уже забыла, как его звали. Тот, который расплакался.

Он не любил, когда она вспоминала тот вечер.

— Я знаю, что это тяжело для них,— сказал он.— Входить в чужой дом, где, к тому же, есть ребенок... Но с Тауэрсом все будет иначе.

Хочешь-не хочешь, ей пришлось уступить.

— Долго он у нас пробудет?

— Только одну ночь. В воскресенье ему нужно быть на «Скорпионе».

— Если это всего на одну ночь, все не так страшно...— Нахмурив брови, она на минуту задумалась.— Главное — найти ему занятие, чтобы он не скучал ни секунды. В этом была наша ошибка с тем гостем из КВС. Что он любит?

— Плавать,— ответил Питер.— Он хочет поплавать.

— А парусный спорт? В субботу будут гонки.

— Я не спросил его. Думаю, тоже любит.

Она глотнула пива.

— Мы могли бы взять его в кино.

— А что там идет?

— Не знаю. Но это неважно, ведь мы хотим только, чтобы он был все время занят.

— Да, но будет плохо, если фильм окажется об Америке,— напомнил он,— если мы случайно попадем на такой, который снимался в его родных местах.

Она снова со страхом взглянула на него.

— Это было бы страшно. Откуда он родом, Питер? Из какой части Штатов?

— Понятия не имею. Я не спрашивал.

— О Боже! Нам нужно что-то делать вечером, Питер. Английский фильм был бы самым безопасным, но неизвестно, будет ли он английским.

— Можно пригласить еще кого-нибудь,— подсказал он.

— Даже обязательно, если фильм не английский. По-моему, это лучший выход.— Она задумалась.— Он был женат?

— Не знаю. Наверное, был.

— Могла бы приехать Мойра Дэвидсон,— продолжала Мэри.— Конечно, если у нее нет других планов.

— И если она не напьется,— заметил Питер.

— Не всегда же она пьяна,— сказала Мэри.— Во всяком случае, она расшевелила бы компанию.

Он задумался на мгновение, потом сказал:

— Неплохая идея. Я сразу объяснил бы ей, в чем дело. Не должно быть ни секунды скуки.— Он помолчал и добавил: — Ни в постели, ни вне ее.

— Ну, она не такая. Она просто наговаривает на себя.

Он широко улыбнулся.

— Пусть будет по-твоему.

Тем же вечером они позвонили Мойре Дэвидсон и представили ей свой проект.

— Питеру нужно было его пригласить,— сказала Мэри.— По-

нимаешь, это его новый капитан. Но ты же знаешь, какие они, и как чувствуют себя в домах, где есть дети и пахнет пеленками. Мы решили, что нужно прибраться, спрятать все это и постараться, чтобы ему было весело... все это время, понимаешь? Но я буду занята Дженнифер и не многое смогу сделать. Ты не могла бы приехать и помочь нам? К сожалению, это значит для тебя раскладушку в холле или на веранде. Но только на субботу и воскресенье. Нужно следить, чтобы он непрерывно был чем-то занят. Не должно быть ни секунды скуки. В субботу вечером мы устроим прием, пригласим кое-кого.

— Вообще-то это довольно скучно,— заметила мисс Дэвидсон.— Скажи, это какой-нибудь плакса? Начнет рыдать у меня на плече и уверять, что я как две капли воды похожа на его покойную жену? Такое с ними бывает.

— Может, и с ним тоже,— неуверенно ответила Мэри.— Я не знаю, ведь я его даже не видела. Подожди немного, я спрошу у Питера.— После паузы она продолжала: — Мойра? Питер говорит, что он, вероятно, начнет за тобой волочиться, когда напьется.

— Это уже лучше,— сказала мисс Дэвидсон.— Хорошо, я приеду в субботу утром. Да, кстати... я покончила с джином.

— Покончила с джином?

— Джин пожирает внутренности. Прожигает кишки и вызывает язвы. Поэтому я с ним покончила. Теперь пью коньяк. Думаю, на этот уикэнд нужно бутылок... шесть. Коньяка можно выпить много.

В субботу утром Питер Холмс поехал на велосипеде в Фалмут и на вокзале встретился с Мойрой. Мисс Дэвидсон, стройная девушка с прямыми светлыми волосами и белой кожей, была дочерью торговца скотом, владельца небольшого имения Гарквей, что лежало неподалеку от Бервика. Она подъехала к станции в элегантной четырехколесной коляске, год назад купленной на каком-то складе подержанных вещей и отреставрированной за большие деньги. Коляску тащила красивая резвая кобыла. На девушке были ярко-красные брюки и такая же рубашка, причем даже цвет губной помады и маникюрного лака идеально гармонировал с одеждой. Она издалека помахала Питеру рукой, подождала, пока он привязывал поводья к перилам, вдоль которых когда-то шли к автобусам пассажиры.

— Здравствуй, Питер,— сказала она.— Он еще не появился?

— Приедет этим поездом. Когда ты выехала из дома?

— В восемь. Чудовищно, правда?

— Завтракала?

Она кивнула.

— Я пила коньяк. И выпью еще, прежде чем снова сяду в эту телегу.

Это его обеспокоило.

— Тебе нечего было поесть?

— Поесть? Яйца с ветчиной и прочую гадость? Дорогой мой, у Сэймов была вчера вечеринка, и меня до сих пор тошнит от еды.

Они вместе вышли на перрон.

— Когда ты легла спать? — спросил Питер.

— Около половины третьего.

— Как ты только выдерживаешь? Я бы не смог.

— А я могу. Всем нам осталось немного, так стоит ли терять время на сон? — Она рассмеялась.

Он не ответил; в принципе, она была права, хотя сам он подходил к этому иначе. Они постояли еще; подошел поезд, из вагона вышел капитан Тауэрс. Он был в сером гражданском пиджаке и светлых тиковых брюках. Своим американским стилем он заметно выделялся из толпы.

Питер Холмс представил его Мойре. Когда они направились к выходу со станции, американец сказал:

— Я уже давно не ездил на велосипеде. Наверное, упаду.

— Вы поедете с комфортом,— сказал Питер.— У Мойры здесь фура.

— Не понимаю,— чуть нахмурился капитан.

— Спортивная машина,— объяснила девушка.— «Ягуар-JX 140». Птица-Молния, как вы это называете. Новая модель мощностью в одну лошадиную силу, но делает восемь миль в час по ровной дороге. О Боже, у меня горло пересохло!

Они подошли к коляске; Мойра начала отвязывать поводья, а американец отошел на несколько шагов, разглядывая сверкавший на солнце экипаж.

— Ну и ну! — воскликнул он.— Да у вас настоящий вездеход.

— Вездеход! — Мойра рассмеялась.— Подходящее название. В гараже у нас есть порядочный автомобиль... «форд-кастомлин», однако я не взяла его с собой. Поедем на вездеходе. Садитесь, а я буду газовать, чтобы показать вам, как он ходит.

— Господин капитан, у меня здесь велосипед,— сказал Питер.— Я поеду сам по себе. Встретимся дома.

Капитан Тауэрс сел в коляску, девушка устроилась рядом с ним, взяла кнут и повернула кобылу. Повозка направилась к шоссе.

— Я должна кое-что сделать, прежде чем мы выедем из города,— сказала Мойра своему спутнику.— Точнее, выпить. Питер — хороший человек и Мэри тоже, но они слишком мало пьют. Мэри говорит, что у ребенка от этого колики. Надеюсь, вам это не грозит. Впрочем, если хотите, можете выпить кока-колы.

Капитан Тауэрс, хоть и был слегка ошеломлен, оживился. Он давно не встречал таких девушек.

— Я выпью с вами,— сказал он.— За последний год я выпил столько кока-колы, что мой корабль мог бы плавать в ней на перископной глубине. Выпить мне не повредит.

— Значит, нас двое,— констатировала она, ловко направляя кобылу на главную улицу городка. Несколько брошенных автомобилей стояли у тротуара, их не трогали уже больше года. На улицах было такое слабое движение, что они никому не мешали, а бензина, чтобы убрать их, все равно не было. Девушка остановилась у отеля «Пристань» и соскочила на землю. Привязав поводья к бамперу одного из автомобилей, она ввела капитана Тауэрса в зал.

— Что заказать? — спросил он.

— Для меня — двойной коньяк.

— Вода?

— Каплю и много льда.

Он повторил это бармену и заколебался, чувствуя на себе взгляд девушки. Пшеничного здесь не было никогда, шотландское виски пропало уже много месяцев назад, а к австралийскому у него не было доверия.

— Я еще не пил такого коньяка,— заметил он.— Что это за напиток?

— Он не бьет по голове,— сообщила девушка,— а расходится по всему телу. Поэтому я его и пью.

— Пожалуй, я все же выпью виски.— Он заказал и повернулся к ней.— Вы много пьете, правда?

— Говорят.— Она взяла поданный ей стакан и вынула из сумочки пачку сигарет — смесь южноафриканского и австралийского табака.— Закурите? Они ужасны, но других я не смогла достать.

Он угостил ее сигаретой — впрочем, не менее ужасной — из своей пачки и поднес огонь. Закурив, она выпустила дым через нос.

— Все-таки разнообразие. Как вас зовут?

— Дуайт,— ответил он.— Дуайт Лайонел.

— Дуайт Лайонел Тауэрс,— повторила она.— А я — Мойра Дэвидсон. У нас ферма в двадцати милях отсюда. Вы капитан той самой подводной лодки?

— Так точно.

— Довольны должностью? — насмешливо спросила она.

— Мне оказали большую честь, доверив командование,— спокойно ответил он.— И я думаю, это по-прежнему почетно.

Она опустила глаза.

— Простите, что я так спросила. Я бываю грубой, пока трезвая.— Она залпом выпила свой коньяк.— Пожалуйста, еще один, Дуайт.

Он заказал для нее еще рюмку, но сам ограничился одним виски.

— Скажите,— сменила тему девушка,— что вы делаете во время отпуска? Играете в гольф? Ходите под парусом? Ловите рыбу?

— В основном, ловлю рыбу,— ответил он, вспомнив давний отпуск с Шарон на полуострове Гаспе, но тут же отогнал от себя эту мысль. Нужно думать о настоящем и забыть то, что было.— Сегодня слишком жарко для гольфа,— заметил он.— Лейтенант Холмс говорил что-то о плавании.

— Нет ничего проще,— сказала она.— А после обеда сегодня будут гонки яхт. Это вас интересует?

— Ну, конечно,— подтвердил он.— Какая у него лодка?

— Ее называют «Гвен-12». Этакая водонепроницаемая коробка с парусами. Не знаю, захочет ли он сам плыть на ней. Если нет, я могу стать вашим матросом.

— Если мы хотим принять участие в гонках,— решительно заявил он,— то не должны больше пить.

— Я не поплыву с вами, если у вас будут порядки Военного Флота Соединенных Штатов. На наших кораблях не так сухо, как на ваших.

— Хорошо. Тогда я буду выполнять ваши приказы!

Она посмотрела на него.

— Вы когда-нибудь получали по голове бутылкой?

Он улыбнулся.

— Много раз.

Девушка допила коньяк.

— Закажите и себе тоже.

— Нет, спасибо. А то Холмсы нас потеряют.

— Ничего, догодаются,— сказала девушка.

— Пойдемте, я хочу посмотреть, как выглядит мир из вашей фуры.

Он повел ее к двери. Девушка покорно шла рядом.

— Это не фура, а вездеход,— сказала она.

— Нет. Мы сейчас в Австралии. Это ваша австралийская телега для перевозки дров.

— Вот тут вы не правы,— триумфально заметила она.— Вообще-то это коляска... викторианская коляска. Ей более семидесяти лет. Папа говорит, ее сделали в Америке.

Он взглянул на экипаж с внезапным интересом.

— Верно! А я-то думал, где я уже видел такую? Совершенно такая же стояла в сарае моего дяди, когда я был ребенком.

Она знала, что не должна позволять ему думать о прошлом, поэтому попросила:

— Станьте перед кобылой, пока я буду ее поворачивать. Она не очень любит идти назад.

Сев на козлы, она безжалостно натянула поводья, чтобы ему

было чем заняться. Кобыла поднялась на дыбы, и ему пришлось отскочить, чтобы избежать удара копытом. Все же он ухитрился повернуть кобылу и вскочил на козлы рядом с девушкой.

— Она немного норовиста,— сказала Мойра.— Эти проклятые асфальтовые шоссе...

Вскоре они подъехали к дому Холмсов, и кобыла остановилась, вся в пене. Лейтенант с женой вышли им навстречу.

— Прости, Мэри, что мы так долго,— спокойно сказала Мойра.— Мне не удалось провезти капитана Тауэрса мимо бара.

— Похоже, ты сделала все, что могла, чтобы наверстать упущенное,— заметил Питер.

— Поездка была незабываемой,— сказал командир субмарины. Он сошел на землю и был представлен Мэри. Потом обратился к девушке:— Хорошо было бы погулять с кобылой взад-вперед, пока она не остынет.

— Отлично,— похвалила его Мойра.— Я, правда, выпрягла бы ее и пустила на выгон... Питер вам покажет. А я пока помогу Мэри приготовить завтрак. Питер, Дуайт хочет поплавать сегодня после обеда на твоей яхте.

— Я вовсе этого не говорил,— запротестовал американец.

— Нет, говорили.— Девушка смотрела на кобылу, радуясь про себя, что отец не видит ее в эту минуту.— Нужно ее чем-нибудь вытереть... там сзади есть тряпка, под мешком с овсом. Потом, когда мы сами напьемся, я ее напою.

После полудня Мэри, оставшись одна с ребенком, спокойно начала готовиться к вечернему приему. Дуайт Тауэрс неуверенно сел на велосипед и поехал с Питером и Мойрой в яхт-клуб. Все трое уехали с полотенцами на шеях и купальными костюмами в карманах; доехав, сразу переоделись, не сомневаясь, что это будут «мокрые» гонки. Яхта Холмсов была закрытой лодкой из фанеры с небольшим кокпитом и послушными парусами. Они подготовили ее, спустили на воду и направились к линии старта: американец у румпеля, Мойра — на парусе. Питер остался на пляже.

Оба были в купальных костюмах, а на случай, если солнце будет слишком печь, взяли еще и рубашки. Несколько минут они маневрировали за линией старта, среди десятка других яхт, вышедших на гонки. Капитан уже года два не ходил под парусом и впервые имел дело с яхтой такого типа, но все же справлялся с ней хорошо и почти сразу понял, что она очень быстроходна. Когда грохнул выстрел, он так рванул с линии старта, что после первого из трех обязательных треугольников был на пятом месте.

Ветер был сильный, как обычно в заливе Порт-Филлип, и в конце первого круга яхта начала принимать через борт воду. Капитан Тауэрс, занятый гротом и румпелем, почти не обращал внимания ни на что вокруг. В ярком солнечном свете, в тучах водяной пыли,

сверкающей, словно бриллианты, они начали второй круг, выходя к очередному повороту. У Тауэрса не было времени заметить, как девушка отодвинула ногой бухту грота-фала и подвинула на ее место бухту стаксель-шкота. Они доплыли до буя повернули, но когда капитан Тауэрс захотел вновь поставить грот, фал выбрался фута на два и застопорился. Порыв ветра положил лодку на бок, а Мойра помогла этому, будто случайно дернув за стаксель-шкот. Кончилось тем, что лодка легла парусами воду, и через секунду оба оказались за бортом.

Мойра укоризненно сказала:

— Не нужно было стопорить фал. Ой!— пискнула вдруг она,— черт побери, у меня лифчик свалился! — На самом деле ей как-то удалось распустить узел лифчика на спине, пока она падала в воду, и теперь его сносила вода. Подхватив его, она посоветовала своему спутнику:— Лучше всего подплыть с той стороны и сесть на шверт. Тогда лодка встанет прямо.

Они поплыли туда, а от судейского катера к ним направилась моторка спасателей.

— К нам уже плывут помощники,— сказала девушка.— Прежде всего, Дуайт, помогите мне надеть это, пока они далеко.— Она отлично могла бы сделать это сама, еще в воде.— Вот так... а теперь завяжите. Да не так сильно, я вам не японка. Отлично. А теперь мы можем поднять нашу яхту и продолжать гонку.

Она взобралась на шверт и встала, держась за край борта, а он смотрел на нее снизу, восхищаясь ее стройной фигурой и очаровательным бесстыдством. Когда он подплыл и тоже забрался на шверт, паруса поднялись, затрепетали, и яхта вдруг выпрямилась. Девушка споткнулась о такелаж и свалилась в кокпит, не забыв при этом освободить грота-шкот. Дуайт последовал за ней, и яхта продолжила гонку.

— Только не надо больше этих штучек,— сурово потребовала Мойра.— В моем купальнике хорошо загорать, но не плавать.

— Не знаю, как это вышло,— оправдывался он.— До сих пор все шло нормально.

Больше происшествий не было, и они закончили гонку, заняв предпоследнее место. Питер встречал их, войдя в воду почти по грудь. Он придержал яхту и повернул ее под ветер.

— Хорошо было? — спросил он.— Я видел, как здорово вы оба повалились.

— Было прелестно,— ответила девушка.— Дуайт повалил лодку, а я чуть не потеряла лифчик, так что эмоций у нас было выше головы. Твоя яхта прекрасно плавает, Питер.

Они выбрались из лодки, вытащили ее на берег и, свернув паруса, втолкнули на стапель. Потом пошли на конец мола, искупались и сели, укрывшись от морского ветра за скальной стеной. Все заку-

рили. Американец смотрел на голубую воду, красные скалы и пришвартованные моторки, пляшущие на волнах.

— Неплохой у вас здесь бассейн,— задумчиво сказал он.— Пожалуй, это самый уютный яхт-клуб их всех, что я видел.

— Парусный спорт здесь не принимают всерьез,— заметил Питер.— В этом весь секрет.

— В этом секрет всего,— добавила девушка.— Когда мы еще выпьем, Питер?

— Все соберутся около восьми,— ответил он и повернулся к гостю.— Мы пригласили на вечер несколько человек. А до тех пор мы могли бы пообедать в отеле.

— Конечно. Это будет здорово.

— Надеюсь, ты забираешь капитана Тауэрса не в «Пристань»?— спросила Мойра.

— Именно туда мы с Мэри хотели вас пригласить.

— По-моему, это не слишком разумно,— туманно сказала она.

Американец усмехнулся.

— Хорошую же репутацию вы мне создаете.

— Сами виноваты,— парировала она.— Я делаю все, чтобы вас обелить. И я никому не буду говорить, как вы сорвали с меня лифчик.

Дуайт Тауэрс неуверенно посмотрел на нее, потом вдруг расхохотался. Впервые за последний год его не сдерживала мысль о том, что безвозвратно ушло.

— Согласен,— сказал он, наконец.— Сохраним эту тайну между нами.

— За себя-то я ручаюсь,— заметила она, поджав губы.— А вы, наверное, всем похвастаетесь сегодня вечером, когда выпьете.

Питер сменил тему:

— Может, переоденемся? Я обещал Мэри, что мы будем дома в шесть.

Они пошли по молу к душевым, переоделись и поехали обратно. Мэри застали на газоне, поливающей сад. Обсудив способы попасть в городской отель, они решили снова запрячь кобылу и ехать туда в коляске Мойры.

— Мы должны сделать это для капитана Тауэрса,— заявила девушка.— Один он ни за что не доберется сюда после очередного визита в «Пристань».

Вместе с Питером она отправилась на выгон, чтобы поймать лошадь. Взнуздывая ее, девушка спросила:

— Как у меня получается, Питер?

Он широко улыбнулся.

— Хорошо. Ты не даешь ему скучать.

— Именно об этом и говорила Мэри. Во всяком случае, сердце у него не разрывается от воспоминаний.

— Однако, если ты будешь его так развлекать, у него могут лопнуть сосуды.

— Не знаю, смогу ли. Я исчерпала почти весь свой репертуар.— Она положила седло на спину кобылы.

— Вечер принесет тебе еще немного вдохновения.

— Возможно.

Вечер наступил и прошел. Они пообедали в отеле и вернулись медленнее, чем ехали в город; выпрягли кобылу, пустили ее на выгон и в восемь часов, уже совершенно готовые, встретили гостей. Четыре супружеские пары приехали на этот скромный прием: молодой врач с женой, еще один флотский офицер с супругой, и — тоже с дамами — веселый молодой человек, о котором хоть и сказали, что он «чуть-чуть фермер», но образ жизни которого так и остался тайной для американца, и молодой владелец маленькой механической мастерской. Три часа они танцевали и пили, старательно избегая в разговорах серьезных тем. В эту душную ночь в комнате становилось все жарче, поэтому довольно скоро все сочли пиджаки и галстуки лишним балластом; проигрыватель непрерывно гремел музыкой, диски были свалены в огромную кучу. Хотя окна за проволочной сеткой были широко открыты, в воздухе висел плотный табачный дым. Время от времени Питер опоражнивал пепельницы в мусорный ящик, а Мэри собирала пустые стаканы, выносила в кухню, мыла и приносила обратно. Наконец, в половине двенадцатого, она внесла поднос с чаем и треугольными бутербродами с маслом и печеньем, что во всей Австралии считалось сигналом к концу приема. Вскоре гости стали прощаться и, покачиваясь, разъезжаться на своих велосипедах.

Мойра с Дуайтом помогли доктору и его жене благополучно добраться до ограды сада и вернулись домой.

— Приятная встреча,— сказал Дуайт.— Они, действительно, милые люди.

После жаркой духоты, царившей в доме, воздух в саду отрезвлял холодом. Ночь была очень спокойной. Между деревьями в бледном свете звезд виднелась береговая линия залива Порт-Филлип, бегущая от Фалмута к Нельсону.

— В доме сейчас хуже, чем в печи,— заметила девушка.— Я еще посижу здесь. Нужно остыть,

— Я принесу вам пальто.

— Лучше принесите чего-нибудь выпить, Дуайт.

— Надеюсь, не алкоголь?

Она покачала головой.

— Полтора дюйма коньяка и много льда, если он вообще остался.

Он пошел за коньяком, а когда вернулся с двумя стаканами, Мойра сидела в темноте на краю веранды. Он подал ей стакан —

она молча приняла его — и сел рядом. После вечерней суматохи ночная тишина доставила ему облегчение.

— Просто здорово сидеть вот так.

— Пока не начнут кусать москиты,— добавила она.— Впрочем, может, и не начнут, потому что дует ветер. Я бы не заснула сейчас, даже после такой дозы алкоголя. Вертелась бы с боку на бок всю ночь.

— Вы поздно легли вчера?

Она кивнула.

— И позавчера тоже.

— Советую время от времени ложиться пораньше.

— И что с того?— спросила она.— Вообще, имеет ли что-нибудь теперь смысл? — Он даже не пытался ответить ей, и после долгой паузы она спросила: — Дуайт, почему Питера назначили на «Скорпион»?

— Он наш новый офицер связи,— ответил капитан.

— У вас был такой раньше?

— Никогда.

— Так зачем он вам понадобился теперь?

— Не знаю,— ответил он.— Может, мы совершим рейд по австралийским водам. Приказа еще не было, но так говорят. Похоже, в вашем флоте капитан обо всем узнает последним.

— А куда, говорят, вы плывете, Дуайт?

Он заколебался. Правила безопасности были делом прошлым, но ему пришлось сосредоточиться, чтобы понять это. Сейчас, когда во всем мире не осталось никаких противников, такую осторожность можно было объяснить только силой привычки.

— Говорят, что в Порт-Морсби,— сказал он.— Может, это слухи и ничего больше, но именно так я слышал.

— Но ведь с Порт-Морсби уже покончено?

— Вероятно. Уже давно оттуда нет никаких сообщений.

— Значит, там нельзя сойти на сушу?

— Однако кому-то придется выйти и посмотреть... когда-нибудь,— сказал он.— Мы не будем покидать корабль, пока уровень радиации не понизится. Если он окажется высоким, мы даже не будем всплывать. Но когда-нибудь кому-то придется выйти и посмотреть.— Он замолчал, и в саду под звездным небом стало тихо.— Есть много мест, которые нужно увидеть,— сказал он наконец.— Мы все еще принимаем радиосигналы откуда-то из района Сиэтла. Смысла в них нет, просто время от времени в эфир идет смесь точек и тире. Иногда проходят две недели, прежде чем мы слышим их снова. Может, кто-то там жив, просто не умеет обращаться с аппаратурой. Вообще, в северном полушарии есть много странного, что нужно изучить.

— Неужели кто-то мог выжить?

— Не думаю. Но это не исключено. Этот кто-то должен находиться в герметически закрытом помещении с профильтрованным воздухом, с запасами воды и пищи. На практике это, пожалуй, невозможно.

Она кивнула.

— А правда, что с Кэрнсом уже покончено?

— Думаю, что да... и с Кэрнсом, и с Дарвином. Может, именно туда мы и должны плыть, чтобы проверить. Может, именно потому Питер назначен на «Скорпион». Он знает эти воды.

— Кто-то говорил папе, что в Таунсвилле уже есть случаи лучевой болезни. Эти слухи подтверждаются?

— Не знаю... я ничего такого не слышал. Но можно поверить: Таунсвилл южнее Кэрнса.

— Это будет расширяться все дальше на юг, пока не дойдет до нас?

— Так говорят.

— Ни одна бомба не упала в южном полушарии,— разозлилась Мойра.— Почему же это должно прийти к нам? Неужели нельзя ничего сделать?

Он покачал головой.

— Нет. Это все ветры. Очень трудно скрыться от того, что несет ветер. Точнее, совсем невозможно, поэтому нужно просто смириться с этим.

— Не понимаю,— упрямо сказала она.— Когда-то говорили, что ни один ветер не дует через экватор, поэтому мы будем в безопасности. А теперь оказывается, что это не так...

— В любом случае, мы не были бы в безопасности,— спокойно сказал он.— Даже если бы ученые оказались правы относительно тяжелых частиц, сюда все равно добрались бы легкие... Они уже здесь. Фоновая радиоактивность здесь сегодня в восемь или десять раз выше, чем была до войны.

— Что-то это нам не вредит,— заметила она.— Только говорят об этой пыли. Она что, летает с ветром, что ли?

— Да,— ответил он.— Но ни один ветер не дует на южное полушарие прямо с северного. Будь это так, мы все были бы уже мертвы.

— Уж лучше бы так,— с горечью заметила она.— Мы сейчас похожи на смертников, которые ждут, когда их поведут на казнь.

— Может, и так. А может, это временное помилование.

После этих слов стало тихо.

— Почему это тянется так долго, Дуайт?— спросила, наконец, девушка.— Почему ветер не может прийти прямо оттуда, чтобы покончить со всем этим?

— В принципе это довольно легко понять,— сказал он.— На каждом из полушарий ветры дуют большими спиралями на про-

странстве в тысячи миль между полюсом и экватором. Есть одна система циркуляции ветров в северном полушарии и другая система — в южном. Но разделяет их не экватор, который рисуют на глобусах и картах. Их делит так называемый термический экватор, который перемещается на юг или на север в зависимости от времени года. В январе весь остров Борнео и Индонезия принадлежат к северной системе, а в июле, в результате передвижения линии раздела на север, все, что лежит тогда к югу от нее: Индия, Сиам и так далее, подчиняется южной системе. Итак, в январе северные ветры приносят радиоактивную пыль, скажем, на Малайю. Потом, в июле, когда Малайя окажется в южной системе, наши южные ветры захватят пыль и перенесут оттуда сюда. Именно потому это приближается к нам так медленно.

— И ничего нельзя сделать?

— Ничего. Это слишком мощные силы, чтобы человечество могло с ними справиться. Нужно просто смириться.

— А я не смирюсь!— воскликнула Мойра.— Это же несправедливо. Никто с южного полушария никогда не бросал ни водородной, ни кобальтовой, ни вообще какой-либо бомбы. Мы не имели с этим ничего общего. Неужели мы должны погибнуть только потому, что каким-то государствам, удаленным на тысячи миль, захотелось войны? Дьявольская несправедливость!

— Да, несправедливость, и великая,— согласился он.— К сожалению, ничего не поделаешь.

Воцарилось молчание, потом Мойра со злостью в голосе объяснила:

— Это не значит, что я боюсь смерти, Дуайт. Все мы когда-нибудь умрем. Дело здесь в том, что пройдет мимо меня...— В свете звезд она повернулась к нему.— Я никогда не выеду из Австралии, а ведь я всю жизнь мечтала увидеть рю де Риволи. Такое романтическое название... Впрочем, улица наверняка похожа на все остальные, но я мечтала именно о ней и теперь знаю, что никогда ее не увижу. Больше нет и никогда не будет ни Парижа, ни Лондона, ни Нью-Йорка.

Он мягко улыбнулся.

— Рю де Риволи, может, и находится на том же месте со всем, что на ней было. Не знаю, упала ли на Париж хоть одна бомба. Может быть, он остался таким, как был, и солнце сейчас освещает ту улицу, которую вы хотели видеть. Вот только люди там уже не живут.

Она вскочила.

— Я хотела увидеть ее не такой! Город мертвых... О, Дуайт, принесите еще коньяку.

Не двигаясь с места, он с улыбкой взглянул на нее.

— Ни за что на свете. Пора спать.

— Тогда я сама возьму.

Она вошла в дом. Звякнуло стекло, и почти сразу она вышла, неся пивную кружку, полную на три четверти и с небольшим кусочком льда.

— В марте я должна была поехать в Англию!— выкрикнула Мойра.— В Лондон. Это было решено уже давно. Полгода я должна была провести в Англии и на континенте, а потом вернуться через Америку. Увидела бы Мэдисон-авеню... Дьявольская несправедливость...

Она сделала большой глоток и с отвращением посмотрела на кружку.

— Боже мой, что это за дрянь?

Он встал, взял кружку и понюхал.

— Это виски.

Она отобрала кружку и понюхала сама.

— Верно. После коньяка это должно меня добить.— Она залпом выпила неразведенный алкоголь и выбросила кубик льда на траву. Потом, пошатываясь, повернулась к Дуайту.— У меня никогда не будет детей, а это так несправедливо. Даже если бы ты сегодня переспал со мной, у меня не было бы ребенка, потому что нет времени.— Она истерически рассмеялась.— Правда, смешно? Мэри боялась, как бы ты не расплакался, увидев ее дочку и пеленки на веревке. Как тот командир эскадрильи КВС, который был здесь однажды.— Язык ее начал заплетаться.— Нужно с... следить, чтобы он был занят.— Она покачнулась и ухватилась за столб веранды.— Так сказала Мэри. Не должно быть ни секунды скуки. И пусть он лучше не видит маленькую, чтобы ...чтобы не начал плакать.— Слезы потекли у нее по щекам.— Ей даже в голову не пришло, что плакать буду я, а не вы.

Внезапно, еще рыдая, она согнулась и опустилась на землю возле веранды. Поколебавшись, капитан Тауэрс подошел к ней и коснулся ее руки, но тут же отступил, не зная, что делать. Потом повернулся и вошел в дом. Мэри была на кухне, убирала посуду.

— Простите,— неуверенно сказал он.— Может, вы пойдете и посмотрите, что с мисс Дэвидсон? В придачу к тому коньяку она выпила кружку виски. Думаю, нужно уложить ее спать.

2

На следующее утро Холмсы поднялись в шесть часов, и Питер, как обычно, поехал на велосипеде за молоком. Довольно долго он сидел у фермера, обсуждая с ним новый прицеп, ось и соединительный прут.

— Завтра я должен явиться на корабль,— сказал он,— и сегодня приехал за молоком в последний раз.

— Все будет в порядке,— заверил его мистер Пол.— Можете на меня положиться. Вторники и субботы. Уж я позабочусь, чтобы миссис Холмс получала молоко и сметану.

Домой Питер вернулся около восьми. Он принял душ, побрился и оделся, после чего вместе с Мэри приготовил завтрак. Капитан Тауэрс появился без четверти девять, чистый, свежий и отдохнувший.

— Приятный был вчера вечер,— сказал он.— Я давно не чувствовал себя так хорошо.

Хозяин заметил:

— Здесь рядом живут милые люди.— Он искоса взглянул на своего командира и широко улыбнулся.— Вот только Мойра... Обычно она бывает выносливей.

— Это из-за виски. Она еще не встала?

— Я бы удивился, будь это так. Около двух ночи кому-то было очень плохо. Если не ошибаюсь, не вам.

Американец рассмеялся:

— О, нет!

Завтракать они сели втроем.

— Хотите потом поплавать?— спросил Питер.— Жара будет не меньше, чем вчера.

Американец заколебался.

— В воскресное утро я предпочел бы пойти в церковь, как обычно делал на родине. Есть у вас здесь поблизости англиканская церковь?

— Вон там, у подножия холма,— сказала Мэри.— Три четверти мили отсюда. Служба начнется в одиннадцать.

— Я, пожалуй, схожу. Надеюсь, это не нарушит ваших планов?

— Конечно нет, господин капитан,— сказал Питер.— Правда, я не смогу пойти с вами. У меня много работы по дому.

— Разумеется,— согласился капитан.— Я вернусь к обеду, а там пора будет возвращаться на корабль. Я должен выехать поездом в три часа.

Под теплыми лучами солнца он двинулся вниз по склону холма и подошел к церкви за четверть часа до начала службы. Служка дал ему молитвенник, и капитан, не зная здешних порядков, выбрал себе место позади всех, чтобы видеть, когда люди становятся на колени, а когда встают. Он прочел молитву, которую выучил в детстве, потом сел и огляделся вокруг. Маленькое здание очень походило на церковь в его родном городке Мистик, штат Коннектикут. Здесь даже пахло так же.

Ему пришло в голову, что эта девушка, Мойра Дэвидсон, совершенно потеряла голову. Она слишком много пьет, но ведь не у нее

одной сейчас проблемы. И все же она очень мила. Шарон она понравилась бы.

В тишине церкви он задумался о жене и детях, почти наяву видя их перед собой. По натуре он был очень простым человеком и наперекор всему верил, что в сентябре вернется к ним из своих странствий. Через неполные девять месяцев он снова увидит всех троих, и они не должны подумать, что с ним стало трудно находить общий язык или что он забыл о чем-то важном. Сынишка наверняка изрядно подрос — в его возрасте растут быстро. Пожалуй, он уже вырос из своей енотовой шубки, да и шапка должна стать ему мала. Пора купить ему удочку, маленькую удочку с катушкой, и научить ею пользоваться. Интересно будет посвящать сына в тайны рыбалки. Его день рождения десятого июля. Пожалуй, не удастся послать ему удочку к празднику, да и с собой взять ее будет сложно, хотя попробовать стоит. Может, в здешних магазинах есть такие.

День рождения Элен — семнадцатого апреля, ей исполнится шесть лет. И вновь в этот день рядом с ней не будет отца, разве что со «Скорпионом» что-нибудь случится. Нужно будет сказать ей, что ему очень жаль, и подобрать подарок, чтобы вручить его в сентябре. В день рождения Шарон все объяснит ей, скажет, что папа далеко в море, но вернется домой осенью и обязательно привезет подарок. Шарон умеет утешать.

Все время службы он, думая о семье, механически становился на колени и вставал вместе со всеми. Пару раз он приходил в себя и присоединял свой голос к хору, распевая простые, немудреные слова гимнов, но в целом это был сон наяву, сон о родных местах, о доме. После службы он вышел из церкви совершенно освеженный. Никто из прихожан не знал его, и он не знал никого; он улыбнулся священнику и неторопливо пошел назад, занятый уже мыслями о «Скорпионе», комплектации и вообще всеми теми хлопотами, без которых не обходится выход в море.

Когда он дошел до дома Холмсов, Мэри и Мойра Дэвидсон сидели на веранде в шезлонгах, а ребенок лежал в коляске между ними. Мэри встала ему навстречу.

— Очень жарко,— заметила она.— Снимайте пиджак и садитесь в тени. Хорошо было в церкви?

— Очень,— ответил он, снял пиджак и уселся на краю веранды.— Прихожане у вас отличные. Все места были заняты.

— Раньше не всегда было так,— язвительно заметила Мойра.— Я принесу вам выпить.

— Только, пожалуйста, без алкоголя.— Он взглянул на их стаканы.— Что вы пьете?

— Лимонный сок с водой,— ответила мисс Дэвидсон.— Мне уже лучше, так что не сочувствуйте.

Он рассмеялся.

— Тогда я тоже выпью сока.— Мэри пошла на кухню, а он спросил девушку:— Вы завтракали?

— Полбанана и рюмка коньяку,— спокойно ответила она.— С утра я чувствовала себя не очень хорошо.

— Это все из-за виски,— сказал он.— В этом была ваша ошибка.

— Одна из многих,— признала она.— Я даже не помню, что было после нашего разговора у веранды, когда все разошлись. Вы уложили меня в постель?

Он покачал головой.

— Я решил, что миссис Холмс сделает это лучше.

Она бледно улыбнулась.

— Значит, упустили случай. Не забыть бы поблагодарить Мэри.

— Да, обязательно. Миссис Холмс очень мила.

— Она говорила, что вы возвращаетесь в Вильямстаун. Разве нельзя остаться и еще поплавать с нами?

Он снова покачал головой.

— До завтра мне нужно многое сделать на корабле. На этой неделе мы выходим в море, и на моем столе наверняка накопилась куча сводок.

— Мне кажется, вы всегда работаете в полную силу, независимо от того, есть работа или нет.

— Пожалуй, вы верно подметили.— Он весело посмотрел на нее.— А у вас есть какая-нибудь работа?

— Конечно. Я непрерывно занята.

— Чем?

— Этим.— Она подняла стакан.— Я тружусь со вчерашнего дня... с того момента, когда мы познакомились.

Он улыбнулся.

— Не надоедает иногда?

— «Скучной жизнь становится»,— процитировала она.— Не иногда. Это сплошная полоса скуки.

— У меня, к счастью, много работы.

Она быстро взглянула на него.

— Можно мне приехать на неделе, посмотреть вашу подводную лодку?

Он замялся, вспомнив о массе работы, которую еще нужно переделать на «Скорпионе».

— Нет, нельзя. На будущей неделе мы будем в море.— Ответ показался ему невежливым, и он тут же спросил:— А вас интересуют подводные лодки?

— Вообще-то, нет,— равнодушно сказала она.— Я просто подумала, что хотела бы ее увидеть, но если это сложно, то не надо.

— Я охотно покажу ее вам,— пообещал он.— Только не на

будущей неделе. Мне хотелось бы, чтобы вы приехали ко мне пообедать, когда будет поспокойнее и мы перестанем вертеться, как белки в колесе. Тогда я смогу показать вам все. А потом мы поехали бы в город, в какой-нибудь ночной ресторан.

— Неплохо придумано,— сказала она.— Назначайте день. По крайней мере, будет чего ждать.

Он задумался.

— Сейчас трудно сказать. В конце недели я доложу, что мы готовы, и тогда нас пошлют в первый поход. А потом будет осмотр на верфи — и снова в море.

— Этот первый поход... он будет в Порт-Морсби?

— Да. Постараюсь до отплытия связаться с вами, но ручаться не могу. Если вы дадите мне ваш телефон, в пятницу я позвоню и скажу, что и как.

— Бервик, восемьдесят шесть-сорок один,— сказала девушка, и он записал.— Лучше всего звонить часов в десять утра. По вечерам меня обычно не бывает дома.

Он кивнул.

— Отлично. Не исключено, что в пятницу мы еще будем в море, и я смогу позвонить только в субботу. Но я обязательно позвоню, мисс Дэвидсон.

— Меня зовут Мойра, Дуайт,— улыбнулась девушка.

Он весело принял это к сведению.

— Порядок.

Она отвезла его на станцию и вернулась домой в Бервик. Когда он вышел, она сказала:

— Прощай, Дуайт. И не перетруждайся.— Она чуть замялась.— Прости, что я напилась прошлой ночью.

— Не нужно мешать виски с коньяком,— ответил он с улыбкой.— Пусть это послужит тебе уроком.

Она невесело засмеялась.

— Ничто не послужит мне уроком... никогда. Завтра вечером я буду делать то же самое. И послезавтра тоже.

— Но твой организм...— невозмутимо начал он.

— В том-то и дело,— заметила она,— что мой и ничей больше. Если бы он интересовал кого-нибудь еще, все было бы иначе, но для этого уже нет времени. Такие вот дела.

Он поклонился.

— И все же — до свидания.

— Правда?

— Ну, конечно,— заверил он.— Я позвоню, как и обещал.

Он уже вернулся на электричке в Вильямстаун, а Мойра все еще ехала по сельским дорогам. Домой вернулась около шести, выпрягла кобылу и завела ее в конюшню. Отец вышел помочь, и вместе они втолкнули коляску в сарай, где стоял никчемный

«кастомлин», дали кобыле ведро воды, наполнили ясли овсом и вошли в дом. Мать сидела на веранде и что-то шила.

— Хэлло, дорогая,— приветствовала она Мойру.— Хорошо повеселились?

— Да,— ответила девушка.— Питер и Мэри устроили вчера прием. Неплохая вышла вечеринка, хоть и свалила меня с ног.

Мать тихо вздохнула. Она знала, что протесты ни к чему не приведут.

— Сегодня тебе нужно лечь пораньше,— посоветовала она.

— Пожалуй, я так и сделаю.

— Как тебе этот американец?

— Милый и очень спокойный.

— Вдовец?

— Я не спросила. Наверное, да.

— А что вы делали?

Девушка подавила раздражение, которое вызывали у нее такие расспросы. Мать всегда такая, а времени оставалось слишком мало, чтобы терять его еще и на ссоры.

— После обеда мы плавали под парусом.

Она села рядом с матерью и начала рассказывать о большинстве своих субботних и воскресных впечатлений, умолчав об эпизоде с лифчиком и кое о чем из того, что произошло вечером.

В Вильямстауне капитан Тауэрс пошел на верфь и поднялся на авианосец «Сидней». Он занимал там две смежные каюты; та, что побольше, служила ему кабинетом. По прибытии он направил посыльного к дежурному офицеру «Скорпиона» и вскоре уже приветствовал лейтенанта Гирша с ворохом бумаг. Он взял их у молодого человека и бегло прочел. Обычно эти сообщения касались текущих дел: снабжения тепливом и продуктами, но было среди них такое, которого он никак не ожидал. Секретариат адмирала уведомлял, что на «Скорпион» должен явиться штатский, физик из Организации Научных и Промышленных Исследований. Зовут его Дж. Осборн, а подчиняться он будет австралийскому офицеру связи.

Держа в руке бумагу, капитан Тауэрс взглянул на лейтенанта.

— Вы что-нибудь знаете об этом человеке?

— Он уже на борту, сэр. Прибыл сегодня утром. Я посадил его в кают-компании и поручил дежурному устроить его на ночь.

Капитан поднял брови.

— На что нам это нужно?.. Как он выглядит?

— Очень высокий и худой. Мышиные волосы. Очки.

— Возраст?

— По-моему, он старше меня. Но не больше тридцати.

Капитан задумался.

— В офицерских каютах тесно. Пожалуй, поселим его с лейтенантом Холмсом. Сколько матросов сейчас на борту?

— Трое, сэр. Айзекс, Холман и де Врис. И еще Мортимер.

— Скажите ему, чтобы подготовил койку с передней стороны перегородки «Ф», головой к правому борту. Койку пусть возьмет из носовой торпедной камеры.

— Слушаюсь, сэр.

Капитан Тауэрс изучил остальные сообщения, после чего велел вызвать к себе мистера Осборна. Когда тот пришел, он указал ему на стул, угостил сигаретой и отпустил лейтенанта.

— Ну, мистер Осборн,— начал он разговор,— я только что прочел приказ о вашем назначении. Для меня это сюрприз. Рад с вами познакомиться.

— Для меня тоже,— ответил ученый.— Я узнал о нем только позавчера.

— На службе так бывает часто,— заметил капитан.— Но начнем по порядку. Ваше полное имя и фамилия?

— Джон Сеймур Осборн.

— Женаты?

— Нет.

— Порядок. На борту «Скорпиона» или какого-либо другого военного корабля я для вас капитан Тауэрс и прошу неизменно обращаться ко мне «господин капитан». На суше, в частной обстановке, я для вас просто Дуайт... Для вас, но не для младших офицеров.

Осборн улыбнулся.

— Слушаюсь, господин капитан.

— Вы плавали когда-нибудь на подводной лодке?

— Нет.

— Пока вы не привыкнете, вас будет раздражать теснота. Место для вас приготовят в офицерских каютах, питаться будете в офицерской кают-компании.— Он посмотрел на аккуратный серый костюм ученого.— Вероятно, вам потребуется более подходящая одежда. Завтра утром, когда прибудет лейтенант Холмс, попросите, чтобы он получил для вас форму на складе. Если вы в таком виде, как сейчас, спуститесь в «Скорпион», вашему костюму не поздоровится.

— Спасибо, господин капитан.

Капитан отодвинулся от стола, глядя на Осборна, на его интеллигентное лицо и нескладную фигуру.

— Скажите, что вы будете у нас делать?

— Вести наблюдения и изучать уровень радиоактивности в воздухе и в воде, особенно — под водой и внутри самого корабля. Насколько я знаю, поход будет на север.

— Об этом уже знают все, кроме меня. Вероятно, на север. Ду-

маю, в конце концов и я об этом узнаю.— Капитан слегка нахмурился.— Как, по-вашему, возможен рост радиоактивности в «Скорпионе»?

— Не думаю. То есть, надеюсь, что нет. Вряд ли это произойдет, пока мы будем под водой, если, конечно, не случится ничего исключительного. Но контроль не помешает. Полагаю, вы захотите узнать о любом изменении фона?

— Конечно.

Начался разговор о различных способах измерения радиоактивности. Большинство приборов, которые Осборн привез с собой, были переносными и не требовали постоянных мест на корабле. В последних лучах солнца Осборн надел предложенный капитаном комбинезон и отправился вслед за ним на «Скорпион», чтобы осмотреть детектор излучения, смонтированный на кормовом перископе, и подумать, как эталонировать его относительно стандартных инструментов. То же самое нужно было сделать с детектором, установленным в машинном отделении. Кроме того, следовало слегка переделать один из двух оставшихся торпедных аппаратов, чтобы отбирать через него пробы морской воды. Когда стемнело, они вернулись на авианосец и сели ужинать в большой и пустой кают-компании.

Назавтра работа закипела. Первым заданием Питера, когда он приехал, был телефонный разговор со знакомым из оперативного отдела, которому он намекнул, что пора бы, наконец, уведомить капитана о том, что уже давно знают подчиненные ему австралийцы, и выслушать его соображения относительно плана операции. Вечером это сообщение поступило капитану Тауэрсу. Джон Осборн получил подходящее снаряжение, задняя дверца торпедного аппарата была уже переделана, а оба австралийца разместили свои вещи в выделенном им уголке подводного корабля. Однако ночевали они на авианосце, а на «Скорпион» перебрались во вторник утром. За утренние часы были сделаны последние приготовления, после чего капитан Тауэрс доложил, что готов начать испытания на море. Второй завтрак съели еще на борту авианосца, а потом «Скорпион» вышел в залив и взял курс на Мысы.

Весь день они кружились вокруг баржи с безвредным радиоактивным элементом, стоявшей посреди залива, замеряли радиоактивность. Осборн непрестанно возился со своими приборами, обдирал о сталь люков кожу с голеней, когда карабкался на мостик и обратно, больно стукался головой о переборки и навигационные устройства в главном посту, забывая, какой он высокий. В пять часов испытания кончились, баржу оставили сухопутным физикам — для них она, собственно, и предназначалась,— и корабль вышел в открытое море.

Привыкая к корабельной жизни, они всю ночь шли на запад

в надводном положении. Рассвет застал их в спокойных водах, под свежими порывами юго-западного ветра, в районе Кэйп-Бенкс. Здесь лодка погрузилась на пятьдесят футов и с этого времени только раз в час подвсплывала на перископную глубину, чтобы осмотреться. Под вечер, уже в районе острова Кенгуру, оставаясь на перископной глубине, они взяли курс на Аделаиду, а около десяти вечера уже смотрели на город в перископ. Проведя около него десять минут, повернули и вновь вышли в открытое море. Так прошла среда. В четверг на заходе солнца они обошли с севера остров Кинг и взяли курс обратно на Вильямстаун, а в пятницу, с первыми лучами солнца, всплыли перед Мысами, вошли в залив и пришвартовались у борта «Сиднея». Неполадок во время рейса было совсем немного.

В то же утро адмирал, сэр Дэвид Хартман, приехал для инспекции единственного корабля из всех, находившихся под его командованием, о котором стоило беспокоиться. Инспекция заняла почти час, после чего он провел пятнадцать минут в капитанской каюте, обсуждая с Тауэром и Холмсом план операции и предложенные ими дополнения. Затем он направился к премьеру, который как раз находился в Мельбурне; отсутствие авиасвязи с Канберрой затрудняло федеральным властям работу и вело к тому, что сессии парламента проходили редко и становились все короче.

Вечером Дуайт, как и обещал, позвонил Мойре Дэвидсон.

— Ну вот,— сказал он,— мы вернулись в целости и сохранности. Кое-что нужно сделать на корабле, но это пустяки.

— Значит, я могу тебя навестить?

— Я охотно представлю тебе «Скорпион». Раньше понедельника мы не выплывем.

— Я очень хочу увидеть твой корабль, Дуайт. Когда тебе удобней, завтра или в воскресенье?

Он задумался. Если рейс начнется в понедельник, в воскресенье может оказаться много работы.

— Пожалуй, лучше завтра.

Теперь задумалась она. Придется отказаться от приема у Энн Сазерленд, впрочем, там все равно не будет ничего хорошего.

— С удовольствием приеду завтра,— сказала она.— Нужно ехать до Вильямстауна?

— Лучше всего. Я буду ждать. Каким поездом ты приедешь?

— Я не знаю расписания. Скажем, первым после половины двенадцатого.

— Отлично. Если я буду занят, пришлю вместо себя Питера Холмса или Джона Осборна.

— Джона Осборна?

— Да. Ты что, знаешь его?

— Это австралиец... из Организации Научных и Промышленных Исследований?

— Он самый. Высокий и в очках.

— Его тетка замужем за одним из моих дядьев. Он у тебя?

— Да. Прикомандирован как физик.

— У него не все дома,— сообщила девушка.— Он тебе весь корабль разобьет.

— Не беда. Но тебе придется поспешить, чтобы осмотреть корабль, пока все еще цело.

— Я с удовольствием приеду, Дуайт. До завтра.

В субботу утром, не имея никакой срочной работы, он ждал ее на перроне. Она приехала в плиссированной юбке и белой блузке с цветной вышивкой в этаком норвежском стиле. Это ей очень шло, но он забеспокоился: как, черт побери, провести ее по лабиринту грязных машин, которым, в сущности, является «Скорпион», чтобы не измазать маслом одежду, в которой ей предстоит куда-то пойти с ним сегодня вечером?

— Добрый день, Дуайт,— приветствовала она его.— Долго ждал?

— Несколько минут,— ответил он.— Тебе сегодня пришлось рано встать?

— Ну, не так рано, как в последний раз, когда я здесь была. Папа отвез меня на станцию, а поезд был в девять. Но все же довольно рано. Ты дашь мне выпить перед обедом?

— Дядя Сэм не любит этого на своих военных кораблях,— ответил он, чуть поколебавшись.— Может быть, только кока-кола или оранжад.

— Даже на австралийском авианосце?

— Даже на австралийском авианосце,— решительно сказал он.— Как будет выглядеть дама, которая пьет крепкие напитки в обществе офицеров, пьющих колу?

Она разволновалась.

— Но я должна перед обедом выпить чего-нибудь крепкого, как ты это называешь. Если дно клетки попугая может иметь какой-то вкус, то именно такой у меня во рту. Ты хочешь, чтобы я впала в бешенство и разоралась при всех твоих офицерах?— Она огляделась.— Здесь должен быть какой-то отель. Поставь мне коньяк, прежде чем пойдем на корабль. Тогда я буду только дышать на них приятным запахом и вежливо потягивать эту вашу кока-колу.

— Хорошо,— спокойно согласился он.— Есть отель на углу. Пойдем.

Они направились к отелю, и он провел ее в зал.

— Кажется, здесь.

— А ты разве не знаешь? Первый раз пришел сюда?

Он кивнул.

— Коньяк?

— Двойной,— скомандовала она.— Со льдом и капелькой — но только капелькой!— воды. Ты, правда, никогда тут не бываешь?

— Никогда,— сказал он.

— Тебя не тянет в бары?— допытывалась она.— Вечером, когда уже нет никакой работы?

— Было время, тянуло,— признался он.— Но тогда я ездил в город: ни к чему устраивать балаган у себя дома. Однако через неделю или две перестал, поняв, что это не дает мне удовлетворения.

— Что же ты делаешь по вечерам, когда ты на берегу?— спросила Мойра.

— Читаю журналы, книги. Иногда хожу в кино.— Он замолчал, потому что подошел бармен, и заказал для нее коньяк, а для себя — рюмку виски.

— Нездоровый образ жизни,— констатировала она.— Я иду в туалет. Посмотри за моей сумкой.

Наконец, после второго двойного коньяка, он сумел вытащить ее из отеля и забрать на авианосец, надеясь, что она будет прилично вести себя с офицерами. Но можно было не бояться: она была даже слишком скромна и очень вежлива со всеми американцами. Только Особорну она показала свое настоящее лицо.

— Хэлло, Джон,— сказала она.— А ты чего здесь болтаешься, черт побери?

— Я вхожу в команду,— объяснил он.— Занимаюсь научными наблюдениями, но честно говоря, только мешаю.

— То же самое говорил мне капитан Тауэрс,— согласилась она.— Ты так и будешь сидеть у него в этой подводной лодке? Целыми днями?

— Все идет к тому.

— А они знают твои привычки?

— Не понимаю.

— Ладно-ладно, я им не скажу. Меня это не касается.

Она отвернулась, чтобы поговорить с лейтенантом Линдгреном. Когда тот спросил, что она будет пить, Мойра выбрала оранжад. Приятно было смотреть на нее, стоявшую со стаканом оранжада в руке под портретом королевы. Пользуясь тем, что она занята, капитан отозвал в сторону офицера связи.

— Нельзя ей спускаться в «Скорпион» в таком виде. Можно организовать какой-нибудь комбинезон?

Питер кивнул.

— Я возьму что-нибудь из снаряжения для кочегаров. Размер, думаю, номер один. Только вот, где она переоденется?

Капитан потер подбородок.

— Неужели не найдется никакого уголка?

— Лучше всего было бы в вашей каюте, господин капитан. Там никто не будет подглядывать.

Мойра пообедала с американцами, сидя за одним из длинных столов, после чего выпила кофе. Вскоре младшие офицеры занялись своими делами, и она осталась только с Дуайтом и Питером. Питер положил на столик чистый, прямо из прачечной, комбинезон.

— Униформа,— сказал он.

Дуайт кашлянул.

— На подводной лодке трудно не выпачкаться смазкой, мисс Дэвидсон.

— Мойра,— поправила она.

— Хорошо, Мойра. Думаю, лучше пойти туда в комбинезоне. Жалко портить такие красивые вещи.

Она развернула комбинезон.

— Поменяем кукушку на ястреба. Где можно переодеться?

— Может, в моей спальне?— предложил он.— Туда никто не войдет.

— Надеюсь, что нет, хотя не очень уверена,— сказала она.— Во всяком случае, после того, что было в лодке.— И, когда он рассмеялся, подошла к нему с комбинезоном в руке.— Хорошо, Дуайт, проводи меня туда. Все в жизни бывает впервые.

Он проводил ее и вернулся в курилку. Оказавшись одна в маленькой каюте, Мойра с интересом осмотрелась. Увидела фотографии — четыре штуки. На всех была молодая темноволосая женщина с двумя детьми: мальчиком восьми или девяти лет и девочкой лет семи. Одна из фотографий была студийным портретом всех троих, остальные — любительскими снимками: мать с детьми на трамплине, может быть, на озере; на газоне, может, перед его домом, потому что в глубине виднелся длинный автомобиль и фрагмент белого домика. Довольно долго она с интересом разглядывала эти фотографии: милая, красивая женщина, милые, красивые дети. Это должно быть тяжело для него, но что сейчас легко?

Она переоделась в комбинезон, оставив на койке юбку, блузку и сумку, взглянула в небольшое зеркало и вышла в коридор, поискать Дуайта. Он уже шел ей навстречу.

— Ну, вот и я,— сказала Мойра.— Выгляжу, как черт из пекла. Твоя подводная лодка должна быть очень интересной, чтобы компенсировать мне все это.

Он с улыбкой взял ее под руку.

— Конечно, она интересна. Самая интересная из всех кораблей Военного Флота Соединенных Штатов. Прошу сюда.

Он перевел ее на узкую палубу «Скорпиона», а оттуда на мостик. Мойра знала о кораблях немного и совсем уж ничего о подводных лодках, но слушала внимательно и пару раз даже удивила его своими вопросами.

— Когда вы погружаетесь, вода не вливается в эту переговорную трубку?

— Для этого закручивается кран.

— А если о нем забыли?

Он улыбнулся.

— Есть еще один, внизу.

Через узкие люки они спустились вниз, в главный пост. Несколько минут девушка разглядывала в перископ порт и с полуслова поняла принцип действия этого устройства, но комплекс приборов для размещения груза и удержания корабля в равновесии совсем ее не заинтересовал. Она даже не пыталась понять что-либо из этой техники, на машины смотрела равнодушно и оживилась, только когда начала осматривать помещения экипажа, кают-компанию и кухню.

— А что бывает с запахами?— спросила она.— Что происходит, когда вы под водой варите капусту?

— Капусту мы стараемся не варить,— ответил он.— По крайней мере, свежую. Запах остается довольно долго. Однако, в конце концов, поглотитель убирает его, и часа через два пахнет уже не так сильно.

В своей маленькой каютке он угостил Мойру чаем. Она спросила:

— Ты уже получил приказ, Дуайт?

— Получил. Кэрнс, Порт-Морсби и Порт-Дарвин. Потом вернемся сюда.

— Там уже нет никого живого, правда?

— Неизвестно. Именно это мы и должны установить.

— Вы выйдете на сушу?

Он покачал головой.

— Не думаю. Все зависит от уровня радиации, однако сомневаюсь, что мы высадимся. Может, даже не высунемся из корабля. Если там действительно опасно, мы останемся на перископной глубине. Джон Осборн для того и плывет с нами, чтобы мы знали, как далеко можно заходить.

Она нахмурилась.

— Если вы не будете выходить на палубу, то как узнаете, есть ли там кто живой?

— У нас есть мегафон,— сказал он.— Мы подплывем поближе к берегу и начнем вызывать.

— А если вам ответят, вы услышите?

— Ну, не так хорошо, как можно слышать нас. Есть микрофон, подключенный к мегафону, но ответы слышны только с небольшого расстояния.

Она посмотрела на него.

— Эта первая экспедиция на радиоактивные территории, Дуайт?

— Нет,— ответил он.— Там можно плавать, если соблюдать осторожность. Мы еще до войны довольно долго были в тех местах... от Айво-Джима до Филиппин, а потом дальше на юг, до острова Яп. Сиди себе под водой и делай все, как обычно. Конечно, тут не захочется выходить на палубу.

— Нет, я спрашиваю про последнее время. Плавал кто-нибудь в зараженные районы после окончания войны?

Он ответил кивком.

— «Меченосец»... Это такая же лодка, как и наша. Она совершила рейс по Южной Атлантике и вернулась в Рио-де-Жанейро месяц назад. Я жду копию рапорта Джонни Дисмора — это капитан «Меченосца» — но пока еще не получил. Уже довольно давно ни один корабль не плавал в Южную Америку. Я просил сообщить мне о походе, но их очень плохо слышно.

— А как далеко заплыл «Меченосец»?

— Думаю, он был везде,— ответил капитан.— У западных штатов, от Флориды до Мэна, в нью-йоркском порту, он даже доплыл до реки Гудзон, хотя и не смог перебраться через остатки Моста Вашингтона. Был он в Новом Лондоне, в Галифаксе и в Сент-Джоне, а потом пересек Атлантику и прошел Ла-Маншем в Лондон. Однако подняться по Темзе не удалось. Потом он направился в Брест, затем в Лиссабон, но подошли к концу запасы продуктов, экипаж был в плохой форме, так что не оставалось ничего другого, как вернуться в Рио.— Он помолчал.— Я еще не знаю, сколько дней без перерыва они были под водой... а хотел бы знать. Как бы то ни было, это, наверняка, новый рекорд.

— Они где-нибудь видели живых людей, Дуайт?

— Не думаю, об этом было бы известно.

Она, не двигаясь, смотрела на узкий проход за занавеской, служившей одной из стенок каюты в этом лабиринте труб и кабелей.

— Ты можешь себе это представить, Дуайт?

— Представить? Что?

— Все эти города, все эти поля и фермы, где нет никого... вообще ничего живого. Просто ничего. Я — не могу.

— Я тоже,— сказал он.— Не думаю, чтобы мне хотелось это представлять. Я предпочитаю видеть все таким, как когда-то.

— Конечно, я никогда не видела этих мест,— заметила она.— Я никогда не выезжала из Австралии и теперь уже не выеду. Это не значит, чтобы я хотела... сейчас. Я знаю весь этот мир по фильмам и книгам, знаю, как это выглядело раньше. О том, что там делается сейчас, наверное, уже никогда не будет фильма.

Он покачал головой.

— Его не удалось бы снять. Насколько я знаю, ни один оператор не ушел бы оттуда живым. Думаю, никто, кроме Бога, никогда не узнает, как выглядит сейчас северное полушарие.— Он на мину-

ту замолчал.— Да так оно и лучше. Когда теряешь близких людей, не хочется помнить, как они выглядели после смерти... Хочется сохранить их в памяти живыми. Именно так я люблю думать о Нью-Йорке.

— Это слишком страшно,— сказала она.— Я этого не могу представить.

— Я тоже,— повторил он.— В сущности, я не могу в это поверить, не могу свыкнуться с мыслью об этом. У меня не хватает воображения. Да я и не хочу, чтобы хватало. Для меня все они живые... эти города в Штатах... жизнь там кипит, как и прежде. И я хочу, чтобы все оставалось таким до сентября.

— Конечно,— тихо сказала она.

Он шевельнулся.

— Еще чаю?

— Нет, спасибо.

Он проводил ее на палубу; на трапе она остановилась, потирая ушибленную лодыжку и с наслаждением вдыхая морской воздух.

— Это настоящий ад, сидеть целыми днями в лодке, закрытой на все запоры,— сказала она.— Долго вы будете под водой в этом рейсе?

— Недолго,— ответил он.— Дней шесть, семь.

— Наверное, это сильно влияет на здоровье?

— На физическое состояние — нет. Страдаешь, в основном, из-за отсутствия солнца. У нас есть несколько кварцевых ламп, но это все же не то, что настоящее солнце. Хуже всего психологические мучения. Многие моряки, хорошие по всем иным статьям, просто не выдерживают этого. Через некоторое время все становятся раздражительными; нужно быть очень уравновешенным, чтобы в таких условиях сохранять спокойствие.

Она, подумав, согласилась, что он очень подходит для этого.

— И у вас все уравновешенные?

— Во всяком случае, большинство.

— Тогда тебе нужно последить за Джоном Осборном,— сказала она.— Насколько я знаю, он не такой.

Он удивленно посмотрел на нее. До сих пор он об этом не думал; впрочем, пробный рейс Джон Осборн перенес хорошо. Тем не менее, это следовало обдумать.

— Буду за ним присматривать,— сказал он.— Спасибо за совет.

Они вернулись на «Сидней». В ангаре авианосца до сих пор стояли самолеты со сложенными крыльями; весь корабль казался мертвым и тихим. Мойра отановилась.

— Ни один из них никогда уже не полетит, правда?

— Скорее всего.

— А вообще самолеты еще летают?

— Я давно уже не слышал ни о каких полетах,— сказал он.— Нет топлива.

Молча, какая-то погасшая, Мойра дошла с ним до каюты. Только сняв комбинезон и надев свои вещи, она обрела прежний задор. К черту эти немощные корабли! К черту эту немощную действительность! Ей захотелось поскорее уйти отсюда, пить, слушать музыку и танцевать. Перед зеркалом, перед фотографиями жены и детей капитана Тауэрса она подправила помаду на губах, румяна на щеках, подкрасила ресницы, чтобы глаза выглядели ярче, и выскочила оттуда. Скорее уйти из этих стальных стен, бежать отсюда! Это место не для нее. Нужно бежать в мир романсов, жизни как-нибудь и двойных коньяков. В свой мир.

С фотографий на нее понимающе смотрела Шарон.

В кают-компании Дуайт вышел ей навстречу.

— Ого! Ты выглядишь сногсшибательно.

Она чуть улыбнулась и ответила:

— Зато чувствую себя паршиво. Выйдем на свежий воздух, в тот отель на углу, а потом куда-нибудь в город.

— Как пожелаешь.

Оставив ее с Джоном Осборном, он пошел переодеться в гражданский костюм.

— Пойдем на взлетную палубу, Джон,— попросила она.— У меня начнутся спазмы, если я еще хоть минуту проведу на этом проклятом кладбище.

— Я не знаю, как туда попасть,— признался Осборн.— Я же здесь человек новый.

Они нашли крутую лестницу, которая, как тут же выяснилось, вела в орудийную башню, спустились обратно и долго бродили бы по стальным коридорам, не укажи им дорогу какой-то матрос. Они спустились на широкую, совершенно пустую стартовую палубу. Солнце пригревало, море было изумительно голубым, дул свежий ветер.

— Слава тебе, Господи, что я выбралась оттуда,— вздохнула Мойра.

— Я вижу, военный флот тебя не очаровал,— заметил Осборн.

— А тебя? Хорошо тебе здесь?

— Пожалуй, да. Это будет довольно интересно.

— Разглядывать мертвых через перископ... Бр-р-р!.. Я знаю более приятные способы проводить время.

Некоторое время они шли молча.

— Дело здесь только в том, чтобы знать наверняка,— сказал, наконец, Осборн.— Нужно, по крайней мере, попытаться исследовать, что происходит. Может, все не так, как мы думаем. Может, что-то поглощает радиоактивные элементы, и в мире происходит такое, о чем мы и понятия не имеем. Даже если мы ничего не откроем, и то будет хорошо, ведь мы все-таки попытаемся изучить явление. Не думаю, чтобы мы действительно открыли что-то утешительное или подающее надежды, но в любом случае эта работа будет удовольствием.

— Изучение несчастий, по-твоему — удовольствие?

— Именно удовольствие,— решительно подтвердил он.— Некоторые игры приятны, даже если проигрываешь. Даже когда заранее известно, что проиграешь. Приятно просто играть.

— У тебя странные взгляды на игры и удовольствия.

— Ты просто не хочешь видеть фактов,— заметил он.— Это все произошло и происходит на самом деле, а ты закрываешь на это глаза. Но когда-нибудь придется их открыть.

— Хорошо! — воскликнула она, раскрасневшись.— Когда-нибудь я их открою. В сентябре, если вы были правы в своих предположениях. Значит, есть еще много времени.

— Может, и так.— Он с улыбкой смотрел на нее.— Правда, я не откладывал бы этого до сентября. Время названо с точностью плюс-минус три месяца. Может, это дойдет до нас уже в июле, независимо от того, кто и что об этом знает. А может, я еще успею купить тебе подарок на Рождество.

— Так ты не знаешь? — яростно прошипела она.

— Не знаю,— ответил он.— Ведь это не имеет прецедента в мировой истории.— Он помолчал, потом добавил с дьявольской усмешкой: — Случись это раньше, мы бы сейчас не разговаривали.

— Еще одно слово, и я столкну тебя за борт!

По лестнице к ним спустился капитан Тауэрс, элегантный, в синем двубортном костюме.

— Я не знал, где вас искать,— сказал он.

— Прости, Дуайт,— извинилась девушка.— Нужно было тебя предупредить. Мне захотелось подышать свежим воздухом.

Джон Осборн предостерег:

— Будьте осторожны, господин капитан: у Мойры плохое настроение. На вашем месте я не подходил бы к ней близко — еще покусает.

— Он со мной заигрывает,— объяснила Мойра.— Как Альберт со львом. Идем, Дуайт.

— До завтра, господин капитан,— сказал физик.— Воскресенье я проведу на корабле.

Капитан с девушкой ушли. В коридоре, ведущем к трапу, он спросил:

— А собственно, почему он к тебе цепляется, детка?

— Потому,— туманно ответила она.— Цепляется и цепляется. Выпьем, Дуайт, а потом поедем в ресторан.

Они отправились на главную улицу Вильямстауна, в тот самый отель. Когда подали напитки, он решительно спросил:

— Сколько у нас времени?

— Последний поезд уходит с вокзала Флиндерс в двадцать три пятнадцать; я должна вернуться на нем. Мама никогда не простит мне, если я пропаду на всю ночь.

— Я думаю. А что дальше, когда ты приедешь в Бервик? Кто-то будет тебя там ждать?

Она покачала головой.

— Утром мы оставили на станции велосипед. Если ты угостишь меня как следует, мне трудно будет доехать на нем до дому, но, так или иначе, велосипед для меня там есть.— Она выпила свой первый двойной коньяк.— Поставь мне еще один, Дуайт.

— Поставлю,— согласился он.— Но потом мы сразу поедем в ресторан. Ты обещала мне танцы.

— Будут танцы,— заверила она.— Я уже заказала столик у Мария. Но я лучше всего двигаю ногами, когда напьюсь.

— Но я-то хочу танцевать, а не двигать ногами.

Она взяла у него стакан с напитком и заметила:

— Ты очень дотошный и тоже цепляешься к каждому моему слову... А этого не выдержу. Хотя, честно говоря, большинство мужчин танцевать не умеют...

— И ты относишь меня к этому большинству,— закончил он.— Когда-то, в Штатах, мы часто танцевали, но с начала войны я не танцевал ни разу.

— Ты вообще живешь, как монах,— заявила она.

После второго коньяка она позволила вывести себя из отеля, и при последнем свете дня они пошли на станцию. До города доехали через час и вышли с вокзала на улицу.

— Слишком рано,— сказала Мойра.— Пойдем, погуляем.

Он взял ее под руку, чтобы легче было идти в толпе пешеходов. В витринах магазинов было выставлено множество разных товаров, но лишь немногие магазины были открыты. Кафе и рестораны были переполнены, бары закрыты, но на улицах было очень много пьяных. Все это производило впечатление шумной, неудержимой беззаботности, более в стиле девяностых годов прошлого века, чем 1963 года. Толпы пешеходов расхаживали прямо по мостовой, поскольку ездили только трамваи. На углу улиц Коллинз и Свенстон какой-то итальянец играл на большом сверкающем аккордеоне и играл очень хорошо. Люди вокруг него танцевали. У кино «Регал» пошатывающийся пьяный опустился на четвереньки, замер и вдруг бревном упал в канаву. Проходивший мимо полицейский перевернул его лицом вверх, равнодушно осмотрел и пошел дальше.

— Неплохо здесь развлекаются вечерами,— заметил Дуайт.

— Уже не так, как прежде,— сказала девушка.— Сразу после войны было гораздо хуже.

— Знаю. Я бы сказал, что они начали уставать.— Дуайт поколебался и добавил:— Как и я.

Она кивнула.

— Сегодня суббота. В другие вечера бывает очень тихо. Почти как перед войной.

Они вошли в ресторан. Приветствовал их сам хозяин, он хорошо знал мисс Мойру Дэвидсон: она бывала здесь по крайней мере раз в неделю, если не чаще. Дуайта Тауэрса он видел несколько раз и, может, поэтому считал, что американец предпочитает ходить в свой клуб. Но метрдотель знал, что это — капитан американской подводной лодки. В общем, приняли их хорошо и проводили к удобному столику в углу, вдали от оркестра. Капитан заказал ужин.

— Они очень милы,— сказал он.— Я ведь довольно редкий и неприбыльный гость.

— А я здесь пью довольно часто,— призналась девушка. Некоторое время она сидела задумавшись.— Знаешь, ты все-таки счастливчик.

— В каком смысле?

— У тебя есть работа, заполняющая все время.

До сих пор это не приходило ему в голову.

— Верно,— медленно сказал он.— У меня действительно нет времени на гулянки.

— А у меня есть,— сказала она.— И мне не остается делать ничего другого.

— Ты ничем не занята? Ничего не делаешь?

— Совершенно.— Она развела руками.— Иногда только хожу за волом и бороню навоз у нас на ферме. Вот и все.

— А я думал, ты работаешь где-то в городе.

— Я бы работала,— саркастически сказала она,— но это не так-то просто. Перед самой войной я получила в «школе» степень магистра истории.

— В школе?

— Ну, то есть в университете. Хотела еще пойти на курсы стенографии, но какой смысл теперь в этом годичном обучении? Я не успею их закончить. А если бы даже успела, все равно должностей нет.

— Слабеет деловая активность?

Она кивнула.

— Мои подруги одна за другой теряют работу. Люди работают меньше, чем прежде, и не нуждаются в секретаршах. Половина знакомых папы — те, что раньше ездили в конторы,— уже бросили свои дела и сидят по домам, как будто вышли на пенсию. Все больше контор закрывается.

— Это вполне понятно,— заметил он.— В эти последние месяцы человек имеет право делать все, что хочет, если ему хватит денег.

— У девушек тоже есть такое право,— сказала Мойра.— Даже если то, что она хочет делать, не похоже на боронование навоза.

— И нельзя найти никакой работы?— спросил он.

— Для меня — никакой,— ответила она.— Я пыталась, и не один раз. Понимаешь, я даже не умею печатать на машинке.

— Ты могла бы научиться,— сказал он,— могла бы все же пойти на эти курсы.

— Но зачем, если все равно не остается времени? Зачем, если я все равно не использую свое умение, даже если каким-то чудом закончу курс?

— Во всяком случае, это хоть какое-то занятие. Альтернатива всем этим двойным коньякам.

— Работа ради работы?— спросила она.— Это не по мне.— Она нервно забарабанила пальцами по столу.

— По-моему, это лучше, чем питье ради питья,— сказал он.— И похмелья после этого нет...

Она раздраженно прервала его:

— Закажи для меня двойной коньяк, Дуайт, а потом покажешь, как ты умеешь танцевать.

Ведя ее танцевать, он чувствовал какую-то неясную обиду. Сколько в этой девушке язвительности... Однако он тут же подумал, что, занятый собственными хлопотами, никогда не задумывался, каким страшным крушением надежд стало это время для людей молодых и одиноких, и потому попытался сделать вечер приятным, завел разговор о фильмах и мюзиклах, которые они оба видели, и об общих знакомых.

— Питер и Мэри — странные люди,— сказала вдруг Мойра.— Они совсем помешались на своем саде. Собрались посеять осенью нечто такое, что взойдет в будущем году.

Он улыбнулся.

— По-моему, это правильный подход. Заранее ничего не известно.— И он вновь перевел разговор на безопасную тему.— Ты уже видела в «Плаза» фильм с Денни Кайе?

Парусный спорт тоже был безопасной темой, поэтому он говорил о нем довольно долго. Ужин закончился, началась эстрадная программа, потом они снова танцевали. Наконец девушка сказала:

— Сказка о Золушке. Пора идти на поезд, Дуайт.

Она пошла одеваться, а он расплатился и подождал ее в дверях. Город притих; музыки не было, рестораны и кафе закрылись. Остались только пьяные, они бесцельно бродили по тротуарам и спали под стенами. Девушка покачала головой.

— Нужно что-то с этим делать. До войны это было бы невозможно.

— Серьезная проблема,— задумчиво сказал Дуайт.— Такая же то и дело встает на корабле. Я считаю, что моряк, сходя на берег, имеет право делать все, что хочет, если не мешает другим людям. В наше время некоторым просто необходимо напиваться.— Он взглянул на полицейского на углу.— Во всяком случае, так думают

полицейские в этом городе. Я еще не видел, чтобы здесь арестовали пьяного только за то, что он пьян.

На вокзале она остановилась, чтобы попрощаться и пожелать ему спокойной ночи.

— Чудесный был вечер, Дуайт. Да и весь день тоже. Спасибо тебе за все.

— И мне было очень приятно, Мойра,— ответил он.— Правда, я давно не танцевал...

— Танцуешь ты неплохо,— заверила она и вдруг посерьезнела.— Ты уже знаешь, когда вы пойдете на север?

Он покачал головой.

— Еще нет. Перед тем, как мы вышли с «Сиднея», я получил сообщение, что в понедельник утром должен вместе с лейтенантом Холмсом явиться в Адмиралтейство. Не исключено, что это будет последнее совещание, и мы уйдем в море в понедельник после обеда.

— Удачи тебе,— сказала она.— Позвонишь мне, когда вернешься в Вильямстаун?

— Позвоню,— пообещал он.— С удовольствием. Может, мы снова куда-нибудь сплаваем на яхте или потанцуем.

— Было бы неплохо,— вздохнула она.— Ну, мне пора, а то опоздаю на поезд. Еще раз спокойной ночи и спасибо за все.

— Суббота нам удалась,— сказал он.— Спокойной ночи.

Он стоял и смотрел ей вслед, пока она не исчезла в толпе. Сзади, в светлом летнем платье, она казалась похожей на Шарон; ему вдруг подумалось: а не забывает ли он жену, не ошибается ли? Но нет, походкой девушка действительно напоминала Шарон. Может, именно поэтому он и полюбил ее... за то, что она чем-то похожа на жену.

Он повернулся и пошел к своему поезду.

На следующее утро, как обычно по воскресеньям, если это бывало возможно, он отправился в церковь в Вильямстауне, а в понедельник в десять утра уже ждал с Питером Холмсом вызова адмирала.

— Через минуту, господин капитан,— сказал секретарь в звании лейтенанта.— Насколько я знаю, вы поедете с ним в Совет Министров Сообщества.

— Вот как?

Молодой человек кивнул.

— Машина уже заказана.

Звякнул колокольчик, секретарь вошел в кабинет, но тут же вернулся.

— Господин адмирал ждет вас,— пригласил он.

Они вошли. Адмирал поднялся им навстречу.

— Добрый день, капитан Тауэрс. Добрый день, Холмс. Премьер хочет поговорить с вами перед походом, поэтому мы сейчас поедем к нему. Я только хочу дать вам это, капитан.— Он повернулся и взял со стола пачку машинописных листов.— Рапорт командира подводной лодки Соединенных Штатов «Меченосец» о походе из Рио-де-Жанейро в Северную Атлантику.— Он вручил рапорт Дуайту.— Жаль, что он поступил только сейчас, но радиоприем из Южной Америки очень плох, а сведений много. Возьмите с собой в дорогу и посмотрите в свободное время.

Американец принял машинопись, с интересом глядя на пачку листов.

— Это очень ценно для нас, господин адмирал. Есть что-нибудь, могущее оказать воздействие на нашу операцию?

— Не думаю. Установлен высокий уровень радиоактивности воздуха во всем этом районе; как и следовало ожидать, чем дальше на север, тем он выше. Им пришлось погрузиться... разрешите...— Адмирал взял рапорт и быстро пролистал.— «Погрузились под вторым градусом широты к югу от Парнаибы, а всплыли только под пятым градусом к югу от полуострова Сан-Роже».

— Долго они были под водой, господин адмирал?

— Тридцать два дня.

— Это можно считать рекордом.

— Пожалуй. Он даже где-то об этом пишет.— Адмирал отдал рапорт капитану Тауэрсу.— В общем, прочтите. Там есть кое-какая информация об условиях на севере. Кстати, если захотите связаться с «Меченосцем», знайте, что он поплыл в Уругвай и сейчас стоит в Монтевидео.

— Значит, и в Рио становится горячо, господин адмирал?— спросил Питер.

— Им там нечем было дышать.

Они вышли во двор министерства и сели в электрический грузовичок. Молча, пустыми улицами доехали до улицы Коллинз, затем по аллее до особняка Сообщества и через несколько минут уже сидели за круглым столом с мистером Дональдом Ритчи, премьером.

— Я хотел повидаться с вами, господин капитан, прежде чем вы отплывете,— сказал премьер,— сказать вам кое-что о цели этого похода и пожелать удачи. Я читал приказ и могу добавить немногое. Вы направляетесь в Кэрнс, Порт-Морсби и Порт-Дарвин, чтобы изучить там условия. Любые признаки жизни, будь то люди или звери, весьма интересны для нас. Растительность тоже. И, конечно, морские птицы, если удастся собрать о них какой-нибудь материал.

— Боюсь, это будет трудно, сэр,— сказал Дуайт.

— Да, я тоже так думаю. Во всяком случае, насколько мне известно, с вами будет член Организации Научных и Промышленных Исследований.

— Так точно, господин премьер. Мистер Осборн.

Премьер потер лоб.

— Я не хочу, чтобы вы рисковали. Я даже прямо запрещаю вам рисковать. Мы хотим, чтобы вы вернулись сюда живыми и здоровыми, со здоровой командой и в хорошей форме. Мы предоставляем вам и прикомандированному эксперту решать вопрос о всплытии и выходе на палубу. При всем этом, мы хотим получить как можно больше информации. Если уровень радиации позволит, вы должны высадиться и изучить эти места. Но не думаю, чтобы это было возможно.

Адмирал покачал головой.

— Очень сомневаюсь. Вероятно, вам придется погрузиться уже на двадцать втором градусе.

Американец быстро прикинул.

— Это к югу от Таунсвилла.

— Да,— серьезно сказал премьер.— В Таунсвилле еще есть живые люди. Вы ни в коем случае не должны заходить туда, если приказ не будет изменен, о чем вам сообщат из Министерства.— Он поднял голову и посмотрел американцу в глаза.— Это может показаться жестоким, господин капитан, но вы ничем не сможете им помочь, поэтому лучше не вызывать несбыточных надежд самим видом вашего корабля. И потом, мы знаем, каковы условия в Таунсвилле. Мы по-прежнему поддерживаем с ними телеграфную связь.

— Понимаю, господин премьер.

— Теперь мы подходим к последнему пункту, который я хочу особенно подчеркнуть. Вам категорически запрещается принимать кого-либо на корабль во время похода, если не будет получено разрешение из Министерства. Полагаю, вы сами сочтете абсолютно недопустимым контакт вашей команды с облученными. Вам ясно?

— Да, господин премьер.

Премьер встал.

— Тогда желаю всем вам удачи. Через две недели надеюсь снова встретиться с вами, господин капитан.

3

На рассвете девятого дня похода подводная лодка Военного Флота Соединенных Штатов «Скорпион» всплыла недалеко от Бандаберга в Квинсленде. Сначала в серое спокойное утро, под меркнущие звезды, вынырнули перископы. Сам корабль оставался

под водой еще минут пятнадцать, пока капитан определялся по расстоянию от маяка и данным эхолота, а Джон Осборн, раздраженно тыча в кнопки своих приборов, замерял уровень радиации в воздухе. Только тогда «Скорпион», длинный и узкий, вынырнул и на двадцати узлах двинулся к югу. Лязгнул люк, на мостик вышел вахтенный офицер, а за ним — капитан и другие. Открыли люки торпедных аппаратов на носу и в корме, и по всему кораблю начал гулять свежий воздух. Между носом и мостиком натянули релинг, между мостиком и кормой — другой, и все свободные от вахты матросы выбрались на палубу в серый утренний холодок, радуясь тому, что смогут увидеть восход солнца.

Полчаса спустя все проголодались сильнее, чем когда-либо за последние дни. Когда прозвучал сигнал к завтраку, все бросились наперегонки, толкаясь и переругиваясь. Их место заняли повара, а потом вышли насладиться ясным солнечным днем моряки, сменившиеся с вахты. Офицеры на мостике курили сигареты, корабль плыл по голубому морю вдоль побережья Квинсленда к югу. Поставили радиомачту, и телеграфист передал сообщение. Радиостанция субмарины позволяла принимать развлекательные программы, легкая музыка из динамиков перекрыла шум турбин и плеск воды о корпус.

На мостике капитан говорил с офицером связи.

— Нелегко будет написать этот рапорт,— сказал он.

Питер кивнул.

— Можно написать о танкере, господин капитан.

— Да, конечно, можно и о танкере,— согласился Тауэрс.

Где-то в Коралловом море, между Кэрнсом и Порт-Морсби они заметили корабль. Это был танкер, явно без экипажа, дрейфующий с застопоренными двигателями. Довольно долго они кружили вокруг него, вызывая экипаж через мегафон, разглядывая корабль в перископ и сверяя данные с описаниями реестра Ллойда. Все шлюпки висели на шлюпбалках, но это был настоящий корабль-призрак, уже довольно сильно заржавевший. В конце концов они пришли к выводу, что это развалина еще времен войны: не похоже было, чтобы он пострадал от чего-либо, кроме атмосферных осадков. Однако радиоактивность воздуха была слишком высока, и они ничего не могли с ним сделать. Через час они оставили его там, где заметили, предварительно сфотографировав через перископ и записав координаты. Других кораблей они не встречали.

— Нужно ограничиться в рапорте замерами радиоктивности, а данные взять у Джона Осборна,— предложил офицер связи.

— Пожалуй,— согласился капитан.— И еще не забыть про пса, которого мы видели в Кэрнсе.

Действительно, писать рапорт было нелегко, поскольку они увидели и услышали очень мало. К Кэрнсу они подошли в надво-

дном положении, но с задраенными люками: уровень радиации не позволял их открыть. Чтобы туда добраться, они осторожно прошли через рифы, после чего остановили корабль: капитан счел, что слишком опасно двигаться в таких водах в темноте, без маяков и сигнальных огней. Когда они наконец добрались до Зеленого Острова и подошли к земле, город показался им совершенно нормальным. Залитый лучами солнца, он стоял на фоне атертонских гор. В перископ они видели обсаженные пальмами улицы с магазинами, больницу, одноэтажные виллы на сваях, у тротуаров стояли машины, а кое-где даже развевались флаги. Войдя в реку, они направились к докам. Смотреть там было особенно не на что: кроме нескольких рыбачьих катеров, других судов не было. Краны стояли ровно, как следует закрепленные. Хотя лодка была недалеко от берега, поле зрения было невелико, поскольку перископ едва возвышался над побережьем и здания складов закрывали обзор. Поэтому они видели только кусочек суши над самой водой: тишина и покой, словно был праздничный день, хотя обычно здесь и по воскресеньям кружилось множество лодок. Только большой черный пес вышел на берег и начал лаять в их сторону.

Они провели там несколько часов, их призывы через мегафон наверняка были слышны по всему этому небольшому городку, но ничего не произошло. Казалось, город невозмутимо спал.

Вернувшись, они снова увидели отель «Стренд» и часть торгового центра, и все это время вели передачу через мегафон. Наконец прекратили звать и направились к выходу в море, чтобы засветло пройти рифы. Кроме данных о радиоактивности, собранных Джоном Осборном, записывать было нечего, и все сводилось к утверждению, что Кэрнс выглядит так же, как и всегда. Улицы, залитые солнцем, цветущие деревья на дальних холмах, витрины магазинов под широкими тентами. Милый городок-оазис в тропическом климате, вот только жизни в нем больше не было, в живых остался только пес.

В Порт-Морсби было то же самое. С моря, через перископ, они не заметили в городе никаких повреждений. На рейде стоял какой-то торговый корабль, зарегистрированный в Ливерпуле, с борта свисала веревочная лестница. Два других корабля лежали на песчаном берегу реки — море выбросило их во время шторма. Здесь они тоже провели несколько часов, кружа по рейду, заплывая в доки и без устали вызывая кого-нибудь через мегафон. Ответом была глухая тишина, но сам город выглядел вполне нормально. Потом они уплыли — оставаться дольше не было смысла.

Через два дня прибыли в Порт-Дарвин и бросили якорь в городской гавани, но увидели только побережье, крышу правительственного здания и часть отеля «Дарвин». У причала стояло много рыбацких катеров, но напрасно они кружили вокруг них и взывали

через мегафон. Они не узнали ничего, только пришли к ясному выводу: когда подошло время, люди умерли спокойно.

— Именно так делают звери,— заметил Джон Осборн.— Когда близится смерть, они прячутся в норах. Вероятно, все лежат в своих постелях.

— Хватит об этом,— решительно сказал капитан.

— Но ведь это же правда,— сказал физик.

— Хорошо, пусть правда. Но не будем об этом говорить.

Да, написать рапорт будет трудно.

Они выплыли из Порт-Дарвина и под водой взяли курс на юг, через Торресов пролив, вдоль побережья Квинсленда. Напряжение, в котором проходил рейс, давало себя знать: те три дня, что прошли с выхода из Порт-Дарвина до всплытия, люди почти не разговаривали. Только теперь, отдохнув на палубе, они задумались, что будут рассказывать, когда вернутся в Мельбурн.

Этот же вопрос обсуждали после обеда в кают-компании.

— Безусловно, то же самое обнаружил «Меченосец»,— сказал Дуайт.— Ни в Штатах, ни в Европе они не видели ничего другого.

Питер взял со стола уже изрядно зачитанный рапорт «Меченосца» и еще раз перевернул страницы, хотя читал его постоянно и помнил почти дословно.

— Об этом я еще не думал,— медленно сказал он.— Я смотрел на это под другим углом, но сейчас, когда вы затронули... да, это правда. Во всем их рапорте действительно нет ни слова об условиях на суше.

— Они увидели там не больше, чем мы,— сказал капитан.— Никто не будет знать, как выглядят эти зараженные районы — все северное полушарие.

— Пожалуй, это и хорошо,— шепнул Питер.

— Пожалуй,— согласился капитан.— Есть вещи, которых человек просто не должен видеть.

— Я думал об этом сегодня ночью,— заметил Джон Осборн.— Вас не поражает, что никто и никогда... никогда... не увидит уже Кэрнса, Порт-Морсби и Порт-Дарвина?

Они уставились на него, обдумывая вопрос.

— Ну, никто не сможет увидеть больше, чем видели мы,— нарушил тишину капитан.— И поедет ли кто-нибудь туда вообще? Мы ведь туда не вернемся.

— Уже нет.

Дуайт задумался.

— Не думаю, чтобы нас снова послали туда. Мы последние люди, которые видели эти города.— Он помолчал.— А мы не видели практически ничего. Вы, пожалуй, правы.

Питер беспокойно зашевелился.

— Исторический факт,— сказал он.— Это должно быть где-то

записано. Интересно, пишет кто-нибудь подробную историю нашего времени?

Джон Осборн развел руками.

— Я о таком не слышал. Но попробую узнать. В конце концов, зачем писать, если никто и никогда не прочтет?..

— А ведь это нужно описать,— сказал американец.— Чтобы можно было читать хотя бы в ближайшие несколько месяцев.— Он снова задумался.— Хотел бы я прочитать исследование об этой войне. Хоть я и принимал в ней участие, но толком ничего не знаю. Никто не писал ничего такого?

— Историки — нет,— ответил физик.— По крайней мере, мне об этом не известно. Кое-что мы, конечно, знаем, но нашим сведениям не хватает логической последовательности. Слишком много пробелов... и о многом мы просто не знаем.

— Мне бы хватило и того, что́ мы все-таки знаем,— заявил капитан.

— О чем именно, господин капитан?

— Ну, для начала о том, сколько упало бомб. То есть атомных бомб.

— Судя по данным сейсмостанций, около четырех тысяч семисот. Некоторые сотрясения были довольно слабы, так что, скорее всего, число это еще больше.

— А сколько из них было больших... водородных, или как вы их там называете?

— Трудно сказать. Вероятно, большинство. В войне на востоке бросали только водородные бомбы... полагаю, в основном, с кобальтовой оболочкой.

— Но почему? Зачем нужен этот кобальт?— спросил Питер.

Физик пожал плечами.

— Радиологическая война. Большего не скажу — сам не знаю.

— Тогда, может, я смогу,— сказал американец.— За месяц до войны я проходил на острове Йерба-Буэно близ Сан-Франциско курс для командного состава. Нам говорили, что, предположительно, может произойти между Россией и Китаем. Соответствует ли это тому, что произошло спустя шесть недель, мы можем только догадываться.

— Что вам говорили?— тихо спросил Джон Осборн.

Капитан помолчал, потом сказал:

— Что все это связано с вопросом о портах на теплых морях. У России нет порта, который не замерзал бы зимой... за исключением Одессы на Черном море. Но чтобы выйти из Одессы в открытый океан, нужно пройти два узких пролива — Босфор и Гибралтар — которые контролирует НАТО. Правда, русские могли бы открыть Мурманск и Владивосток, введя туда ледоколы, но эти порты далеки от промышленных районов, где производятся эк-

спортные товары.— Он задумался, потом добавил:— Тот человек из разведки говорил о Шанхае.

— Шанхай был бы удобен для сибирской промышленности?— спросил физик.

Капитан кивнул.

— Во время второй мировой войны они перевели многие заводы за Урал, вплоть до Байкала, а оттуда дьявольски далеко до таких портов, как Одесса. До Шанхая же — только половина этого расстояния.

Воцарилось молчание.

— И еще на одно обратил наше внимание тот человек,— задумчиво сказал капитан.— На то, что в Китае население в три раза больше, чем в России, то есть перенаселенность отчаянная. Говорил он также, что по мере развития в прошедшем двадцатилетии промышленности Китая Россия начала опасаться нападения с его стороны. Вот вам и причины войны...

— Но, используя кобальтовые бомбы,— заметил Питер,— они не могли бы наступать.

— Верно. Однако, при определенном разбросе этих бомб, Северный Китай на долгое время мог стать территорией, непригодной для жизни. Если бы бомбы падали в нужные места, радиоактивная пыль распространилась бы по Китаю до самого моря. Остатки ушли бы на восток, через Тихий Океан; если бы при этом немного попало Соединенным Штатам, не думаю, чтобы они оплакивали американцев горючими слезами. До Европы и западной части России дошло бы, вокруг света, совсем немного.

— Сколько времени должно пройти, чтобы люди снова смогли там жить? — спросил физика Холмс.

— После распространения кобальтовой пыли? Не знаю. Это зависит от многих факторов. Ну, пожалуй, от пяти до двадцати лет. Но точно сказать нельзя.

— А что, по мнению этого лектора, думали китайцы?

— О, они смотрели на дело иначе. Они собирались покрыть кобальтовой пылью только промышленные районы, город за городом, чтобы в ближайшие десять лет нельзя было пользоваться механизмами. Это была бы пыль из тяжелых частиц с ограниченной распространяемостью. Вероятно, китайцы даже не собирались бросать бомбы прямо на эти центры... Достаточно попасть куда-нибудь на десять миль от города, чтобы ветер закончил остальное.— Капитан помолчал.— После полного уничтожения промышленности они могли бы вторгнуться и занять все не зараженные районы страны. Потом радиоактивность ослабела бы, и они заняли бы города.

— Вот только техника успела бы заржаветь,— сказал Питер.

— Возможно. Но для них это была бы легкая война.

— Вы думаете, именно так все и было?— спросил Осборн.

— Откуда мне знать,— сказал американец.— Пожалуй, точно этого никто не знает. Я повторил только то, что говорил нам офицер из Пентагона. В некотором смысле, Россия имела перевес. Китай был один... без друзей и союзников, за исключением самой России.

Несколько минут все курили молча.

— Возможно ли, чтобы все было именно так?— спросил, наконец, Питер.— То есть после тех первых налетов на Лондон и Вашингтон?

Джон Осборн и капитан удивленно посмотрели на него.

— Но ведь русские вовсе не бомбили Вашингтон,— сказал Дуайт.— Это доказано.

Теперь удивился Питер.

— Я говорю о том налете, с которого все началось.

— Правильно, о том первом налете. Это были русские реактивные бомбардировщики ИЛ-62-6, но экипаж был египетский. Они прилетели из Каира.

— В самом деле?

— Ну да. Был перехвачен один, приземлившийся в Пуэрто-Рико. Правда, это выяснилось уже тогда, когда мы разбомбили Ленинград, Одессу и атомные центры в Харькове, Куйбышеве и Молотове. В тот день все произошло молниеносно.

— Значит, мы бомбили Россию по ошибке?— Потрясенный Питер не мог в это поверить.

— Это факт, Питер. Публично в этом никогда не признавались, и все же это факт. Первая бомба упала на Неаполь — это, разумеется, албанцы. Потом — бомба на Тель-Авив. Никто не знает, кто ее бросил, во всяком случае, я не слышал. Потом вмешались англичане и американцы и демонстративно пролетели над Каиром. На следующий день египтяне подняли все свои бомбардировщики: шесть на Вашингтон и два на Лондон. Один прорвался к Вашингтону, к Лондону — оба. После этого Америка и Англия остались без правительств.

— Самолеты были русские,— подтвердил Тауэрс,— и, как я слышал, знаки тоже. Это вполне возможно.

— Боже мой!— сказал австралиец.— Значит, мы бомбили Россию просто так?

— Именно так и было,— угрюмо сказал капитан.

— Итак, Лондон и Вашингтон отпали...— продолал Джон Осборн,— решать должны были командующие фронтами и решать быстро, до очередной бомбардировки. После албанской бомбы отношения с Россией были натянутыми, потому-то самолеты и приняли за русские.— Он помолчал.— Кому-то нужно было решать, причем, буквально в несколько минут. В Канберре считают теперь, что этот «кто-то» решил неверно.

— Но если это была ошибка, почему же не объединили усилий, чтобы с этим покончить? Почему это продолжалось?

— Дьявольски трудно прекратить войну, когда все политики, бывшие у руля, погибли,— заметил капитан.

— Дело в том,— сказал физик,— что эта проклятая бомба стала слишком дешевой. Под конец элементарная урановая бомба стоила всего пятьдесят тысяч фунтов. Каждая страна, даже такая маленькая, как Албания, могла завести целую кучу этих бомб и воображать, что может победить крупные государства, если нападет на них неожиданно.

— К тому же самолеты,— дополнил капитан.— Русские давали самолеты египтянам так же, как Англия давала их Израилю и Иордании. Это было большой ошибкой.

— Итак,— тихо сказал Питер,— в результате всего этого началась война между западными державами и Россией. А когда вмешался Китай?

— Никто не знает точно,— ответил капитан.— Но я бы сказал, что он почти немедленно воспользовался случаем и выступил со своим радиологическим оружием. Вероятно, китайцы не думали, что Россия тоже может начать радиологическую войну.— Он немного помолчал.— Но это только предположения. Большинство средств связи быстро вышло из строя, а те радиостанции, что остались, не успели передать почти ничего ни нам сюда, ни в Южную Африку. Мы знаем только, что в большинстве стран командование приняли младшие офицеры.

— Майор Чан Ши Лин,— криво усмехнулся Джон Осборн.

— А действительно, кем был этот Чан Ши Лин?— спросил Питер.

— Никто не знает о нем ничего, кроме того, что он был офицером китайских ВВС, а под конец стал вождем нации,— ответил физик.— Наш премьер говорил с ним, пытался вмешаться, чтобы прервать все это. Кажется, Чан Ши Лин имел множество ракет в разных частях Китая и множество бомб. Может, и в России командовал кто-то столь же незначительный. Но не думаю, чтобы нашему премьеру удалось связаться с русскими. По крайней мере, я о таком не слышал.

Воцарилось молчание.

— Это была трудная ситуация,— сказал, наконец, Дуайт.— Да и что было делать этому майору? Его учили только воевать, оружия хватало. Вероятно, то же было во всех других странах, когда погибли правительства. Очень трудно в такой ситуации прекратить войну.

— В случае этой войны, наверняка, было трудно. Поэтому ее не прекращали, пока были бомбы и самолеты-носители. А когда они кончились, было уже слишком поздно.

— Боже,— шепнул американец,— не знаю, что бы я сделал на их месте. Но, к счастью, решать пришлось не мне.

— Полагаю, вы начали бы переговоры,— сказал физик.

— С неприятелем, превращающим Соединенные Штаты в ад и убивающим наш народ? Обладая таким же оружием? Просто прекратить борьбу и сдаться? Мне хочется думать, что я был бы таким великодушным, но... не поручусь.— Капитан поднял голову.— Меня никогда не учили дипломатии,— сказал он.— Оказавшись в такой ситуации, я не сумел бы с ней справиться.

— Они тоже не сумели,— сказал физик, потянулся и зевнул.— Паршивая история. Но мы никого не осуждаем. Все это начали не великие державы, а маленькие безответственные страны.

Питер Холмс усмехнулся.

— Ну, оставшимся от этого не легче.

— У тебя есть еще полгода,— заметил Джон Осборн.— Может, чуть больше или меньше. Будь этим доволен. Ты же всегда знал, что когда-нибудь умрешь, а теперь ты точно знаешь, когда.— Он засмеялся.— Пользуйся тем, что тебе осталось.

— Я знаю,— сказал Питер.— Но мне нравится именно то, что я делаю сейчас.

— Запертый, как в клетке, в этом проклятом «Скорпионе»?

— Гм... да. Это наше задание. Но я имел в виду то, что делаю дома.

— Тебе не хватает воображения. Прими магометанство и заведи гарем.

Капитан рассмеялся.

— А может, он у него уже есть.

Офицер связи покачал головой.

— Мысль хорошая, но невыполнимая: Мэри не согласится.— Он посерьезнел.— Я никак не могу поверить, что это случится с нами. А ты можешь?

— После всего, что мы видели?

— Именно. Если бы мы увидели разрушения...

— Полное отсутствие воображения,— констатировал физик.— Все вы, офицеры, одинаковы. «Со мной этого случиться не может».—Он помолчал.— И все же может. И случится.

— Наверное, у меня, действительно, нет воображения,— задумчиво сказал Питер.— Это... это будет конец света. Никогда прежде мне не нужно было представлять, что я доживу до него.

— Это будет вовсе не конец света,— со смехом уточнил Осборн.— Кончимся мы, а свет останется, но уже без нас. Я бы даже сказал, что он без нас обойдется.

Дуайт Тауэрс поднял голову.

— Пожалуй. На самом Кэрнсе и Порт-Морсби это никак не отразилось.— Он замолчал, думая о виденных в перископ цвету-

щих деревьях на берегу.— Может, мы были слишком глупы, чтобы жить в этом мире.

— Вы совершенно правы,— поддержал его физик.

Больше говорить было не о чем, поэтому все вышли на мостик и закурили, наслаждаясь свежим воздухом и солнечным днем.

На следующее утро «Скорпион» миновал мыс у входа в портовый бассейн Сиднея и направился к югу, в Бассов пролив. Через двадцать четыре часа он уже стоял на своем месте — у борта авианосца в Вильямстауне. Адмирал сошел на лодку, как только опустили трап.

Капитан Тауэрс встретил гостя на узкой палубе субмарины.

— Ну, капитан, как прошел поход?

— Без происшествий, господин адмирал. Операция проходила строго по приказу, но боюсь, что результаты вас разочаруют.

— Собрали мало информации?

— У нас множество данных об излучении, господин адмирал. Севернее двадцатого градуса южной широты выйти на палубу было невозможно.

Адмирал кивнул.

— Были случаи каких-нибудь болезней?

— Один случай. Наш врач определил корь. Ничего общего с радиоактивностью.

Оба спустились в маленькую капитанскую каюту, и Тауэрс показал черновик своего рапорта, написанный карандашом на канцелярской бумаге, и приложение с данными о радиоактивности по всем вахтам рейса — длинные колонки цифр, написанные рукой Джона Осборна.

— Сегодня я отдам это напечатать,— сказал капитан.— Но суть в том, что мы узнали очень мало.

— Нигде нет следов жизни?

— Вообще ничего. Правда, через перископ мало что видно на побережье. До сих пор я не представлял, как мало мы сможем увидеть. Кэрнс стоит на краю главного канала, Морсби тоже. Дарвина, стоящего на скалах, мы вообще не видели — только портовый район. Можно было подумать, что с ним все в порядке.

Адмирал перевернул несколько страниц рукописи, время от времени читая по абзацу.

— В каждом из этих мест вы останавливались?

— Часов на пять. И каждый раз вели передачу через мегафон.

— Ответа не было?

— Не было, господин адмирал. В Дарвине мы сначала думали, что кто-то отзывается, но это крюк крана стучал о столб.

— Морские птицы?

— Никаких. Никто из нас не видел ни одной птицы севернее двадцатого градуса южной широты. В Кэрнсе мы видели собаку.

Адмирал провел в каюте капитана минут двадцать. Наконец он встал.

— Постарайтесь закончить рапорт как можно быстрее и один экземпляр сразу же пришлите мне. Конечно, я разочарован, но вы, вероятно, сделали больше, чем мог бы сделать кто-то другой.

Американец сказал:

— Я читал рапорт «Меченосца», господин адмирал. В нем очень мало информации о состоянии дел на побережье как Соединенных Штатов, так и Европы. Полагаю, они видели почти то же, что и мы.— Он заколебался.— У меня есть одно предложение.

— Какое, капитан?

— Уровень радиации на этой линии не везде так высок. Наш физик сказал, что человек мог бы там безопасно работать в специальном костюме... в шлеме, перчатках и так далее. Мы могли бы высылать одного из офицеров в каждом из этих портов... Он доплыл бы на берег в резиновой лодке с запасом кислорода в баллонах.

— Дезактивация по возвращении на борт,— сказал адмирал.— Это будет непросто, но все же возможно. Я предложу это премьеру и узнаю, нужны ли ему какие-то особые данные. Может, он сочтет, что игра не стоит свеч. Но это хорошая мысль.

Он направился к главному посту, чтобы подняться на мостик.

— Можем мы дать нашим парням отпуск, господин адмирал?

— Есть какие-нибудь дефекты?

— Ничего серьезного.

— На десять дней,— сказал адмирал.— Я немедленно распоряжусь.

Питер Холмс позвонил Мэри после обеда.

— Уже вернулся, целый и здоровый,— сообщил он.— Слушай, дорогая, я буду дома к вечеру... не знаю, во сколько. А до этого должен расплеваться с рапортом и завезти его в Министерство Флота. Поэтому не знаю, на какой поезд успею. Встречать меня не приезжай... я приду со станции пешком.

— Так чудесно снова слышать твой голос,— обрадовалась Мэри.— Ужинать будешь дома?

— Пожалуй. Я сам себе поджарю пару яиц.

Она быстро прикинула.

— Я приготовлю мясо, можно будет поесть в любое время.

— Отлично. Слушай, есть одна проблема. У нас на борту был случай кори, поэтому я, некоторым образом, в карантине.

— Ох, Питер! Ты болел корью в детстве?

— Тогда мне было четыре года. Корабельный врач говорит, что

я снова могу заболеть. Скрытый период длится три недели. А ты болела корью?

— Кажется, лет в тринадцать.

— Ну, тогда тебе ничего не грозит.

— А Дженнифер?

— Это меня и беспокоит. Нужно будет держаться от нее подальше.

— Ой... Неужели такой маленький ребенок может заболеть корью?

— Не знаю, дорогая. Я могу спросить корабельного врача.

— Он что, педиатр?

— Пожалуй, большой практики у него в этом нет.

— Все же спроси его, Питер, а я позвоню доктору Хэллорену. Что-нибудь придумаем. Как здорово, что ты вернулся!

Он положил трубку на рычаг и снова взялся за работу, а Мэри немедленно предалась своей великой страсти — надолго уселась у телефона. Она позвонила миссис Фестер, соседке — та собиралась в город на собрание Товарищества Сельских Женщин, и попросила ее привезти фунт мяса и пару луковиц. Потом позвонила доктору Хэллорену, и тот сказал, что ребенок может заразиться корью, поэтому нужно быть очень осторожными. Потом вспомнила, что накануне Мойра Дэвидсон спрашивала ее, есть ли известия о «Скорпионе», и дозвонилась до Мойры.

— Дорогая, они вернулись. Питер уже звонил мне с корабля. У всех корь.

— Что у всех?

— Корь... Ты болела ею?

В трубке раздался истерический смех.

— И нечего смеяться,— сказала Мэри.— Я думаю о Дженнифер — она может заразиться от Питера. Он уже болел корью, но может заболеть снова. Это так неприятно...

Смех оборвался.

— Прости, золотко, это было довольно смешно. Ведь это не имеет ничего общего с радиоактивностью?

— Кажется, нет. Питер сказал, что это просто корь.— Она помолчала и спросила: — Страшно, правда?

Мойра Дэвидсон снова рассмеялась:

— Это на них похоже. Они на две недели отправляются туда, где все умерли от сильного излучения, и возвращаются оттуда с обычной корью. Я поговорю об этом с Дуйатом. Они нашли там кого-нибудь живого?

— Не знаю, дорогая, Питер ничего об этом не говорил. Впрочем, это неважно. Что мне делать с Дженнифер? Доктор Хэллорен сказал, что она может заразиться, а Питер будет носить в себе эти вирусы три недели.

— Пусть ест и спит на веранде.

— Ничего не выйдет, дорогая.

— Тогда пусть Дженнифер ест и спит на веранде.

— Мухи,— сказала заботливая мать.— Москиты. Может прийти кот, лечь ей на лицо и удушить. Такое бывает, ты же знаешь.

— Закрой коляску сеткой от москитов.

— У меня ее нет.

— Кажется, у нас где-то есть. Папа пользовался ими в Квинсленде. Но, скорее всего, они дырявые.

— И все же посмотри, пожалуйста, дорогая. Этот кот беспокоит меня больше всего.

— Сейчас поищу. Если найду хорошую, отправлю с почтой. Или привезу сама. Вы пригласите к себе капитана Тауэрса?

— Об этом я еще не думала. Не знаю, захочет ли Питер приглашать его. За две недели они могли смертельно надоесть друг другу. А ты бы хотела, чтобы мы его пригласили?

— Дело твое,— небрежно ответила девушка.— Мне все равно, будет он у вас в гостях или нет.

— Дорогая!

— Да, все равно. И перестань давить мне на психику. Кстати, он женат.

— Это невозможно, моя дорогая. Уже нет,— воскликнула заинтригованная Мэри.

— Ты знаешь только это и ничего больше,— вздохнула Мойра.— Это осложняет дело. Ну ладно, пойду, поищу сетку.

Когда вечером Питер пришел домой, Мэри, глубоко обеспокоенная здоровьем дочери, не очень интересовалась положением в Кэрнсе. Мойра уже звонила, что послала сетку, а пока Мэри достала кусок марли и накрыла коляску, но сделала это не очень умело, и Питер долго возился, закрепляя полог.

— Надеюсь, она сможет дышать? — беспокоилась жена.— Питер, ты уверен, что Дженнифер хватит воздуха?

Хотя он как мог успокаивал ее, она трижды за ночь выходила на веранду проверить, жив ли ребенок.

Отношения на «Скорпионе» интересовали ее больше, чем подробности экспедиции.

— Ты пригласишь к нам капитана Тауэрса? — спросила она.

— Честно говоря, это не приходило мне в голову,— ответил он.— А ты бы хотела?

— Он мне нравится,— сказала она,— а Мойра в него влюблена. Это на нее не похоже, ведь он такой спокойный. Правда, с этим никогда ничего не известно.

— Он приглашал ее на ужин перед отплытием,— сказал Питер.— Показал ей корабль, а потом они пошли в город ужинать. Готов поклясться, что он постоянно думает о ней.

— Она трижды звонила, пока тебя не было, и спрашивала, нет ли от тебя известий,— сообщила Мэри.— Не думаю, чтобы ей нужен был ты.

— Наверное, ей просто скучно,— решил Питер.

На следующее утро он поехал в Мельбурн на встречу с Джоном Осборном у начальника отдела атомной физики в Министерстве Флота. Конференция эта закончилась около полудня; когда они выходили из Министерства, Осборн вдруг вспомнил:

— У меня же посылка для тебя.— Он вытащил перевязанный шнурком пакет из коричневой бумаги.— Сетка от москитов. От Мойры. Она просила передать тебе.

— Ага... спасибо. Мэри очень беспокоится за дочку.

— Где ты будешь обедать?

— Я еще не думал об этом.

— Тогда пойдем в Пастерский Клуб.

Молодой офицер широко раскрыл глаза: Клуб был для снобов и довольно дорогой.

— Ты записался в этот клуб?

Джон Осборн кивнул.

— Я всегда хотел сделать это, прежде чем умру. Время пришло — теперь или никогда.

Они поехали трамваем на другой конец города. Питер Холмс знал Пастерский Клуб, ему приходилось там пару раз обедать, и это ему очень понравилось. Это старое, по австралийским меркам, почти столетнее здание, возвели в период экспансии, по образу и подобию одного из известнейших лондонских клубов. Его стиль и традиции пережили все изменения в мире; более английский, чем сама Англия, он с середины прошлого века славился отличной кухней и обслуживанием. Перед войной он почти наверняка был самым изысканным из клубов стран Сообщества. Теперь же он и вовсе был вне конкуренции.

Они оставили головные уборы в холле, вымыли руки в старомодном туалете и вышли на внутреннюю галерею выпить чего-нибудь перед обедом. Там было довольно людно, все говорили о текущих делах. Питер Холмс заметил несколько министров штата и нескольких федеральных. Какой-то старик взмахом руки издалека приветствовал Джона Осборна и направился к ним.

— Это мой дед...— тихо сказал Джон.— Дуглас Фроуд. Генерал-лейтенант... ну, ты знаешь.

Питер, действительно, знал его. Сэр Дуглас Фроуд командовал армией еще до его рождения, а во времена его младенчества вышел в отставку, удалившись в небольшое имение под Мейсдоном, где начал разводить овец и писать мемуары. Двадцать лет продолжались эти пробы, и генерал со все меньшим упорством боролся с непослушным пером. В последнее время он интересовался глав-

ным образом садоводством и жизнью австралийских птиц, а раз в неделю приезжал в город и обедал в Пастерском Клубе, но и там держался особняком. Седой и краснолицый, он по-прежнему ходил прямо, как и пристало военному. Сейчас он беззаботно приветствовал внука.

— Эй, Джон! Вчера я слышал, что ты вернулся. Хорошо поплавали?

— Очень хорошо,— ответил Джон Осборн, представив ему молодого офицера.— Не знаю только, будет ли результат, потому что информации мы собрали немного, к тому же, один из матросов заболел корью.

— Корью, говоришь? Ну, это лучше, чем та холера. Надеюсь, никто из вас от него не заразился. Пойдемте, выпьем... у меня здесь открытый счет.

Они подошли к столу.

— Спасибо,— сказал Джон.— Я не ожидал встретить вас здесь сегодня. Думал, вы приедете только в пятницу.

Они налили себе джин и разбавили горькой.

— Ну, нет! Раньше — да, я приезжал каждую пятницу. Но это потому, что мой врач сказал мне, что если я не перестану пить здешний портвейн, то не проживу больше года. Теперь же все изменилось.— Старик поднял стакан с вином.— Ну, за ваше счастливое возвращение. Наверное, нужно плеснуть на землю в жертву богам или что-то в этом роде, но ситуация слишком серьезная. Знаете ли вы, что в подвалах нашего клуба еще более трех тысяч бутылок портвейна? Если ученые говорят правду, осталось всего шесть месяцев, чтобы выпить его.

Физик притворился озабоченным.

— Это действительно хороший портвейн?

— Первоклассный, совершенно первоклассный! Некоторые из бутылок, может быть, и молоды: одно- или двухлетние, но «Гулд Кэмпбелл» — в самом подходящем возрасте. У меня большие претензии к комитету закупки вина, очень большие претензии. Комитет для того и существует, чтобы все предвидеть.

Питер Холмс сдержал улыбку.

— По-моему, их трудно осуждать,— осторожно сказал он.— Не знаю, мог ли кто-нибудь предвидеть такое.

— Вздор. Я предвидел это еще двадцать лет назад. Но претензии теперь ничего не дадут. Все, что нам осталось, это делать хорошую мину при плохой игре.

— А что с этим портвейном? — спросил Джон Осборн.

— Есть только один выход,— сказал старик.

— Какой же?

— Выпить его, мальчик мой, выпить до последней капли. Не стоит оставлять его тем, кто придет после нас, коль скоро период

полураспада кобальта длится целых пять лет. Вот я и приезжаю сюда каждые два дня и увожу одну бутылку с собой.— Он отхлебнул из стакана.— Раз уж я должен умереть, пусть меня убьет портвейн, а не эта холера. Так говорите, никто из вас этого не подцепил?

— Ни один,— ответил Питер Холмс.— Мы были осторожны, господин генерал — шли, в основном, под водой.

— Да, это хорошо защищает.— Старик искоса посмотрел на них.— В северном Квинсленде живых уже не осталось, верно?

— В Кэрнсе никого, господин генерал. Как в Таунсвилле, мы не знаем.

Старик покачал головой.

— С Таунсвиллом нет связи с прошлого четверга, а теперь это дошло до Боуэна. Я слышал, что уже были случаи в Маккае.

Джон Осборн широко улыбнулся.

— Значит, с портвейном нужно спешить.

— Точно. Ситуация поистине ужасная.— Солнце светило на них с безоблачного неба, теплое и веселое, высокий каштан пятнал двор тенями листьев.— Однако, мы делаем все, что можем. Секретарь говорил, что за последний месяц мы, если так можно выразиться, обезвредили триста бутылок. Как вам нравится служба на американском корабле? — спросил старик Питера.

— Очень нравится, господин генерал. Конечно, у них все немного иначе, чем в нашем военном флоте, к тому же я никогда не служил на подводных лодках, но вообще там очень хорошо.

— Не слишком мрачно? Не очень много вдовцов?

— Все они, кроме капитана, люди довольно молодые, и немногие из них успели жениться,— возразил Питер.— Капитан, конечно, был женат, некоторые из офицеров тоже, но большинство из них нашли себе девушек здесь, в Австралии. Нет, это вовсе не мрачный корабль.

Старик снова закивал головой.

— Ну, ясно. С тех пор уже прошло какое-то время.— Он снова выпил вина.— Ваш командир... некий капитан Тауэрс, верно?

— Так точно, господин генерал. Вы его знаете?

— Мне его представляли; он был здесь пару раз. Кажется, это честный человек. Билл Дэвидсон говорил мне, что Мойра познакомилась с ним.

— Да, господин генерал. В моем доме.

— Ну, надеюсь, она не выкинет никакого фортеля...

В эту самую минуту Мойра Дэвидсон звонила капитану Тауэрсу на авианосец.

— Это Мойра, Дуайт,— сказала она.— Что это за слухи ходят по городу? На твоем корабле корь?

Когда он услышал ее голос, на сердце у него стало легко.

— Слухи верные,— ответил он.— Только это секретные сведения.

— То есть?

— Военная тайна. Если какой-то из кораблей флота Соединенных Штатов на время выходит из строя, мы не объявляем об этом всему миру.

— Значит, вся эта машинерия перестала действовать из-за такой мелочи, как корь? Наверное, это от плохого командования. По-твоему, у «Скорпиона» подходящий капитан?

— Уверен, что нет,— ответил он.— Может, где-нибудь встретимся и поговорим, кем его заменить? Мне этот капитан тоже не нравится.

— Ты будешь у Холмсов в эту субботу?

— Меня не приглашали.

— А если Питер пригласит тебя, ты приедешь? Или, может, ты недавно приказал протащить его под килем за нарушение субординации?

— Он не поймал ни одной чайки,— весело сказал Дуайт.— Но больше его обвинить не в чем. А этого я даже не записал в корабельном журнале.

— А ты рассчитывал, что он будет поставлять тебе чаек?

— Конечно. Я назначил его главным ловцом, но он не справился с заданием. Ваш премьер, мистер Ритчи, будет здорово на меня сердиться, ведь он рассчитывал, что мы привезем ему чаек. Но увы! — капитан, как и его офицеры, всего лишь человек.

— Ты пил, Дуайт? — спросила она.

— Тебе я признаюсь — да, пил. Кока-колу.

— Это-то и плохо. Тебе нужен двойной коньяк... нет, виски. А могу я сейчас поговорить с Питером Холмсом?

— Нет, сейчас не можешь, его здесь нет. Насколько мне известно, он ушел обедать с Джоном Осборном. Возможно, в Пастерский Клуб.

— Час от часу не легче,— простонала она.— Так ты приедешь, если он тебя пригласит? Я хотела бы убедиться, что ты сможешь справиться с яхтой лучше, чем в прошлый раз. А для лифчика я купила замок.

Он рассмеялся.

— Охотно приеду. Даже на этих условиях.

— Он еще может тебя не пригласить,— напомнила она.— Уж очень дурно пахнет эта история с чайками. По-моему, на твоем корабле что-то не так.

— Мы и это обсудим.

— Безусловно,— подтвердила она.— Посмотрим, что ты сможешь сказать в свою защиту.

Она повесила трубку, сразу же позвонила в Пастерский Клуб и еще застала Питера.

— Питер, пригласи к себе Дуайта Тауэрса на субботу и воскресенье. Я могу приехать и без приглашения.

Он предпочел не развивать тему.

— Мэри устроит мне головомойку, если он заразит Дженнифер корью.

— Я скажу, что она заразилась от тебя. Так что, пригласишь?

— Если ты так этого хочешь. Но он, пожалуй, не приедет.

— Приедет.

Как и в первый раз, она со своей коляской ждала капитана Тауэрса перед станцией в Фалмуте. Отдавая билет контролеру, Дуайт издалека окликнул ее:

— Эй, а куда девался красный костюм?

На этот раз она была одета в брюки цвета хаки и такую же рубашку.

— Просто меня заели сомнения: можно ли надевать его на встречу с тобой,— ответила она.— Он наверняка будет испорчен.

— Хорошенькое же у тебя обо мне мнение,— со смехом сказал он.

— Осторожность девушке не помеха,— скромно заметила она.— Особенно, когда везде навалено столько сена.

Они подошли к коляске.

— Думаю, нужно решить вопрос с этими чайками до встречи с Мэри,— сказала Мойра.— На такие темы нельзя говорить при женщинах. Может, съездим сначала в «Пристань»?

— Ничего не имею против,— галантно согласился он.

Пустыми улицами они добрались до отеля. Мойра привязала поводья к тому же бамперу того же автомобиля, и они вошли в зал.

Дуайт заказал для нее двойной коньяк, а для себя — виски.

— Ну, что там с чайками? — спросила она.— Говори всю правду, хотя бы и скандальную.

— Прежде чем мы вышли в море, я виделся с премьером,— сказал он.— Меня к нему возил адмирал. Премьер много о чем говорил и, в частности, хотел, чтобы мы собрали все возможные данные о птицах на радиоактивных территориях.

— Хорошо. И вы собрали эти данные?

— Нет,— беззаботно ответил он.— Ничего о птицах, ничего о рыбах, и совсем немного обо всем прочем.

— Даже рыб никаких не поймали?

Он улыбнулся.

— Хотел бы я знать, как ловить рыбу из подводной лодки или как ловить чаек, если никто не может выйти на палубу. Вероятно, это возможно, если есть подходящее снаряжение. Все можно сделать. Но вопрос этот возник только на последнем совещании... за полчаса до отплытия.

— Значит, чаек вы не привезли?

— Нет.

— И премьера это очень обеспокоило?

— Не знаю. Я у него еще не был.

— Наверное, обеспокоило.— Она замолчала, хлебнула коньяка и уже серьезно спросила: — Скажи, там все умерли?

Он кивнул.

— Пожалуй, да. Точно сказать нельзя, пока нет возможности отправить кого-нибудь на сушу в защитном комбинезоне. Сейчас, когда я об этом думаю, мне кажется, что в одном из этих портов так и нужно было сделать. Но в этот раз мы не предусмотрели ничего такого, и у нас не было снаряжения. Самая трудная задача — это дезактивация на борту.

— В этот раз? — переспросила она.— Значит, вы поплывете снова?

— Думаю, что да,— ответил он.— Приказа еще не было, но думаю, на этот раз нас отправят в Штаты.

Глаза ее расширились.

— Туда можно доплыть?

Он кивнул.

— Это дальняя дорога, и нам придется долго пробыть под водой. Это тяжело для команды, но все же вполне реально. «Меченосец» совершил такой подход, а чем мы хуже?

Он рассказал ей о подводной лодке «Меченосец» и ее рейде.

— Трудность заключается в том, что через перископ видно очень мало. Мы получили рапорт капитана, но эта информация очень скупа. Пожалуй, не больше узнал бы человек, если бы он просто сел за стол и попробовал сделать выводы из того, что и так известно. Они видели только портовые районы и то до высоты едва в двадцать футов. В городе или порту они могли увидеть возможные разрушения от бомб и ничего больше. То же самое было с нами. Останавливались мы только для того, чтобы покричать в мегафон, но никто не показывался, и мы решили, что там никого не осталось в живых.— Он помолчал.— Да и что еще мы могли решить?

Она молча кивнула.

— Кто-то говорил,— сказала она через минуту,— что это уже дошло до Маккая. Думаешь, правда?

— Думаю, да,— сказал он.— Это приближается неумолимо, как и предсказывали физики.

— А когда оно придет сюда?

— Я бы сказал, что в конце августа. Может, немного раньше.

Она порывисто встала.

— Еще коньяк для меня, Дуайт,— попросила она, а когда он принес, сказала: — Я хочу куда-то поехать... что-то сделать... танцевать!

— Как хочешь, дорогая.

— Нельзя же все время сидеть и рыдать над тем, что нас ждет!

— Ты права,— сказал он.— Но что бы ты хотела делать кроме того, что делаешь сейчас?

— Не будь таким занудой,— раздраженно сказала она.— Я этого не выношу.

— Хорошо,— спокойно ответил он.— Выпей свой коньяк и едем к Холмсам. Поплаваем на лодке.

Приехав к Холмсам, они узнали, что Питер и Мэри решили подать ужин на пляже, чтобы сделать субботний вечер приятнее. Это казалось и дешевле, и забавнее, чем прием в четырех стенах, а кроме того, Мэри решила, что пришельцев с зараженного корью корабля надо держать подальше от дома, где есть маленький ребенок. Наскоро пообедав, Мойра и Дуайт отправились в яхт-клуб, чтобы подготовить яхту и принять участие в гонке; Холмсы с Дженнифер в велосипедной коляске приехали туда часом позже.

Гонки на этот раз проходили довольно спокойно. Правда, сразу после старта они налетели на буй, а на втором повороте столкнулись с другой яхтой, но в этом клубе такие случаи были нередки, и особых протестов это не вызвало. В конце концов, они заняли в гонках шестое место и, значит, прошли лучше, чем в прошлый раз. От финиша они вернулись к пляжу, оставили яхту на отмели и по воде вышли на берег, где Питер и Мэри ждали их с полдником: чаем и печеньем.

Потом они снова вошли в воду, чтобы не спеша искупаться в лучах предвечернего солнца; еще в купальных костюмах сложили снаряжение, свернули паруса и вытащили яхту на ее обычное место среди других лодок. Солнце уже садилось за горизонт, когда они оделись, взяли из корзинки запас напитков и пошли на конец мола, чтобы посмотреть закат, а Мэри и Питер остались готовить ужин.

Сидя рядом с капитаном на перилах и глядя на спокойное сверкающее море, Мойра наслаждалась теплым вечером и успокаивающим действием коньяка.

— Дуайт, расскажи мне об этом рейсе «Меченосца». Ты говорил, что он плавал к Соединенным Штатам,— попросила она наконец.

— Да,— коротко ответил он.— «Меченосец» был везде, где только возможно на восточном побережье, но это всего лишь не-

сколько малых портов и пристаней в заливе Делавэр и на реке Гудзон, ну и, конечно, Нью-Лондон. Видели они и Нью-Йорк, но здорово рисковали при этом.

Она слушала с интересом.

— Это очень опасно?

— Да. Минные поля... наши собственные мины. Каждый крупный порт и устья рек на восточном побережье закрыты минными полями. Во всяком случае, так мы предполагаем. На западном побережье тоже.— Он задумался.— Это должны были сделать перед войной, но сделали ли вообще, мы не знаем. Нам известно только, что минные поля должны там быть, а коль скоро нет плана проходов, лучше в ту сторону вовсе не заплывать.

— Это значит, что корабль, наткнувшийся на мину, может затонуть?

— Наверняка. Без карты минных полей нужно быть безумцем, чтобы туда сунуться.

— Значит, на «Меченосце» были такие карты, когда они входили в Нью-Йорк?

Он покачал головой.

— У них была одна, восьмилетней давности, вся в печатях «Изъято из обращения». Такие вещи чаще всего секретны и выдаются только тогда, когда корабль должен зайти в тот район. Ну вот, у них была только старая карта, но, видимо, им очень хотелось туда попасть. Они учли главные ориентиры на этой карте, указывающие вход в безопасный проход, и прикинули, где могли быть сделаны изменения. Наконец, они пришли к выводу, что в этом районе есть всего один рукав, где переставить мины практически невозможно. Они рискнули там пройти, и все обошлось. Конечно, не исключено, что этот район вообще не минировали.

— А когда они заплыли туда, выяснилось, что стоило рисковать?

— Нет. Они не увидели ничего, о чем не знали бы раньше. Да иначе и не может быть, если изучать берег таким образом. Возможностей собирать сведения практически нет.

— Они не видели никого живого?

— Никого, детка. И география совершенно изменилась. Ко всему прочему, там везде высокий уровень радиации.

Закурив, они долго молчали, глядя на заходящее солнце.

— А куда еще заходил «Меченосец»? — спросила, наконец, Мойра.— В Нью-Лондон?

— Верно,— сказал Дуайт.

— А где это?

— В штате Коннектикут, на востоке,— объяснил он.— В устье реки Темзы.

— И они снова рисковали?

— Нет, ведь это был порт их приписки. У них была современная карта минных полей.— Он заколебался.— Главная база подводных лодок Соединенных Штатов на восточном побережье,— *сказал он тихо.— Полагаю, почти все из них жили или* в самом Нью-Лондоне или в его пригородах. Так же, как и я.

— Ты там жил?

Он ответил кивком головы.

— И они нашли там то же, что и везде?

— Наверное,— с трудом ответил он.— Подробностей, кроме замеров радиоактивности, не было. Это было страшно... Они вошли прямо в базу, в свой док, из которого уходили на эту войну. Немного странным было это возвращение, но об этом в рапорте ничего не было. Большинство из них оказались рядом со своими домами, *но ничего не могли сделать. Они провели там несколько часов,* а потом отправились дальше, выполнять свое задание. Капитан добавил еще, что на корабле прошла заупокойная служба. Наверняка это было очень тяжело.

В теплом зареве заката еще видна была красота этого мира.

— Странно, что они туда зашли,— сказала девушка.

— Сначала я тоже удивился,— признался Дуайт.— Я бы, пожалуй, близко не подошел к этой базе. Хотя... нет, не знаю. Но когда я подумал об этом, то понял, что они должны были туда зайти. У них была карта только тех минных полей... только тех и в заливе Делавэр. Значит, это были единственные места, куда они могли зайти без опасений. Нужно было использовать возможность.

Она согласилась с ним.

— Значит, ты там жил?

— Не в самом Нью-Лондоне,— ответил он почти шепотом.— *База расположена на восточном берегу реки, а мой дом* стоит в пятнадцати милях от устья. В небольшом городке на побережье... город Мистик.

— Не говори об этом,— сказала она,— если не хочешь.

Он взглянул на нее.

— Я могу говорить об этом, хотя и не с каждым. Но я не хочу ввергать тебя в уныние.— Он мягко улыбнулся.— И не хочу плакать оттого, что увидел дочку Питера.

Девушка залилась румянцем.

— Когда ты позволил мне войти в твою каюту, я видела там фотографии. Это твоя семья?

— Жена и двое детей,— сказал он с гордостью.— Дуайт уже ходит в школу, а Элен пойдет только осенью.

Мойра успела уже убедиться, что Шарон и дети были для него реальностью, причем гораздо более конкретной, чем проблема полураспада *радиоактивных элементов в далеком уголке мира, куда*

судьба забросила его после войны. Опустошение северного полушария было для него так же нереально, как и для нее. Ведь он вовсе не видел разрушений после этой войны, так же как не видела и она; думая о своем родном доме, он просто не мог представить, что там сейчас все совсем иначе. У него не было фантазии, и это помогало ему сохранять душевное спокойствие.

И вот теперь Дуайт снова вступал на скользкую почву. Нужно было как-то его поддержать. Немного боязливо Мойра спросила:

— Что будет делать твой сын, когда вырастет?

— Я хочу, чтобы он пошел в Академию Военного Флота. Чтобы служил на кораблях, как и я. Это хорошая жизнь для парня... лучшей я не знаю. Станет ли он капитаном?.. Ну, это уже другое дело. В математике он довольно слаб, хотя пока слишком рано судить об этом. В июле ему будет всего десять. Однако я хотел бы довести его до Академии. Думаю, что и он не против.

— Он очень любит море?

Дуайт кивнул.

— Мы живем на берегу, и летом он целыми днями плавает или ездит на лодке с мотором...— Он помолчал, задумавшись.—Дети так здорово загорают... Иногда мне кажется, что они загорают сильнее нас, взрослых, хотя мы тоже не прячемся от солнца.

— Здесь они все коричневые,— заметила Мойра.— Ты не учил его парусному спорту?

— Еще нет,— сказал он.— Я куплю яхту, когда вернусь домой в следующий раз.

Он встал у перил рядом с Мойрой, посмотрел на закатное небо.

— Это будет, пожалуй, в сентябре,— тихо сказал он.— Для хождения под парусами время довольно позднее.

Она уже не знала, о чем говорить. Капитан повернулся к ней.

— Ты, наверное, думаешь, что я спятил. Но я именно так все это вижу,— мрачно объяснил он,— и не могу думать об этом иначе. Во всяком случае, я не плачу над младенцами.

Она тоже встала.

— Я вовсе не думаю, что ты спятил...

На пляж они вернулись молча.

4

На следующее утро все в доме Холмсов чувствовали себя достаточно хорошо — не так, как в то, первое воскресенье, которое провел у них капитан Тауэрс. Субботний вечер прошел под знаком умеренности, без злоупотребления алкоголем, поэтому ночной сон был настоящим отдыхом. За завтраком Мэри, по-прежнему уверенная, что чем больше гость будет вне дома, тем меньше вероят-

ность заразить корью Дженнифер, спросила, не хочет ли капитан сходить в церковь.

— Хочу,— ответил капитан.— Если это не нарушит ваших планов.

— Ну, что вы! — запротестовала она.— Можете делать все, что угодно. Думаю, после полудня мы могли бы поехать в клуб, конечно, если у вас нет других планов.

— Я бы охотно поплавал,— сказал Дуайт.— Но под вечер я должен вернуться на корабль... самое позднее, после ужина.

— И не можете остаться до утра?

Он хорошо видел, как сильно беспокоит ее эта корь.

— Нет. Я должен быть там сегодня.

Сразу после завтрака, чтобы успокоить ее, он вышел с сигаретой в сад и поставил шезлонг так, чтобы видеть залив. Там и застала его Мойра после того, как помогла Мэри помыть посуду. Она села рядом с ним.

— Ты действительно пойдешь в церковь? — спросила она.

— Да.

— Можно мне с тобой?

Он повернул голову и удивленно посмотрел на нее.

— Ну, конечно. Ты ходишь каждое воскресенье?

Она улыбнулась и призналась:

— Я не хожу даже в праздники. Может, было бы лучше, если бы ходила. Может, не пила бы столько.

Он задумался, потом неуверенно сказал:

— Возможно. Хотя не знаю, что между этим общего.

— А может, ты хочешь пойти один?

— Ну, нет,— сказал он.— Мне всегда приятно с тобой.

После их ухода Питер Холмс вытащил резиновый шланг, чтобы полить сад, прежде чем начнет припекать солнце. Вскоре из дома вышла Мэри.

— А где Мойра? — Она огляделась по сторонам.

— Пошла в церковь с капитаном.

— Мойра? В церковь?

Он широко улыбнулся.

— Можешь верить или нет, но так оно и есть.

Довольно долго Мэри молчала.

— Надеюсь,— сказала она, наконец,— что от этого не станет хуже.

— А почему должно быть хуже? — спросил Питер.— Он очень порядочный человек, а она вовсе не так испорчена, как кажется. Они могли бы пожениться.

Она покачала головой.

— В этом есть что-то странное. Надеюсь, что от этого не станет хуже.

— Если и станет, это не наше дело,— заметил он.— В последнее время многое выглядит странно.

Она согласилась и, когда он направил струю воды на газон, начала прогуливаться, то и дело останавливаясь. Наконец, она сказала:

— Питер, ты не мог бы убрать эти два дерева?

Он подошел и посмотрел на деревья.

— Нужно бы спросить хозяина. А чем они тебе мешают?

— Нам не хватает места для овощей,— объяснила она,— а в магазинах они такие дорогие. Если бы мы убрали эти два дерева и подровняли ветви акации, можно было бы устроить огород.— Она показала руками.— Мы бы экономили фунт в неделю, сами выращивая все для себя. И потом, это же так приятно!

Он осмотрел деревья вблизи.

— Конечно, я сумел бы их срубить. Получилось бы много дров. Пока это дерево зеленое и слишком свежее, чтобы топить им этой зимой. Пришлось бы сложить поленницу и оставить на будущий год. Единственная трудность — это пни. С ними много возни, ты же знаешь.

— Всего-то два пня. И я могла бы тебе помочь,— предложила Мэри,— подкапывать потихоньку, когда тебя не будет. Если их убрать и перекопать землю перед концом зимы, весной я могла бы что-нибудь посеять, и все лето у нас были бы овощи.— Она подумала и решила: — Горошек и фасоль. И дыни. Я бы сделала из них джем.

— Хорошая мысль,— похвалил он и смерил деревья взглядом сверху донизу.— Они не слишком большие. И для той сосенки будет лучше, если мы их срубим.

— И еще одно...— продолжала Мэри.— Нужно посадить здесь цветущую гевею... вот сюда. Летом это выглядело бы восхитительно.

— Гевее нужно пять лет, чтобы зацвести.

— Ничего. Гевея на фоне голубого моря — это будет настоящее чудо. И мы видели бы ее из окна спальни.

Он представил себе великолепное большое дерево, усеянное пурпурными цветами, на фоне сапфировых сверкающих волн залива.

— Это было бы фантастическое зрелище,— решил он.— Так где бы ты ее посадила? Здесь?

— Чуть дальше, вот здесь,— показала она.— А потом, когда уже разрастется, можно будет убрать этот падуб и поставить в тени скамейку.— Она заколебалась.— Когда тебя не было, я была один раз у Вильсона. У него есть прелестные цветущие гевеи всего по десять шиллингов шесть пенсов штука. Может, купим у него одну и посадим осенью?

— Они довольно нежны,— сказал он.— По-моему, нужно посадить две рядом, чтобы осталась одна, если другая не приживется. А если приживутся обе, одну через пару лет выкопать.

— Дело в том, что потом уже ни одну не выкапывают,— заметила Мэри.

Они радостно продолжали развивать свои планы на ближайшее десятилетие, и утро прошло быстро. Когда Мойра и Дуайт вернулись из церкви, они все еще не кончили и пригласили гостей на консультацию по вопросу огорода. Вскоре после этого, оставив гостей одних, хозяева вошли в дом: Питер, чтобы приготовить напитки, Мэри, чтобы заняться обедом.

Мойра взглянула на американца.

— Кто-то сошел с ума,— шепнула она.— Я или они?

— Почему ты так говоришь?

— Но ведь через шесть месяцев их здесь не будет. Меня не будет, тебя тоже. Им не нужны овощи на будущий год.

Дуайт стоял молча, глядя на голубизну моря, и извилистую линию берега.

— Ну и что? — спросил он наконец.— Никто из нас всерьез не верит, что это когда-нибудь случится... при нас и с нами. В этом смысле все мы по-своему сошли с ума.

Питер принес наполненные стаканы, и это положило конец разговору. А потом был обед. После обеда Мэри с Мойрой отправились на кухню, а оба переносчика вирусов кори вышли по ее просьбе в сад. Когда они уселись в шезлонгах, Питер спросил у своего командира:

— Вы слышали что-нибудь о нашем следующем рейсе, господин капитан?

Американец прищурился.

— Я ничего. А вы?

— Собственно, тоже нет. Однако, я кое-что слышал на той конференции с учеными, поэтому и начал соображать, в чем дело.

— И о чем был разговор?

— Об установке у нас какой-то новой направленной радиостанции. Слышали об этом?

Дуайт покачал головой.

— У нас же полный комплект радиооборудования.

— Это, наверное, для определения места, откуда мы получаем сигналы... Может, даже с перископной глубины. До сих пор на этой глубине мы не могли установить связь, верно?

— С нашим оборудованием — нет. Но с какой целью нам бы это дали?

— Не знаю. Это на конференции не обсуждалось. Один из экспертов говорил об этом сверх программы.

— Значит, они хотят, чтобы мы ловили радиосигналы?

— Честное слово, не знаю, господин капитан. Ничего, кроме того, что возник вопрос, можно ли детектор излучения перенести на носовой перескоп, чтобы на кормовом поставить такую антенну. Джон

Осборн сказал, что, по его мнению, это возможно, но нужно обговорить все с вами.

— Правильно. Его можно перенести на нос. Я думал, нам хотят дать второй такой детектор.

— Не думаю, господин капитан. Им нужно только поставить на корме это новое изобретение.

Американец внимательно разглядывал дым своей сигареты. Потом вдруг буркнул:

— Сиэтл.

— Что, господин капитан?

— Сиэтл. Были радиосигналы оттуда, из района Сиэтла. Не знаете, их еще принимают?

Питер ошеломленно покачал головой.

— Я вообще об этом не слыхал. Вы хотите сказать, что кто-то передает оттуда?

Капитан пожал плечами.

— Возможно. Если да, то этот кто-то не слишком опытен. Иногда у него ладится, проскакивает какое-нибудь четкое слово, но чаще всего это просто мешанина, как будто передает ребенок.

— И это принимают все время?

— Нет,— ответил Дуайт.— Кажется, нет. Прием крайне нестабильный, хотя, насколько мне известно, эфир слушают непрерывно. Во всяком случае, до Рождества эти сигналы принимали. А что было после праздника, не знаю.

— Но ведь это доказывает, что люди там еще живы,— заметил офицер связи.

— Это только возможность. Нельзя работать на передатчике без тока, значит, там должен работать движок, и кто-то должен за ним следить. Мощный движок, ведь эта станция передает по всему миру. Но... не знаю. Логично предположить, что человек, который может справиться с такой аппаратурой, должен знать азбуку Морзе и передавать пусть даже всего два слова в минуту, держа перед собой книгу.

— Думаете, мы туда поплывем?

— Возможно. Среди прочего нас спрашивали и об этом, когда мы возвращались в октябре прошлого года. От нас требовали всю информацию об американских передающих станциях.

— Было что-то существенное?

— Нет,— сказал Дуайт.— Только о станциях Военного Флота Соединенных Штатов, очень мало о станциях ВВС и армии и практически ничего о гражданских станциях. А ведь на западном побережье они буквально кишели.

Позднее, оставив Мэри с ребенком дома, они пошли на пляж, искупались и легли на теплый песок — Мойра между Дуайтом и Питером.

— Дуайт,— спросила девушка,— где сейчас «Меченосец»? Он приплывет сюда?

— Об этом разговора не было,— ответил Дуайт.— Недавно я слышал, что он в Монтевидео.

— Он может появиться здесь в любой день,— заметил Питер.— Такой переход в пределах его возможностей.

Американец подтвердил:

— Точно. В любой день они могут прислать его сюда с почтой или пассажирами: дипломатами или какой-нибудь делегацией.

— А где этот Монтевидео? — заинтересовалась Мойра.— Я должна бы знать, но не знаю.

— В Уругвае, на восточном побережье Южной Америки,—просветил ее Дуайт.

— Раньше ты, кажется, говорил, что «Меченосец» в Рио-де-Жанейро. То есть в Бразилии, верно?

— Говорил. В Рио-де-Жанейро он вернулся из рейда по северной Атлантике. Тогда у него была там база. Но потом он перебрался в Уругвай.

— Из-за излучения?

— Да.

— Но дошло ли оно туда, неизвестно,— добавл Питер.— Наверное, да. Об этом они по радио не говорили. Сейчас оно проходит тропик, правда?

— Точно,— подтвердил Дуайт.— Рокгемптон, например.

— Дошло уже до Рокгемптона? — воскликнула девушка.

— Я не слышал,— сказал Питер.— Сегодня утром в новостях передали, что оно дошло до Солсбери в Южной Родезии. Это, кажется, немного севернее.

— Кажется,— сказал капитан.— И к тому же, в глубине суши, и это тоже может повлиять. Эти города, о которых мы постоянно говорим... все находятся на побережье.

— Разве Алис-Спрингс не лежит почти на тропике?

— Может быть. Я в этом не ориентируюсь. Конечно, это тоже в глубине суши.

Мойра спросила:

— По побережью это распространяется быстрее, чем по земле?

Дуайт покачал головой.

— Не знаю. Думаю, нет никаких доказательств ни за, ни против.

Питер рассмеялся:

— Мы узнаем это, когда он придет сюда. И запишем на стекле.

— Запишем на стекле? — Мойра наморщила лоб.

— Ты об этом не слышала?

— Нет,— удивленно ответила она.

— Мне вчера рассказал Джон Осборн,— сказал Питер.— Кто-

то из Организации Исследований все-таки записывает то, что происходит с нами. Этакая хроника на стеклянных листах. Они гравируют это на одной плитке, закрывают другой и сплавляют их так, что запись получается внутри.

Дуайт приподнялся на локте и с интересом смотрел на него.

— Первый раз слышу о таком. А что потом?

— Они поместят их на гору Косцюшко. Это самая высокая вершина Австралии. Если когда-нибудь люди снова заселят Землю, кто-нибудь наверняка туда поднимется... Это не такая уж высокая гора, чтобы туда нельзя было залезть.

— Вот это фантазия! Но это правда?

— Джон говорит, что да. Они строят там что-то вроде бетонного бункера. Наподобие пирамиды.

Девушка оправилась от удивления.

— Длинная эта запись?

— Не знаю. Но вряд ли. Кстати, страницы книг тоже так предохраняют: запаивают между листами толстого стекла.

— Вот только люди, которые придут после нас,— заметила Мойра,— не будут читать по-нашему. Эти люди... может, даже не люди, а звери...

— Джон говорил, что об этом подумали и готовят все очень старательно. Рисунок кота, потом слово «кот» и так далее. Букварь.— Питер помолчал.— По крайней мере, им есть, чем заняться,— сказал он наконец.— Это удерживает наших мудрецов от глупостей.

— Но ведь кот на рисунке немногое скажет этим будущим людям,— сказала Мойра.— Никаких котов не будет. Они не поймут, что это кот.

— Рисунок рыбы был бы лучше,— выразил свое мнение Дуайт.— Рыба или, кажем, рисунок чайки.

— Это уже слишком длинные слова для начала букваря.

Мойра с интересом повернулась к Питеру.

— Какие книги они хотят так консервировать? Все о производстве кобальтовых бомб?

— Упаси бог! — Мужчины рассмеялись.— Я не знаю, какие. Думаю, стоило бы начать с Британской Энциклопедии, но ведь это такой объем! Нет, не знаю. Может, знает Джон Осборн... или мог бы узнать.

— Я спрашиваю из чистого любопытства,— пояснила девушка.— Для нас это не имеет значения.— Она с деланным испугом взглянула на Питера.— Только не говори, что они хотят увековечить какую-нибудь газету. Я этого не вынесу.

— Ну нет, газет в стекле не будет,— утешил он ее.— Они еще не настолько сошли с ума.

Дуайт сел на песке.

— И столько этой прекрасной теплой воды должно пропасть,— сказал он.— Думаю, нужно ее использовать.

Мойра тут же вскочила и захлопала в ладоши.

— Верно! Времени все меньше.

Питер зевнул.

— Что ж, пользуйтесь водой, а я воспользуюсь солнцем.

Они оставили его лежать на пляже и вдвоем заплыли довольно далеко. Мойра одобрительно заметила:

— Ты быстро плаваешь, Дуайт.

Он остановился, брызгая водой вокруг.

— Я много плавал, когда бы помоложе. Однажды даже участвовал в состязаниях нашей Академии и Вест-Пойнта.

Она кивнула.

— Я предполагала нечто подобное. А теперь ты часто плаваешь?

— Нет,— сказал он.— На соревнованиях уже нет. Это бросают довольно быстро, если нет времени на постоянные тренировки.— Он рассмеялся.— Мне теперь кажется, что вода стала холоднее, чем раньше. Но, конечно, не здесь, а в Мистик.

— Ты родился в Мистик? — спросила она.

— Нет. Я родился в заливе Лонг-Айленд, но не в Мистик, а в городке, который называется Уэстпорт. Мой отец был там врачом. В первую мировую войну он был корабельным врачом, а потом начал практиковать в Уэстпорте.

— Это у моря?

Он кивнул.

— Плавание, парусный спорт, рыбалка. Так там было в мои детские годы.

— Сколько тебе лет, Дуайт?

— Тридцать три. А тебе?

— Какой нетактичный вопрос! Мне двадцать четыре.— Она заколебалась.— А Шарон тоже из Уэстпорта?

— Отчасти,— ответил он.— Ее отец — адвокат в Нью-Йорке, живет на Восемьдесят Четвертой Западной улице, недалеко от парка. Но у него вилла в Уэстпорте, и он всегда приезжал туда на каникулы.

— И там вы познакомились?

— Да. «Когда с девушкой встретится парень...» — процитировал он слова песни.

— Наверное, вы рано поженились?

— Как только я получил диплом. Мне было двадцать два года, и я был мичманом на «Франклине». Шарон было девятнадцать, и она уже так и не получила высшего образования. Мы приняли решение за год до свадьбы. Наши родители знали, что мы не отступим от своего, но все же решили нас немного придержать.— Дуайт помолчал и продолжал: — Мы могли бы долго ждать, пока

не достанем денег, но они, наконец, решили, что от ожидания не станет лучше ни мне, ни ей, и позволили нам пожениться.

— Они помогали вам?

— Конечно. Правда, помощь была нам нужна только в первые годы, а потом умерла одна из теток, я получил новое назначение, и мы твердо встали на ноги.

Они доплыли до конца мола, вышли из воды и сели под теплыми солнечными лучами. Потом, уже по молу, вернулись к Питеру, посидели с ним, покурили, и пошли переодеваться, а через несколько минут вновь вышли на пляж, оба с туфлями в руках, стряхивая с босых ног налипший песок.

Дуайт сел и начал одевать носки.

Девушка воскликнула:

— Как можно ходить в таких носках?!

Командир «Скорпиона» быстро осмотрел их.

— Дыра только на большом пальце,— сказал он.— Ее же не видно.

— Не только на большом пальце,— Мойра наклонилась и подняла его ногу.— Есть еще одна. Вся пятка снизу в дырках!

— Их тоже не видно,— беззаботно ответил он.— Туфли закрывают.

— Никто их тебе не штопает?

— В последнее время уволили большинство команды «Сиднея»,— объяснил он.— Мой Пятница еще стелит мне постель, но у него сейчас слишком много работы, чтобы заниматься еще и штопкой. Впрочем, на корабле с этим всегда было плохо. Иногда я штопаю сам, но чаще всего просто выбрасываю дырявые носки и беру другую пару.

— И пуговицы у тебя на рубашке нет.

— Это тоже не видно.— Он вновь улыбнулся.— Как раз под ремнем.

— Да ты просто позор флота! — сказала она.— Я знаю, что сказал бы адмирал, увидев, как ты ходишь. Он сказал бы, что «Скорпиону» нужен новый командир.

— Он не увидел бы,— заверил капитан Тауэрс.— Разве что заставил бы меня снять брюки.

— Ты просто переливаешь из пустого в порожнее,— отрезала Мойра.— Сколько пар носков ты довел о такого состояния?

— Даже не знаю. Я уже давно не залезал в тот ящик.

— Если ты дашь мне свои носки, я заберу их домой и все заштопаю.

Он взглянул на нее.

— Очень мило, что ты хочешь мне помочь. Но не нужно. Пора уже купить новые. Эта партия давно уже никуда не годится.

— Ты можешь достать носки? — спросила она.— Папа не мо-

жет. Он говорит, что их вообще нет в продаже, так же как многих других вещей. Например, носовых платков.

Питер подтвердил:

— Это правда. Последний раз, когда я пробовал купить носки, нигде не было моего размера. Те, что я купил, на два размера больше.

Мойра повернулась к Дуайту:

— Ты давно покупал носки?

— Нет... Последнюю партию я купил несколько месяцев назад.

Питер зевнул.

— Лучше отдайте их Мойре, господин капитан. Купить носки сейчас очень трудно.

— Ну, раз дела обстоят таким образом,— сказал Дуайт,— я буду от всего сердца благодарен.— Он обратился к девушке: — Но ты вовсе не должна этого делать. Я и сам могу их починить.— Он улыбнулся.— Я умею вполне прилично штопать.

Она фыркнула:

— Наверное, так же, как я — управлять твоей подводной лодкой. Вот тебе мой совет: заверни в бумагу все, что нуждается в починке, завяжи шнурком и отдай мне. Вместе с этой рубахой. У тебя есть от нее пуговица?

— Я ее потерял.

— Какая беспечность! Когда отрывается пуговица, ее нужно спрятать.

— Если ты будешь меня отчитывать,— пригрозил он,— я действительно отдам тебе все, что требует ремонта. Я завалю тебя своими вещами.

— Наконец мы до чего-то дошли! — обрадованно воскликнула она.— Я уж думала, ты меня обманываешь. Можешь сложить все в чемодан или в два и привезти.

— Их много,— сказал он.

— Не сомневаюсь. Если будет слишком много, подброшу часть моей маме, а она, вероятно, раздаст эту работу по всему округу. Адмирал живет довольно близко и, может, леди Хартман достанутся для ремонта твои кальсоны.

Он с деланной тревогой посмотрел на нее.

— Ну, тогда уж точно на «Скорпион» назначат нового капитана.

Она сурово заметила:

— Опять наш разговор переходит на разные глупости. Привези мне все, что нужно заштопать, а я постараюсь, чтобы ты был одет, как пристало офицеру военного флота.

— Хорошо,— сдался он.— Куда их доставить?

Она задумалась.

— Ты сейчас в отпуске, правда?

— С перерывами,— ответил он.— Мы даем отпуск на десять

дней, но себя я не могу отпустить на столько. Капитан должен оставаться на месте, или ему кажется, что должен оставаться.

— Пожалуй, корабль только выиграет, если тебе не будет так казаться,— засмеялась Мойра.— Лучше всего, привези вещи ко мне домой и останься у нас на пару дней. Ты умеешь править волами?

— Никогда не правил,— признался он.— Но мог бы попробовать.

Она неуверенно взглянула на него.

— Думаю, ты сумеешь. Раз уж ты командуешь подводной лодкой, то и с волами справишься. У папы есть и лошадь, которую зовут Князь, но вряд ли он даст ее тебе. Значит, все-таки будет вол.

— Мне все равно,— покорно сказал он.— Что прикажешь делать с этим волом?

— Разбрасывать навоз,— сказала она.— Коровьи лепешки. Вол в упряжке тянет борону по траве, а ты идешь рядом и держишь его за узду. В другой руке ты держишь палку, чтобы лупить его время от времени. Это очень успокаивающее занятие. Прекрасно действует на нервы.

— Наверняка,— согласился он.— Но зачем? С какой целью вы это делаете?

— Пастбище тогда лучше,— начала она объяснять.— Если навоз, который там есть, остается на месте, трава, которая оттуда растет, сохнет целыми пучками, и скот ее не ест. А на следующий год такое пастбище будет вполовину хуже, чем после боронования. Папа придает большое значение боронованию каждого луга, после того, как с него уйдет скотина. Раньше мы делали это трактором, а теперь — на волах.

— Значит, все это для того, чтобы твой отец имел в будущем году лучшие пастбища?

— Именно,— решительно ответила она.— И можешь не говорить того, что хотел. Хороший хозяин боронит выгоны, а папа — хороший хозяин.

— Ничего я не хотел сказать. Сколько у вас акров?

— Около пятисот. Мы сейчас разводим ангусов... это такие шотландские волы... и овец.

— Вы стрижете овец?

— Конечно.

— Когда? — спросил он.— Я никогда не видел стрижки овец.

— Обычно в октябре,— ответила она.— Папа слегка беспокоится, что если в этом году ждать до октября, можно вообще ничего не сделать. Он говорил, что нужно устроить стрижку в сентябре.

— Разумно,— серьезно заметил он и наклонился, надевая туфли.— Я уже давно не был на ферме. Хотелось бы приехать на пару

дней, если ты сможешь выдержать со мной столько времени. Надеюсь, в чем-нибудь сумею помочь.

— Об этом пусть у тебя голова не болит,— заверила она.—Папа присмотрит, чтобы помог. Еще один мужчина на ферме — это для него дар божий.

Дуайт улыбнулся.

— И ты действительно хочешь, чтобы я привез все эти вещи?

— Я никогда не прощу, если ты явишься с двумя парами носков и скажешь, что у твоих пижам все на месте. Впрочем, леди Хартман уже рвется штопать твои панталоны. Она еще об этом не знает, но уже рвется.

— Верю тебе на слово.

Вечером она отвезла его на станцию, а когда он вышел, сказала:

— Так в пятницу после обеда я жду на станции Бервик. Если сможешь, позвони мне и скажи точное время твоего поезда. Если нет, я приеду туда около четырех.

Он наклонился.

— Позвоню. Ты всерьез говорила об той штопке?

— Никогда не прощу тебе, если не привезешь.

— Хорошо.— Он поколебался и добавил: — Скоро стемнеет, так что будь осторожна.

Она улыбнулась в ответ.

— Ничего со мной не случится. Значит, до пятницы. Спокойной ночи, Дуайт.

— Спокойной ночи,— сказал он слегка охрипшим голосом.

Она уехала, а он стоял и смотрел, пока коляска не скрылась за углом.

Было уже десять часов, когда в полной темноте Мойра добралась до фермы. Отец услышал ржание кобылы и вышел в темноту, чтобы ее выпрячь и поставить коляску в сарай. Мойра сказала:

— Я пригласила Дуайта Тауэрса. Он придет в пятницу.

— Сюда? — удивленно спросил отец.

— Да. Они получили отпуск перед следующим рейсом. Ты не возражаешь, правда?

— Конечно, нет. Только боюсь, у нас ему будет скучно. Что ты с ним будешь делать целыми днями?

— Он уже знает, что может разбрасывать навоз по выгонам. Это очень деятельный человек.

— Мне бы пригодилась помощь при закваске силоса,— сказал отец.

— Думаю, он и это сумеет. Раз уж он командует атомной подводной лодкой, ему не помешает научиться заквашивать.

Они вошли в дом. Позднее отец сказал матери, что у них будет гость. Она восприняла это так, как и должна была воспринять мать девушки на выданье.

— Думаешь, в этом что-то есть?

— Не знаю,— ответил он.— Наверное, попался кто-то в ее вкусе.

— Она не приглашала сюда никого со времен того молодого Фореста, еще перед войной.

— Помню. Этот молодой Форест мне вовсе не нравился. Хорошо, что из этого ничего не вышло.

— Дело тут было в его машине...— заметила мать.— Сам он, в сущности, никогда ее не интересовал.

— А у этого есть подводная лодка,— поддержал отец.— Вероятно, здесь то же самое.

— Вот только на лодке он не сможет возить ее по шоссе со скоростью девяносто миль в час,— пошла на попятный мать.—Конечно,— сказала она после паузы,— он наверняка уже вдовец.

— Все говорят, что он порядочный человек.

Мать сказала:

— Будем надеяться, что из этого что-нибудь выйдет. Мне так хочется увидеть ее счастливой женой и матерью.

— Ей придется поспешить, чтобы ты смогла это увидеть.

— О! Я все время забываю. Но ты ведь понимаешь...

Дуайт приехал в пятницу после обеда; Мойра ждала его со своей упряжкой. Он вышел из поезда и огляделся вокруг, вдыхая теплый сельский воздух.

— Честное слово,— сказал он,— ты живешь в хорошем месте. В какой стороне ваша ферма?

Она указала на север.

— Отсюда мили три.

— На тех холмах?

— Не совсем,— ответила она.— Немного нужно ехать в гору.

Он привез с собой чемодан, который сунул теперь под сиденье к коляске.

— Это все? — спросила она.

— Все. Штопки целая куча.

— Выглядит довольно скромно. Могу поспорить, что у тебя этого гораздо больше.

— Нет, я привез все, что было. Честно.

— Надеюсь, ты не лжешь.

Они уселись на козлы и двинулись к Бервику. Почти сразу же Дуайт воскликнул:

— Буки! Сколько же здесь буков!

Она с интересом взглянула на него.

— Они тут везде растут. Сегодня жарко, но на холмах будет прохладней.

Гость был восхищен дорогой, которой они ехали.

— Это — дуб, однако мощно разросшийся. Не помню, видел ли я когда-нибудь такого великана. А там клены! — Он повернулся к Мойре.— Это очень похоже на аллею в маленьком американскрм городке.

— Правда? — спросила она.— Именно так было в Штатах?

— Ну да. Все эти деревья — выходцы из северного полушария. До сих пор я видел здесь только гевеи и австралийские акации.

— А среди этих деревьев тебе лучше?

— Конечно! Я так рад снова видеть американские деревья.

— Их много растет у нас на ферме,— сказала девушка.

Они проехали поселок, пересекли пустую автостраду и оказались на шоссе, ведущем в Гарквей. Вскоре после этого дорога пошла вверх; кобыла сбавила темп и шла теперь с трудом. Мойра сказала:

— Дальше придется идти пешком.

Они слезли с коляски и пошли, ведя кобылу в поводу. После духоты доков и жары, царящей в стальных кораблях, лесной воздух приятно освежил капитана Тауэрса. Он снял пиджак и положил его на козлы, потом расстегнул воротник рубашки. Они шли по склону холма; панорама позади становилась все шире, и наконец показалось море — лежащий в десяти милях залив Порт-Филлип. Так прошло полчаса; время от времени они немного проезжали, когда дорога была не такой крутой, но чаще — шли рядом с коляской. Наконец добрались до живописного района ферм на волнистых полях и зеленых пастбищ, пересеченных рощами и группами деревьев.

— Это большое счастье,— сказал Дуайт,— иметь дом в таком месте.

Она взглянула на него.

— Мы любим эти места. Но жить здесь страшно скучно.

Он остановился, глядя на безмятежный сельский пейзаж вокруг, необъятные, ничем не ограниченные солнечные долины и холмы, далекое море.

— Не знаю, видел ли я более красивые места,— сказал он.

— Здесь красиво? — удивилась она.— Так же красиво, как в Соединенных Штатах и Англии?

— Наверняка,— ответил он.— Англию я знаю плохо, но слышал, что некоторые ее части — просто сказочная страна. А в Штатах есть много приятных уголков, хотя, может, и не таких приятных, как здесь. Но здесь у вас красиво по всем мировым стандартам.

— Я рада, что ты так говоришь,— сказала она.— То есть, мне здесь, конечно, нравится, но я же не видела ничего другого. Люди здесь думают, что в Англии и Америке все должно быть гораздо лучше. Что здесь хорошо для Австралии, но не для Англии.

Он покачал головой.

— Ну что ты! Здесь просто прекрасно.

Они дошли до равнины, снова сели в коляску и вскоре въехали в ворота поместья. Короткая аллея, обсаженная соснами, вела к довольно большому деревянному одноэтажному дому белого цвета, стоящему на фоне белых же хозяйственных построек. Вдоль фасада и одной стороны тянулась широкая, частично застекленная веранда. Кобыла почти галопом проскочила мимо дома и направилась во двор.

— Прости, что введу тебя кухонными дверями,— сказала девушка,— но ее не остановить, когда конюшня так близко.

Прибежал единственный оставшийся на ферме работник по имени Лоу, чтобы помочь Мойре выпрячь кобылу, а из дома к ним вышел сам фермер. Мойра представила Дуайта, после чего, оставив Лоу одного, они втроем пошли к матери. Позднее, перед ужином, они сели на веранде и выпили по рюмке в теплых предвечерних лучах солнца. Вид с веранды открывался совершенно буколический: волнистые луга и рощи спускались к светлой далекой равнине. И снова Дуайт восхитился красотой этих мест.

— Да, здесь очень мило,— признала миссис Дэвидсон.— Но с Англией не сравнишь. Вот где настоящая красота!

Американец спросил:

— Вы родились в Англии?

— Я? Нет. Я коренная австралийка. Мой дед приехал в Сидней очень давно, однако он не был осужденным. Он получил землю в Риверайне, часть нашей семьи до сих пор живет там.— Она помолчала.— В Англии я была всего раз, мы ездили туда и на континент в тысяча девятьсот сорок восьмом, после второй мировой. Англия очаровала нас. Но сейчас там, наверное, многое изменилось.

Вскоре она ушла с Мойрой, чтобы заварить чай, а Дуайт остался один с хозяином. Мистер Дэвидсон спросил:

— Еще виски?

— Спасибо, с удовольствием.

В мягком тепле угасающего дня они сидели молча и пили. Потом скотовод сказал:

— Мойра рассказала мне о вашем походе.

Капитан кивнул.

— Мы узнали очень мало.

— Она говорила.

— Очень мало можно увидеть через перископ с моря,— объяснил Дуайт.— Мы не видели разрушений от бомб или чего-нибудь в этом роде. Все выглядит так, как выглядело всегда. Вот только людей там уже нет.

— Там высокая радиоактивность, правда?

Дуайт подтвердил.

— Чем дальше на север, тем хуже. В Кэрнсе, когда мы там были, человек мог бы прожить пару дней, а в Порт-Дарвине даже дня не прожил бы.

— Когда вы были в Кэрнсе?

— Недели две назад.

— Полагаю, сейчас там радиация еще больше.

— Вероятно. Я бы сказал, что она постоянно растет. В конце концов она выравняется и будет одинаковой во всем мире.

— Говорят, что до нас это дойдет в сентябре.

— Пожалуй. Оно распространяется очень равномерно и во все места, лежащие на одной географической широте, доходит примерно в одно время.

— По радио говорили, что оно уже в Рокгемптоне.

— Да,— сказал капитан.— Я тоже слышал. И в Алис-Спрингс. Распространяется очень равномерно, градус за градусом.

Хозяин покивал головой и мрачно улыбнулся.

— Посыпание главы пеплом ничего не даст. Еще виски?

— Я, пожалуй, воздержусь. Спасибо.

Мистер Дэвидсон налил себе немного и сказал:

— Во всяком случае, до нас оно дойдет в самом конце.

— Похоже,— согласился Дуайт.— При таком темпе, как сейчас, Кейптаун погибнет немного раньше, чем Сидней, и почти одновременно с Монтевидео. К тому времени ничего не останется в Африке и Южной Америке. Мельбурн из всех больших городов мира наиболее выдвинут на юг, значит, мы будем почти последними.— Он посидел, подумал.— Новая Зеландия, большая ее часть, может протянуть немного дольше, ну и, конечно, Тасмания. Пожалуй, на две-три недели. Не знаю, есть ли сейчас люди в Антарктиде, если есть, то они могут еще довольно долго прожить.

— Но Мельбурн — последний крупный город?

— Пожалуй.

Воцарилось молчание.

— Что вы сделаете? — спросил хозяин фермы.— Заберете отсюда свой корабль?

— Я еще не решил,— медленно ответил капитан.— Впрочем, может, и не я буду принимать решение. Есть офицер старше меня по званию... капитан Шоу в Брисбене. Не думаю, чтобы он оттуда ушел: его корабль не может плавать. Может, он пришлет мне приказ, не знаю.

— А вы бы уплыли, если бы это зависело от вас?

— Я еще не решил,— повторил капитан.— Не думаю, что много выиграю на этом. Почти у сорока процентов моих людей есть девушки в Мельбурне... некоторые женились. Скажем, я поплыву в Хобарт. Этих девушек я забрать не смогу, а другим путем они туда не попадут... а если и попадут, им негде будет жить. Думаю,

жестоко разлучать моряков с их женщинами на эти последние дни, если того не будет требовать наш долг.— Улыбка скользнула по его лицу.— Во всяком случае, они бы этого не захотели. Большинство из них, вероятно, просто дезертируют.

— Мне тоже кажется, что на первое место они поставят женщин.

— И это понятно. Так что нет смысла отдавать приказы, если знаешь, что их не выполнят.

— Ваш корабль не сможет выйти в море без них.

— Сможет... но недалеко. Хобарт лежит близко... шесть или семь часов. Хватило бы двенадцати человек, даже меньше. Хотя, при такой маленькой команде нельзя будет погружаться. Но если мы даже доберемся туда или до Новой Зеландии... скажем, до Крайстчерча... неполным составом, мы не смогли бы ничего сделать.— Он помолчал.— Мы были бы просто беженцами.

Они снова помолчали.

— Одно меня удивляет,— сказал, наконец, фермер.— То, что беженцев так мало. Очень немногие приехали из других городов — Кэрнса, Таунсвилла и прочих.

— Вот как? — спросил капитан.— Однако, в Мельбурне давка. Очень трудно сейчас найти там комнату.

— Я знал, что туда едут, но не думал, что так много.

— Пожалуй, это влияние радио,— сказал Дуайт.— Лекции, которые читает премьер, действуют успокаивающе. Австралийское радио работает отлично, никто не скрывает от людей фактического положения дел. В конце концов, мало радости покинуть дом и приехать сюда, чтобы жить в палатке или машине, пока не случится то, что должно случиться, разве что на месяц или два позднее.

— Пожалуй,— согласился мистер Дэвидсон.— Я слышал, что многие, проведя здесь пару недель, возвращаются в Квинсленд. Но сомневаюсь, что только потому, что не хотят жить в палатках. Никто всерьез не верит, что это случится именно с ним, пока сам не начинает болеть. А тогда... что ж, лучше встретить это дома. От этой болезни человек уже не выздоравливает, верно?

— Не совсем. Можно выздороветь где-нибудь за пределами зараженной территории, после лечения в больнице. Множество больных с севера лежат сейчас в больницах Мельбурна.

— Этого я не знал.

— Ничего удивительного, радио об этом не говорит. Я лично не совсем понимаю, зачем их лечат. Чтобы они снова заболели в сентябре?

— Хорошенькая перспектива,— сказал мистер Дэвидсон.—Может, все-таки налить вам виски?

— Спасибо. Пожалуй, я выпью.— Дуайт встал и налил себе сам.— Знаете,— сказал он,— в последнее время я уже освоился

с этой мыслью и пришел к выводу, что даже предпочитаю такую смерть. Все мы когда-нибудь должны умереть, одни раньше, другие позже. Проблема заключалась в том, что человек не был готов, ибо не знал, когда это произойдет. Но теперь-то мы знаем, и никто ничего не может сделать. В некотором смысле это мне даже нравится. Мне нравится, что я буду здоров и в хорошей форме до конца сентября, а потом сразу... вернусь домой. Лучше так, чем медленно умирать от семидесяти до девяноста лет.

— Вы настоящий флотский офицер,— заметил фермер.— Разумеется, вы больше, чем я, привыкли смотреть смерти в глаза.

— Вы отсюда уедете? — спросил капитан.— До того, как это дойдет сюда? Скажем, в Тасманию?

— Я? Оставить свою ферму? — обиделся скотовод.— Нет, я не уеду. Когда это дойдет до нас, я умру, сидя на веранде в этом кресле, со стаканом виски в руке. Или в собственной постели. Я никогда не покину этот дом.

— Видимо, так думают большинство людей, уже свыкшихся с этой мыслью.

Они долго сидели на веранде, потом пришла Мойра и объявила, что ужин на столе.

— Выпей,— предложила она Дуайту,— и иди в дом, если еще можешь идти сам.

Отец удивился.

— Как ты говоришь с гостем?!

— Ты, папочка, не знаешь этого гостя так хорошо, как я. Говорю тебе, с ним просто нельзя спокойно пройти мимо бара: в каждый он непременно должен зайти.

— А мне кажется, что это у капитана были трудности с тобой.

Два следующих дня были для Дуайта Тауэрса приятным отдыхом. Он вручил женщинам большой узел своего подпорченного гардероба, который немедленно исчез у него с глаз и был подвергнут внимательному осмотру и ремонту. С утра до вечера мистер Дэвидсон заполнял его время различными работами по хозяйству. Он посвятил его в таинства удержания овец при стрижке, научил закидывать навоз лопатой в телегу, а потом — разбрасывать его по выгонам. Часами капитан субмарины пересекал, следуя за волами, залитые солнцем пастбища. После долгих дней, проведенных в тесноте «Скорпиона» и авианосца, это действовало на него превосходно; спать он ложился рано, спал крепко и на рассвете вставал свежим и отдохнувшим.

В последнее его утро на ферме Мойра застала Дуайта после завтрака в дверях небольшой комнатки, служившей в последнее время складом гладильных досок, резиновых сапог и рухляди разного рода. Он стоял в дверях, куря сигарету и разглядывая эту свалку. Мойра объяснила:

— Сюда мы складываем все, что не нужно. Каждый год собираемся послать это на благотворительный аукцион, но никак не соберемся.

Он улыбнулся.

— У нас тоже есть такой складик, хотя в нем не наберется столько всего. Может, потому, что мы еще недолго живем в нашем доме.— Он с интересом разглядывал кучу старья.— Скажи, а кто ездил на этом трехколесном велосипеде?

— Я,— ответила она.

— Ты была тогда совсем крошкой.

Она взглянула на велосипед.

— Действительно, какой маленький! Мне было тогда пять или шесть лет.

— Есть и жабья трость.— Он переступил порог и вытащил палку с подставкой и пружиной, позволявшей стоящему на ней ребенку двигаться прыжками; пружина уже сильно заржавела и скрипнула.— Когда-то дома из-за них все летело вверх дном.

— Они на время вышли из моды,— сказала она,— а теперь снова вернулись. У многих ребятишек есть сейчас такие же.

— В каком возрасте ты с ней играла?

Она попыталась вспомнить.

— После трехколесного велосипеда и самоката, но перед двухколесным. Думаю, лет в семь.

Он задумался, держа игрушку.

— Возраст самый подходящий. Сейчас ее можно купить в магазинах?

— Наверное, можно. Ребятня на них скачет.

Он положил палку.

— Очень давно я видел такую в Соединенных Штатах. Так ты говоришь, мода на них вернулась...— Он посмотрел по сторонам.—А ходули чьи?

— Сначала были моего брата, потом мои. Одну я сломала.

— Он был старше тебя... твой брат?

Она кивнула.

— На два года. Даже два с половиной.

— Сейчас он в Австралии?

— Нет. В Англии.

— Ага,— сказал он, да и что еще он мог сказать.— Высокие эти ходули,— заметил он, помолчав.— Я бы сказал, что тогда ты уже подросла.

Она подтвердила.

— Наверное, мне было тогда лет десять или одиннадцать.

— Лыжи...— Он смерил их взглядом.— Для совсем уже взрослой девушки.

— На лыжах я начала ходить только в пятнадцать лет, зато

пользовалась ими почти до самой войны. А та пара — Дональда.

Он увидел еще кое-что.

— Ого, и водные лыжи.

— Мы до сих пор их используем... то есть использовали до войны.— Она помолчала.— Мы всегда ездили на каникулы в Бервон-Хидс. Мама каждый год снимала одну и ту же виллу...— Она задумалась, вспоминая солнечный домик и поля для гольфа, теплый песок и холодный ветер, когда она мчалась за моторкой в облаке водяной пыли.— Там есть деревянная лопатка, которой я когда-то строила на пляже замки из песка. Я была такая маленькая...

Он улыбнулся ей.

— Немного забавно разглядывать чужие игрушки и представлять их владельца в детстве. Я почти вижу, как ты скачешь на жабьей трости.

— И как злюсь каждые две минуты,— добавила она, задумчиво глядя в открытую дверь.— Я никогда не позволяла маме раздавать мои игрушки,— сказала она тихо.— Хотела сохранить их для своих детей. А теперь оказывается, что никаких детей не будет.

— Это ужасно,— сказал он,— но сделать ничего нельзя.— Он потянул за ручку, замыкая эту сокровищницу стольких сентиментальных надежд.— Думаю, после полудня мне следует вернуться на корабль... Проверить, не утонул ли он, чего доброго. Не знаешь, во сколько поезд?

— Нет, но мы можем позвонить на станцию и спросить. А ты не можешь остаться еще на день?

— Я бы хотел, детка, но должен ехать. У меня на столе лежит куча бумаг, и с ними нужно разбираться.

— Я узнаю о поезде. Чем ты займешься до отъезда?

— Я обещал твоему отцу закончить бороновать склон.

— За час я управлюсь с работой по дому, а потом приду и помогу тебе.

— Мне будет очень приятно. Ваш вол — хороший работник, но очень уж неразговорчив.

После обеда он получил свою одежду, поблагодарил за гостеприимство и заботу, упаковал вещи, и Мойра отвезла его на станцию. В Национальной Галерее была открыта выставка австралийской живописи на религиозные темы, и они решили посетить ее вместе; он обещал, что позвонит, и вскоре уже ехал в Мельбурн.

На авианосец он вернулся часам к пяти. Как и предполагал капитан Тауэрс, на столе лежала груда бумаг, однако неожиданным был лишь запечатанный конверт со штемпелем «Совершенно секретно». Он вскрыл его и обнаружил приказ на операцию; к плану была подколота записка — личная просьба адмирала позвонить, чтобы уточнить время совещания по этому вопросу.

Капитан прочитал приказ: все было, как он и ожидал. Опера-

ция не превышала возможностей его корабля, при условии, что у западного побережья Соединенных Штатов нет мин, а он считал это довольно вероятным.

Вечером он позвонил Питеру Холмсу в Фалмут.

— Ну вот, приказ уже есть. А еще есть просьба адмирала прибыть к нему. Вы могли бы приехать завтра и посмотреть план? И хорошо бы вам сходить со мной в Министерство.

— Завтра утром я буду на борту,— ответил офицер связи.

— Отлично. Простите, что прерываю ваш отпуск, но мы должны действовать быстро.

— Слушаюсь, господин капитан. Мне осталось только срубить дерево в саду.

Назавтра в половине девятого Питер Холмс уже сидел в небольшом кабинете капитана Тауэрса на авианосце и читал приказ.

— Примерно этого вы и ждали, господин капитан, правда?

— Примерно,— согласился капитан и повернулся к картам, разложенным на боковом столике.— Здесь все материалы, которые мы имеем о минных полях. Речь идет о той таинственной радиостанции. Ее положение определено — примерно в районе Сиэтла. Туда мы сможем попасть.— Он взял со столика одну из карт.— Главный план минных полей Хуан де Фука и Паджет-Саунд,— объяснил он.— Мы должны безопасно добраться до самых доков военного флота в Бремертоне. До Пирл-Харбора мы тоже могли бы доплыть, но этого от нас не требуется. Наша цель — Панамский залив, Сан-Диего и Сан-Франциско... а никаких планов минирования тех районов у нас нет.

Питер покачал головой.

— Нужно будет сказать это адмиралу. Впрочем, он и сам знает. Насколько я его знаю, с ним можно дискутировать.

— И Датч-Харбор,— добавил капитан.— Данных тоже нет.

— Там может быть обледенение.

— Верно. И туман, много тумана. В это время года там опасно плавать без вахт на палубе. Нужно быть очень осторожным.

— Интересно, почему нас посылают именно туда?

— Понятия не имею. Может, он нам скажет.

Некоторое время они молча разглядывали карты.

— Как бы вы поплыли, господин капитан? — спросил наконец офицер связи.

— Вдоль тридцатого градуса южной широты к северу от Новой Зеландии и к югу от Питкерна мы плыли бы до сто двадцатого градуса на поверхности. Потом вдоль сто двадцатого под водой. И так до самой Калифорнии, до района Санта-Барбара. Обратно, из Датч-Харбора, точно так же. Прямо на юг вдоль сто шестьдесят

пятого градуса мимо Гаваев. Думаю, можно бы заглянуть в Пирл-Харбор, когда мы там будем. И дальше под водой, пока не всплыли бы вблизи островов Товарищества или где-нибудь еще южнее.

— Это сколько времени под водой?

Капитан повернулся и взял со стола листок бумаги.

— Вчера вечером я пробовал подсчитать. Полагаю, мы проплывем под водой около... двенадцати тысяч миль. Это будет, скажем, шестьсот часов рейса.. дней двадцать пять. Плюс пару дней на исследование обстановки, нигде особенно не задерживаясь. Итого, дней двадцать семь.

— Много времени в замкнутом помещении.

— «Меченосец» был под водой еще дольше. Тридцать два дня. Главное — не нервничать и принимать это спокойно.

Офицер связи взглянул на карту Тихого океана и указал пальцем на рифы и острова к югу от Гаваев.

— Не скажу, чтобы можно было спокойно плыть под водой среди этих ловушек,— сказал он.— А это нас ждет под конец.

— Я знаю.— Капитан нахмурил брови, глядя на карту.— Может, мы возьмем курс немного западнее и подойдем к Фиджи с севера.— Он помолчал.— Меня больше беспокоит Датч-Харбор, чем дорога назад.

Еще полчаса они изучали карты и план операции. Наконец австралиец сказал:

— Да, рейс будет нелегкий.— Он улыбнулся.— Будет что рассказывать внукам.

Капитан быстро взглянул на него и тоже улыбнулся.

— Вот именно.

Офицер связи подождал в кабинете, пока капитан звонил секретарю адмирала в Министерство Военного Флота. Встречу назначили на завтра, на десять часов утра. Питеру Холмсу незачем было оставаться на авианосце; он договорился с капитаном встретиться около десяти в Министерстве и ближайшим поездом вернулся в Фалмут.

До дома он ехал на велосипеде и прибыл туда мокрый, как мышь. Пока Мэри готовила обед, он с удовольствием снял мундир и принял душ.

Жену очень волновали проделки Дженнифер, которая ползала все лучше.

— Представляешь, я оставила ее в холле, на коврике перед камином и пошла на кухню почистить картошку. Вдруг смотрю, а она уже в прихожей у кухонной двери. Вот дьяволенок! Небывалый темп развития.

Они сели обедать.

— Нужно поискать для нее манеж,— сказал Питер.— Знаешь, такой деревянный, складной.

— Я думала об этом. И чтобы с одной стороны на прутьях были костяшки, как на счетах.

— Пожалуй, его еще можно достать,— задумчиво произнес Питер.— Ты не знаешь, может, у кого-нибудь есть ненужный?

— Не знаю, Питер. Кажется, у всех наших знакомых растет ребенок за ребенком.

— Попробую поискать в магазинах,— пообещал он.

Только после обеда Мэри успокоилась и спросила:

— Да, Питер, а зачем тебя вызывал капитан Тауэрс?

— Он получил приказ с планом операции,— сказал Питер.— Наверняка, секретный, поэтому не будем говорить об этом. Нас ждет довольно долгий поход по Тихому океану... Панама, Сан-Диего, Сан-Франциско, Сиэтл, Датч-Харбор, а на обратном пути, вероятно, Гаваи. Пока все это выглядит довольно туманно.

Они порылись в своих довольно небольших знаниях географии.

— Дальняя дорога, правда?

— Очень дальняя,— подтвердил он.— Сомневаюсь, что мы туда поплывем. Дуайт против Панамского залива, потому что нет планов его минных полей, а кроме того, если отпадет Панама, мы сократим дорогу на целую тысячу миль. Но даже и без этого нам останется много.

— Долго это будет длиться?

— Я еще не сосчитал точно. Вероятно, месяца два. Понимаешь,— начал он объяснять,— мы не можем взять курс прямо, скажем, на Сан-Диего. Дуайт хочет сократить пребывание под водой до минимума. Это значит, что нам придется поплыть на восток и сделать крюк, чтобы две трети пути проделать на поверхности. Только после этого мы повернем на север, к Калифорнии. Очень резкая смена курса, но благодаря этому можно меньше быть под водой.

— Сколько дней, Питер?

— Он насчитал двадцать семь.

— Страшно долго!

— Конечно. Но это еще далеко не рекорд, хотя и довольно долго без свежего воздуха. Почти месяц.

— Когда вы отплываете?

— Этого я не знаю. Сначала говорили, что в середине следующего месяца, но теперь эта проклятая корь на борту... Мы не можем плыть, пока она не закончится.

— Были еще случаи?

— Один... позавчера. Корабельный врач полагает, что это последний. Если он прав, нам разрешат выйти где-то к концу месяца. Если нет... если еще кто-нибудь заболеет... тогда уйдем только в марте.

— Значит, вы вернулись бы в июне?

— Вероятно. Так или иначе, до десятого марта мы с корью справимся. То есть, будем обратно примерно десятого июня.

Упоминание о кори снова обеспокоило ее.

— Все же я надеюсь, что Дженнифер не заразится.

Вторую часть дня они провели перед домом. Питер начал рубить дерево. Оно было не слишком большим, и он без труда подпилил ствол и повалил его так, что оно легло на газон. До полдника он обрубил ветви, уложил их в кучу, радуясь, что зимой будет чем топить, и принялся колоть дрова. Мэри принесла проснувшуюся дочку, разложила на траве одеяльце и посадила ребенка на него. Вернувшись из дома с полдником, она застала Дженнифер уже в десяти футах от одеяла, та пыталась съесть кусок коры. Мэри выругала мужа, велела ему лучше следить за единственной дочерью, после чего вспомнила, что должна еще раз сходить на кухню за чайником.

— Нет, так нельзя,— простонала она.— Нам не справиться с нею без манежа.

Он согласился.

— Завтра утром я еду в город, в Министерство Флота, а потом буду свободен. Я загляну к Майерсу и посмотрю: может, еще есть манежи.

— Только бы были! А что будем делать, если их нет?

Питер задумчиво произнес:

— Мы могли бы привязывать ее за пояс к вбитому в землю столбику.

— Нет, не могли бы! — воскликнула Мэри.— Она затянет веревку у себя на шее и удавится.

Он успокоил ее и согласился с обвинением, что не любит свою дочь. Почти час они играли с Дженнифер, побуждая ее ползать по газону, потом Мэри унесла ее домой купаться и ужинать, а Питер вновь занялся дровами.

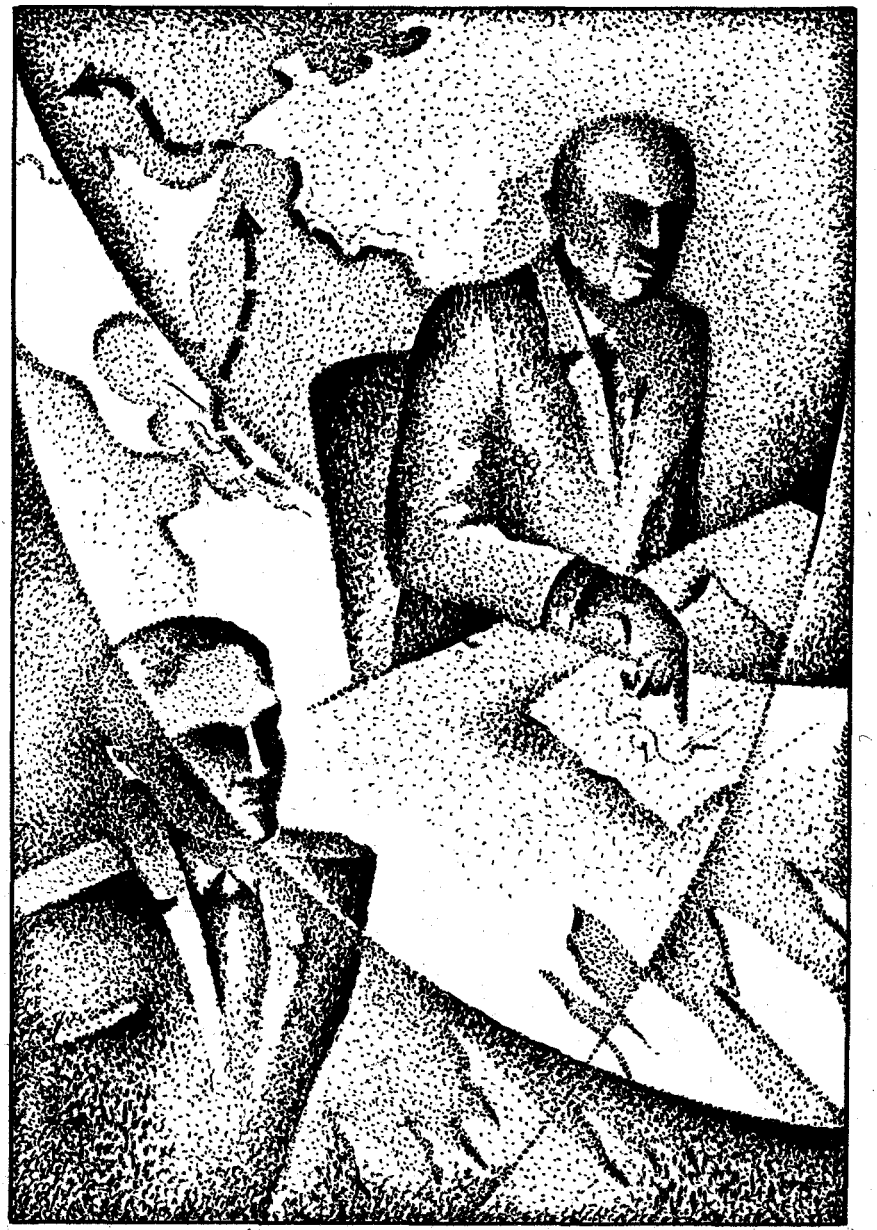
На следующее утро, как и было решено, он встретился в Министерстве Военного Флота с капитаном Тауэрсом, и они вместе вошли в кабинет адмирала, где их ждал какой-то капитан из оперативного отдела. Адмирал сердечно приветствовал их и предложил сесть.

— Вы просмотрели, господа, план операции, который мы вам прислали?

— Я детально изучил его, господин адмирал,— сказал капитан Тауэрс.

— И какое у вас сложилось впечатление?

— Минные поля,— коротко ответил Дуайт.— Некоторые из пунктов, определенных для нас, наверняка заминированы. У нас есть исчерпывающие данные о Пирл-Харборе и Сиэтле. Об остальных городах мы не знаем ничего.



Некоторое время они детально обсуждали этот вопрос. Наконец адмирал отодвинулся от стола.

— Ну, в общих чертах я понял.— Он помолчал.— А теперь скажу вам, господа, в чем дело. Среди наших физиков есть группа, которая утверждает, что радиоактивность воздуха может исчезнуть... что интенсивность ее может ослабевать и довольно быстро. Короче говоря, эти физики полагают, что осадки последней зимы в северном полушарии — дожди и снег — могли, так сказать, отмыть воздух.— Американец кивнул.— По этой теории радиоактивные элементы будут выпадать из воздуха на землю или в море быстрее, чем мы могли предположить. В таком случае земли северного полушария оставались бы безжизненными еще много столетий, но радиоактивность воздуха, угрожающая нам, начала бы уменьшаться. Поэтому жизнь... жизнь людей была бы по-прежнему возможна, если не здесь, то в Антарктиде. Профессор Юргенсон решительно поддерживает эту точку зрения.— Он сделал паузу.—Такова в общих чертах его теория. Большинство физиков ее отвергают и считают, что Юргенсон смотрит на мир через розовые очки. Именно учитывая это мнение большинства, радио ничего не говорит об этом, ну а прессы у нас, слава богу, уже нет. Лучше не пробуждать у людей необоснованных надежд, но для себя мы должны выяснить этот вопрос.

— Понимаю, господин адмирал,— сказал Дуайт.— Это очень важно. Значит, это и будет истинная цель нашего рейса?

— Верно. Если Юргенсон прав, вы должны подтвердить, плывя от тропика к северу, что атмосферная радиоактивность сначала держится на одном уровне, а потом постепенно падает. Я не говорю, что сразу, но на определенном этапе это падение должно фиксироваться однозначно. Поэтому нам нужно, чтобы вы заплыли как можно дальше на север Тихого океана, до Кодьяка и Датч-Харбора. Если Юргенсон прав, радиоактивность там будет гораздо меньше. Может, почти нормальная. Тогда вы могли бы выйти на палубу. Разумеется, на суше радиоактивность останется высокой. Но кто знает, может, на море жизнь окажется возможной.

Питер спросил:

— Что-нибудь уже делается, чтобы это проверить, господин адмирал?

— Немного,— ответил адмирал.— Несколько дней назад воздушные силы отправили один самолет. Не слышали?

— Нет, господин адмирал.

— Гм... так вот, отправили бомбардировщик «виктор» с полной заправкой. Он стартовал в Перте и полетел на север... к Восточно-Китайскому морю. Он добрался до тридцатого градуса северной широты, после чего был вынужден вернуться. Это было недостаточно далеко, чтобы разрешить сомнения физиков, однако дальше

лететь он не мог. В результате — доказательства неубедительны. Радиоактивность воздуха там по-прежнему возрастает, но у северной границы этого полета возрастает медленнее.— Он улыбнулся.— Насколько мне известно, споры ученых не прекращаются. Юргенсон, разумеется, торжествует. Говорит, что вы отметите заметное падение радиоактивности на севере, может, еще до пятидесятого или шестидесятого градуса северной широты.

— До шестидесятого мы доплывем,— заметил капитан Тауэрс.— Пожалуй, мы сможем войти в залив Аляска. Правда, там нужно быть осторожными со льдами.

Последовало обсуждение технических подробностей операции. Решено было доставить на «Скорпион» защитные комбинезоны, в которых члены команды по одному или по двое могли бы выходить на палубу, причем в выходных камерах должны быть готовы дезактивирующие растворы. Было также решено, что в рубке должна быть резиновая лодка, а у кормового перископа нужно установить новую антенну.

Под конец адмирал сказал:

— Итак, мы, с нашей стороны, будем готовы к операции. Осталось поговорить с представителями Организации исследований и всеми другими заинтересованными организациями. Я созову их на совещание на будущей неделе. А пока, капитан, вы можете увидеться с вице-адмиралом или кем-то из его офицеров по вопросу работ на верфи. Я хотел бы отправить вас в конце будущего месяца.

— Думаю, это вполне возможно, господин адмирал,— сказал Тауэрс.— Работы на верфи будет немного. Единственное, что может нас задержать, это корь.

Адмирал рассмеялся.

— Речь идет о судьбе человечества, быть ему или не быть, а нас останавливает корь. Хорошо, капитан... Я знаю: вы сделаете все, что сможете.

Выйдя из кабинета, Дуайт и Питер попрощались: капитан остался в Министерстве, чтобы поговорить с вице-адмиралом, а Питер отправился искать Джона Осборна. Он нашел его в здании Организации Промышленных и Научных Исследований на улице Альберта и повторил все, что слышал.

— Я знаю об Юргенсоне,— нетерпеливо сказал Джон Осборн.— Старый маньяк. Он очень хочет, чтобы все так и было.

— Значит, ты невысоко ценишь данные, которые получили эти летчики? Уровень радиоактивности к северу понижается.

— С этим я не спорю. Если говорить о действии осадков, Юргенсон, может быть, и прав. Это вполне возможно. Но никто, кроме Юргенсона, не возлагает на это больших надежд.

Питер встал со стула.

— «Пусть об этом спорят мудрецы»,— насмешливо процитиро-

вал он.— А простачку пора идти, чтобы купить манеж для своей старшей незамужней дочери.

— Где ты его достанешь?

— У Майерса.

Физик тоже встал.

— Я пойду с тобой. Хочу тебе показать кое-что на улице Элизабет.

Однако он не сказал молодому человеку, что это такое. По пустым улицам они дошли до района, где раньше была сосредоточена торговля машинами, свернули в одну из боковых улочек, а потом в какой-то двор. Джон Осборн вытащил из кармана ключ и открыл двойную дверь стоявшего в глубине сооружения. Оба вошли.

Раньше это был комиссионный автомагазин. Стоявшие вдоль стен машины выглядели мертво: некоторые без номеров, все покрытые пылью и грязью, со спущенными шинами. Посреди гаража стояла гоночная машина. Очень низкая, очень маленькая, с местом только для водителя, с покатым капотом, с накачанными шинами, она сверкала красным лаком; вымытая и ухоженная она, наверняка, была дьявольски быстрой.

— О, боже! — воскликнул Питер.— Что это?

— «Феррари»,— ответил Джон Осборн.— Доницетти ездил на ней до войны и выиграл «Гран-При» в Сиракузах.

— А как она попала сюда?

— Ее привез Джонни Боулес. Потом началась война, и стало не до гонок.

— А чья она сейчас?

— Моя.

— Твоя?

Физик кивнул.

— Всю жизнь я увлекался автогонками. Меня всегда тянуло к ним, но у меня никогда не было денег на гоночную машину. Однажды я услышал, что есть «феррари», которую Боулес привез из Англии. Я пошел к вдове Боулеса и предложил ей сто фунтов. Конечно, она сочла меня сумасшедшим, но охотно продала машину.

Питер обошел и осмотрел маленький автомобильчик с большими колесами.

— Полностью с нею согласен,— сказал он.— Что ты будешь делать с машиной?

— Еще не знаю. Знаю только, что я владелец самого быстрого автомобиля в мире.

Это очаровало молодого человека.

— Можно в нее сесть?

— Пожалуйста.

Питер втиснулся на небольшое сидение.

— Сколько она дает на полном газе?

— Честно говоря, не знаю. Но во всяком случае, больше двухсот.

Питер сидел, поглаживая пальцами руль, касаясь коробки скоростей. Ему казалось, что он чудесным образом сросся с этим одноместным автомобильчиком.

— Ты уже ездил на ней? — спросил он.

— Еще нет.

Наконец Питер неохотно вылез.

— А где ты возьмешь бензин?

Физик улыбнулся.

— Ей бензин не нужен.

— Так она не на бензине?

— Ей нужна специальная эфиро-спиртовая смесь. Для обычных машин эта смесь не подходит. Восемь баррелей ее хранится в саду у моей матери.— Он улыбнулся еще радостней.— Я подумал об этом, прежде чем купить ее.

Он поднял капот, и они довольно долго разглядывали двигатель.

Вернувшись из первого похода, Джон Осборн все свободное время посвящал приведению в порядок и чистке своего гоночного автомобиля; он надеялся, что уже через пару дней сможет проехаться на нем.

— Одно хорошо,— мечтательно заметил он,— можно не бояться слишком большого движения на улицах.

Наконец они отошли от машины, закрыли двери гаража на ключ и еще несколько минут разговаривали в тишине двора.

— Если мы отправимся в конце будущего месяца,— сказал Питер,— то, пожалуй, вернемся в начале июня. Меня волнует Мэри и наша маленькая. Как считаешь, с ними ничего не случится, пока мы в море?

— Ты имеешь в виду радиоактивность?

Молодой офицер кивнул. Физик задумался.

— Я могу только гадать, как и все,— сказал он наконец.— Это может приближаться быстрее, а может и медленнее. До сих пор оно распространялось довольно равномерно и приближалось к нам со скоростью, которую мы предсказывали. Сейчас оно уже южнее Рокгемптона. Если эта скорость не изменится, то к началу июня это будет южнее Брисбена... Восемьсот миль к северу от нас. Но, как я уже говорил, оно может идти быстрее, а может и медленнее. Большего я сказать не могу.

Питер закусил губу.

— Это неприятно. Я не хотел бы вызывать в доме переполох, и в то же время хочу, чтобы Мэри знала, что делать, если я к тому времени еще не вернусь.

— Нет уверенности, что ты вообще когда-нибудь вернешься,— заметил Джон Осборн.— Много естественных опасностей грозят нам во время этого похода... даже если не считать излучение. Не

знаю, что с нами будет, если мы на полной скорости врежемся под водой в какой-нибудь ледник.

— Я знаю,— сказал Питер.

Физик рассмеялся.

— Ну, постучим по дереву и будем надеяться, что не врежемся. Я хочу вернуться сюда, чтобы принять участие в гонках на этом моем скакуне.— Он кивнул в сторону закрытых дверей гаража.

— Это неприятно,— повторил Питер. Они вышли на улицу.— Нужно будет как-то все устроить до нашего отплытия.

Молча они дошли до главной улицы. На углу Джон Осборн повернул, направляясь к своей лаборатории.

— Тебе не в ту сторону? — спросил он.

Питер покачал головой.

— Я должен где-то достать манеж. Мэри говорит, что это обязательно, иначе Дженнифер убьется.

Они разошлись, и физик поблагодарил судьбу, что не женат.

Манеж Питер купил довольно быстро, уже во втором магазине, в который зашел. Громоздкий сверток был очень неудобен, но он все же сел в трамвай и доехал до вокзала на улице Флиндерс. В Фалмуте он был около четырех дня, оставил манеж в камере хранения, чтобы забрать его позднее, взял велосипед из мастерской и медленно поехал через городок до аптеки, в которой обычно покупал лекарства. Аптекаря он знал, а тот знал его. Войдя внутрь, он спросил девушку за прилавком, где мистер Голди.

Вскоре аптекарь вышел к нему.

— Я бы хотел поговорить с вами наедине,— попросил Питер.

— Пожалуйста, господин лейтенант.

Они прошли в глубь аптеки, и Питер объяснил:

— Меня волнует эта лучевая болезнь.— Лицо аптекаря ничего не выражало.— Понимаете, я должен уехать. Я сейчас плаваю на «Скорпионе», американской подводной лодке. Нам предстоит долгий поход, и вернемся мы не раньше начала июня.

Аптекарь медленно кивнул.

— Это будет нелегкий поход,— продолжал офицер,— и, возможно, мы никогда уже не вернемся.

Они постояли молча.

— Вы думаете о миссис Холмс и дочери? — спросил аптекарь.

Питер подтвердил.

— Я должен перед отъездом постараться, чтобы жена четко представляла...— Он заколебался.— Расскажите, как это проявляется?

— Тошнота,— сказал аптекарь.— Это первый симптом. Потом — рвота и понос. Кровавый. В некоторых случаях состояние слегка улучшается, но ненадолго.— Он помолчал.— В самом конце причиной смерти может быть заражение или белокровие. Исчезно-

вение красных кровяных телец и потеря организмом соли. Либо то, либо другое.

— Кто-то говорил, что это похоже на холеру.

— Верно,— подтвердил аптекарь.— Это довольно похоже на холеру.

— У вас есть что-нибудь против этого, правда?

— К сожалению, никакие лекарства не помогают.

— Да не чтобы вылечить, а чтобы покончить с этим.

— Нам пока нельзя раздавать, господин лейтенант. Примерно за неделю до того, как это дойдет до нашего округа, будет объявление по радио, и тогда мы сможем выдать эти средства тем, кто захочет.— Он заколебался.— С точки зрения религии все это очень сложно. Думаю, каждый будет решать это сам.

— Я хочу, чтобы жена четко это представляла,— снова сказал Питер.— Она останется с ребенком... меня тогда может здесь не быть. Я должен устроить это до отъезда.

— Я думаю, что мог бы все объяснить миссис Холмс, когда придет время.

— Я бы хотел сделать это сам. Она будет очень испугана.

— Да, конечно...— Подумав, аптекарь сказал: — Что ж, пойдемте.

Они прошли склад. Там в углу стоял ящик с частично отбитой крышкой. Аптекарь оторвал ее до конца. Ящик был заполнен маленькими красными коробочками двух видов.

Аптекарь взял по одной коробочке каждого вида и вернулся с Питером в аптеку. Там он открыл маленькую коробочку: в ней лежала пластиковая трубка с двумя таблетками. Он осторожно вынул их, положил туда две таблетки аспирина, после чего уложил трубку обратно в коробку и подал ее Питеру.

— Это для тех, кто может принимать таблетки,— сказал он.— Можете взять это и показать миссис Холмс. Достаточно одной, чтобы почти мгновенно наступила смерть. Вторая на всякий случай. В свое время мы будем выдавать эти средства всем желающим.

— Огромное спасибо,— сказал Питер.— А что с ребенком?

— С ребенком или с любимым животным... собакой или котом... несколько иначе.— Аптекарь открыл вторую коробочку и вынул маленький шприц.— У меня есть один использованный, и я положу его для вас. Инструкция наверху. После подкожного впрыскивания ребенок довольно быстро заснет.

Он подал Питеру коробочку со шприцем.

— Вы очень любезны,— поблагодарил Питер.— Мэри придет к вам, когда настанет время. Сколько я вам должен?

— Нисколько.— Аптекарь развел руками.— Лекарство бесплатное.

5

Из трех подарков, которые Питер Холмс привез в тот вечер жене, манеж был принят с наибольшей радостью.

Это был новенький деревянный манеж, покрашенный зеленой краской, с яркими подвижными шарами на прутьях с одной стороны. Питер поставил его в саду и вызвал Мэри из дома. Она пришла и устроила детальный осмотр, проверяя устойчивость и убеждаясь, что ребенок не сможет повалить его вместе с собой.

— Только бы эта краска не начала облезать,— вздохнула Мэри.— Ты же знаешь, она все сосет. А зеленая краска очень опасна. В ней есть медная зелень.

— Я спросил об этом в магазине,— успокоил ее Питер.— Это не масляная краска, а нитро. Дженнифер должна иметь ацетоновую слюну, чтобы ее слизать.

— Она может слизать краску с очень многих вещей.— Мэри отошла и посмотрела на манеж издалека.— Чудесный цвет. Отлично подойдет к шторам в детской.

— Я так и подумал,— скромно сказал он.— Там был еще голубой, но я сразу понял, что тебе понравится этот.

— Он мне очень нравится.— Она обняла мужа.— Прелестный подарок. Ты, наверное, намучился с ним в трамвае. Спасибо тебе, спасибо, дорогой.

— Не за что.— Он тоже поцеловал ее.— Я рад, что доставил тебе удовольствие.

Она принесла Дженнифер и посадила ее в манеж. Потом принесла виски и содовую, и они сели по обе стороны от манежа со стаканами в руках. Девочка ухватилась за один из прутьев и сжала кулачок.

— А ты не думаешь, что она слишком рано встает на ноги? — Мэри обеспокоенно посмотрела на мужа.— Может, без манежа она не так быстро начала бы ходить. У детей, которые слишком рано начинают ходить, потом бывают кривые ноги.

— Пожалуй, нет,— сказал Питер.— Каждый начинал свою жизнь в манеже. Я сам сидел в таком, но не скажу, чтобы мои ноги были кривыми.

— Ну, если бы она не держалась за него, то наверняка держалась бы за что-нибудь другое. Например, за стул.

Вскоре Мэри забрала Дженнифер, чтобы ее выкупать и подготовить ко сну, а Питер установил манеж в детской комнате. Потом он накрыл стол для ужина, сел на веранде и, нащупав в кармане коробочки, задумался, как вручить эти «подарки» жене.

Он приступил к делу вечером, прежде чем Мэри перенесла ребенка наверх, в их спальню. После долгого молчания он неловко сказал:

— Я хочу поговорить с тобой кое о чем перед походом.

Она взглянула на него.

— О чем?

— О лучевой болезни, которой заболевают люди на севере. Ты должна кое-что знать.

Она вздрогнула:

— Ах, об этом! До сентября я ни слова не хочу слышать об этом.

— К сожалению, нам все же придется об этом поговорить,— серьезно сказал он.

— Не понимаю, зачем. Ты еще успеешь сказать мне все, когда придет время, когда будет точно известно, что это приближается. Миссис Хилдред говорила, что ее муж слышал от кого-то, будто это и вовсе до нас не дойдет. Оно движется все медленнее или что-то в этом роде.

— Не знаю, кто информирует мужа миссис Хилдред, а я скажу, что в этих сплетнях правды нет ни на грош. Оно неумолимо приближается и может быть здесь в сентябре или даже раньше... уже летом...

Она уставилась на него широко открытыми глазами.

— Значит, мы все заболеем этим?

— Да,— сказал он,— мы все заболеем и умрем от этого. Потому я и хочу тебя просветить.

— А нельзя подождать, Питер? Пока все не станет точно известно?

Он покачал головой.

— Лучше сказать это сегодня. Понимаешь... меня может не быть здесь... тогда. Это может прийти быстрее, чем нам кажется... прежде чем мы вернемся из похода. Или же меня может переехать автобус...

— Автобусы уже давно не ходят,— спокойно сказала она.— Ты думаешь о подводной лодке?

— Пусть так,— уступил он.— Я бы гораздо меньше волновался в море, если бы знал, что ты все четко себе представляешь.

— Хорошо,— неохотно буркнула она и закурила.— Ну, говори.

— Все мы когда-нибудь должны умереть,— начал он наконец.— Не знаю, может, такая смерть и не хуже любой другой. Начинается с того, что человек чувствует себя больным. Ему хуже и хуже, а потом становится совсем плохо. Его то и дело рвет... он ничего не может в себе задержать. И все время нужно выходить в туалет — понос, к тому же кровавый. Если даже наступает улучшение, то только на короткое время, а потом все начинается снова. В конце концов человек становится так слаб, что просто... умирает.

Она выпустила клуб дыма.

— И как долго это длится?

— Я не спросил. Думаю, это зависит от организма. Может, дня два, а если будет улучшение, то до двух-трех недель.

Некоторое время было тихо.

— Паршиво,— сказала наконец Мэри.— И конечно, когда все заболевают, не будет никого, кто смог бы помочь. Никаких врачей, никаких больниц.

— Конечно. Каждый будет предоставлен самому себе.

— Но ты вернешься до этого, Питер?

— Вернусь,— заверил он.— Я говорю это на всякий случай. Один шанс из тысячи, что мы не вернемся, но...

— Но если я буду одна, без тебя, кто займется Дженнифер?

— О Дженнифер пока не думай,— сказал он.— О ней поговорим позднее.— Он пододвинулся к Мэри.— Послушай, дорогая, от этого не выздоравливают. А ведь вовсе не обязательно умирать в грязи. Можно умереть прилично, прежде чем дело примет совсем паршивый оборот.

Он вытащил из кармана обе красные коробочки.

— Что это? — удивленно спросила она.

Питер открыл одну из коробочек и достал трубочку.

— Заменитель,— объяснил он.— Это не настоящие таблетки. Голди дал их, чтобы я показал тебе, что с ними делать. Принимаешь одну из них и запиваешь чем-нибудь... чем угодно. Тем, что любишь больше всего. Потом ложишься в постель и... все.

— То есть, умираешь? — Сигарета у нее в руке погасла.

Питер кивнул.

— Это выход... в безнадежной ситуации.

— А вторая таблетка? — прошептала Мэри.

— Про запас,— ответил он.— На случай, если одна потеряется.

Она сидела молча, глядя на красную коробочку.

— Когда придет время,— продолжал он,— будет объявление по радио. Тогда ты поедешь к Голди, попросишь девушку за прилавком, и она тебе даст. Давать будут всем, кто захочет.

Выронив погасшую сигарету, она потянулась за коробочкой и прочла надпись, напечатанную на крышке.

— Но Питер,— сказала она,— как бы я ни была больна, я не смогу ее принять. Кто тогда будет ухаживать за Дженнифер?

— Все заболеют,— напомнил он.— Каждое живое существо. Собаки и кошки, и маленькие дети... все. Я тоже. И Дженнифер тоже.

Глаза ее расширились.

— Дженнифер заболеет этой болезнью?

— К сожалению, дорогая. Все заболеют.

Веки ее опустились.

— *Зверство!* — *воскликнула она.*— *За свою жизнь я не боюсь,* но это... это просто подлость...

Coffee

Он попытался ее утешить.

— Это конец всего для нас всех. Мы потеряем те годы, которые так ждали, а Дженнифер потеряет все. Но она не должна страдать. Когда все станет ясно, ты сможешь облегчить ее положение. Потребуется только немного отваги с твоей стороны, а ты всегда была отважной. Я скажу тебе, что ты должна делать, если я не успею вернуться.

Он вытащил вторую красную коробочку и начал объяснять Мэри. Она смотрела на него со все большей враждебностью.

— Давай назовем вещи своими именами,— взорвалась она наконец.— Ты учишь меня, как убить Дженнифер.

Он заранее знал, что будет скандал, но вынужден был пойти на это.

— Да,— сказал он.— При необходимости ты должна это сделать.

Она рассвирепела.

— Да ты спятил! Я никогда не сделаю этого, как бы она ни страдала. Я буду ухаживать за ней до конца. Ты совершенно спятил! Все дело в том, что ты ее не любишь! И никогда не любил! Она всегда была для тебя обузой, а для меня нет. Для меня бедствие — это ты! И сейчас ты дошел до того, что уговариваешь меня ее убить! — Бледная от ярости, она вскочила на ноги.— Скажи еще слово, и я убью тебя!

Питер вполне видел Мэри в таком состоянии.

— Как хочешь,— устало сказал он.— Если не хочешь, можешь этим не пользоваться.

Она продолжала:

— В этом наверняка кроется какая-то хитрость. Тебе нужно, чтобы я убила Дженнифер, а потом совершила самоубийство. Тогда ты будешь свободен и сможешь уйти к другой женщине.

Такой реакции он не ожидал.

— Черт побери, не будь идиоткой! — крикнул он.— Если я буду здесь, то и сам проглочу такую таблетку. А если меня не будет, если тебе придется рассчитывать только на себя, то только потому, что я погибну раньше. Подумай об этом, попытайся вбить это в свою глупую голову. Только если я погибну раньше.

Она гневно смотрела на него и молчала.

— И еще об одном ты должна подумать. Дженнифер может прожить дольше тебя.— Он поднял в руке первую красную коробочку.— Это выбрось на свалку, пожалуйста, и борись, пока сможешь выдержать, борись до самой смерти. Но Дженнифер может прожить дольше. Может жить еще долгие дни и плакать, и блевать на себя в кроватке, и лежать в своих нечистотах, а ты будешь лежать мертвой на полу возле нее, и никто не придет, чтобы помочь ей. В конце концов, конечно, и она умрет. Ты хочешь, чтобы она

умерла таким образом? Я — нет.— Он отвернулся.— Подумай об этом и не будь такой идиоткой.

Мэри молчала. Ему показалось, что она сейчас упадет, но теперь он тоже разозлился и не хотел ее поддерживать.

— Сейчас такое время, что нужно смотреть правде в глаза,— сказал он.

Она повернулась и выбежала из комнаты. Вскоре из спальни донеслись рыдания. Он не пошел к ней, а налил себе виски с содовой и поставил шезлонг так, чтобы смотреть с веранды на далекое море.

«Эти чертовы бабы живут, как под колпаком,— подумал он,— и боятся высунуть нос за пределы своих сентиментальных мечтаний. Если бы они признавали действительность такой, как она есть, то могли бы помочь мужчинам, здорово помочь. Но, цепляясь за свой выдуманный мир, они становятся просто камнем на шее».

Около полуночи, после третьей порции виски, он решился пойти в спальню. Мэри уже легла, свет был погашен. Он разделся в темноте, чтобы не разбудить ее. Она лежала к нему спиной, он лег так же и заснул, благодаря виски, почти тотчас же. Около двух часов ночи его разбудили рыдания. Он протянул руку, еще не зная, как ее успокоить.

Мэри прижалась к нему.

— О Питер, прости меня. Я вела себя так глупо.

О красных коробочках они больше не говорили; наутро Питер засунул их поглубже в аптечку, где они не бросались в глаза, но где Мэри могла их найти. В каждой из коробочек он оставил записку с объяснением, что это только заменитель, а за настоящими нужно обратиться к мистеру Голди.

Стояла хорошая мартовская погода. Больше никто из команды «Скорпиона» не заболел корью, ремонт корабля шел быстро: другой работы на верфях не было. Питер Холмс срубил второе дерево, поколол чурбаки и уложил дрова в поленницу, чтобы они хорошо подсохли к будущему году, а потом принялся за пни.

Джон Осборн запустил, наконец, двигатель своего «феррари» и выехал из гаража. Автомобильное движение не было запрещено, все равно ни за какие деньги нельзя было купить бензина; даже резервы для врачей и больниц были полностью исчерпаны. И все же время от времени машины ездили. Правда, каждый автомобилист держал в гараже запас бензина, купленного на рынке в первые дни хаоса, но пользовались им только в самые отчаянные минуты. «Феррари» Джона Осборна не вызвал никаких нареканий со стороны полиции даже тогда, когда Джон в блаженном неведении

нажал на акселератор и помчался по самому центру города со скоростью восемьдесят пять миль в час. Полицейские считали, что пока он никого не переехал, не стоит привлекать его к ответственности за превышение скорости.

Хотя жертв не было, сам Джон Осборн очень испугался. Он ехал в небольшой городок Турэдин, где был частный автодром — собственность Клуба энтузиастов автоспорта. Это был круг широкого асфальта длиной мили в три, закрытый для общественного движения. За исключением одного длинного прямого отрезка дорога все время извивалась и петляла. Гонки там еще устраивали, хотя зрителей, из-за трудностей с транспортом, было немного. Откуда эти фанатики брали бензин, оставалось строго хранимой тайной или же серией тайн, и каждый из них, скорее всего, имел свои склады, подобно Джону Осборну, который хранил восемь бочек специального топлива в саду матери.

Раз за разом Джон Осборн ездил на своем «феррари» в этот клуб, сначала тренироваться, потом — участвовать в гонках, впрочем, на очень короткие дистанции: нужно было беречь топливо. Машина начала играть заметную роль в его жизни. Прежде это была жизнь ученого, который целые дни проводит за столом или в лаборатории. Он не знал, что такое спешка или переезды с места на место. Ему не нужно было рисковать в личных делах, нарываться на неприятности, он жил серо и скромно. Когда его откомандировали на подводную лодку, он был рад этой перемене, но в глубине души очень боялся погружения под воду. За неделю в закрытом «Скорпионе» выплывшем в первый поход на север, он сумел укротить свои нервы и сосредоточиться на порученной ему работе, а ведь его здорово волновала перспектива пробыть под водой почти месяц.

«Феррари» стал как бы волшебной палочкой: каждую поездку Джон Осборн переживал как волнующие приключение. Сначала он ездил не слишком хорошо и, выжимая сто пятьдесят миль в час, не умел притормаживать на виражах. Поначалу он буквально играл со смертью на каждом повороте, причем дважды машину так заносило, что он вылетал на край газона, бледный, трясущийся, почти недостойный своего великолепного «феррари».

После каждой из малых гонок, после каждой такой поездки он видел все новые свои ошибки, которые ни в коем случае нельзя было повторять в будущем, и понимал, что только чудом избегал катастрофы.

Занятый гонками, он перестал бояться похода на север. Он не видел в нем ничего опасного в сравнении с опасностями, с которыми он заигрывал, разъезжая в своем гоночном автомобиле. Эта морская интерлюдия стала казаться ему скучным и неизбежным подневольным трудом, потерей все более ценного времени, чем-то,

после чего можно будет, наконец, вернуться в Мельбурн и посвятить последние три месяца головоломной езде.

Как и все его собратья-автомобилисты, он думал главным образом о том, как приумножить запасы горючего.

Сэр Дэвид Хартман, как и обещал, созвал конференцию. Дуайт Тауэрс как капитан «Скорпиона» явился вместе с офицером связи. Предвидя, что среди прочего будет затронут вопрос о таинственной радиостанции в Сиэтле, он взял с собой радиотехника, лейтенанта Сандерстрема. Организацию Научных Исследований представляли генеральный директор и Джон Осборн. Кроме них присутствовали вице-адмирал с одним из своих офицеров и один из секретарей премьера.

Вначале адмирал описал трудности предстоящего похода.

— Я бы хотел,— сказал он,— чтобы «Скорпион» излишне не рисковал. Прежде всего нам нужно провести исследования, и именно с этой целью мы посылаем корабль. Поскольку его антенна невысока, а ситуация будет требовать долгое время оставаться под водой, мы не можем рассчитывать на постоянную радиосвязь. Уже поэтому «Скорпион» должен вернуться целым и невредимым, иначе пропадут плоды его работы. Кроме того, это единственный корабль дальнего действия, позволяющий нам держать связь с Южной Америкой и югом Африки. Принимая это во внимание, я внес довольно большие изменения в тот план похода, который мы обсуждали на предыдущей встрече. Обследование Панамского залива отпадает. Сан-Диего и Сан-Франциско тоже — все из-за минных полей. Капитан Тауэрс, расскажите нам кратко, что вам известно о минировании тех мест.

Дуайт сжато изложил свои данные о минных полях в названных районах и подчеркнул, насколько неполны эти материалы.

— Зато Сиэтл нам вполне доступен, так же, как и Паджет-Саунд,— сказал он в конце.— И Пирл-Харбор. Я бы сказал еще, что из-за подвижек льда мины не угрожают нам в заливе Аляска. Однако сам лед на этой широте является серьезной проблемой, а «Скорпион» вовсе не ледокол. Но я считаю, что с известной осторожностью туда можно доплыть, не подвергая корабль слишком большой опасности. Если нам не удастся пройти весь путь вдоль шестидесятого градуса, что ж... мы сделаем все, что в наших силах. Вероятно, мы сможем выполнить большую часть нашего задания.

Затем подняли вопрос о радиосигналах, идущих из района Сиэтла. Сэр Филип Гудел из Организации Научных Исследований принес запись передачи времен войны.

— Эти сигналы совершенно непонятны,— сказал он.— Мы ло-

вим их периодически, зимой чаще, чем летом. Частота — четыре и девяносто две сотых мегагерца.— Радиотехник со «Скорпиона» записал эти данные.— Мы приняли сто шестьдесят девять передач, из которых только три содержали индентифицируемые группы сигналов... в общей сложности их было семь. В двух были отчетливые английские слова... по одному слову в каждой. Сами эти группы расшифровать невозможно. Если кто хочет взглянуть, у меня есть запись. А слова, о которых я говорил, это «воды» и «соедини».

Сэр Дэвид Хартман спросил:

— Сколько всего времени вы принимали эти передачи?

— Сто шесть часов.

— И за все время только два понятных слова? А остальное — бессмыслица?

— Да.

— Не думаю, чтобы эти слова что-нибудь значили,— задумчиво сказал адмирал.— Скорее, это случайное совпадение. Ведь если бесчисленное множество обезьян посадить за пишущие машинки, в конце концов одна из них напечатает пьесу Шекспира. Нужно узнать, каким образом эти передачи вообще стали возможны. Кажется несомненным, что там еще есть электричество. Кто знает, не скрывается ли за этим человеческая воля. Это маловероятно, но возможно.

Лейтенант Сандерстрем наклонился к капитану Тауэрсу и что-то прошептал. Тот громко сказал:

— Мистер Сандерстрем знает радиостанции в том районе.

— Я не утверждаю, что знаю их все,— несмело уточнил лейтенант.— Пять лет назад я проходил переподготовку на острове Санта-Мария. Между прочим, там пользовались частотой 4,92 мегагерца.

— Где находится этот остров? — спросил адмирал.

— Это в заливе Паджет-Саунд, недалеко от Бремертона, господин адмирал. Есть еще несколько островов с тем же названием, но я говорю о Санта-Марии, на котором расположена главная школа морской радиосвязи, крупнейшая в стране.

Капитан Тауэрс развернул карту и указал на остров пальцем.

— Здесь, господин адмирал... С континентом соединяется мостом, который ведет в городок Манчестер у залива Клэй.

Адмирал спросил, глядя на карту:

— Каков радиус действия радиостанции на острове Санта-Мария?

— Не знаю наверняка,— сказал лейтенант Сандерстрем,— но думаю, что весь мир.

— Она выглядела такой мощной? Антенны были достаточно высокие?

— О, да, господин адмирал. Они выглядели очень внушительно.

Мне кажется, это была часть радиосети, охватывающей Тихий океан, но я не уверен. Я был там недолго.

— Вы связывались с этой станцией с какого-нибудь корабля во время своей службы на море?

— Нет, господин адмирал. В походах мы работали на других частотах.

Некоторое время шел разговор о радиотехнике.

— Если сигналы действительно с Санта-Марии,— сказал, наконец, Тауэрс,— то мы решим проблему без особого труда.— Чтобы подтвердить правильность своей мысли, он взглянул на карту.— Глубина у берега составляет сорок футов. Мы могли бы даже подойти к набережной. В любом случае у нас есть резиновая лодка и, если уровень радиации не очень высок, можно высадить на берег кого-нибудь из офицеров... конечно, ненадолго и в защитном костюме.

— Я охотно пошел бы,— вызвался лейтенант Сандерстрем.— Думаю, что хорошо знаю район радиостанции.

На этом с радиосигналами закончили и вновь принялись обсуждать теорию Юргенсона и способы, какими можно подтвердить или опровергнуть ее.

После конференции Дуайт должен был встретиться с Мойрой Дэвидсон. Она назначила свидание в ресторане в торговом районе, и капитан успел прибыть туда первым. Вскоре появилась и девушка, в руках у нее был портфель.

Они поздоровались, и он предложил ей выпить перед обедом. Она попросила коньяк с содовой.

— Двойной? — спросил он, когда кельнер принимал заказ.

— Одинарный,— ответила она.

Кивком головы он опустил официанта, не комментируя этого необычного события, и посмотрел на портфель.

— Делала покупки?

— Покупки...— обиженно повторила она.— Неужели у меня такой... добродетельный вид.

— Извини,— быстро сказал он.— Может, ты куда-то уезжаешь?

— Нет.— Его интерес обрадовал ее.— Можешь угадывать три раза.

— Коньяк,— попробовал он.

— Нет. Коньяк я ношу в себе.

Он задумался.

— Нож. Хочешь вырезать из рамы какую-нибудь религиозную картину на этой выставке, забрать с собой и повесить в ванной.

— Нет. Давай еще раз. Это твой последний шанс.

— Вязание.

— Я этим не занимаюсь. Я вообще не делаю ничего, что успокаивает нервы. Тебе пора бы это знать.

Официант подал напитки.

— Ну, хорошо,— сказал Дуайт.— Ты выиграла, так что там у тебя?

Она открыла портфель, там лежал блокнот, карандаш и учебник по стенографии. Капитан удивленно уставился на них.

— Ну и ну! — воскликнул он.— Ты учишься стенографии?

— Думаешь, это просто? Сам же говорил, что стоит.

Он смутно припомнил, что однажды действительно сказал об этом.

— Ходишь на курсы или как?

— Каждое утро,— ответила она.— Я должна быть на улице Рассел в половине девятого. В половине девятого... Я встаю около семи.

— Ужасно. А зачем?

— Нужно же чем-то заняться. Мне жутко надоело бороновать навоз.

— И давно?

— Три дня. Уже начинаю преуспевать. Могу с кем угодно вести корреспонденцию этими загогулинами.

— А знаешь, что они означают?

— Пока нет,— призналась она и отхлебнула коньяку.— Для этого нужно учиться долго.

— Печатать на машинке тоже учишься?

— Да. И бухгалтерии. Словом, всему помаленьку.

Он с уважением взглянул на нее.

— Значит, будешь секретаршей?

— Да, в будущем году. Постараюсь получить хорошее место.

— И много людей туда ходит? Ведь это какая-то школа, правда?

Она кивнула.

— Больше, чем я ожидала. Кажется, половина обычной численности. Но после войны не хватало желающих, и большинство преподавателей уволили, а сейчас набрали полные группы и приняли их обратно.

— Полные группы?

— В основном это подростки,— объяснила она.— Среди них я чувствую себя старухой. Видимо, они так надоели родителям, что те отправили их работать.— Она помолчала.— То же самое сейчас и в университете. Запись сейчас больше, чем два месяца назад.

— Вот не думал, что это так подействует,— заметил Дуайт.

— Дома скучно,— сказала девушка.— А там всегда можно встретить кого-нибудь из знакомых.

Дуайт предложил ей еще коньяку, она отказалась, и они перешли в обеденный зал.

— Ты слышал о машине Джона Осборна? — спросила Мойра.

Он рассмеялся.

— О ней трудно не слышать. Он показал мне ее и, наверное, показывает каждому, кому не лень пойти и посмотреть. Роскошная машина.

— Он просто помешался,— заявила девушка.— Когда-нибудь он убьется.

Дуайт отпил бульона.

— Ну и что? Лишь бы не убился перед походом. Видимо, это доставляет ему удовольствие.

— Когда вы выходите? — спросила она.

— Думаю, через неделю.

— Это будет очень опасно?

Несколько секунд было тихо.

— Не думаю,— сказал наконец Дуайт.— С чего ты взяла?

— Вчера я говорила по телефону с Мэри. Она была чем-то расстроена. Кажется, Питер что-то сказал ей.

— О нашем рейсе?

— Не совсем,— возразила она.— Во всяком случае, я думаю, что нет. Скорее, что-то о своем завещании.

— Завещание никогда не помешает,— заявил он.— Каждый должен написать завещание, то есть каждый женатый человек.

Подали мясо.

— Скажи, это опасно? — снова спросила девушка.

Он покачал головой.

— Это довольно долгий поход. Продлится он почти два месяца, из них около месяца — под водой. Но он не более опасен, чем другие операции в северных морях.— Он помолчал и принялся ей объяснять.— Всегда трудно двигаться и искать дорогу там, где был ядерный взрыв, особенно под водой. Никогда не знаешь, на что наскочишь. Морское дно сильно изменилось: можно, например, налететь на затонувший корабль. И все же я не сказал бы, что это опасно.

— Вернись, пожалуйста, Дуайт,— тихо попросила она.

Он улыбнулся.

— Конечно, мы вернемся, ведь у нас такой приказ. Адмирал хочет получить свою подводную лодку обратно.

Она прыснула.

— Ты невозможен! Как только я становлюсь сентиментальной, ты... ты прокалываешь мою сентиментальность, как воздушный шарик.

— Наверное, потому, что я не сентиментален,— ответил он.— По крайней мере, так говорит Шарон.

— Правда?

— Да. Иногда это даже злит ее.

— Ничего странного,— заметила она.— Я ей сочувствую.

После обеда они вышли из ресторана и отправились в Национальную Галерею, где в одном из залов открылась выставка религиозной живописи. Картины были написаны маслом, в основном, в современном стиле. Они долго ходили среди этих сорока полотен, девушка с интересом, а капитан — искренне потрясенный. Ни один из них ничего не говорил о зеленых «Распятиях» и розовых «Воскресениях», и только пять или шесть полотен, отражавших религиозный взгляд на последнюю войну, так их потрясли, что они начали спорить, остановившись перед картиной, получившей первую премию — Христос на фоне бомбардировки крупного города.

— Думаю, в этом что-то есть,— сказала Мойра.— Впервые я согласна с мнением жюри.

Дуайт сказал:

— У меня мурашки бегают, когда я на это смотрю.

— Что тебе здесь не нравится?

Он вгляделся в картину.

— Все. Для меня это попросту неправдоподобно. Ни один нормальный пилот не летал бы так среди термоядерных взрывов. Он бы тут же сгорел.

Девушка заметила:

— Зато очень хороши композиция и палитра.

— Может быть,— сказал он,— но правды в этом нет.

— В каком смысле?

— Если вот это здание «Рэйдио Корпорейшн», то выходит, что автор поместил Бруклинский Мост со стороны Нью-Джерси, а Эмпайр Стейт Билдинг — в самой середине Сентрал-Парка.

Она заглянула в каталог.

— Здесь не написано, что это Нью-Йорк.

— Что бы это ни было, оно неверно,— повторил он.— Ни один город не мог так выглядеть.— Он задумался.— Слишком драматично.— Отвернувшись, он с отвращением осмотрелся.— Вообще, мне все это не нравится.

— Ты смотришь на это с точки зрения религии? — спросила она.

Ее смешил его протест — раньше она думала, что раз он так часто ходит в церковь, значит, живопись такого рода ему понравится.

Он взял ее за руку и сказал:

— Я не религиозен. Это моя вина, а не художников. Они видели все не так, как я.

Они вышли из зала.

— Тебя интересует живопись? — спросила Мойра.— Или же раздражает?

— Вовсе нет,— ответил он.— Я люблю, когда картины прият-

ны, разноцветны и написаны не для того, чтобы учить человека. Был такой художник Ренуар, правда?

— Да. И здесь есть несколько его картин. Хочешь их увидеть?

Они перешли в зал французского искусства и остановились перед пейзажем: река, затененная деревьями улица, белые дома и магазины — картина была очень французской и многоцветной.

— Вот такие картины я люблю,— сказал он,— и могу смотреть на них часами.

Довольно долго они расхаживали по Галерее, разглядывая картины и разговаривая. Потом Мойра сказала, что должна возвращаться: мать плохо себя чувствовала и просила ее вернуться домой до ужина. Дуайт поехал с ней на трамвае на вокзал.

В толпе у входа она повернулась к нему.

— Спасибо за обед и милую прогулку. Надеюсь, французская живопись вознаградила тебя за религиозную выставку.

Он рассмеялся.

— Действительно. Я хотел бы пойти снова и увидеть еще больше. Что до религии, то я не знаток.

— Но ведь ты каждое воскресенье ходишь в церковь,— заметила девушка.

— Это другое дело,— ответил он.

Она не стала спорить с ним в этой толпе, а просто спросила:

— Мы еще встретимся до твоего отъезда?

— Днями я буду, пожалуй, очень занят. Может, как-нибудь вечером выберемся в кино, но только недолго? Мы выходим, как только кончатся работы на верфи, а там взяли хороший темп.

Они договорились вместе поужинать в ближайший вторник, после чего Мойра, махнув рукой на прощанье, скрылась в сутолоке вокзала. Дуайт медленно пошел по улице, разглядывая витрины. Перед одним из магазинов со спортивными товарами он заколебался, потом вошел.

В отделе товаров для рыболовов он сказал продавцу:

— Я хотел бы купить удочку с катушкой и леску.

— Пожалуйста,— ответил продавец.— Для вас?

Американец покачал головой.

— Это подарок десятилетнему мальчику,— объяснил он.— Его первая удочка. Хотелось бы очень хорошую, но короткую и легкую. У вас есть удочки из стекловолокна?

— К сожалению, сейчас таких нет,— ответил продавец. Он снял со стойки одну из удочек.— Вот прекрасная маленькая удочка из стали.

— А она не заржавеет в морской воде? Он живет у моря, а вы знаете, какие сейчас дети.

— Не заржавеет,— заверил продавец.— Мы продаем много таких для морской рыбалки.— Он потянулся к полке с катушками, по-

ка Дуайт разглядывал удочку и пробовал согнуть ее в руке.— Есть также пластмассовые катушки или, может, вы предпочтете из нержавеющей стали? Они, конечно, лучше, но и значительно дороже.

Дуайт осмотрел катушки.

— Пожалуй, возьму эту, стальную.

Он выбрал леску, и продавец завернул все покупки.

— Отличный подарок для мальчика,— заметил он.

— Точно,— согласился Дуайт.— Вот радости-то будет.

Он заплатил и с пакетом в руках прошел через магазин к отделу, в котором продавали детские велосипеды и самокаты.

— Есть у вас жабьи трости? — спросил он продавщицу.

— Жабьи трости? Кажется, нет, но я спрошу у заведующего.

Появился заведующий.

— К сожалению, жабьих тростей нет. Сейчас на них повышенный спрос. Последнюю мы продали два дня назад.

— А будут еще поступления?

— Я заказал дюжину, но не знаю, когда их пришлют. Сейчас такая неразбериха. Это, конечно, для подарка?

Дуайт кивнул.

— Да, для шестилетней девочки.

— У нас есть самокаты — очень хороший подарок для девочки такого возраста.

Дуайт покачал головой.

— У нее уже есть самокат.

— Тогда маленький велосипед.

«Они слишком большие и неуклюжие»,— подумал Дуайт, но вслух ничего не сказал.

— Нет, мне нужна только жабья трость. Поищу еще, а если не найду, вернусь сюда.

— Может, стоит поискать у Макэванса,— услужливо посоветовал заведующий.— Возможно, одна и осталась.

Дуайт зашел и к Макэвансу, но и там не было жабьих тростей. Он зашел еще в один магазин, но тоже напрасно; вероятно, жабьи трости уже исчезли с рынка. Чем дольше он ходил, тем больше убеждался, что ему нужна только жабья трость, и никакой другой подарок не сможет ее заменить. В поисках еще одного магазина с игрушками он дошел до улицы Коллинза и здесь, за пределами торгового района, оказался среди самых изысканных магазинов.

Под конец этого часа, посвященного покупкам, он остановился перед витриной ювелира. Это была прекрасная старая фирма. Дуайт долго стоял, глядя на украшения: изумруды и бриллианты были бы лучше всего. Изумруды бы здорово подошли к ее темным волосам.

Он вошел в магазин.

— Мне нужен браслет,— сказал он молодому человеку в траурно-черном пиджаке.— С изумрудами и, возможно, с бриллиантами. Но с изумрудами обязательно. Эта дама брюнетка и любит одеваться в зеленое. Есть у вас что-нибудь такое?

Молодой человек подошел к сейфу и принес оттуда три браслета, которые положил на подушечку из черного бархата.

— Прошу вас, сэр,— сказал он.— Какой цены браслет вы хотели бы приобрести?

— Не знаю,— ответил капитан.— Я просто хочу купить красивый браслет.

Продавец поднял один с черной подушечки.

— Этот стоит сорок гиней, а этот — шестьдесят пять. По-моему, они весьма эффектны.

— А этот?

Молодой человек взял с подушечки третий браслет.

— Этот гораздо дороже, сэр. Очень красивая вещь.— Он посмотрел на ярлычок с ценой.— Этот стоит двести двадцать пять гиней.

Браслет ослепительно сверкал на черном бархате, и Дуайт взял его, осмотрел. Продавец не преувеличивал — браслет в самом деле был очень красив. Такой вещи у Шарон еще нет. Наверняка она будет в восторге.

— Работа английская или австралийская?

Продавец покачал головой.

— Настоящий Картье из Парижа. Мы приобрели его из коллекции одной дамы в Тураке. Как видите, совсем новый. Обычно приходится поправлять замочки, но здесь это ни к чему. Он в полном порядке.

Дуайт представил себе радость Шарон.

— Я возьму его,— решил он.— Но заплатить смогу только чеком. Я приду за ним завтра или послезавтра.

Он выписал чек и получил квитанцию, а уже выходя, остановился в дверях и повернулся к молодому человеку.

— Еще одно,— сказал он.— Вы случайно не знаете, где бы я мог купить жабью трость — подарок для маленькой девочки? Похоже, сейчас трудно купить такую игрушку.

— К сожалению, ничем не могу вам помочь,— ответил молодой человек.— Наверное, стоит поспрашивать в магазинах, которые торгуют игрушками.

Магазины уже закрывались, продолжать поиски было бесполезно. Дуайт вернулся в Вильямстаун, спустился с авианосца на свою лодку и положил пакет за койку так, чтобы его не было видно. Спустя два дня, получив браслет, тоже занес его на «Скорпион» и запер в стальной ящик, где держал секретные бумаги.

В тот же день некая миссис Фрезер сдала в магазин для ремонта серебряную соусницу, у которой отломилась ручка. После полудня она встретила на улице Мойру Дэвидсон, которую знала с детства. Разговор начался вопросом, как чувствует себя мать, а потом миссис Фрезер приступила к делу.

— Моя дорогая, капитан Тауэрс твой знакомый, правда?

— Да,— ответила Мойра,— и довольно хороший. Недавно он даже провел у нас уикэнд.

— Тебе не кажется, что он спятил? Хотя, конечно, может быть, все американцы такие.

Девушка улыбнулась.

— Ну, не больше, чем мы все сейчас. А что такое он сделал?

— Хотел купить у Симмондса жабью трость.

— Жабью трость? — насторожилась Мойра.

— Ну да! Искать ее у Симмондса! Как будто они продают игрушки. Говорят, он зашел туда и купил самый красивый браслет за сказочно высокую цену. Случайно, не для тебя?

— Об этом я не слышала. Это не в его стиле.

— Ну, с этими мужчинами ни в чем нельзя быть уверенной. Может, он вдруг наденет его тебе на руку, сюрприз, так сказать.

— А что такое с жабьей тростью?

— Я и говорю... Уже купив браслет, он спросил мистера Топмсона, знаешь, такой молодой, красивый брюнет... спросил его, где можно найти жабью трость. Сказал, что хочет купить подарок какой-то маленькой девочке.

— А что в этом плохого? — спокойно спросила мисс Дэвидсон.— Ведь это подходящий подарок для девочки.

— Пожалуй. Но разве тебе не кажется странным, что капитан подводной лодки хочет купить жабью трость? И к тому же — у Симмондса?

Девушка сказала:

— Видимо, он ухаживает за богатой вдовой, у которой есть дочь. Браслет для матери, игрушка для дочери. Что в этом плохого?

— Ничего,— сказала миссис Фрезер,— только мы-то думали, что он ухаживает за тобой.

— Ошибка,— мягко уточнила девушка.— Это я ухаживаю за ним.— Она попрощалась с миссис Фрезер.— Мне пора. Очень рада, что встретила вас. Я все передам маме.

Она пошла своей дорогой, но проблема Дуайта осталась в ее памяти. Причем до такой степени, что остаток дня она выясняла, как в округе обстоят дела с жабьими тростями. Дела обстояли паршиво — купить жабью трость было очень трудно.

Конечно, все немного помешались — Питер и Мэри Холмс — на своем саде, отец — на хозяйственных планах, Джон Осборн — на гоночном автомобиле, сэр Дуглас Фроуд — на клубном порт-

вейне, а Дуайт Тауэрс — на жабьей трости. Кстати, она сама — на Дуайте Тауэрсе.

Она хотела помочь Дуайту, всем сердцем хотела помочь, но знала, что делать это нужно очень осторожно. Вернувшись в тот вечер домой, она отыскала в чулане свою старую жабью трость и протерла ее тряпкой. Деревянную ручку, хотя на ней были темные пятна, умелый столяр вполне мог бы привести в порядок, зато металлические части так глубоко разъела ржавчина, что в одном месте трубка даже крошилась. Никакая краска не закрыла бы ее полностью, не придала бы ей вида новой вещи, а Мойра слишком недавно сама была ребенком, чтобы не содрогаться при мысли об игрушке, настолько явно использовавшейся кем-то другим. Значит, это не подходило.

Во вторник вечером она встретилась с Дуайтом и за ужином спросила, как идет работа на «Скорпионе».

— Неплохо,— ответил он.— Мы получили второй электролитический регенератор кислорода, он будет действовать параллельно с тем, который у нас уже есть. Установка его закончится, пожалуй, завтра вечером, и в среду мы сможем опробовать корабль. Наверное, мы уйдем в конце этой недели.

— Это очень важная аппаратура?

Он с улыбкой объяснил:

— Какое-то время мы будем идти под водой. Я бы не хотел, чтобы из-за отсутствия воздуха нам пришлось вынырнуть где-нибудь в радиоактивном районе или дышать по очереди.

— Значит, это, собственно, запасной аппарат?

Он подтвердил.

— Нам повезло, что мы его достали. Он был на складе военного флота во Фримантле.

Она чувствовала его рассеянность. Он был с ней мил и вежлив, но она чувствовала, что думает он о чем-то другом. Несколько раз за время ужина она пыталась заинтересовать его своими делами, однако без результата. То же самое было и в кино: он делал вид, что ему нравится фильм, старался поддерживать хорошее настроение, но делал это как-то автоматически, и девушке приходилось убеждать себя, что трудно требовать от него другого поведения накануне такого похода.

После фильма они пошли пустыми улицами к вокзалу. Уже недалеко от него Мойра остановилась под одной темной аркой, где они могли поговорить спокойно.

— Подожди, Дуайт,— сказала она.— Я хочу тебя спросить...

— Пожалуйста,— вежливо ответил он.— Спрашивай.

— У тебя неприятности?

— Да нет. Прости, если я был сегодня плохим спутником.

— Это связано со «Скорпионом»?

— Да нет же, детка. Я уже говорил, что нам ничего не грозит. Это поход — просто еще одно задание.

— Ты беспокоишься, что во всем городе не можешь купить жабью трость?

Он удивленно посмотрел на нее.

— А ты откуда знаешь?

Она рассмеялась.

— У меня всюду есть шпионы. Что ты купил для сына?

— Удочку.— Он помолчал и добавил: — Ты, наверно, думаешь, что я свихнулся.

— Нет,— сказала она.— Значит, ты не достал жабьей трости?

— Не достал. Похоже, их нигде нет.

— Точно.

Снова воцарилось молчание.

— Я посмотрю свою старую,— сказала Мойра.— Можешь ее взять, если думаешь, что подойдет. Но она очень старая, и металл на ней проржавел. Скакать с ней еще можно, но сомневаюсь, чтобы ее удалось подновить настолько, чтобы она выглядела как хороший подарок.

Он кивнул.

— Я видел эту ржавчину. Пожалуй, оставим ее, дорогая. Если будет время до отплытия, я приеду сюда и поищу в магазинах что-нибудь другое.

— Но ведь наверняка где-нибудь еще можно купить жабью трость. Кто-то ведь делал их в Мельбурне. И уж во всяком случае, в Австралии. Нужно только успеть ее купить.

— Не бери в голову,— сказал он.— Это была просто глупая фантазия. Все это неважно.

— Нет, важно,— запротестовала она.— Для меня важно.—Она подняла голову.— Я постараюсь, чтобы ты получил жабью трость, когда вернешься. Пусть даже придется делать ее на заказ.

— Ты очень добра,— хрипло сказал он.— Я мог бы сказать Элен, что ты принесешь жабью трость с собой.

— Можно и так,— согласилась она.— Во всяком случае, к твоему приезду она у меня будет.

— Может, за ней придется далеко ехать.

— Не беспокойся, Дуайт. Когда мы встретимся, она у меня будет.

Он обнял Мойру и поцеловал.

— За это обещание,— шепнул он,— и за все остальное. Шарон бы мне позволила. Спасибо от нас обоих.

6

Двадцать пять дней спустя подводная лодка Военного Флота Соединенных Штатов «Скорпион» приближалась к первому пункту своего маршрута. Прошло десять дней с тех пор, как на тридцатом градусе южной широты лодка погрузилась под воду. Капитан Тауэрс уже один раз останавливал лодку у острова Сан-Николс, недалеко от Лос-Анжелеса. Город они обошли по широкой дуге, опасаясь неизвестных минных полей. Он взял курс на район Санта-Барбара, а оттуда двинулся на перископной глубине на север, держась в двух милях от берега. Очень осторожно они вошли в залив Монтрей, откуда был виден вымерший рыбацкий порт, но это немногое дало. Из-за высокого уровня радиации они не смогли всплыть на поверхность.

Осмотр Сан-Франциско они провели с расстояния в пять миль, из-за Золотых Ворот. Видно было только, что мост провалился и южный его пилон рухнул. Видимые с моря здания у Парка Золотых Ворот сильно пострадали от огня и воздушной волны; ни одно из них, пожалуй, не было пригодно для жилья. Признаков жизни они нигде не заметили, впрочем, уровень радиации совершенно исключал это.

Они провели там несколько часов; фотографировали побережье через перископ и разглядывали все, что можно было разглядеть. Потом повернули на юг, до залива Халф-Мун, всплыли всего в полумиле от берега и довольно долго кричали в мегафон. Дома были целы, но и здесь они не заметили никаких признаков жизни. Подождав, пока не стемнеет, лодка взяла курс на север, в обход Пойнт-Рейес, плывя милях в трех-четырех от берега.

После перехода экватора они, как правило, всплывали раз в течение каждой вахты, чтобы при максимальной высоте антенны послушать радиостанцию в Сиэтле. За все время они слышали ее один раз — на пятом градусе северной широты. Передача велась около сорока минут — бессмысленный, явно случайный набор точек и тире — а потом вдруг прекратилась. Больше они ее не слышали. Где-то в районе Форт-Брагга, вынырнув под волны и яростные порывы северо-западного ветра, они соединили приемник с пеленгатором и снова услышали Сиэтл.

Дуайт и лейтенант Сандерстрем, склонившись над навигационным столом, нанесли на карту пеленг.

— Санта-Мария,— сказал Дуайт.— Похоже, вы правы.

Они внимательно слушали бессмыслицу, доносившуюся из динамика.

— Совершенная белиберда,— сказал, наконец, лейтенант.— Не похоже ни на настройку, ни на работу человека, хоть немного знакомого с радио. Наверняка это происходит как-то случайно.

— Пожалуй.— Дуайт продолжал слушать.— Но там есть электричество, а где есть электричество, там есть люди.

— Не обязательно,— заметил лейтенант.

— Гидроэлектростанция,— сказал Дуайт.— Я знаю ее. Но черт побери, не могут же эти турбины работать два года без консервации.

— Почему не могут? Там было несколько очень хороших машин.

Дуайт кашлянул и вернулся к картам.

— Я собираюсь прибыть в район Кэйп-Флаттери на рассвете. Мы будем идти с той же скоростью, а около полудня проведем замеры и тогда подрегулируем скорость. Если ситуация позволит, поднимемся на перископную глубину и выкачаем воду цистерн, чтобы не удариться обо что-нибудь, чего там быть не должно. Может, удастся взять курс прямо на Санта-Марию, а может, и не удастся. Вы бы вышли на сушу, если бы это оказалось возможно?

— Конечно,— сказал лейтенант.— Мне будет даже приятно вырваться из этой банки.

Дуайт не улыбнулся. Они были под водой уже одиннадцать дней и, хотя состояние здоровья команды было хорошее, психически все совершенно вымотались.

— Постучим по дереву,— сказал он,— и будем надеяться, что никаких преград не возникнет.

— Знаете что, господин капитан,— предложил лейтенант,— если не удастся попасть туда с моря, я могу попробовать добраться по суше.— Он достал одну из карт.— Если мы войдем в залив Грейс-Харбор, я бы пристал к берегу в Хокунаме или Абердине. Вот это шоссе ведет прямо до Бремертона и Санта-Марии.

— Но ведь это без малого двести миль!

— Наверняка там найдется не одна заправленная машина.

Капитан покачал головой. Двести миль в легком защитном комбинезоне за рулем излучающего автомобиля с излучающим бензином — это практически невозможно.

— Запаса воздуха,— сказал он,— вам хватит только на два часа. Я знаю, что вы могли бы взять дополнительные баллоны, но практически это невыполнимо..Мы потеряли бы вас так или иначе. Нет, игра не стоит свеч.

Они снова поплыли прежним курсом, а когда через четыре часа всплыли, передачи уже не было.

Весь следующий день лодка шла на север, на перископной глубине, лишь изредка погружаясь. Капитан придавал большое значение настроению команды. Пребывание в замкнутом помещении отражалось на людях: никаких развлекательных программ поймать по радио было невозможно, а записи, передаваемые по внутренней сети, всем уже давно надоели. Чтобы оживить людей и дать им те-

му для разговоров, капитан допускал к перископу всех, кто хотел, хотя увидеть можно было немногое. Этот скалистый берег был их родным берегом, и одного лишь вида какого-нибудь кафе с «бьюиком» перед ним хватало, чтобы было о чем говорить и думать в эти долгие однообразные дни.

В полночь они, как обычно, всплыли неподалеку от устья реки Колумбия. Лейтенант Бенсон пришел сменить старшего офицера, лейтенанта Фаррела. Тот поднял перископ и начал водить им из стороны в сторону. Потом вдруг повернулся к лейтенанту Бенсону.

— Пригласи сюда капитана. Свет на побережье, в тридцати-сорока градусах по правому борту.

Спустя несколько минут они с капитаном поочередно смотрели то в перископ, то на карту. Питер Холмс и Джон Осборн тоже пришли. Дуайт снова наклонился над картой.

— Со стороны штата Вашингтон,— сказал он.— Этот свет горит где-то в районе Лонг-Бич и Илвако. С орегонской стороны темно.

— Гидроэлектростанция,— сказал за его спиной лейтенант Сандерстрем.

— Пожалуй. То, что есть свет, многое объясняло бы.— Дуайт взглянул на физика.— Какой уровень радиации снаружи, мистер Осборн?

— Почти тридцать, господин капитан.

Дуайт кивнул. Радиоактивность делала жизнь на берегу невозможной, но сразу не убивала; за последние несколько дней изменения были невелики. Он подошел к перископу и довольно долго смотрел в окуляр. Наконец, решил, что лучше не приближаться к берегу ночью.

— Курс прежний,— сказал он.— Лейтенант Бенсон, прошу записать это в судовой журнал.

Потом Дуайт вернулся к себе. Впереди был трудный и беспокойный день, нужно было поспать. Однако сначала он открыл сейф, в котором держал секретные документы и достал браслет; в электрическом свете он засверкал всеми цветами радуги. Шарон будет в восторге. Он положил браслет в нагрудный карман кителя, лег на койку и заснул, держа руку на удочке.

Они всплыли в четыре утра, перед восходом солнца, немного к северу от залива Грейс. Огней на побережье уже не было видно, но в этих местах не было городов, и значит, это ни о чем не говорило. Они погрузились на перископную глубину и двинулись дальше. В шесть часов, когда Дуайт вошел в центральный пост, свободные от вахты матросы по очереди смотрели на пустое побережье. После завтрака капитан снова развернул планы местности и минных полей, которые и так помнил наизусть.

В семь сорок пять старший офицер доложил, что Кэйп-Флат-

тери на траверзе. Капитан затушил только что закуренную сигарету.

— Хорошо,— сказал он.— Входим, лейтенант. Курс семьдесят пять. Пятнадцать узлов.

Шум двигателей притих впервые за три недели, и эта относительная тишина действовала угнетающе. Все утро они плыли на юго-восток по проливу Хуан-де-Фука, определяя свое положение, нанося его на карту, лавируя и часто меняя курс. Изменений на берегу почти не было заметно, за исключением того, что огромное пространство на острове Ванкувер, вблизи устья реки Джордан, было сожжено взрывом. Они прикинули, что этот ожог тянется примерно на семь миль в длину и пять в ширину; никакой растительности там не было, хотя сама география района практически не изменилась.

— Я бы сказал, что это был воздушный взрыв,— произнес капитан, повернувшись к остальным.— Видимо, в управляемую ракету что-то попало.

По мере приближения к жилым районам все больше матросов становились в очередь, чтобы посмотреть в перископ, как только от него отходили офицеры. Около двенадцати, вблизи Порт-Таунсенд, они повернули на юг, в залив Паджет-Саунд, и вскоре добрались до небольшого городка Эдмондс, расположенного в пятнадцати милях к северу от Сиэтла. Минные поля остались далеко позади. С моря городок выглядел нормально, но уровень радиации по-прежнему был высок.

Капитан внимательно смотрел в перископ. Судя по счетчику Гейгера, ничто живое не могло выдержать там более двух дней, но вид городка в лучах весеннего солнца был таким гостеприимным, что капитану казалось невозможным, чтобы там не было живых людей. Даже стекла в большинстве окон были целы. Он отошел от перископа.

— Влево десять. Семь узлов. Подойдем к берегу, остановимся у мола и будем вызывать через мегафон.

Он передал командование старшему офицеру и поручил проверить и подготовить мегафон. Лейтенант Фаррелл приказал всплывать, после чего остановил корабль в ста ярдах от мола.

Боцман коснулся руки лейтенанта Фаррелла.

— Можно Суэйну посмотреть в перископ, господин лейтенант? — спросил он.— Это его родной город.

Мичман Ральф Суэйн был оператором радара.

— Ну, конечно.

Лейтенант Фаррел отодвинулся, и Суэйн подошел к перископу. Смотрел он долго. Наконец поднял голову.

— Кен Пугли открыл свою аптеку,— сказал он, оторвавшись, наконец, от окуляра.— Дверь открыта настежь и шторы раздвину-

ты. А вот вывеска горит. Это непохоже на Кена... оставить горящую вывеску на день.

— Там кто-нибудь ходит, Ральф? Не видишь? — спросил боцман.

Суэйн снова посмотрел.

— Нет. На втором этаже, у миссис Салливан, разбито стекло.

Он смотрел еще несколько минут, пока лейтенант Фаррелл не коснулся его плеча. Только тогда Суэйн отошел от перископа.

— Ты видел свой дом, Ральф? — допытывался боцман.

— Нет. С моря его не видно. Он в конце Рейнер-аллеи, за банком.— Суэйн беспокойно осмотрелся.— Никаких перемен. Все, как и прежде.

Лейтенант Бенсон произнес в микрофон:

— Говорит подводная лодка Военного Флота Соединенных Штатов «Скорпион». Мы вызываем Эдмондс. Подводная лодка Военного Флота Соединенных Штатов «Скорпион» вызывает Эдмондс. Если нас кто-то слышит, пусть выйдет на мол в конце главной улицы. Говорит подводная лодка Военного Флота Соединенных Штатов «Скорпион». Вызываем Эдмондс...

Мичман вышел из центрального поста и отправился в нос. Теперь у перископа стоял Дуайт Тауэрс и внимательно изучал берег. Город был расположен на склоне, и можно было видеть улицы и дома. Наконец капитан оторвался от перископа.

— Похоже, здесь нет особых повреждений,— сказал он.— Казалось бы, при такой цели, как заводы «Боинг», весь этот район должны были сильно бомбить.

— Оборона здесь была очень сильна,— заметил лейтенант Фаррелл.— Все ракеты были управляемые.

— Верно. Только они пролетели прямо на Сан-Франциско.

— Не все.— Первый офицер помолчал.— Был тот воздушный взрыв над проливом.

Дуайт кивнул.

— Вы видели неоновую вывеску аптеки, которая горит до сих пор? Нужно вызывать их подольше... скажем, полчаса.

— Слушаюсь, господин капитан.

Старший офицер принял перископ от капитана и сделал несколько распоряжений, чтобы удержать корабль на месте. Лейтенант Бенсон продолжал говорить в мегафон, а Дуайт закурил, опершись на стол с картами. Однако он тут же потушил сигарету и взглянул на часы.

Громко лязгнул стальной люк на носу корабля; Дуайт вздрогнул и осмотрелся. Через мгновение люк лязгнул снова, по палубе загремели шаги. В центральный пост вошел лейтенант Гирш.

— Суэйн выскочил на палубу через запасной люк,— доложил он.

Дуайт закусил губу.

— Люк закрыт?

— Так точно, господин капитан. Я проверил.

Капитан повернулся к боцману.

— Поставить часовых у запасных люков на носу и корме.

Мортимер выбежал из поста. В борт корабля плескала вода. Дуайт обратился к первому офицеру:

— Попробуйте посмотреть, что он там делает.

Лейтенант Фаррел повернул перископ, опустив его до предела.

— Почему никто его не задержал? — спросил Дуайт лейтенанта Гирша.

— Все это произошло совершенно неожиданно. Он пришел с кормы, сел и начал грызть ногти. Никто не обратил на него особого внимания. Сам я был в переднем торпедном отсеке, поэтому ничего не видел. Мы спохватились, когда он был уже в запасной шахте за закрытой дверью и открыл наружный люк. Мы предпочли не ходить за ним.

Дуайт кивнул.

— Разумеется. Прикажите продуть эту шахту, а потом проверьте, хорошо ли закрыт люк.

От перископа донесся голос первого офицера:

— Я его вижу: плывет в сторону мола.

Дуайт нагнулся, увидел плывущего человека и отдал приказ лейтенанту Бенсону. Тот уменьшил звук.

— Мичман Суэйн, вы слышите меня?

Пловец остановился.

— Немедленно возвращайтесь на корабль. Если вы сейчас же вернетесь, капитан примет вас обратно и проведет дезактивацию. Приказываю вам вернуться.

Из динамика над штурманским столом донесся ответ:

— А ну вас всех!

Легкая улыбка промелькнула по лицу капитана. Вновь наклонившись к перископу, Дуайт смотрел, как Суэйн плывет к берегу, а потом карабкается на мол.

— Ну, что ж,— сказал он и повернулся к Джону Осборну.— Как вы полагаете, долго он протянет?

— Сначала он ничего не почувствует,— ответил физик.— Рвота начнется, вероятно, завтра ночью. А потом... тут могут быть только догадки, господин капитан. Это зависит от организма.

— Три дня? Неделя?

— Пожалуй. Не думаю, чтобы дольше, при таком-то уровне радиации.

— Можно принять его обратно?

— В этом у меня нет опыта. Но через несколько часов все выделения организма будут уже активными. Заболей он на борту, мы бы не смогли гарантировать безопасность команды.

Дуайт поднял перископ и посмотрел снова. Суэйн в мокрой одежде шел по улице. Остановившись перед аптекой, он заглянул в дверь, потом повернул за угол и скрылся из глаз.

— Похоже, возвращаться он не думает,— заметил капитан.— Выключить мегафон. Курс на Санта-Мария по центру канала. Десять узлов.

Мертвая тишина воцарилась на «Скорпионе», тишина, прерываемая только приказами рулевому и свистом двигателя подруливания. Дуайт Тауэрс вернулся в свою каюту, Питер Холмс последовал за ним.

— Вы не вернете его назад, господин капитан? Я мог бы сойти на берег в защитном комбинезоне.

Дуайт посмотрел на своего офицера связи.

— Я ценю ваш порыв, лейтенант, но не воспользуюсь им. Я сам думал об этом. Скажем, мы отправим офицера с двумя людьми на берег. Прежде всего нужно найти Суэйна, а на это может уйти несколько часов. Кроме того, неясно, не подвергнем ли мы угрозе жизнь остальных, забирая его после такого длительного облучения. Может, он там что-нибудь съест или выпьет...— Он помолчал.— И еще одно: по моим подсчетам время пребывания под водой и дыхания разреженным воздухом составит двадцать семь или двадцать восемь дней. Некоторым из нас будет тяжело перенести это. В последний день вы мне скажете, хотите ли вы, чтобы это закончилось на четыре или пять часов позже, ибо как раз столько мы потеряем на Суэйна.

— Вы правы, сэр,— признал Питер.— Я только хотел предложить свои услуги.

— Я понимаю. Спасибо. Мы будем возвращаться здесь завтра ночью или на рассвете и, задержавшись, вызовем его.

Капитан вернулся в центральный пост, сменил у перископа старшего офицера и принялся наблюдать за берегом. Лодка подошла почти до доков в самом центре города.

В городе никаких руин не было. У причала военно-морской базы они увидели одинокий тральщик, в доках — несколько грузовых судов. В окнах высоких домов сверкали стекла. Подходить слишком близко к берегу они не решились, боясь непредвиденных подводных преград, однако, насколько можно было разглядеть через перископ, сам город практически не пострадал. Многочисленные вывески и фонари все еще горели.

— Здесь была хорошая оборона, господин капитан,— сказал лейтенант Фаррелл,— лучше, чем в Сан-Франциско. Она охватывала весь полуостров Олимпик, то есть была углублена миль на сто к западу.

— Да,— сказал капитан.— У них была защита из управляемых снарядов.

Оставаться здесь дольше не было смысла, они выплыли из залива и повернули на юго-запад к острову Санта-Мария; уже издалека были видны ажурные вышки радиостанции. Дуайт вызвал лейтенанта Сандерстрема к себе в каюту.

— Вы готовы сойти на берег?

— Конечно, сэр,— ответил лейтенант.— Осталось только надеть комбинезон.

— Прекрасно. В принципе, ваша задача уже наполовину решена, хотя вы еще никуда не ходили. Мы знаем, что там по-прежнему есть электричество и почти наверняка нет жизни, но в последнем еще сомневаемся. Ставлю шестьдесят четыре тысячи долларов против одного, что причиной этих радиосигналов окажется какое-нибудь замыкание. А ведь если бы мы желали только узнать, что это такое, я не рисковал бы кораблем и вами. Вы меня понимаете?

— Понимаю, сэр.

— Тогда послушайте. Воздуха в баллонах у вас на два часа. Я хочу, чтобы вы вернулись через полтора. Часов не берите: я буду следить за временем и через каждые пятнадцать минут давать сигнал сиреной. Один сигнал — пятнадцать минут, два — полчаса и так далее. Услышав четыре гудка, вы кончите работу, чем бы ни были заняты. После пяти гудков бросайте все и немедленно возвращайтесь. Перед шестым сигналом вы должны быть уже здесь и проходить дезактивацию в запасной шахте. Все ясно?

— Так точно, господин капитан.

— Вот и хорошо. Для меня главное — вовсе не выполнение этого задания, главное — чтобы вы вернулись на «Скорпион» целым и невредимым. Лично я вообще бы вас туда не посылал, раз уж мы и так знаем большую часть из того, что вы установите на месте, но я сказал адмиралу, что мы высадим на берег человека, который проведет разведку. Я не хочу, чтобы вы рисковали понапрасну. Мне нужно, чтобы вы вернулись, даже если мы не узнаем точно, в чем там дело с этим радио. Единственным оправданием какого-либо риска с вашей стороны могут быть какие-то признаки жизни на берегу.

— Понимаю, господин капитан.

— И никаких сувениров оттуда. На корабль вы должны вернуться с пустыми карманами.

— Слушаюсь, сэр.

Капитан вернулся в центральный пост, а лейтенант Сандерстрем пошел в нос. «Скорпион», слегка выступая из воды, медленно приближался к Санта-Марии, готовый в любую минуту застопорить двигатели и продуть балластные цистерны, если наткнется на преграду. Он плыл очень осторожно, и поэтому только около пяти часов остановился вблизи мола.

Когда Дуайт пришел на нос, лейтенанат Сандерстрем был уже

в защитном комбинезоне, правда, без шлема на голове и без баллонов с воздухом. Он курил сигарету.

— Пора в дорогу,— сказал капитан.

Молодой человек затушил сигарету и встал, ожидая, пока двое матросов наденут на него шлем и баллоны. Потом он опробовал клапаны, взглянул на манометр, подтянул один из ремней, вскарабкался в запасную шахту и закрыл за собой дверь.

На палубе он расправил плечи; восхитительно было дышать под солнечными лучами после стольких дней заключения в стальных стенах подводной лодки. Из люка рубки он вытащил резиновую лодку, развернул ее, нажал на сифон автономного баллона и подождал, пока она наполнится воздухом. Потом привязал швартов, спустил лодку на воду и подвел ее к лестнице у наблюдательной башенки на корме. Взяв весло, он забрался в лодку и оттолкнулся от борта.

Управлять лодкой всего одним веслом было тяжело, поэтому прошло минут десять, прежде чем он доплыл до мола. Причалил он уже увереннее и в несколько секунд поднялся по лестнице. Идя молом к берегу, он услышал первый гудок и, повернувшись, помахал рукой.

Дойдя до комплекса старых зданий, видимо, каких-то складов, лейтенант увидел на одной из стен выключатель и повернул его. Вверху зажегся фонарь. Лейтенант погасил его и двинулся дальше.

По другую сторону улицы был туалет. Сандерстрем постоял, потом перешел улицу и заглянул туда. В одной из кабин лежал труп человека в габардиновом костюме, уже сильно разложившийся. Ничего другого он не ожидал увидеть, и все же зрелище это отрезвило его и побудило двигаться быстрее.

Школа связистов располагалась в нескольких отдельных зданиях по правой стороне. Это место он хорошо знал, но он пришел сюда не для того, чтобы разглядывать все подряд. Отдел шифров был с левой стороны, и где-то рядом с ним должна была располагаться главная радиостанция.

Он вошел в отдел шифров и задержался в коридорах, пытаясь открыть все двери по очереди. Все они были закрыты на ключ, за исключением двух, ведущих в туалеты. Туда он заходить не стал.

Вернувшись на улицу, он осмотрелся вокруг и обратил внимание на трансформаторную станцию с путаницей кабелей и изоляторов. Вдоль этих кабелей он дошел до другого двухэтажного здания, на этот раз деревянного. Подходя, услышал шум какой-то электрической машины, и в тот же момент сирена «Скорпиона» проревела дважды.

Когда гудки стихли, снова стал слышен шум, он и помог ему найти подстанцию. Он увидел работающий трансформатор мощностью примерно в пятьдесят киловатт. Стрелки на пульте стояли

неподвижно, и только одна из них, указывающая температуру, дрожала на красном поле. Сама машина работала с тихим, но ясно различимым скрежетом. «Долго она не протянет»,— подумал лейтенант.

С подстанции он вернулся в деревянное здание. Здесь ни одна из дверей не была закрыта, а некоторые были даже распахнуты настежь.

На первом этаже была дирекция; бумаги покрывали пол, словно сухие листья, занесенные ветром. В одной комнате стекло вылетело из форточки, и вода попортила много вещей. Он прошел через эту комнату и выглянул в окно: осколки стекла лежали на земле.

Затем он поднялся на второй этаж, где вскоре нашел центральный передатчик. Там стояли два стола и перед каждым — высокие радиоаппараты в металлических корпусах. Один из них был мертв и тих, все стрелки стояли на нулях.

Второй аппарат стоял у окна, рама, вырванная из проема, лежала на столе. Угол этой рамы высовывался наружу, слегка покачиваясь от легкого ветра. Противоположный угол опирался на лежавшую на боку бутылку от кока-колы. Под рамой был передающий ключ.

Лейтенант подошел и коснулся ее рукой в перчатке. Рама надавила на ключ, и одна из стрелок аппарата резко скакнула вверх. Он убрал руку, и стрелка вернулась на место. Тем самым одна из задач подводной лодки «Скорпион» была выполнена — разрешился вопрос, из-за которого они прибыли сюда, за десять тысяч миль.

Сандерстрем снял раму со стола и осторожно положил на пол; дерево не было повреждено, и после небольшого ремонта ее легко можно было поставить на место. Сев за стол и держа руку в перчатке на ключе, он начал передавать по-английски:

— Говорит Санта-Мария. Донесение подводной лодки Соединенных Штатов «Скорпион». Жизни здесь нет. Выключаю станцию.

Когда он начал повторять сообщение, сирена проревела трижды.

Машинально, раз за разом передавая сообщение, которое наверняка уже приняли в Австралии, он разглядывал комнату. На столе лежал блок американских сигарет, почти полный, всего без двух пачек, и лейтенанту очень захотелось его забрать, но он помнил приказ капитана. Стояли еще несколько бутылок кока-колы, а на подоконнике лежала пачка «Сэтэдиз Ивнинг».

Он закончил передачу минут через двенадцать, причем, повторяя сообщение последние три раза, добавлял:

— Передает лейтенант Сандерстрем. На борту все хорошо. Мы идем на север, к Аляске. Я выключаю станцию.

Он снял руку с ключа и отодвинулся от стола вместе со стулом. «Черт побери,— подумал он,— эти трубки и дроссели, и этот трансформатор там, внизу... здорово поработали». Почти два года без

консервации и замены деталей они работали превосходно. Он встал, осмотрел аппаратуру и повернул три выключателя. Потом зашел за стол, снял одну из панелей аппарата и прочел название фирмы; жалко, что нельзя передать ей благодарность.

Взгляд его вновь привлек блок «Лаки Страйк», но он знал, что капитан прав: конечно, они облучены, и даже одна затяжка может оказаться смертельной. Он с сожалением отвернулся, сошел вниз и направился к подстанции, к трансформатору. Там он внимательно осмотрел пульт управления и вырвал два переключателя, а потом постоял и послушал, как затихает динамо-машина, пока она не утихла совсем. Она отлично поработала и, если бы дать подшипникам капитальный ремонт, работала бы и дальше, но ему было жаль оставлять ее работать, обрекая на скорое разрушение.

Сирена прозвучала четырежды, он уже сделал все, что нужно. Оставалось еще четверть часа для себя. Он мог еще многое посмотреть, но что именно? В жилых домах он наверняка нашел бы трупы, как и в том туалете. В отделе шифров, выбив одну дверь, нашел бы записи, интересные для историков в Австралии, но не знал бы, что из них забрать, к тому же капитан запретил приносить с собой что-либо.

Он вновь поднялся наверх. Оставшиеся минуты были его свободным временем, и он прямо направился к еженедельникам на подоконнике. Как он и думал, это были три последних номера, изданные уже после отплытия «Скорпиона» из Пирл-Харбора перед самым началом войны, номера, которых не успел получить ни он, ни кто другой из команды корабля. Он с жадностью пролистал их. В них были напечатаны три последних части повести «Прекрасная дама и дровосек». Лейтенант начал читать.

Пятикратный гудок прозвучал, когда он дошел до середины первой части. Нужно было идти. Подумав, он свернул три газеты и взял их под мышку. Лодка и защитный комбинезон облучены, значит, нужно будет оставить их в шкафчике внешней обшивки, чтобы их обмыла морская вода. Еженедельники можно завернуть в свернутую лодку, а потом дезактивировать, высушить и читать, когда лодка вернется в безопасные широты. Он вышел из комнаты, старательно закрыл за собой дверь и направился к молу.

Недалеко от мола, у залива, стояло офицерское казино. Высаживаясь, он не обратил на него внимания, но сейчас что-то его заинтересовало, он свернул в сторону и подошел, остановившись напротив большой веранды. Внутри явно проходил какой-то прием. Он увидел пятерых офицеров в парадных мундирах и двух женщин, сидевших за столом; легкий ветерок шевелил летние платья. На столе стояла бутылка виски, содовая вода и высокие старомодные стаканы.

Иллюзия была настолько полной, что он быстро подошел еще

ближе и... остановился, как вкопанный, ведь этот прием проходил больше года назад... Он отскочил в сторону и почти побежал к молу, желая уже только одного — вернуться в замкнутые стены, к друзьям, под защиту подводной лодки.

На палубе он выпустил воздух из лодки, свернул ее, спрятал в резину журналы и сунул все в люк. Потом разделся, сунул туда же шлем и комбинезон, захлопнул люк и запасной шахтой спустился вниз, чтобы принять душ. Через пять минут он снова был во влажной духоте «Скорпиона».

Джон Осборн уже ждал его у дверей шахты со счетчиком Гейгера и, прослушав, пропустил. Минутой позже лейтенант Сандерстрем, с полотенцем вокруг пояса, уже докладывал капитану Тауэрсу в его каюте; там были старший офицер и офицер связи.

— Мы приняли ваши сигналы по радио,— сказал капитан.—Не знаю, однако, приняли ли их в Австралии... Как вы считаете?

— По-моему, приняли,— сказал радиотехник.— Там уже осень, и электрических разрядов в атмосфере немного.

Сандерстрема отпустили, и он пошел одеваться, а капитан обратился к лейтенанту Фарреллу:

— Мы останемся здесь до утра. Сейчас семь часов, и стемнеет раньше, чем мы доплывем до минных полей.— Не надеясь на навигационные огни, горевшие на берегу, он не решался рисковать и идти через минные поля залива в темноте.— Солнце взойдет примерно в четыре пятнадцать... или в полдень по Гринвичу. Тогда и двинемся.

Всю ночь они провели в спокойных водах портовой бухты острова Санта-Мария, глядя через перископ на его огни. На рассвете погрузились, взяли курс назад и сразу же сели на илистую банку. Они попытались сняться с мели, выкачав воду из балластных цистерн, но ничего не вышло, и пришлось ждать прилива. Только около десяти утра лодка вышла в главный канал и взяла курс на север.

В двадцать минут одиннадцатого лейтенант Гирш, стоявший у перископа, вдруг сказал:

— Лодка прямо по курсу.

Первый офицер бросился к перископу, взглянул и приказал:

— Зови капитана.

Пришел капитан.

— За бортом лодка с подвесным мотором,— доложил лейтенант Фаррелл.— В ней один человек.

— Живой?

— Похоже, да. Лодка ведь плывет.

Тауэрс прильнул к перископу и долго смотрел.

— Я бы сказал, что это мичман Суэйн,— тихо произнес он, отходя, наконец, от перископа.— Он ловит рыбу. Взял лодку с мотором и поплыл на рыбалку.

— Правда? — удивился старший офицер.— Ну и ну!

Капитан на мгновение задумался.

— Подплывем и остановимся,— сказал он.— Я поговорю с ним.

На корабле воцарилась тишина, прерываемая только приказами вахтенного офицера. Вскоре он приказал выключить двигатели и доложил, что лодка у самого борта. Тауэрс с микрофоном на длинном проводе подошел к перископу.

— Говорит капитан. Добрый день, Ральф. Как дела?

— Отлично, господин капитан,— прозвучало в динамике.

— Поймал что-нибудь?

Человек в лодке поднял вверх лосося.

— Одного,— сказал он и вдруг воскликнул: — Ой, господин капитан, вы у меня все перепутали...

В главном посту Дуайт улыбнулся и сказал:

— Он забросил удочку.

Лейтенант Фаррелл спросил:

— Двигаться дальше?

— Нет... подождите.

Они ждали, пока рыбак не закрепил свои снасти. Потом Суэйн сказал:

— Господин капитан, вы, наверное, считаете меня мерзавцем и дезертиром?

— Все в порядке, парень,— сказал Дуайт,— я знаю, как все было, но я не возьму тебя обратно на корабль. Нужно думать и об остальной команде.

— Конечно, капитан. Я знаю. Я облучен и с каждой секундой получаю все большую дозу.

— Как ты себя чувствуешь?

— Пока хорошо. Вы не могли бы спросить мистера Осборна, сколько я протяну?

— Он полагает, что день или два, а потом заболеешь.

Рыбак из лодки ответил:

— Что ж, неплохая погода для последнего дня жизни. Было бы дьявольски неприятно, если бы шел дождь.

— Вот правильный подход,— рассмеялся Дуайт.— Скажи мне, как дела на берегу?

— Все здесь умерли, капитан... но, думаю, это для вас не новость. Я пошел домой, отец и мать лежали мертвые в постелях... наверное, что-то приняли. Потом я пошел к своей девушке, а она тоже... Зря я туда пошел... Ни собак, ни кошек, ни птиц... ничего живого... все перемерли. Но в остальном здесь почти так же, как было всегда. Простите за дезертирство, капитан, но я рад, что оказался в родных местах.— Помолчав, Суэйн продолжал: — У меня есть машина и бензин, и лодка с подвесным мотором,

и удочки. А день такой прекрасный. Лучше уж так, в своем родном городе, чем ждать до сентября в Австралии.

— Разумеется, парень. Я тебя понимаю. Может, тебе что-нибудь нужно? Мы сейчас уходим и больше не вернемся.

— Есть у вас те таблетки, которые нужно принять, когда станет плохо?

— Нет, Ральф. Если хочешь, я выложу на палубу пистолет.

Рыбак покачал головой.

— У меня есть свой. Я поищу в аптеке, когда вернусь на берег, но, думаю, пистолет будет лучше всего.

— Может, еще что-нибудь?

— Спасибо, капитан, у меня есть все, что нужно. К тому же, бесплатно. Попрощайтесь за меня с ребятами.

— Обещаю тебе, парень. А мы поплывем дальше. Доброго улова.

— Спасибо, капитан. Вы хороший командир, и я прошу прощения за дезертирство.

— Порядок. Ну, а теперь берегись водоворотов от наших винтов,— сказал Дуайт и повернулся к заместителю: — Примите руль, лейтенант. Прямо, а потом на курс. Десять узлов.

В тот вечер Мэри Холмс позвонила Мойре. Был мокрый осенний вечер, лил дождь, и ветер выл вокруг дома в Гарквее.

— Дорогая,— сказала Мэри,— от них было сообщение по радио. Все чувствуют себя хорошо.

У девушки перехватило дыхание, настолько неожиданной была новость.

— Как же оно сюда дошло?

— Лейтенант Петерсен только что звонил мне. Это с той таинственной радиостанции, которую они должны были осмотреть. Передавал лейтенант Сандерстрем. Он сообщил, что все хорошо. Разве это не здорово?

Чувство облегчения было настолько сильным, что у Мойры на мгновение потемнело в глазах.

— Чудесно,— прошептала она.— Скажи, можно им что-нибудь передать отсюда?

— Не думаю. Сандерстрем сказал, что выключит станцию и что там нет никого живого.

— О...— Мойра довольно долго молчала.— Ну что ж... теперь нужно просто набраться терпения.

— А ты хотела послать какое-то особое сообщение?

— Вообще-то нет. Просто хотела сказать кое-что Дуайту. Но с этим можно подождать.

— Дорогая, неужели ты...

— Нет.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Гораздо лучше, чем пять минут назад.— Потом Мойра спросила: — А как дела у тебя? Как Дженнифер?

— Отлично. У нас все в порядке, вот только все время идет дождь. Может, заедешь к нам? Мы так давно не виделись.

— Я могла бы приехать вечером после работы и остаться до утра,— ответила Мойра.

— Котик, это будет здорово!

Через два дня Мойра вышла из поезда на станции Фалмут и пешком пошла в гору. Мэри уже ждала ее, сидя у огня, весело пляшущего в камине. Мойра сняла промокшие туфли, помогла Мэри выкупать и уложить спать ребенка, а потом они поужинали. После ужина они сели на пол, озаряемые розовыми бликами огня.

— Как по-твоему,— спросила девушка,— когда они вернутся?

— Питер говорил, что примерно четырнадцатого июня.— Мэри взяла со стола календарь.— Это еще три недели... даже чуть больше. Я считаю дни.

— А там... откуда пришел сигнал... они были в расчетное время?

— Не знаю... что ж я, растяпа, не спросила лейтенанта Петерсена! Может, позвонить ему завтра и спросить?

— Думаю, он на тебя не рассердится.

— Значит, позвоню. Питер говорил, что это его последняя должность на флоте и, вернувшись, он будет свободен. Мы могли бы в июне или июле устроить себе отпуск и уехать. Здесь так мерзко зимой... целыми днями только дождь и ветер.

Мойра закурила.

— А куда бы вы поехали?

— Туда, где тепло. Может, в Квинсленд. Знаешь, очень неудобно без машины, нам придется с Дженнифер трястись на поезде.

Мойра выпустила дым.

— Не думаю, чтобы в Квинсленде было очень хорошо.

— Из-за этой болезни? Она еще далеко.

— Она уже дошла до Мэриборо,— сказала девушка.— Это чуть севернее Брисбена.

— Но ведь есть много теплых мест, куда можно отправиться, не проезжая там, верно?

— Пожалуй. Хотя это движется на юг довольно равномерно.

Мэри повернулась к ней.

— Скажи, ты веришь, что это дойдет сюда?

— Верю.

— И все мы умрем от этого? Так, как говорят ученые?

— Пожалуй.

Мэри снова отвернулась и из разбросанных на диване бумаг вытащила каталог садовых цветов.

— Я была сегодня у Вильсона и купила сто нарциссов. Луков-

ками. «Король Альфред»... так их называют. Вот эти.— Она показала Мойре снимок из каталога.— Посажу их в том углу под стеной... откуда Питер убрал дерево. Тихое местечко. Но если все мы умрем, то это глупо.

— Не больше, чем то, что я начала учить стенографию и машинопись,— заметила Мойра.— Думаю, все мы слегка не в себе. Когда взойдут нарциссы?

— В конце сентября должны зацвести,— сказала Мэри.— Конечно, сначала они будут не очень хорошими, но в будущем году разрастутся, а через два года это будет просто чудо. Ты же знаешь, они размножаются.

— Ну, по-моему, ты сделаешь правильно, если их посадишь. Когда увидишь их цветущими, тебе так или иначе будет приятно.

Мэри с благодарностью посмотрела на Мойру.

— И я так думаю. Я бы не вынесла... ну, просто не смогла бы махнуть на все рукой и ничего не делать. Уж лучше умереть сразу, чтобы все было позади.

Мойра согласилась.

— Если они правы в своих прогнозах, никто из нас не успеет сделать того, что планировал. Но мы же можем двигать свою работу вперед, пока еще можно.

Они все сидели на коврике перед камином, Мэри шевелила кочергой пылающие поленья. Наконец она сказала:

— Я забыла спросить, не хочешь ли ты виски или коньяка. В буфете есть бутылка, и содовая, кажется, тоже есть.

Девушка покачала головой.

— Это не для меня. У меня есть все для счастья.

— В самом деле?

— В самом деле.

— Вступила на дорогу добродетели или чего-то другого?

— Скорее, чего-то другого,— сказала Мойра.— Я перестала пить дома и сейчас пью только на больших приемах или в мужском обществе. Но, в сущности, даже это мне надоело.

— Потому что тебя больше не интересуют мужчины, правда, котик? Больше нет? Только Дуайт Тауэрс?

— Да,— ответила девушка.— Только Дуайт Тауэрс.

— Ты не думаешь выходить замуж?

Девушка вглядывалась в огонь.

— Я бы хотела,— спокойно сказала она.— Хотела бы иметь все то, что имеешь ты. Но это невозможно.

— Ты не можешь выйти за Дуайта?

— Нет.

— Ты же наверняка ему нравишься.

— Да,— сказала Мойра.— И даже очень.

— Значит, он бы на тебе женился.

Девушка покачала головой.

— Он никогда этого не сделает. Понимаешь, он уже женат. В Америке у него жена и двое детей.

Мэри удивленно уставилась на нее.

— Дорогая, это невозможно. Все они мертвы.

— Он считает по-другому,— утомленно объяснила Мойра.— Думает, что в сентябре вернется к ним в свой родной город Мистик.— Она помолчала.— Все мы немного сходим с ума, каждый по-своему. Он — вот так.

— Ты хочешь сказать, он действительно думает, что его жена еще жива?

— Не знаю. Впрочем, скорее, нет, не думает. Он знает, что умрет в сентябре, и думает, что после смерти встретится с ними дома... С Шарон, Дуайтом-младшим и Элен. Даже покупает для них подарки.

— Но если он так думает, то зачем целовал тебя? — недоумевала Мэри.

— Потому что я обещала ему помощь в поисках этих подарков.

Мэри вскочила на ноги.

— Я хочу выпить,— решительно сказала она.— Да и тебе это пойдет на пользу.

Она принесла коньяк и, когда они сели с рюмками в руках, сказала:

— Это должно быть странно — ревность к умершей женщине.

Глядя на огонь, Мойра выпила глоток коньяка.

— Я не ревную к ней,— сказала она наконец.— Пожалуй, нет. Ее зовут Шарон, как в Библии. Я бы хотела с нею познакомиться. Наверное, это чудесная женщина. Понимаешь, он такой практичный...

— И ты не хочешь выйти за него замуж?

Девушка долго молчала.

— Не знаю,— решилась она наконец.— Не знаю, хочу ли. Если бы не все это... я делала бы все, чтобы увести его у нее. Думаю, что никогда и ни с кем другим я не буду счастлива. Да и времени осталось слишком мало.

— Еще три-четыре месяца,— сказала Мэри.— Я как-то видела мотто, знаешь, такую табличку, которую вешают на стену, чтобы поднимала настроение. Там было: «Не расстраивайся... это может вовсе не наступить».

— А по-моему, это наступит, и уже очень скоро,— сказала Мойра. Она взяла кочергу и принялась шевелить дрова.— Будь перед нами вся жизнь, все было бы иначе. Был бы смысл подложить ей свинью, если бы это означало любовь Дуайта и дом, и детей, и все остальное. Я пошла бы на все, если бы знала, что есть такая возможность. Но делать это, чтобы три месяца получать удоволь-

ствие, а потом — ничего... это совсем другое дело. Может, я и испорчена, но не до такой же степени.— Она подняла голову и улыбнулась Мэри.— Сомневаюсь, что можно успеть сделать это за такое короткое время. И потом, он бы должен был перед ней исповедоваться.

— О, Боже,— вздохнула Мэри.— Трудное дело.

— Труднее некуда,— согласилась Мойра.— Я чувствую, что умру старой девой.

— Это бессмысленно, но в последнее время все не имеет смысла. Питер...— Она замолчала.

— Что, Питер? — заинтересовалась девушка.

— Не знаю. Это было просто безумие...— Мэри беспокойно шевельнулась.

— Что было? Скажи мне.

— Ты когда-нибудь убила кого-нибудь?

— Я? Пока нет. Но иногда хотела, особенно наших сельских телефонисток.

— Да нет, я серьезно. Это страшный грех — убить кого-то, правда? За это идут в ад.

— Не знаю. Кажется, да. А кого ты хочешь убить?

Молодая мать ответила бесцветным голосом:

— Питер сказал, что, может быть, мне придется убить Дженнифер.— Слеза скатилась по ее щеке.

Мойра наклонилась к ней и коснулась ее руки.

— Этого не могло быть, дорогая. Ты его плохо поняла.

Мэри покачала головой.

— Я хорошо его поняла,— прорыдала она.— Он сказал, что, может, мне придется это сделать... и объяснил как.— Теперь слезы полились ручьем.

Мойра прижала ее к себе и принялась успокаивать, а потом постепенно узнала обо всем. Сначала она не поверила, но потом решила, что это может быть правдой. В конце концов обе женщины пошли в ванную, и Мэри показала красные коробочки в шкафчике.

— Я уже об этом слышала,— серьезно сказала Мойра,— но не думала, что все так серьезно...

Мир потихоньку начинал сходить с ума.

— Я не могла бы сделать этого сама,— прошептала Мэри.— Как бы она ни болела... Если Питера здесь не будет... если со «Скорпионом» что-нибудь случится... ты придешь и поможешь мне, Мойра? Прошу тебя.

— Конечно, приду,— мягко сказала девушка.— Конечно, я помогу тебе. Но Питер наверняка будет здесь. Они вернутся, Дуайт обязательно приведет корабль.— Она вынула носовой платок и подала его Мэри.— Вытри слезы и заварим себе чаю. Я поставлю чайник.

Спустя восемнадцать дней подводная лодка Соединенных Штатов «Скорпион» всплыла уже в чистом воздухе на тридцать первом градусе южной широты, недалеко от острова Норфолк. У выхода в Тасманово море погода была холодная, над головой шли облака, палубу заливали волны. Дуайт мог выпускать команду только на навигационный мостик, по восемь человек за раз. Каждый из них выходил туда бледный и дрожащий, сжимаясь под ударами дождя и водяной пыли. Корабль плыл против ветра почти целый день, чтобы каждый подышал свежим воздухом выделенные ему полчаса, но лишь немногие выдерживали на мостике так долго.

Сопротивляемость команды холоду и влаге была слаба, но все же капитан Тауэрс вез их обратно живыми — всех, за исключением мичмана Суэйна. Все были бледными и анемичными после тридцатидневного пребывания под водой, а трое матросов впали в сильную депрессию, после чего их освободили от вахт. Наволновался Дуайт и тогда, когда у лейтенанта Броуди начался приступ аппендицита; с помощью Джона Осборна капитан уже прочитал нужный раздел медицинского справочника и приготовил все для операции. Однако боль вдруг прошла, и пациент лежал сейчас в своей каюте; его обязанности принял на себя Питер Холмс, и была надежда, что такое положение сохранится дней пять, пока корабль не вернется в Вильямстаун. Питер Холмс был нормален, как никто на корабле, а Джон Осборн, хотя по-прежнему работал хорошо, был раздражен и зол; кроме того, он постоянно говорил о своем «феррари».

Они опровергли теорию Юргенсона. Осторожно вошли в залив Аляска и, пользуясь детектором подводных мин для обнаружения айсбергов, достигли пятьдесят восьмого градуса северной широты в районе Кодьяка. Помня о более толстом у берега льде, они не подходили к побережью; уровень радиоактивности был там по-прежнему убийственным, и положение немногим отличалось от положения в районе Сиэтла. Они сочли, что нет смысла рисковать кораблем дольше, чем это необходимо, провели замеры и взяли курс на юг, слегка уклоняясь к востоку, пока не вошли в более теплые воды, где было меньше льда, а там взяли курс на юго-запад, к Гаваям и Пирл-Харбору.

Визит в Пирл-Харбор не дал им почти ничего. Они вошли прямо в порт, в тот самый док, откуда «Скорпион» вышел в море перед началом войны. Это было тяжелое испытание, но команда перенесла его сравнительно легко, ибо никто, в чем Дуайт уверился еще перед рейсом, не имел семей в Гонолулу, да и вообще никаких связей с этими островами. Имея возможность, как и в Санта-Марии, высадить на берег одного из офицеров в защитном костюме, Дуайт два дня совещался с Питером Холмсом и, наконец, пришел к выводу, что такая экспедиция ничего не даст. Лейтенант Сандер-

стрем, имея свободное время на острове Санта-Мария, не придумал ничего лучшего, как читать повесть в еженедельниках, и офицер, выпущенный на берег в Пирл-Харборе, вряд ли смог бы заняться более полезным делом. Уровень радиоактивности был так же высок, как в Сиэтле, поэтому они составили список кораблей в порту, список разрушений на берегу и ушли в море.

При входе в Тасманово море им удалось установить связь с Австралией. Они подняли мачту антенны, сообщили свои координаты и предположительный срок возвращения в Вильямстаун. В ответ их спросили о состоянии здоровья, на что Дуайт передал довольно длинное послание, составить которое было довольно трудно из-за мичмана Суэйна. Потом последовал обмен обычными сигналами, касающимися прогноза погоды, потребности в топливе и ремонте по возвращении, а перед самым полуднем было неожиданно получено важное сообщение.

Оно было трехдневной давности и звучало следующим образом:

«От Главнокомандующего Военно-Морским Флотом Соединенных Штатов, Брисбен.

Капитану Дуайту Л. Тауэрсу, подводная лодка ВМФ Соединенных Штатов «Скорпион».

Вопрос: прием дополнительных обязанностей.

1. Ввиду ухода со своего поста нынешнего главнокомандующего ВМФ Соединенных Штатов с сего дня вы принимаете на себя и будете исполнять впредь обязанности Главнокомандующего ВМФ Соединенных Штатов во всех районах. Вы будете распоряжаться этим Флотом, продолжая или прекратив его работу под австралийским командованием — как сочтете нужным.

2. Тем самым вы, пожалуй, становитесь адмиралом — если захотите им стать. Прощайте и желаю удачи.

Джерри Шоу.

3. Копия — адмиралу Королевского ВМФ Австралии».

Дуайт прочел это в своей каюте, потом, поскольку копия была уже передана, вызвал офицера связи. Когда вошел Питер, он молча подал ему сообщение.

Лейтенант прочел и тихо сказал:

— Поздравляю, господин адмирал.

— Полагаю...— начал Дуайт, но закончил только после паузы: — Полагаю, это означает конец Брисбена.

Порт Брисбен был удален на 250 миль к северу от того места, где они сейчас находились. Питер кивнул, вспоминая данные замеров радиоактивности.

— Вчера после обеда радиоактивность была довольно высока.

— Я думал, что он оставит свой корабль и уйдет к югу.

— Значит, они не могли оттуда уйти?

— Не было топлива,— объяснил Дуайт.— Им пришлось прекратить все работы на кораблях. Цистерны совершенно высохли.

— И все же я думал, что он приедет в Мельбурн. Все-таки Главнокомандующий ВМФ Соединенных Штатов...

Дуайт натянуто улыбнулся.

— Это ничего не значит... теперь уже ничего. В сущности, он был капитаном своего корабля, а корабль этот был лишен возможности двигаться. Вот он и не захотел покидать команду.

Поскольку говорить было больше не о чем, он отпустил офицера связи, написал короткое подтверждение приема и дал его радиотелеграфисту для передачи в Мельбурн. Вскоре после этого радист вернулся и положил на стол радиограмму.

«На Ваш 12/05663 отвечаем:

К сожалению, связь с Брисбеном уже невозможна».

Капитан кивнул.

— Хорошо,— сказал он.— Ничего не поделаешь.

7

Питер Холмс явился к адмиралу на следующее утро по возвращении в Вильямстаун. Адмирал указал ему на стул.

— Вчера вечером я разговаривал с капитаном Тауэрсом,— сказал он.— Похоже, ваше сотрудничество развивается успешно.

— Рад это слышать, господин адмирал.

— Да. А теперь вы, наверное, хотели бы знать, как дела с вашим назначением?

Питер несмело ответил:

— Постольку-поскольку. Общая ситуация, наверное, не изменилась? То есть — осталось всего два-три месяца?

Адмирал кивнул.

— Похоже на то. В последнюю нашу встречу вы говорили, что хотите провести оставшиеся месяцы на земле.

Питер заколебался.

— Я должен подумать и о жене.

— Понятно.— Адмирал угостил молодого человека сигаретой и закурил сам.— «Скорпион» будет поставлен в сухой док, необходим ремонт корпуса,— сказал он.— Полагаю, вы об этом знаете.

— Знаю, господин адмирал. Капитану это очень нужно. Сегодня утром я был по этому вопросу у вице-адмирала.

— Обычно это занимало недели три, но сейчас может продлиться дольше. Не хотели бы вы остаться на «Скорпионе» офице-

ром связи, пока не кончатся работы? — Адмирал помолчал, потом добавил: — Капитан Тауэрс просил продлить ваше пребывание на борту.

— А мог бы я жить в Фалмуте, господин адмирал? Это всего в двух часах пути от верфи.

— Лучше поговорить об этом с капитаном Тауэрсом. Думаю, он не будет возражать. Насколько мне известно, большая часть команды получит отпуска. У вас будет не так уж много работы.

— Я охотно буду работать с ним, господин адмирал, если смогу при этом жить дома. Но если корабль должен будет выйти в очередной рейс, я попрошу назначить на мое место кого-нибудь другого. На море я больше служить не могу.— Питер заколебался.— Мне очень жаль, но это так.

— Понимаю, лейтенант,— с улыбкой сказал адмирал.— Буду об этом помнить. Прошу прийти ко мне если потребуется освобождение.— Он встал, заканчивая разговор.— Дома все хорошо?

— Вполне, господин адмирал. Сейчас стало труднее вести хозяйство, чем когда мы отплывали, и для жены это становится утомительным. К тому же, есть еще ребенок, им тоже нужно заниматься.

— Я знаю. И боюсь, что легче не будет.

В тот же день около полудня Мойра позвонила Дуайту Тауэрсу на авианосец.

— Добрый день, Дуайт,— сказала она.— Говорят, тебя можно поздравить.

— Кто тебе сказал? — спросил он.

— Мэри Холмс.

— Можешь поздравить, если хочешь,— сказал он немного хрипло.— Но я бы предпочел, чтобы ты этого не делала.

— Слушаюсь, сэр,— согласилась она.— Не буду. Дуайт, как ты себя чувствуешь?

— Хорошо,— сказал он.— Сегодня с утра была какая-то слабость, но все уже прошло.— Действительно, все, что он делал, вернувшись на авианосец, давалось ему с трудом. Он не выспался и чувствовал себя усталым.

— Ты очень занят?

— Должен бы,— сказал он,— но не знаю... Мне кажется, что ничего не сделано, что работа движется не вперед, а назад.

Это был другой Дуайт, не тот, к которому Мойра уже успела привыкнуть.

— Ты говоришь так, будто тебя что-то мучает,— сурово сказала она.

— Ничего меня не мучает, дорогая,— сказал он слегка раздра-

женно.— Просто работы полно, а все ушли в отпуск. Мы долго были в море и забыли, что такое работа.

— Думаю, тебе самому нужен отпуск,— заметила она.— Ты не мог бы на время приехать в Гарквей?

Он задумался.

— Очень милое приглашение, но пока это невозможно. Завтра мы ставим «Скорпион» в сухой док.

— Пусть этим займется Питер Холмс.

— Так нельзя, детка. Дяде Сэму это бы не понравилось.

Она удержалась от замечания, что Дядя Сэм об этом никогда не узнает.

— А когда ты поставишь корабль, им займутся корабелы, правда?

— У тебя масса сведений о военном флоте.

— Разумеется, я же отличный шпион, настоящая Мата Хари, которая за двойным коньяком вытягивает всевозможные секреты из невинных флотских офицеров. Значит, кораблем займутся корабелы?

— Ты отлично информирована.

— Тогда ты можешь свалить все на Питера Холмса и уехать в отпуск. Когда будет этот док?

— Завтра в десять утра. Мы должны кончить до полудня.

— Значит, приезжай к нам, в Гарквей, завтра после полудня. Тут убийственно холодно. Воет ветер и хлещет дождь, так что без сапог на улицу не выйдешь. Прогулка с волами и боронование пастбища — это самая хорошая работа, известная человеку... во всяком случае, женщине. Приезжай и попробуй сам. Через пару дней у нас ты затоскуешь о духоте своего подводного корабля.

Он рассмеялся.

— Ты разворачиваешь передо мной соблазнительные перспективы.

— А как же иначе! Так ты выедешь из Вильямстауна завтра после обеда?

Он подумал, что стоило бы на пару дней забыть о своих обязанностях и отдохнуть.

— Думаю, смогу,— сказал он.— Придется кое-что перетасовать, но, думаю, это можно сделать.

Они договорились встретиться завтра в четыре часа в отеле «Австралия», а когда встретились, она была поражена его видом. Он приветствовал ее весело, явно радуясь встрече, но лицо его было желтым, а настроение подавленным. Она посмотрела на него, нахмурив брови.

— Как ты себя чувствуешь? — Она коснулась его руки.— Да у тебя же температура!

Он отдернул руку.

— Со мной все в порядке. Что ты будешь пить?

— Закажи себе двойное виски и двадцать грамм хинина,—приказала она.— Двойное виски в любом случае, а хинин я могу дать тебе, когда приедем домой. Ты должен лежать в постели.

Приятно было расслабиться под ее заботливой опекой.

— Тебе двойной коньяк? — спросил он.

— Для меня одинарный, а для себя — двойное виски,— повторила она.— Как тебе не стыдно ходить в таком состоянии? Ты же везде разносишь эти бактерии. Тебя смотрел врач?

Он заказал коньяк и виски.

— На верфи сейчас нет ни одного врача. «Скорпион» — единственный плавающий корабль, и к тому же, стоит на ремонте. Последнего корабельного врача сняли с должности еще во время нашего похода.

— Но у тебя же жар.

— Может быть,— согласился он.— Наверное, я простыл.

— Конечно. Выпей виски, а я позвоню папе.

— Зачем?

— Чтобы он приехал на станцию. Я сказала, что мы придем отсюда пешком, но теперь я не позволю тебе ходить. Ты можешь умереть, и тогда у меня будут неприятности. Может даже дойти до международного конфликта.

— С кем, детка?

— С Соединенными Штатами. Это не мелочь, уморить Главнокомандующего Военным Флотом Соединенных Штатов.

Он утомленно заметил:

— Думаю, что в данный момент Соединенные Штаты — это я. Может, я даже стану кандидатом в президенты.

— Ну, хорошо, подумай еще об этом, а я тем временем поговорю с папой.

В телефонной будке она сказала:

— Кажется, у него грипп, мамочка. И потом, он очень устал. Когда мы приедем, его нужно будет уложить в постель. Ты не могла бы протопить в его комнате и сунуть в постель грелку? И еще, мама, позвони доктору Флетчеру и спроси, не сможет ли он заглянуть к нам сегодня вечером. Вряд ли это что-то кроме гриппа, но ведь он был в радиоактивных районах больше месяца и с тех пор, как вернулся, его не смотрел ни один врач. Скажи доктору Флетчеру, о ком идет речь. Знаешь, он теперь важная персона.

— Когда вы приедете, дорогая?

Мойра взглянула на часы.

— Мы еще успеем на поезд в четыре сорок. Слушай, мама, в машине будет очень холодно. Попроси папу, чтобы привез два плаща.

Она вернулась в бар и скомандовала:

— Выпей и идем. Нам нужно успеть на четыре сорок.

Он послушно последовал за ней и через два часа уже ложился в теплую постель, чувствуя легкий озноб. Озноб прошел, когда он улегся, бесконечно благодарный и довольный тем, что может лежать спокойно, смотреть в потолок и слушать шорох дождя за окнами. Потом хозяин принес ему теплого виски с лимоном и спросил, что подать на ужин, но он не хотел есть.

Около восьми часов перед домом послышался топот, донеслись чьи-то голоса, а через минуту в комнату вошел врач; мокрый плащ он оставил внизу, но его бриджи и высокие ботинки были темны от воды и запарили, когда он встал перед камином. Это был тридцатипяти- или сорокалетний мужчина, веселый и энергичный.

— Доктор,— сказал пациент,— мне очень жаль, что вас вытащили из дома в такой вечер. У меня нет ничего такого, что не пройдет после двух дней лежания в постели.

Доктор Флетчер улыбнулся.

— Я рад, что приехал и могу с вами познакомиться,— сказал он, после чего взял американца за руку и послушал пульс.

— Насколько я знаю, вы были на радиоактивных территориях.

— Верно. Но мы не рисковали.

— Вы все время были в подводной лодке?

— Все время. С нами был представитель Организации Исследований, который ежедневно прослушивал нас счетчиками Гейгера. Значит, это не то.

— У вас была рвота, понос?

— Ничего подобного, доктор. Ни у меня, ни у кого из команды.

Доктор Флетчер сунул Дуайту в рот термометр и продолжал слушать пульс. Потом вытащил термометр.

— Сто два,— сказал он.— Вам нужно полежать. Долго вы были в море?

— Пятьдесят три дня.

— А сколько под водой?

— Больше половины.

— Вы очень устали?

Капитан на мгновенье задумался.

— Возможно,— признал он наконец.

— Разумеется, возможно. Полежите, пока не спадет жар, а потом еще один день. Через день-два я заеду взглянуть на вас. Думаю, это просто грипп. На службу вы не должны возвращаться по крайней мере неделю после выздоровления, а потом попросите отпуск. Это возможно?

— Нужно подумать.

Они поговорили о походе, об условиях в Сиэтле и Квинсленде, а под конец врач сказал:

— Я загляну завтра после обеда и привезу лекарства, которые вам нужно принимать. Завтра я еду в Дэндинунг: мой коллега оперирует там в больнице, а я займусь наркозом. При случае возьму там лекарства и по дороге домой заскочу сюда.

— Что, тяжелая операция?

— Не очень. Женщина с камнем в желудке. Лучше его убрать: это на несколько лет продлит ее жизнь.

Он вышел, и вскоре из-за окна донесся цокот копыт и несколько проклятий врача. Цокот быстро удалился и затих в шуме дождя. Потом двери открылись, и вошла Мойра.

— Ну,— сказала она,— во всяком случае завтра ты не двинешься с места.— Она подошла к камину и подбросила дров в огонь.— Он очень мил, правда?

— Это сумасшедший,— сказал командир подводной лодки.

— Почему? Потому что велел тебе лежать?

— Нет. Завтра он будет оперировать какую-то женщину, чтобы продлить ей жизнь еще на несколько лет.

Она рассмеялась.

— Будет. Я не знаю другого такого обязательного человека, как он.— Помолчав, она сказала: — Папа хочет поставить завтра еще одну дамбу для будущего лета. Он говорит об этом уже давно, но теперь сказал, что сделает обязательно. Он звонил сегодня человеку, у которого есть бульдозер, и договорился, что тот начнет, как только затвердеет земля.

— Когда это будет?

— Примерно к Рождеству. Папа не может смотреть, как дождевая вода пропадает попусту. Летом здесь всегда очень сухо.

Она взяла стакан со столика.

— Хочешь еще виски?

Он покачал головой.

— Не сейчас, дорогая. Я чувствую себя прекрасно.

— Может, чего-нибудь поешь?

Он снова покачал головой.

— Тогда, может, еще одну грелку?

— Мне уже хорошо.

Она вышла, но через несколько минут появилась снова, неся длинный завернутый в бумагу пакет.

— Я оставлю этот сверток у тебя, чтобы ты мог смотреть на него всю ночь.

Она поставила пакет в углу комнаты, но Дуайт поднялся на локте и спросил:

— Что это?

Девушка рассмеялась.

— Можешь угадывать до трех раз, а утром проверишь, какая догадка была верной.

— А я хочу увидеть сейчас.

— Завтра.

— Нет... сейчас.

Она принесла ему пакет и стала смотреть, как он разрывает бумагу. «В сущности, Главнокомандующий Военным Флотом Соединенных Штатов — просто мальчишка»,— подумала она.

Жабья трость в его руках засверкала своей первозданной чистотой. Деревянная ручка отливала шелковистым блеском, а металлический упор для ног сверкал красной эмалью. На ручке было написано: Элен Тауэрс.

— Ну,— хрипло сказал Дуайт,— это же просто чудо. Я еще никогда не видел жабьей трости с такой надписью и всем остальным. Она ошалеет от радости.— Он поднял голову.— Где ты ее достала, детка?

— Я была на фабрике, где их делают,— сказала Мойра.— То есть, сейчас уже не делают, но эту сделали специально для меня.

— У меня просто нет слов,— пробормотал он.— Теперь у меня есть подарки для всех.

Мойра собрала с одеяла обрывки бумаги.

— Это мелочь,— небрежно сказала она.— Мне было даже приятно поискать эту фабрику. Поставить ее в угол?

Он покачал головой.

— Оставь ее здесь.

Она кивнула и направилась к двери.

— Я погашу верхний свет. Не засиживайся долго. У тебя правда есть все, что нужно?

— Да, дорогая,— сказал он.— Теперь у меня есть все.

— Спокойной ночи,— сказала она и плотно закрыла за собой дверь.

Какое-то время он думал о Шарон и Элен, о солнечных днях лета и высоких кораблях в Мистик, потом об Элен, прыгающей с новой игрушкой по подметенному тротуару среди сугробов, а потом о Мойре и ее доброте. Вскоре он крепко заснул с рукой на жабьей трости.

На следующий день Питер Холмс обедал с Джоном Осборном в клубе Объединения.

— Я звонил сегодня утром на корабль,— сказал физик.— Хотел поймать Дуайта, чтобы показать черновик рапорта, прежде чем отдать его машинистке. Мне сказали, что он в Гарквее, у родителей Мойры.

Питер кивнул.

— У него грипп. Мойра вчера вечером звонила мне, чтобы со-

общить, что я не увижу его неделю, а может, и больше, если это хоть немного будет зависеть от нее.

Физик забеспокоился.

— Я не могу задерживать рапорт так долго. Юргенсон уже узнал о результатах наших работ и теперь говорит, что мы не смогли как надо выполнить его задание. Я должен отдать рапорт машинистке самое позднее — завтра.

— Если хочешь, я просмотрю его и, может быть, сумею поймать старшего офицера, хотя он тоже в отпуске. Но Дуайт должен это увидеть, прежде чем мы отдадим его. Ты можешь позвонить Мойре и завести рапорт Дуайту.

— А будет ли она там? Я слышал, что она ежедневно приезжает в Мельбурн на курсы стенографии и машинописи.

— Не валяй дурака. Конечно, она там.

Физик обрадовался.

— Я мог бы сгонять к нему еще сегодня после обеда на своем «феррари».

— Тебе не хватит бензина, если ты будешь устраивать такие поездки. Туда ходят поезда.

— Это служебное дело,— сказал Джон Осборн,— дело военного флота, и я имею право на топливо из флотских запасов.— Он наклонился к Питеру и понизил голос: — Здесь, на «Сиднее», осталось около трех тысяч галлонов эфирно-спиртовой смеси, на которой я езжу. Они использовали ее для самолетов с поршневыми двигателями, чтобы те стартовали с палубы сразу на полной скорости.

— Ее нельзя трогать! — запротестовал Питер.

— Нельзя? Но ведь это дело касается военного флота.

— Ну, мне этого рассказывать не надо. А скажи, «моррис-майнор» поедет на этой смеси?

— Придется немного повозиться с карбюратором и увеличить давление. Вытащи прокладку и положи на головку кусочек медной жести с цементом. Попробовать всегда стоит.

— Очень опасно ездить по дорогам на твоей гоночной машине?

— Вовсе нет,— сказал физик.— Сталкиваться практически не с чем, за исключением трамваев. Ну, и людей, конечно. Я всегда вожу запасной комплект свечей, потому что масло течет, если мотор делает меньше трех тысяч оборотов.

— А что происходит при трех тысячах?

— Ну, на четвертую скорость переключаться нельзя. Тогда машина делала бы сто и даже больше миль в час. На первой при таких оборотах она делает около сорока пяти. Конечно, рывок с места у нее довольно резкий; нужно иметь перед собой ярдов двести пустой дороги. Обычно я выталкиваю его со двора на Элизабет-стрит, сажусь и жду паузы между трамваями.

Именно так он и сделал в тот день после обеда. С помощью

Питера Холмса выкатил машину на мостовую, сунул папку с черновиком рапорта на сиденье, сел, застегнул ремень безопасности и надел шлем. Питер шепнул:

— Ради бога, не убей никого.

— Все они и так умрут через два месяца,— сказал физик.— И я, и ты тоже. Но до этого я еще натешусь своей машиной.

Он подождал, пока проедет трамвай, нажал стартер, пытаясь запустить холодный двигатель, но ничего не вышло. Проехал следующий трамвай; человек двадцать добровольных помощников принялись толкать машину пока мотор не заработал, и тогда «феррари» рванулся из их рук, как ракета — с оглушительным грохотом, визгом шин и вонью паленой резины. Клаксона у него не было, да он и не был нужен, ибо грохот стоял страшный. Гораздо важнее было то, что не было фар, а темнело рано, уже около пяти часов. Чтобы доехать до Гарквея, поговорить там с капитаном Тауэрсом и засветло вернуться, Джону Осборну нужно было изрядно спешить.

На скорости пятьдесят миль в час он обогнал трамвай, юзом въехал в улицу Лонсдейл, уселся поудобнее и уже со скоростью около семидесяти пяти миль в час рванул через город. Поскольку автомобиль был теперь редкостью, нужно было остерегаться только трамваев, толпы же пешеходов поспешно расступались, чтобы пропустить его. Однако в предместьях все было иначе: дети, уже привыкшие играть на пустых мостовых, не успевали вовремя сойти с дороги, и ему приходилось то и дело резко тормозить и проезжать с ревущим двигателем, почти не контролируя сцепления и опасаясь, что механизм может пострадать от этого.

Он доехал до Гарквея за двадцать три минуты со средней скоростью около семидесяти двух миль в час; при этом он ни разу не переключался на четвертую скорость. Обогнув клумбу, он затормозил перед домом; хозяин, его жена и дочь выбежали на веранду и смотрели, как он снимает шлем и выходит из машины.

— Я приехал к капитану Тауэрсу,— сказал он.— Мне сказали, что он здесь.

— Сейчас он пытается уснуть,— сурово сказала Мойра.—Что это за отвратительный механизм, Джон? Сколько он выжимает?

— Около двухсот. Я должен с ним увидеться по важному служебному делу. У меня тут кое-какие бумаги, он должен прочесть, прежде чем я отдам их на машинку.

— Что ж, думаю, он еще не заснул.

Мойра провела Джона Осборна в комнату для гостей. Дуайт не спал, он сидел, опершись на подушки.

— Я догадался, что это вы,— сказал он.— Уже переехали кого-нибудь?

— Пока нет,— ответил физик.— Надеюсь, что первой жерт-

вой буду я сам. Мне бы очень не хотелось провести последние дни в тюрьме. За последние два месяца я достаточно насиделся взаперти.

Он открыл папку и объяснил, зачем приехал. Дуайт взял рапорт и прочел, время от времени консультируясь с физиком.

— Я немного жалею, что мы не оставили радиостанцию работать,— сказал вдруг капитан.— Может, были бы какие-нибудь новости от Суэйна.

— Это далеко от него?

— У него была лодка с мотором. Он мог бы заглянуть туда, когда ему надоест ловить рыбу, и сообщить нам, что слышно.

— Сомневаюсь, чтобы он успел, господин капитан. В лучшем случае, у него было три дня.

Капитан кивнул.

— Впрочем, он наверняка не захотел бы этим заниматься. Я бы и не подумал об этом, если бы рыба хорошо клевала, и это был бы мой последний день.

Он закончил читать рапорт.

— Все в порядке. Нужно только убрать последний абзац, обо мне и корабле.

— Я бы предпочел оставить, господин капитан.

— А я хочу, чтобы вы его убрали. Не люблю восторгов по поводу обычной операции, не выходящей за рамки служебных обязанностей.

Физик вытащил карандаш и перечеркнул абзац.

— Как вам угодно.

— Ваш «феррари» здесь?

— А на чем бы еще я приехал?

— Ну, конечно, я же сам слышал... Его видно из окна?

— Да. Он стоит перед домом.

Капитан встал и подошел к окну.

— Адская машина,— сказал он.— Что вы собираетесь с ним делать?

— Я уже стал гонщиком. Осталось мало времени, поэтому сезон гонок начнется в этом году раньше. Обычно гонки не начинают до октября: треки мокрые. Однако сейчас даже зимой решили организовать небольшие гонки. Я дважды участвовал в таких перед нашим походом.

Капитан вернулся в постель.

— Вы говорили об этом. Я никогда не ездил на такой машине. Как чувствует себя человек за рулем?

— Деревенеет от страха. А потом, едва кончится одна гонка, его тянет стартовать в следующей.

— И давно вы этим занимаетесь?

Физик покачал головой.

— Я никогда не имел на это ни денег, ни времени. Но мечтал всю жизнь.

— И под конец мечта исполнилась?

Джон Осборн помолчал.

— Именно это мне нравится,— сказал он.— Лучше это, чем умереть в нечистотах или принять эти таблетки. Дело только в том, что дьявольски жалко разбивать ее. Такая машина! Пожалуй, добровольно я на это не решусь.

Дуайт улыбнулся.

— Может, вам и не придется делать это добровольно, если ехать со скоростью двести миль в час по мокрой дороге.

— Именно так я это себе и представляю. Не знаю, имел бы я что-нибудь против того, чтобы эта минута наступила уже сейчас.

— Да...— задумчиво сказал капитан.— Нет никаких шансов, что скорость движения пыли снизится?

— Абсолютно никаких. Пожалуй, она даже немного возросла. Наверное, потому, что суши к югу от тропика довольно мало. Думаю, к концу сентября это дойдет до нас.

Капитан наклонился.

— Что ж, приятно слышать. По мне, чем раньше, тем лучше.

— «Скорпион» еще выйдет в море?

— Приказа пока не было. «Скорпион» будет в состоянии оперативной готовности к первому июля. Я хочу остаться под австралийским командованием до самого конца. Будет ли у меня команда, чтобы обеспечить операции... впрочем, это уже другое дело. У большинства парней есть здесь, в Мельбурне, девушки, процентов двадцать пять поженились.

Можно только гадать, согласятся ли они снова выйти в море. Я склонен думать, что нет.

Они помолчали.

— Я немного завидую вам. Иметь такую машину! — тихо сказал капитан.— Я до самого конца не перестану работать.

— Не понимаю, зачем,— заметил физик.— Возьмите отпуск и посмотрите Австралию.

Американец улыбнулся.

— Не много здесь еще можно посмотреть.

— Верно. Но есть еще горы. Лыжники просто безумствуют в Маунт-Буллер и в Хотеме. Вы катаетесь на лыжах?

— Когда-то катался... лет десять назад. Мне бы не хотелось поломать ноги и пролежать последние месяцы в постели.— Он помолчал.— Скажите, а форель в горах ловится?

— И очень неплохо.

— Для нее есть свой сезон или ее ловят круглый год?

— Окуней можно ловить в Элдон-Вере круглый год. На блесну, с лодки. Но хороший клев форели бывает только в верховьях ма-

лых речек.— Он бледно улыбнулся.— Сейчас для форели не сезон. Ее нельзя ловить до первого сентября.

— Это меняет дело,— помолчав, сказал Тауэрс.— Я бы, конечно, хотел провести пару дней на рыбалке, но из ваших слов следует, что после начала сезона у нас будет слишком много других дел.

— Думаю, ничего страшного, если в этом году вы отправитесь на рыбалку до начала сентября.

— Нет, это не пойдет,— серьезно сказал американец.—В Штатах еще куда ни шло, но в чужой стране нужно придерживаться местных правил.

Время шло, а машина Джона Осборна не имела фар и не могла ехать медленнее пятидесяти миль в час. Физик взял рукопись, спрятал ее в папку, попрощался с Дуайтом и вышел. В холле его встретила Мойра.

— Он очень болен? — спросила она.

— Ничего страшного,— ответил физик.— Просто у него не все дома.

«Это уже не жабья трость»,— подумала она нахмурившись.

— С чего ты взял?

— Он хотел бы съездить за форелью, прежде чем все мы умрем,— сказал кузен.— Но не поедет, пока не откроется сезон, то есть, раньше первого сентября.

Некоторое время Мойра молчала.

— Ну и что? Капитан Тауэрс соблюдает закон. Больше чем ты со своим ужасным автомобилем. Откуда ты вообще берешь бензин?

— А он ходит не на бензине,— ответил Джон Осборн.— Я заправляю его из пробирки.

— То-то от него воняет,— заметила она.

Она смотрела, как Осборн медленно залезает в свою машину и надевает шлем, после чего с диким ревом срывается с места и проносится по аллее, оставив на клумбе две глубокие колеи.

Двумя неделями позже в Пастерском Клубе мистер Алан Сайкс вошел в курительную, чтобы выпить перед обедом. Спиртное начинали подавать только в час, поэтому пока мистер Сайкс был в курительной один. Налив сам себе джина, он задумался над своей проблемой. Мистер Сайкс был директором Департамента рыболовства и охоты, любил, чтобы все в подчиненном ему ведомстве основывалось на здравом смысле, и не позволял себе никаких отступлений от этого принципа. Однако сейчас в заведенный порядок вещей вторглись проблемы, связанные с общей ситуацией, и он был серьезно этим обеспокоен.

Вскоре после него в курительную вошел сэр Дуглас Фроуд. Во-

шел он слегка покачиваясь и, как заметил мистер Сайкс, необычно раскрасневшийся.

— Добрый вечер,— сказал мистер Сайкс.— Я угощаю.

— О, спасибо, спасибо,— сказал старик.— Я выпью испанского хереса.— Рука его дрожала, когда он наливал вино.— Знаешь,—сказал он,— думаю, что весь наш Комитет по закупке вин совершенно спятил. У нас более четырехсот бутылок великолепного хереса, Рю де Лопес 1947 года, а они явно готовы оставить весь этот запас в подвалах. Сказали, что члены клуба его не выпьют: цена, мол, слишком высока. А я им уже говорил, говорил... раздайте, если не можете продать. Только не оставляйте в подвалах. И вот теперь они назначили такую же цену, как за австралийский херес.— Он помолчал.— Позволь, я налью тебе стаканчик, Алан. Вино превосходное.

— Чуть позже. Скажи, мне кажется или ты действительно говорил, что Билл Дэвидсон твой родственник или свояк?

Старик кивнул.

— Родственник или свояк... Скорее, свояк. Его мать вышла за моего... моего... нет, не могу вспомнить. Что-то память меня подводит. — Ты знаешь его дочь Мойру?

— Милая девушка, но слишком много пьет. Правда, пьет только коньяк, а это меняет дело.

— У меня из-за нее неприятности.

— Что?

— Она была у министра, и тот прислал ее ко мне с запиской. Она хочет, чтобы ловлю форели в этом году разрешили раньше, поскольку иначе никто не сможет ее ловить. Министр полагает, что это здравая мысль. Думаю, это он из-за очередных выборов.

— Сезон ловли форели до конца августа? Ты это серьезно?

— Таково его предложение.

— Неважное предложение. Ведь рыба еще не кончит метать икру, а если и кончит, то будет в очень плохом состоянии. Это сократит ее популяцию на долгие годы. Когда он хочет начать сезон?

— Десятого августа.— После паузы мистер Сайкс сурово продолжал: — Эта девушка, твоя свояченица, была инициатором. Не думаю, чтобы ему самому могло прийти в голову такое.

— По-моему, это ужасно. Полная безответственность. Просто не знаю, куда идет наш мир...

По мере того, как члены клуба сходились в курительную, разговор становился все оживленнее. Мистер Сайкс вынужден был констатировать, что большинство выступает за досрочное открытие сезона.

— В конце концов,— сказал кто-то,— люди будут ловить в августе, если смогут туда добраться и погода будет хорошая... и неважно, понравится вам это или нет. А наказывать их за это штрафом

или тюрьмой уже нельзя, потому что вы просто не успеете передать дело в суд. Поэтому лучше установить какую-нибудь разумную дату — именно к этому вынуждает обстановка — и снискать всеобщую благодарность. Конечно,— добавил он тут же,— только в этом году.

— По-моему, очень хорошая мысль,— заметил известный хирург.— Если рыба окажется плохой, ее не обязательно забирать, мы всегда можем бросить ее обратно в воду. Если сезон будет слишком ранним, она не пойдет на мушку, и нужен будет спиннинг. И все же я — за. Раз уж предстоит проститься с этим миром, пусть это будет в солнечный день, и пусть я буду сидеть на реке с удочкой в руке.

— Как тот матрос, который сбежал с американской подводной лодки,— подсказал кто-то.

— Именно так. Думаю, он выбрал правильный путь.

Мистер Сайкс, познакомившись с мнением наиболее обеспеченных людей города, вернулся домой с легким сердцем, позвонил министру и еще в тот же день подготовил черновик радиосообщения об одном из молниеносных изменений государственной политики. Дуайт Тауэрс услышал это сообщение вечером в пустой кают-компании авианосца «Сидней» и очень удивился, хотя и не связал это с разговором в Гарквее несколько дней назад. Он тут же начал планировать, как опробует удочку сына. Правда, добраться до гор будет нелегко, но вполне по силам Главнокомандующему Военным Флотом Соединенных Штатов Америки.

На всей территории, еще оставшейся от Австралии, во второй половине зимы началось некоторое ослабление общего напряжения. В начале июля, когда погибли Брокен-Хилл и Перт, только немногие в Мельбурне работали больше, чем им хотелось. Электричество поступало без перебоев, основные виды продуктов — тоже, но чтобы достать топливо и некоторые другие вещи, приходилось долго искать и комбинировать. С течением времени общество явно посерьезнело: шумные гулянки еще были, и пьяные еще спали под заборами, но все реже и реже. И как вестники наступающей весны на улицах один за другим стали появляться автомобили.

Трудно было сказать, откуда они берутся и из какого источника черпают бензин. Каждый из этих случаев, при ближайшем рассмотрении, оказывался «исключительным». Хозяин дома, в котором жили Холмсы, приехал однажды за дровами на машине марки «холден», неловко объяснив, что приберег немного ценного бензина для чистки одежды. Кузен Питера, летчик из Австралийских Королевских Воздушных Сил, приехал к нам в гости на новеньком джипе, объяснив, что экономил этот бензин, но теперь не видит

в этом смысла; это был явный вздор, поскольку Билл никогда в жизни ничего не экономил. Некий инженер, работающий на перегонном заводе концерна «Шелл» в Корио, заявил, что ему удалось купить немного бензина на черном рынке, но благородно утаил фамилию негодяя, который его продал. Под давлением обстоятельств Австралия, словно губка, начала выдавливать из себя все большие капли бензина, пока к концу июля они не превратились в ручьи.

Питер Холмс взял однажды в Мельбурн канистру и навестил Джона Осборна. В тот вечер он впервые за два года услышал рокот своего «моррис-майнора» — из выхлопной трубы вылетали такие клубы дыма, что ему пришлось снять дроссель и заклепать его молотком. Потом, посадив рядом восхищенную Мэри с Дженнифер на коленях, он выехал на шоссе.

— Это так, словно едешь на первой в жизни машине! — воскликнула Мэри.— Ох, Питер, это чудесно! Ты можешь достать еще?

— Мы этот бензин сэкономили,— сказал ей Питер.— У нас в огороде закопано еще несколько канистр, но мы никому не скажем, сколько.

— Даже Мойре?

— О боже, конечно! Ей в последнюю очередь.— Питер вздохнул.— Вот только покрышки... Не знаю, что с ними делать.

Назавтра он поехал в Вильямстаун на «моррисе», въехал за ворота верфи и поставил его на берегу, рядом с опустевшим авианосцем, а вечером с комфортом вернулся домой.

Его обязанности на верфи были чисто символическими. Работа на подводной лодке шла очень медленно, поэтому достаточно было появляться там два раза в неделю; это было для него очень удобно. Дуайт Тауэрс появлялся там почти каждое утро, но и он не задерживался надолго: теперь в его распоряжении был автомобиль. Однажды утром его вызвал к себе адмирал и с каменным лицом сообщил, что не годится Главнокомандующему Военным Флотом Соединенных Штатов обходиться без машины. Так Дуайт получил серый «шевроле» с матросом Эдгаром за рулем. Ездил он на нем в основном на обед в клуб или в Гарквей, где ходил за волом, боронил навоз, а матрос разбрасывал его вилами.

Последнюю декаду июля большинство людей провели очень приятно. Погода, как обычно в это время года, была плохой, дули порывистые ветры, почти непрерывно шел дождь и было холодно, но зима уже явно кончилась. Конверты с недельным жалованием теряли свое значение и цену: если человек заглядывал на работу в пятницу, то почти обязательно получал деньги за всю прошедшую неделю, независимо от того, работал он или нет — делать было, по существу, нечего. В кассе у мясника принимали деньги, но не расстраивались, если кто-нибудь не платил, поэтому мясо, если

оно было, часто брали просто так. Если же его не было, шли к другому мяснику, словом, в конце концов, где-нибудь находили.

Высоко в горах лыжники вволю катались и в будние дни, и в воскресенье. Мэри и Питер Холмс разбили в своем садике новые клумбы и окружили его забором, у которого посадили дикий виноград. Никогда прежде у них не было столько времени на садоводство.

— Здесь будет красиво,— довольно повторяла Мэри.— Это будет самый красивый садик в Фалмуте.

В городском гараже Джон Осборн, окруженный группой любителей, возился со своим «феррари». «Гран-При Австралии» был важнейшей автомобильной гонкой в южном полушарии, и уже было решено передвинуть в этом году его с сентября на семнадцатое августа. Раньше стартовали в Мельбурне, в парке Альберта, который можно было сравнить с Сентрал-Парк в Нью-Йорке или Гайд-Парком в Лондоне. Организаторы хотели бы, чтобы эта гонка, последняя в истории, прошла в парке Альберта, но трудности были непреодолимы. Ясно было, что не найти столько стражей порядка и рабочих, чтобы обеспечить хотя бы минимальную безопасность толпы, всех ста пятидесяти тысяч человек, которых ждали на гонки. Никого не пугала перспектива, что какая-нибудь машина выскочит с дороги и убьет нескольких зрителей, после чего неизбежно будет запрещено проводить гонки в парке. Однако было нереально, чтобы удалось собрать достаточно полиции, которая оттесняла бы зрителей с самой трассы: ведь никто из водителей не хотел бы въехать прямо в толпу со скоростью сто двадцать миль в час. При такой скорости столкновение даже с одним человеком исключило бы машину из дальнейшей гонки. Поэтому гонку было решено перенести на трассу в Турэдин.

В силу обстоятельств этот праздник стал праздником только для его непосредственных участников; никто не сомневался, что из-за трудностей с транспортом мало найдется таких, кто преодолеет сорок миль от города до трассы, чтобы посмотреть гонки. А количество участников довольно неожиданно выросло. Каждый, кто имел скоростную машину, новую или старую, записался для участия в этой последней гонке на «Гран-При Австралии». Всего было двести восемьдесят участников. Конечно, столько машин не могло состязаться одновременно, не говоря уже о том, что шансы были бы вопиюще неравны, поэтому две недели кряду шла торопливая классификация автомобилей. Все участники тянули жребий, и Джон Осборн оказался в одной группе с трехлитровым «мазерати», которым управлял Джерри Коллинз, двумя «ягуарами», одним «тандербентом», двумя «бентли» и невероятно быстрой машиной, которую построил и водил молодой авиамеханик, некий Сэм Бейли. Она имела триста лошадиных сил, крайне ограниченное поле

зрения через переднее стекло, и представляла собой жуткое сочетание шасси «лотуса» и двигателя разбитого самолета «джипсиквин».

Немногочисленные зрители разместились тут и там вдоль трехмильной трассы. Дуайт Тауэрс приехал на своем служебном «шевроле», забрав по дороге Мойру и Холмсов. В тот день должны были пройти отборочные заезды пяти классов, начиная с самых малых, причем каждый заезд был на пятьдесят миль.

Прежде чем кончился первый заезд, организаторы заказали разговор с Мельбурном и попросили прислать еще две машины «скорой помощи», поскольку двух выделенных явно было мало.

Прежде всего, дорога была мокрой от дождя, хотя во время первого заезда небо прояснилось. Шеть «лотусов» состязались с восемью «куперами» и пятью «МС», один из которых вела девушка, мисс Фай Гордон. Трек имел в длину около трех миль. Длинная прямая трасса с пунктом ремонта на середине пути вела к широкому повороту, который одновременно был берегом небольшого озерка; это был так называемый Поворот у Озера. Следующим был Рог Хейсток — поворот вправо под углом около ста двадцати градусов, за ним Булавка — головокружительный серпантин с поворотом на вершине холма так, что едва поднявшись наверх, нужно было сломя голову мчаться вниз. Потом нужно было вернуться до поворота налево — тот через пологий подъем вел к крутому повороту направо, называвшемуся Катком. Оттуда длинный правый поворот вправо вел на финишную прямую.

С самого начала отборочных заездов было ясно, что это будет необыкновенная гонка. Рев, с которым она началась, указывал на то, что участники не собираются щадить ни своих машин, ни своих соперников, ни самих себя. Каким-то чудом первый поворот преодолели все машины, однако потом началось... Один из «МС» так занесло на Хэйстоке, что он вылетел с трассы и сквозь низкие заросли помчался в сторону. Водитель притормозил, повернул и вернулся на трассу. Один из подъезжающих «куперов» свернул, чтобы избежать столкновения с ним, но только закрутился на мокром асфальте и столкнулся с «купером», что шел позади. Первый водитель погиб на месте, обе машины превратились в кучу мятого железа, а второй водитель приземлился в стороне со сломанной ключицей и сильными внутренними повреждениями.

На пятом круге один из «лотусов» обогнал Фай Гордон и пошел юзом по мокрому Повороту у Озера ярдах в тридцати перед ней. Второй «лотус» обходил ее справа, и она могла повернуть только влево. Со скоростью девяноста пяти миль в час она вылетела с трассы, пересекла узкий пояс зелени перед озером и, хотя отчаянно пыталась вернуться на дорогу, свалилась в воду. Когда опал столб воды, ее перевернутый «МС» лежал в десяти ярдах от

берега, и только задние колеса слегка торчали из воды. Только через полчаса спасатели сумели перевернуть небольшой автомобиль и вытащить тело.

На тринадцатом круге три автомобиля столкнулись перед поворотом, называвшимся Катком, и полностью сгорели. Двое из водителей отделались легкими ушибами, третьего, со сломанными ногами, удалось спасти в самую последнюю минуту. Из девятнадцати стартовавших участников всего семеро закончили заезд и двое первых были допущены к борьбе за «Гран-При».

Когда взмах флажка ознаменовал финиш победителя, Джон Осборн закурил сигарету.

— Игры и забавы,— сказал он. Его заезд был последним в этот день.

Питер задумчиво произнес:

— Они хотят выиграть...

— Разумеется,— подтвердил физик.— Такими и должны быть гонки. Если что, то нам и так нечего терять.

— За исключением того, что «феррари» может разбиться.

— Да,— сказал Джон Осборн.— Случись такое, мне бы было неприятно.

Начался мелкий дождь, и трасса снова намокла. Дуайт Тауэрс с Мойрой стояли на обочине.

— Садись в машину, дорогая,— сказал он.— Ты промокнешь.

— Наверное, они не поедут под этим дождем? После всего, что было? — спросила она, не двигаясь с места.

— Не знаю,— сказал Дуайт.— Наверное, все-таки поедут. В конце концов, трасса одинаково мокрая для всех. Вовсе не обязательно ездить так, чтобы машину заносило. А если ждать ясного дня в это время года, то... ожидание может здорово затянуться.

— Но это же ужасно,— запротестовала она.— В первом же заезде — двое убитых и семеро раненых. Они не могут так ездить. Ведь это совсем как римские гладиаторы...

— Не совсем,— сказал он, чуть помолчав.— Тут нет зрителей, им не перед кем красоваться.— Он посмотрел вокруг. Кроме водителей и персонала здесь не более пятисот человек. И никто не продавал билетов у ворот.— Они делают это для собственного удовольствия, моя дорогая.

— Не верю.

Он улыбнулся.

— Пойди к Джону Осборну и предложи ему снять свой «феррари» с гонок и вернуться домой.— Она промолчала, и он добавил: — Пойдем к машине, я дам тебе коньяка с содовой.

— Только немного, Дуайт,— попросила она.— Если уж смотреть на это, то в трезвом виде.

В следующие два заезда разбились девять машин, четверо води-

телей были ранены, но погиб только один — водитель «остина», оказавшегося под четырьмя машинами, столкнувшимися на повороте Булавки. Дождь превратился в мелкую частую морось, но это не испугало участников. Джон Осборн ушел от своих друзей перед последним заездом и сидел на паддоке, в своем «феррари», разогревая двигатель. Потом, довольный, вылез из машины, закурил и начал болтать с другими участниками заезда. Дон Харрисон, водитель одного из «ягуаров», стоял с бокалом виски в руке, еще несколько бокалов и две бутылки стояли рядом с ним на перевернутом ящике. Он предложил выпить и Джону, но тот отказался.

— Я не могу давать вам такую фору, крокодилы,— с улыбкой сказал он. Хотя у него была самая скоростная машина, зато опыта было меньше, чем у остальных водителей. На задней части его «феррари» по-прежнему были приклеены три куска пластыря, означавшие, что за рулем новичок, и он прекрасно понимал, что не сумеет инстинктивно беречься от заноса. При каждом таком случае он совершенно терялся. Правда, он не знал, что мало отличается от других гонщиков на этой мокрой дороге: они тоже не привыкли к езде в таких условиях, и уже то, что он всерьез считался со своею неопытностью, могло быть лучшей защитой, чем их уверенность в себе.

Когда рабочие выкатили его машину на линию старта, он оказался во втором ряду, за «мазерати», двумя «ягуарами» и «джипси-лотусом», рядом с «тандербентом». Он сел поудобнее, увеличил обороты, чтобы разогреть мотор, застегнул ремни, надел шлем и очки.

«Тут я и убьюсь,— думал он.— Это лучше, чем блевать до самой смерти и умереть в мучениях через неполный месяц. Уж лучше промчаться, как дьявол, и кончить жизнь, делая то, что всегда хотел делать».

Он с наслаждением держал большой руль, вибрация выхлопной трубы была музыкой для его ушей. Повернувшись, он беззаботно улыбнулся своим механикам и вновь уставился на флажок стартера.

Когда упал флажок, он стартовал на третьей скорости, обошел «джипси-лотус» и оставил «тандербент» далеко позади. Поворот у Озера он прошел за двумя «ягуарами», однако ехал по мокрому шоссе осторожно, помня, что впереди еще семнадцать кругов, и будет еще достаточно времени для риска на последних пяти кругах. Он держался «ягуаров» за Хэйстоком и Булавкой и предусмотрительно притормозил на крутом повороте. С правой стороны, забрызгав грязью, его тут же обошел «джипси-лотус», и Сэм Бейли, склонившись над рулем, промчался дальше в своем рычащем и дребезжащем автомобиле.

Нужно было вытереть очки, поэтому Джон Осборн притормозил и оказался позади. «Джипси-лотус» метался с одной стороны

шоссе на другую и удерживался на трассе только молниеносной реакцией молодого водителя. Эта машина излучала несчастье; лучше было держаться за ней и смотреть, что будет дальше. Джон Осборн быстро взглянул в зеркальце: «тандербент» в пятидесяти ярдах, его догоняет «мазерати». Есть еще время, чтобы спокойно повернуть на Катке, но потом придется добавить газу.

Выезжая на последний отрезок первого круга, он увидел, что «джипси-лотус» уже обошел одного из «ягуаров». Теперь, когда между ним и «джипси-лотусом» был этот «ягуар», Джон Осборн почувствовал себя увереннее. Перед Поворотом у Озера он притормозил и увидел при этом в зеркальце, что намного обошел обе машины и, если ему удастся сохранить такое положение, он еще пару кругов удержит четвертое место, проходя повороты спокойно и осторожно.

Это удавалось ему до шестого круга. К этому времени «джипси-лотус» и первые четыре машины обошли на целый круг одного из «бентли». За Катком, набирая скорость, физик взглянул в зеркало и увидел на этом повороте такое... «Мазерати» и «бентли», сцепившись крыльями, перегородили шоссе, а «тандербент», как пробка из бутылки, взлетел вверх. Джон Осборн отвернулся. Перед ним «джипси-лотус» пытался обойти «бугатти», синхронизируя с ним свои отчаянные рывки вправо и влево, чтобы выполнить маневр обгона, но у него ничего не выходило. Оба «ягуара» предусмотрительно держались сзади.

Снова оказавшись у Катка, Осборн заметил, что в столкновении на повороте пострадали только две машины: «тандербент», который лежал вверх колесами в пятидесяти ярдах от трассы, и «бентли», стоявший со смятым капотом в большой луже бензина. «Мазерати», очевидно, продолжал гонку. Джон Осборн взял этот поворот и начал восьмой круг под дождем, который как-то вдруг превратился в ливень. Теперь нужно было газовать.

На этом повороте «джипси-лотус» дал обойти себя одному из «ягуаров», чей водитель ловко воспользовался нервозностью Сэма Бейли. Сразу после этого обе машины, возглавляющие гонку, обошли «бугатти» и «бентли». Второй «ягуар» рванулся, чтобы обойти их на Хэйстоке; Джон Осборн держался сразу за ним. То, что произошло потом, заняло всего несколько секунд. «Бугатти» на повороте занесло и ударило в «бентли», а тот налетел на приближающийся «ягуар», и он два раза перевернулся и рухнул на шоссе уже без водителя. Джон Осборн не успел ни притормозить, ни повернуть: «феррари» столкнулся с «бугатти» и замер на краю шоссе с помятой передней подвеской.

Джон Осборн нисколько не пострадал. Водитель «ягуара», Дон Харрисон, угощавший его виски перед заездом, умирал сейчас в зарослях; он вылетел туда, когда его машина перевернулась. Фи-

зик на мгновение заколебался, но вокруг были люди, и он попытался сдвинуть «феррари». Двигатель заурчал, и машина немного проехала вперед, но левое колесо сильно терлось о раму. Таким образом он выбывал из соревнований и не мог далее участвовать в розыгрыше «Гран-При». С тяжелым сердцем он подождал, пока «джипси-лотус» проедет мимо места катастрофы, потом перешел на другую сторону трассы, посмотреть, чем можно помочь умирающему Харрисону.

Он еще стоял там, когда «джипси-лотус» проехал снова.

Только через несколько секунд физик осознал, что между двумя проездами «джипси-лотуса» не видел никаких других машин, и бросился к своему «феррари». Если на шоссе действительно осталась только одна машина, то у него еще есть шанс на «Гран-При»; если он сумеет доехать до ремонтного пункта и сменить колесо, то займет второе место. Он медленно двинулся вперед, борясь с рулем; капли дождя стекали по лицу, а «джипси-лотус» обошел его в третий раз. Покрышка поврежденного колеса лопнула на повороте Катка, где шесть сцепившихся друг с другом машин образовали единый комок металла, но он ехал дальше, и уже добрался до своих механиков, когда «лотус» обогнал его еще раз.

Замена колеса заняла около тридцати секунд, и после молниеносного осмотра оказалось, что повреждений немного, если не считать приборную доску. Итак, он снова, хотя отстав на несколько кругов, участвовал в гонке, к которой присоединился еще один из «бугатти», сумевший как-то выбраться из пробки на Катке. Этот «бугатти» с самого начала не был серьезным противником, поэтому Джон Осборн, несмотря на осторожную езду, занял второе место в отборочном заезде и мог продолжать борьбу за «Гран-При». Из одиннадцати участников, стартовавших в этом заезде, до финиша не дошли восемь, причем трое погибли.

Джон Осборн въехал на паддок, выключил двигатель и сразу же оказался в толпе механиков и друзей, которые сбежались его поздравлять. Он почти не слышал их; руки его дрожали от пережитого волнения. В машине что-то было не в порядке: под конец заезда «феррари» упрямо тянуло влево.

За толпой окруживших его друзей физик заметил перевернутый ящик, у которого Дон Харрисон стоял перед стартом, а на ящике — бокалы и две бутылки виски.

— О, Боже,— сказал он, ни к кому не обращаясь.— Я выпью с Доном сейчас.

Он вылез из машины и, покачиваясь, подошел к ящику; одна из бутылок была еще почти полна. Физик плеснул виски в бокал, добавил немного воды и вдруг заметил Сэма Бейли, стоявшего у «джипси-лотуса». Наполнив второй стакан, он пробился через толпу и поднес его победителю.

— Я пью за Дона,— сказал он.— Вы тоже должны выпить.

Молодой человек взял бокал, кивнул головой и выпил.

— Как вы из этого выбрались? — спросил он.— Я видел, что вы тоже врезались в них.

— Я доехал до механиков и сменил колесо,— хрипло ответил физик.— Моя машина теперь управляется не лучше, чем пьяная свинья. Как какой-нибудь чертов «джипси-лотус».

— Моя машина отлично ездит,— беззаботно ответил Сэм Бейли.— Но все дело в том, что она не хочет, чтобы ею управляли. Вы поедете на своей обратно в город?

— Если она дойдет.

— Я посмотрю грузовик Дона. Ему он уже не понадобится.

Физик уставился на него.

— А это мысль...

Погибший гонщик привез свой «ягуар» на старом грузовике, чтобы не разрегулировать по пути специально подготовленный двигатель. Грузовик стоял неподалеку, и никто им не интересовался.

— Только нужно действовать быстро, пока его никто не забрал.

Джон Осборн выпил виски и торопливо вернулся к своей машине с этой новой идеей, которая сразу воодушевила всю его компанию. Общими силами «феррари» по стальным рельсам затащили в кузов грузовика и закрепили веревками. Осборн неуверенно осмотрелся, заметил кого-то из организаторов и остановил его.

— Есть здесь кто-нибудь из механиков Дона Харрисона?

— Думаю, они все пошли на место катастрофы. Его жена тоже там.

Он собирался уехать на грузовике, поскольку ни Дону, ни его «ягуару» он больше не требовался, но оставить команду Дона и его жену без машины было никак нельзя.

Вместе с Эдди Бруксом, одним из своих механиков, он направился в сторону Хэйстока. Уже издалека была видна группа людей, стоявшая под дождем у разбитых машин. Была там и какая-то женщина. Осборн хотел поговорить с механиками Дона, но заметил, что миссис Харрисон не плачет, передумал и подошел к ней.

— Я водитель того «феррари»,— сказал он.— Мне очень жаль, что все так получилось.

Она опустила голову.

— Вы подъехали и ударили в них в самом конце. Это уже не имело никакого значения.

— Знаю. И все равно мне очень жаль.

— Не стоит,— хмуро ответила она.— Он хотел, чтобы все кончилось именно так. Не этой болезнью, а на трассе... Впрочем, если бы он не выпил перед заездом столько виски... нет, не знаю. Вы его друг?

— Вообще-то нет. Он и мне предложил виски перед заездом, но я отказался и выпил за него сейчас.

— Выпили? Это благородно с вашей стороны. Дон оценил бы это. Там еще осталось?

Он заколебался.

— Оставалось, когда я уходил. Мы выпили с Сэмом Бейли. Но может, ребята уже прикончили бутылку.

Она взглянула на него.

— Скажите, вам что-то нужно? Его машину? Говорят, она уже никуда не годится.

Он бросил взгляд на разбитый «ягуар».

— Пожалуй, нет. Я хотел бы отвезти свою машину в город на его грузовике. У меня повреждена подвеска, но до «Гран-При» я приведу ее в порядок.

— Вы прошли отбор, правда? Это грузовик Дона, и он предпочел бы, чтобы на нем перевозили машины, которые ездят, а не металлолом. Хорошо, коллега, возьмите его.

Это его немного удивило.

— Куда мне его потом поставить?

— Я не буду им пользоваться. Можете забрать его себе.

Ему пришло в голову предложить ей деньги, но он тут же отбросил эту мысль: сейчас было не время.

— Вы очень добры,— сказал он.— Грузовик мне здорово пригодится.

— Вот и хорошо,— сказала женщина.— Поезжайте, и желаю вам выиграть «Гран-При». Если какие-то части из этого...— она указала на разбитый «ягуар»,— могут вам пригодиться, возьмите и их.

— А как вы доберетесь до города? — спросил он.

— Я подожду и поеду с Доном на «скорой». Правда, сначала они должны развезти раненых, так что мы уедем не раньше полуночи.

Похоже было, что в помощи она не нуждалась.

— Может, забрать его механиков?

Она кивнула и повернулась к лысому толстяку лет пятидесяти.

Тот подозвал двух молодых парней, чтобы они вернулись с Джоном.

Осборн отозвал Брукса и поговорил с ним.

— Покрышки того же размера, что и наши. Колеса другие, но если бы мы взяли и оси... Тот «мазерати», разбившийся на Катке... можно бы и его посмотреть. Кажется, в нем есть много частей, подходящих для «феррари»...

Они вернулись к грузовику и доехали до Хэйстока, где в свете угасающего дня занялись жутковатой работой — обдиранием

с мертвых машин всего, что могло пригодиться для «феррари». Было уже темно, когда они кончили и под дождем поехали в Мельбурн.

8

В саду Мэри Холмс первый нарцисс расцвел первого августа, в тот день, когда радио с деланным бесстрастием сообщило о случаях лучевой болезни в Аделаиде и Сиднее. Мэри это особенно не встревожило; все сообщения по радио бывают плохими: требования повысить заработную плату, забастовки, войны, поэтому мудрый человек просто не должен обращать на них внимания. Главным было то, что стоял прекрасый солнечный день, и что первый нарцисс уже расцвел.

— Это будет, как на картинке,— радовалась Мэри.— Их так много. Как ты думаешь, Питер, могут луковицы дать по два побега?

— Пожалуй, нет,— ответил Питер.— Я о таком не слышал.

Она покивала головой.

— Нам придется выкопать их осенью, когда они отцветут, и уложить отдельно. Они размножатся, и мы посадим их вот тут. Через год или два они чудесно разрастутся.— Она задумалась.

— Тогда можно будет их рвать и держать букеты дома.

Однако кое-что беспокоило ее и в этот солнечный день: у Дженнифер резался первый зуб, ручки у нее были горячие, она то и дело плакала. Дома были книжка под названием «Первый год младенца», и Мэри уже прочла, что это дело нормальное и не стоит волноваться, но сомнения продолжали терзать ее.

— Не могут же они знать все...— сказала она,— те, кто пишет эти книжки. Ведь не у всех детей это проходит одинаково. Ну, почему она так плачет? Может, вызвать доктора Хэллорена?

— Пожалуй, не стоит,— ответил Питер.— Она очень хорошо грызет сухари.

— Но она такая горячая... Бедный мой ягненочек!

Она взяла ребенка на руки и начала гладить по спинке: Дженнифер, которая этого и добивалась, перестала кричать. Питеру на мгновение показалось, что он оглох.

— Думаю, ничего с ней не случилось,— сказал он.— Просто ей нужна компания.— Он чувствовал, что больше не выдержит этого после бессонной ночи, когда девочка плакала, а Мэри раз за разом вставала, чтобы ее успокоить.— Слушай, дорогая,— сказал он,— мне очень жаль, но я должен поехать в Министерство. В одиннадцать сорок пять я должен быть у адмирала.

— Сначала скажи, вызвать ли доктора.

— Я бы этого не делал. В книге черным по белому написано, что несколько дней ребенок может быть возбужден. Хотя... это тя-

нется уже тридцать шесть часов.— «Боже мой, уже тридцать шесть часов»,— подумал он.

— Но это может быть что-то другое... а вовсе не зубки. Рак или что-то еще. В конце концов, бедняжка не может сказать, где у нее болит.

— Подожди с этим до моего возвращения,— решил он.— Я вернусь к четырем, самое позднее — к пяти, и тогда посмотрим.

— Хорошо,— неохотно согласилась Мэри.

Питер взял канистры для бензина, поставил их в машину и поехал в Мельбурн, радуясь, что вырвался из дома. В тот день его не вызывали в Министерство, но он решил, что не мешает туда заглянуть. «Скорпион» покинул сухой док и снова стоял у борта авианосца, ожидая приказов, которых могло и не быть; туда Питер тоже решил заглянуть и при случае — только при случае — наполнить бензином бак «морриса» и канистры.

В это солнечное утро в приемной адмирала работала всего одна секретарша из женского вспомогательного корпуса. Она заявила, что с минуты на минуту ожидает прибытия лейтенанта Мэйсона, секретаря. Питер сказал, что в таком случае заглянет сюда еще раз, вышел из Министерства, сел в «моррис» и поехал в Вильямстаун. Там он поставил машину недалеко от авианосца и с канистрами в руках ступил на мостик, ответив кивком на приветствие дежурного офицера.

— Добрый день,— сказал он.— Капитан Тауэрс здесь?

— Кажется, спустился на «Скорпион», господин лейтенант.

— Я хотел бы набрать немного бензина.

— Сделаем, господин лейтенант. Оставьте канистры здесь... Бак тоже наполнить?

— Да, если можно...

Питер прошел через холодный гулкий корабль и по мостику с другого борта добрался до «Скорпиона». Дуайт Тауэрс как раз выходил на помост, и Питер отдал ему честь.

— Добрый день, господин капитан. Я приехал взглянуть, что здесь делается, и взять себе немного бензина.

— Бензина полно,— сказал американец,— а вот делается немного. И, пожалуй, делаться больше не будет ни сейчас, ни когда-либо позже. Вы привезли мне какие-то сообщения?

Питер покачал головой.

— По дороге сюда я заглянул в Министерство — там нет никого, кроме одной дамы.

— Значит, мне повезло больше, чем вам. Вчера я застал в Министерстве какого-то лейтенанта. Похоже, эта контора совсем захирела.

— У нее уже нет времени даже хиреть.— Питер взглянул на капитана.— Вы слышали об Аделаиде и Сиднее?

Дуайт кивнул.

— Конечно. Сначала это был вопрос месяцев, потом недель, а сейчас, я бы сказал, вопрос дней. Надолго они еще рассчитывают?

— Не знаю. Я бы хотел найти сегодня Джона Осборна, послушать самые свежие данные.

— В лаборатории вы его не застанете. Наверняка он возится со своей машиной. Вы же помните, что это была за гонка.

— Да,— сказал Питер.— Вы собираетесь на следующую... главную, на «Гран-При»? Насколько мне известно, это будет последняя гонка в мировой истории.

— Трудно сказать. Прошлые гонки Мойре не понравились. Думаю, женщины на все смотрят по-другому. На бокс, борьбу... Вы сейчас обратно в Мельбурн?

— Хорошо бы... если я вам не нужен.

— Не нужны. Мы уже ничего здесь не делаем. Пожалуй, я попрошу вас подвезти меня до города. Мой матрос Эдгар не явился сегодня со служебной машиной; наверное, тоже захирел. Если вы подождете минут десять, пока я переоденусь, я поеду с вами.

Сорок минут спустя они уже разговаривали в гараже с Джоном Осборном. «Феррари» висел на цепях, прикрепленных к потолку через систему блоков, передняя его часть и рулевая колонка были разобраны. Джон, одетый в комбинезон, помогал механику; впрочем, он держал машину в такой чистоте, что руки его сейчас были почти чистыми.

— Это просто здорово, что мы взяли запчасти с «мазерати»,— серьезно сказал он.— Одна из рессор была совершенно изогнута. Но эти цапфы совершенно такие же: нам пришлось только просверлить в них чуть большие отверстия и вставить новые втулки. Если бы пришлось разогревать старую рессору и прямить ее кувалдой, я бы отказался от участия в гонке. Никогда не знаешь, что произойдет после такого ремонта.

— Вообще не известно, что может произойти на таких гонках,— заметил Дуайт.— Когда «Гран-При»?

— Я как раз спорю с ними об этом,— ответил физик.— Его назначили на субботу через две недели, то есть семнадцатого, но, по-моему, это уже слишком поздно. По-моему, стартовать нужно через неделю... десятого.

— Потому что оно все ближе?

— Да. Уже были случаи болезни в Канберре.

— Этого я не слышал. По радио говорили, что в Аделаиде и Сиднее.

— Информация радио отстает по крайней мере на три дня. Чтобы не вызывать преждевременной паники. Но сегодня был один подозрительный случай уже в Олбери.

— В Олбери? Это же всего двести миль к северу!

— Именно. Потому я и считаю, что через две недели будет слишком поздно.

— Слушай, Джон,— спросил Питер,— сколько, по-твоему, времени нам осталось?

Физик посмотрел на него.

— У меня это уже есть, у тебя тоже, да и вообще у всех. Все вокруг уже начинает насыщаться радиоактивной пылью. Воздух, которым мы дышим, вода, которую пьем, салаты, которые едим, даже ветчина и яйца. Теперь все зависит только от сопротивляемости каждого организма. Вовсе не исключено, что у некоторых, кто послабее, первые признаки появятся уже через две недели. А может, и раньше.— Он помолчал.— Поэтому я считаю безумием откладывать такую важную гонку до семнадцатого. Сегодня после обеда будет собрание комитета, и я скажу им это. Что это будет за гонка, если половину участников будут мучить понос и рвота! Тогда «Гран-При» завоюет тот, кто более устойчив к излучению. Но ведь смысл гонки не в этом.

— Конечно,— согласился Дуайт.

Он договорился пообедать с Мойрой Дэвидсон, поэтому вскоре попрощался и вышел из гаража. Джон Осборн пригласил Питера Холмса в Пастерский Клуб. Он вытер руки чистой тряпкой, снял комбинезон, закрыл гараж на замок, и они поехали через город.

— Как поживает твой дед? — спросил Питер по дороге.

— Они с приятелями уже значительно уменьшили запасы портвейна,— сказал физик.— Разумеется, здоровье его уже не то. Думаю, мы увидим его после обеда: теперь он приезжает в клуб почти каждый день.

— А где он берет бензин?

— Бог знает. Откуда все берут сейчас бензин? Полагаю, со складов армии. Думаю, хотя и не дал бы за это головы, что он выдержит этот курс. Портвейн, вероятно, позволит ему пережить многих из нас.

— Портвейн?

— Да. Алкоголь увеличивает сопротивляемость излучению. Ты этого не знал?

— Ты хочешь сказать, что каждый, кто проспиртуется, выдержит дольше?

— На несколько дней. Однако, если говорить о сэре Дугласе, то здесь бабка надвое сказала: неизвестно, что убьет его скорее. На прошлой неделе я думал, что портвейн побеждает, но вчера он выглядел вполне прилично.

Они поставили «моррис» на стоянку и вошли в клуб. Сэр Дуглас Фроуд в этот холодный день сидел на застекленной веранде. Попивая херес, он разговаривал с двумя стариками, своими друзь-

ями. Увидев Питера и Джона, генерал попытался встать, но Джон удержал его.

— Я уже не могу двигаться так резво, как раньше,— объяснил сэр Дуглас.— Присаживайтесь, и выпьем хереса. Мы уменьшили запас этого амонтильядо до пятидесяти бутылок. Нажмите эту кнопку.

Джон Осборн нажал и вместе с Питером сел за стол.

— Как вы себя чувствуете?

— Не слишком хорошо. Мой врач наверняка был прав. Он сказал, что если я вернусь к своим прежним привычкам, то не проживу больше двух месяцев, и я действительно не проживу. Вот только он тоже не проживет, да и вы тоже.— Он захохотал.— Я слышал, ты выиграл гонку...

— Я не выиграл... был вторым. Но это позволило мне бороться за «Гран-При».

— Только не сверни себе шею. Хотя, теперь это все равно. Кто-то говорил мне, что это уже дошло до Кейптауна. Это правда?

Осборн кивнул.

— Да. Уже несколько дней. Но мы по-прежнему поддерживаем с ними радиосвязь.

— Значит, они первые?

— Да.

— То есть, вся Африка будет мертва, прежде чем это дойдет до нас?

Джон Осборн улыбнулся.

— Думаю, уже через неделю Африки не будет.— Он помолчал.— Вероятно, конец наступает довольно быстро, насколько мы вообще можем об этом судить. Нам, правда, немного трудно, поскольку с местами, где большинство людей уже умерли, всякая связь прерывается, и мы не знаем точно, что там происходит. При этом прекращаются всевозможные услуги и доставка продуктов, а значит, оставшиеся люди умирают очень быстро. Но, как я уже говорил, мы не знаем точно, что происходит... в самом конце.

— Это и к лучшему,— с нажимом сказал генерал.— Скоро мы все равно это узнаем.— Он сделал паузу и продолжал: — Значит, с Африкой покончено. Я прожил там незабываемые годы перед первой мировой войной, когда был младшим офицером. Но мне никогда не нравился этот их апартеид... Выходит, мы будем последними?

— Не совсем,— ответил физик.— Мы будем последним крупным городом. Уже есть случаи заболевания в Буэнос-Айресе и Монтевидео, один или два были и в Окленде. После нас недели через две последуют Тасмания и Южный остров Новой Зеландии. Последними из всех умрут индейцы Огненной Земли.

— А Антарктида?

Физик покачал головой.

— Насколько нам известно, там сейчас никого нет. Конечно,— с улыбкой добавил он,— это вовсе не будет концом жизни на Земле. Жизнь будет продолжаться в Мельбурне еще долго после нашей смерти.

Все удивленно уставились на него.

— Чья жизнь? — спросил Питер.

— Кроликов.— Джон Осборн широко улыбнулся.— Это самые устойчивые создания, которых мы знаем.

Генерал выпрямился на стуле, красный от гнева.

— Ты хочешь сказать, что кролики будут жить дольше, чем мы, люди?

— Вот именно. Примерно на год дольше. Сопротивляемость у них раза в два больше, чем у нас. Значит, в будущем году по Австралии, поедая наши продукты, будут бегать кролики.

— Так ты говоришь, что какие-то проклятые кролики переживут нас? Они будут жить и кувыркаться, когда мы давно умрем?

Джон Осборн кивнул.

— И собаки тоже. Мыши проживут гораздо дольше нас, но все же не так долго, как кролики. Насколько мы можем предвидеть, кролики будут последними.— Он помолчал.— В конце концов и они, конечно, вымрут. К концу будущего года в живых не останется никого.

Генерал сел поудобнее.

— Кролики! После всего, что мы делали, чтобы уничтожить их... мы должны умереть, сознавая, что выиграли, в конечном счете, они! — Он повернулся к Питеру.— Будьте так добры, нажмите кнопку рядом с вами. Я закажу себе коньяк с содовой. После такого известия нам всем нужно выпить коньяку.

Мойра Дэвидсон и Дуайт заняли в ресторане угловой столик и сделали заказ.

— Что тебя грызет, Дуайт? — спросила Мойра, когда официант отошел.

Он крутил в руке вилку.

— Ничего.

— Ну, прошу тебя, скажи мне.

Он поднял голову.

— Я командую еще одним кораблем... подводной лодкой Соединенных Штатов «Меченосец», которая находится в Монтевидео. Там сейчас становится слишком горячо. Три дня назад я по радио запросил капитана «Меченосца», считает ли он целесообразным перевод своего корабля оттуда сюда.

— И что он ответил?

— Сказал, что нет, и объяснил это слишком тесными связями с берегом. Точно та же история, что со «Скорпионом». Он сказал, что при необходимости попробовал бы приплыть, но оставил бы на берегу половину своего экипажа,— Дуайт снова поднял голову.— В таком случае переводить сюда «Меченосец» бессмысленно.

— Значит, ты сказал ему, чтобы он оставался?

Дуайт заколебался.

— Да,— сказал он наконец.— Я приказал ему выйти за пределы двенадцатимильной зоны и затопить лодку где-нибудь на глубине.— Он помолчал, глядя на зубья вилки.— Не знаю, прав ли я... Но мне кажется, что именно этого хотело бы мое Министерство Военного Флота... нельзя же оставлять такой корабль в порту чужой страны. Даже если там уже никого не будет.— Он взглянул на Мойру.— Итак, Военный Флот Соединенных Штатов стал еще меньше. Было два корабля, остался один.

Они долго сидели молча.

— Со «Скорпионом» ты сделаешь то же самое? — спросила Мойра.

— Думаю, да. Я хотел бы забрать его в Соединенные Штаты, но это практически невозможно. Слишком сильны связи с берегом, как он выразился.

Официант принес обед.

— Дуайт,— сказала Мойра, когда он ушел.— Мне пришла в голову одна мысль.

— Какая, дорогая?

— Сезон ловли форели в этом году начинается раньше. В будущую субботу. Может, ты заберешь меня на субботу и воскресенье в горы.— С бледной улыбкой она добавила: — На рыбалку, Дуайт... только на рыбалку. Там над рекой Джеймсон есть прелестные места.

Он заколебался.

— Но ведь в субботу будет «Гран-При», если Джон Осборн добьется своего.

Она кивнула.

— Это я знаю. Ты хочешь посмотреть гонку?

Он кивнул.

— А ты?

— Нет. Я больше не хочу смотреть, как убиваются люди. Подобных зрелищ через две недели будет достаточно.

— И я так считаю. Мне бы не хотелось видеть, как будет умирать Джон. Уж лучше поехать на рыбалку.— Он глянул на нее, их взгляды встретились.— Только вот что, дорогая. Я не хочу, чтобы под конец ты обиделась на меня.

— Ну что ты,— запротестовала она.— Вовсе не из-за того, о чем ты подумал.

Он устремил взгляд куда-то в пустоту.

— Скоро я вернусь домой,— сказал он.— Меня долго не было дома, но скоро я вернусь. Ты знаешь, как это бывает. Дома у меня жена, которую я люблю и которой был верен все эти два года. Я бы не хотел все испортить в последние несколько дней.

— Знаю,— сказала она.— И все время знала.— Она надолго замолчала, потом заметила: — Ты очень добр ко мне, Дуайт. Не знаю, что бы со мной было, не появись ты. Когда человек умирает с голоду, полбуханки хлеба лучше, чем ничего.

Он нахмурился.

— Не понимаю, дорогая.

— И не нужно. Я не собираюсь начинать какую-нибудь грязную интрижку за неделю или две до смерти. У меня тоже есть принципы... по крайней мере, сейчас.

Он улыбнулся ей.

— Мы могли бы опробовать удочку сына...

— Я знала, что ты захочешь это сделать. У меня есть небольшая легкая удочка, и я возьму ее с собой, но рыбак из меня неважный.

— У тебя есть мушки или блесны?

— Не знаю. Нужно посмотреть дома.

— Мы доедем туда на машине, правда? Это далеко?

— Нужно будет взять бензина миль на пятьсот. Но не беспокойся об этом. Папа разрешит мне взять «кастомлин». Он снова ездит на нем и держит в сарае под сеном почти сто галлонов бензина.

Дуайт снова улыбнулся.

— Ты обо всем подумала. А где мы остановимся?

— Наверное, в отеле,— сказала она.— Это небольшой сельский отель, но, думаю, там будет лучше всего. Я могла бы найти какой-нибудь домик, но там никто не живет уже два года, и мы почти все время занимались бы хозяйством. Я позвоню в отель и закажу... два номера.

— Отлично. А я отловлю своего старшего матроса Эдгара и узнаю, могу ли я ездить на служебной машине без него. Я не уверен, можно ли мне водить машину самому.

— Неужели это так важно? Я хочу сказать... ты мог бы просто взять эту машину и ездить на ней.

Он покачал головой.

— Этого я не хотел бы делать.

— Но почему, Дуайт? То есть для нас это все равно... мы можем поехать и на моей машине. Но раз уж тебе выделили машину, ты можешь делать с ней, что хочешь. Через две недели все мы умрем, и тогда некому будет ею пользоваться.

— Знаю,— сказал Дуайт.— Но дело в том, что я хотел бы до

конца делать все как надо. Если есть какие-то правила, я буду их выполнять. Так я воспитан, детка, и не хочу меняться. Если правила не разрешают офицеру брать служебный автомобиль и ехать с девушкой на уик-энд, я это не сделаю. Точно так же на борту «Скорпиона» не будет ни капли алкоголя даже в последние пять минут.— Он улыбнулся.— Так должно быть, поэтому позволь сейчас поставить тебе еще один коньяк.

— Значит, нам нужно ехать туда на «кастомлине». Ты очень трудный человек, и я рада, что не служу под твоим командованием. Нет, спасибо, коньяк я больше пить не буду. Сегодня после обеда у меня первая проба.

— Первая проба?

Она кивнула.

— Я должна писать под диктовку со скоростью пятьдесят слов в минуту. Сначала стенографировать, а потом перепечатать все это на машинке, и ошибок там должно быть не больше трех. А это совсем не легко.

— Не сомневаюсь. Ты становишься отличным секретарем.

Она грустно улыбнулась.

— Только не с пятьюдесятью словами в минуту. Секретарша должна печатать не менее ста двадцати слов в минуту.— Она подняла голову.— Я бы хотела как-нибудь приехать к тебе в Америку. Познакомиться с Шарон... если бы она согласилась на это.

— Согласится,— заверил он.— Я бы сказал, что она уже сейчас очень тебе благодарна.

— Не знаю,— ответила девушка со слабой улыбкой.— Женщины странны, когда дело касается мужчин... Скажи, в Мистике есть какая-нибудь школа для секретарш, в которой я могла бы закончить курс?

Он задумался.

— В самом Мистике нет,— сказал он, наконец.— Но есть много хороших торговых училищ в Нью-Лондоне. Это всего в пятнадцати милях.

— Тогда я приеду только на день,— задумчиво сказала она.— Я хочу посмотреть, как Элен прыгает с жабьей тростью. А потом будет лучше, если я вернусь сюда.

— Шарон была бы очень огорчена, если бы ты сразу уехала, дорогая. Она захотела бы тебя задержать.

— Это ТЕБЕ так кажется. А я далеко в этом не уверена.

— Я уверен, что она будет смотреть на это немного иначе.

Она медленно кивнула.

— Возможно. Хотелось бы в это верить. Впрочем, скоро мы это узнаем.— Мойра посмотрела на часы.— Я должна идти, а то опоздаю.— Она взяла со стола перчатки и сумочку.— Слушай, я попрошу папу дать нам «кастомлин» и тридцать галлонов бензина.

— Я узнаю, что с моей машиной,— ответил Дуайт.— Лучше бы не брать так много бензина у твоего отца... да и машину на такой большой срок.

— Машина ему не нужна,— сказала девушка.— Она на ходу уже две недели, а папа ездил на ней раза два. Пока есть время, ему нужно слишком много сделать по хозяйству.

— А что он сейчас делает?

— Огораживает участок... сорок акров. Копает ямы под столбы, чтобы поставить новый забор. Нужно около ста ямок.

— В Вильямстауне мне почти нечего делать. Я мог бы приезжать и помогать ему.

— Хорошо,— сказала она,— я ему скажу. Я позвоню тебе сегодня часов в восемь.

— Отлично.— Он проводил ее до двери.— Удачи тебе.

Вторая половина дня была у него свободной. После ухода Мойры он постоял на улице перед рестораном, не зная, чем заняться. Бездействие было для него необычным и неприятным. В Вильямстауне тоже было нечего делать; авианосец, практически, умер, его подводная лодка почти умерла. Хотя никаких приказов не было, он знал, что «Скорпион» уже никогда не выйдет в рейс; хотя бы потому, что сейчас, когда в Южной Америке и в Южной Африке кончилась жизнь, плыть стало некуда, кроме Новой Зеландии. Половину команды он постоянно отпускал на берег, чтобы каждый из матросов мог каждую вторую неделю проводить, где захочет; из оставшейся половины только десять человек занимались консервационными работами и уборкой «Скорпиона», а остальные получали увольнительные на день. Раз в неделю он ради формы подписывал пару требований на какие-нибудь материалы, хотя все, что было нужно, они брали из запасов верфи, минуя бумажную волокиту. Он не хотел признавать, но знал, что морская жизнь его корабля уже кончилась, так же как и его собственная. Осталась пустота.

Он решил было поехать в Пастерский Клуб, но тут же отбросил эту мысль: делать там было нечего. Он повернулся и направился к району гаражей и автомастерских в надежде застать Джона Осборна, возящегося со своим «феррари»; может, и для него найдется какое-нибудь занятие. В Вильямстаун он должен был вернуться к восьми часам, чтобы поговорить по телефону с Мойрой; это было ближайшее его обязательство. Дуайта радовала перспектива завтрашнего отъезда и полевых работ, и он с нетерпением ждал этого.

По дороге он заглянул в магазин спорттоваров и спросил о мушках.

— К сожалению,— сказал хозяин магазина,— у меня этого уже нет. Осталось несколько крючков, если вам нужно. За последние два дня мы продали все, потому что сезон начинается, а ново-

го товара уже не будет. Точно так, как я говорил своей жене, и это даже хорошо — уменьшить напоследок количество товаров до минимума. Это нравится ревизорам, хотя сомневаюсь, что сейчас их интересует что-то такое.

Он пошел дальше через торговый район. В автосалонах по-прежнему стояли машины, а в магазинах сельхозинвентаря — косилки, но витрины были грязные, двери магазинов были закрыты, а товары в витринах покрылись пылью. На улицах тоже было грязно, повсюду валялась бумага и гнилые овощи; улицы явно не убирали. Трамваи еще ходили, однако по всему центру уже начинало вонять.

Шел мелкий дождь, небо закрывали серые тучи; в нескольких местах уличные колодцы забились мусором, и вокруг них разлились огромные лужи.

Наконец Дуайт добрался до гаража. Джон Осборн работал с двумя механиками и Питером Холмсом, который, сняв офицерскую куртку, мыл таинственные части гоночного автомобиля в бензине. Царящий в гараже настрой веселой суматохи улучшил настроение Дуайта.

— Я так и думал, что мы еще увидим вас сегодня,— сказал физик.— Ищете работу?

— Конечно,— сказал Дуайт.— Зрелище этого города причиняет мне боль. У вас есть, чем меня занять?

— Да. Помогите Биллу Адамсу поставить новые покрышки на все колеса, какие здесь найдете.— Джон Осборн указал на груду новеньких покрышек; похоже было, что колеса с проволочными спицами лежат повсюду.

Дуайт, довольный и благодарный, снял пиджак.

— Много же у вас колес.

— Кажется, одиннадцать. Мы сняли их с того «мазерати». Они такие же, как наши. Я хочу иметь новую покрышку на каждом колесе, которые у меня есть. Билл работает с автомастерской, он знает свое дело, но ему нужна помощь.

Американец, закатывая рукава, обратился к Питеру:

— Вас он тоже запряг?

— Ну да. Правда, мне вскоре придется уйти,— сказал молодой человек.— У дочери режутся зубы, и она плачет уже второй день. Я сказал Мэри, что долг зовет меня на корабль, но к пяти часам я вернусь.

Дуайт улыбнулся.

— Вы бросили ее с ребенком.

Питер кивнул.

— Я купил для нее грабли и бутылку укропной воды. Но к пяти я должен вернуться.

Через полчаса он вышел из гаража, сел в свою машину и пое-

хал в Фалмут. Домой он прибыл ровно в пять и застал Мэри в холле. В доме — о, чудо! — царила тишина.

— Что с Дженнифер? — спросил он.

Она приложила палец к губам.

— Спит. Уснула после обеда и до сих пор не просыпалась.

Он двинулся в спальню, Мэри за ним.

— Не буди ее,— шепнула она.

— Ни за что на свете,— ответил он и остановился, глядя на спокойно спящего ребенка.— Не думаю, чтобы у нее был рак.

Они вернулись в холл, тихо закрыв за собой дверь, и он отдал ей подарки.

— У меня есть укропная вода,— сказала она,— целое море укропной воды, которая, кстати, уже ей не нужна. Ты опоздал на три месяца. Но грабли хороши. Именно такие я и хотела. Вчера я пыталась собирать листья руками, но у меня разболелась спина.

Они выпили по рюмочке, и Мэри спросила:

— Питер, сейчас, когда у нас есть бензин, ты не мог бы купить косилку с моторчиком?

— Это очень дорого,— почти машинально запротестовал он.

— Но ведь цена уже не имеет значения. А лето наступает, и она бы очень пригодилась. Я знаю, что наш газон невелик, и выкосить его можно быстро, но делать это обычной косой утомительно, а ты можешь снова уйти в море. Будь у нас ма-а-аленькая косилка с моторчиком, я могла бы косить сама. Или лучше электрическую. У Дорис Хейнс электрокосилка, и у нее нет никаких проблем.

— Она уже трижды перерезала кабель и едва не погибла.

— Если работать осторожно, то все будет хорошо. Я думаю, косить такой очень удобно.

Мэри постоянно жила в своем придуманном мире, а может, просто не хотела признавать действительность. Питер не знал этого наверняка, но любил ее такой, какая она есть. Лично он не видел необходимости в косилке, но Мэри такой подарок очень бы обрадовал.

— Я попробую купить, когда снова буду в городе,— пообещал он.— Косилок с моторами много, а вот есть ли электрические...— Он задумался.— Боюсь, что все они проданы. Люди покупали их, потому что не было бензина.

— Что ж, делать нечего,— разочарованно произнесла Мэри,— Пусть будет маленькая с мотором. Ты научишь меня, как ее включать.

Он кивнул.

— Это не трудно.

— Нам нужно купить еще кое-что,— сказала Мэри.— Садовую скамейку. Знаешь... такую, которую можно оставить в саду на всю

зиму и на которой всегда можно посидеть в хороший солнечный день. Хорошо бы поставить ее в том вон углу. Мы бы сидели там летом, да и в другое время тоже...

— Неплохая мысль,— согласился он.

Питер прекрасно знал, что они уже никогда не сядут на нее, но уступил жене. Только как привезти эту скамейку? Единственный способ — привязать ее на крышу машины, однако тогда может побиться лакировка.

— Давай сначала купим косилку, а потом посмотрим, что у нас с деньгами.

Назавтра он взял Мэри в Мельбурн, чтобы все уладить; Дженнифер тоже была с ними, она сидела в небольшой корзинке, которую поставили на заднее сиденье. Мэри уже много недель не была в городе, поэтому вид улиц поразил ее.

— Питер,— удивленно спросила она,— что происходит? Везде такая грязь и так мерзко пахнет...

— Полагаю, что дворники и мусорщики уже не работают,— сказал он.

— Но почему? Почему они не работают? Забастовка?

— Просто... все расползается,— объяснил он.— В конце концов, я тоже не работаю.

— Ты — это другое дело,— сказала Мэри.— Ты служишь на флоте.

Он рассмеялся.

— Нет, я хотела сказать, что ты долгие месяцы плаваешь по морям и должен потом получить отпуск. Но у мусорщиков-то работа другая, ежедневная. По крайней мере, так должно быть.

Он не стал ничего объяснять ей, и они поехали дальше, к большому магазину. Клиентов там было немного, а продавцов — всего два. Они оставили Дженнифер в машине и прошли по магазину к садовому отделу, где довольно долго искали продавца.

— Косилка с мотором? — спросил тот.— Пройдите в соседний зал, там стоят несколько штук. Посмотрите, может какая-нибудь вам подойдет.

Они осмотрели косилки и выбрали небольшую двенадцатидюймовую. Питер взглянул на этикетку с ценой, взял косилку и нашел продавца.

— Это я беру,— сказал он.

— Пожалуйста,— согласился продавец.— Хорошая косилочка.— Потом с сардонической усмешкой добавил: — Хватит до конца жизни.

— Сорок семь фунтов десять шиллингов,— сказал Питер.— Можно заплатить чеком?

— По мне, можете платить хоть шкурой от апельсина.— Продавец махнул рукой.— Сегодня мы закрываем магазин.

Молодой человек подошел к столику и выписал чек. Мэри осталась с продавцом.

— А почему закрываете? — спросила она.— Люди не покупают?

Продавец хохотнул.

— О... они приходят и покупают. Товара все меньше. Но я не собираюсь работать здесь до самого конца, да и вообще никто из персонала не хочет. Вчера у нас было собрание, и мы сказали это дирекции. В конце концов, осталось всего две недели. Поэтому сегодня вечером магазин закрывается.

Вернулся Питер с чеком и вручил его продавцу.

— Отлично,— сказал тот.— Не знаю, оплатит ли его банк, ведь там уже никто не работает. Пожалуй, я дам вам расписку на случай, если в будущем году они начнут вас трясти...— Он нацарапал несколько слов и отошел к другому клиенту.

Мэри дрожала всем телом.

— Питер, поедем домой! — попросила она.— Здесь просто ужасно, и так воняет...

— Ты не хочешь остаться и пообедать в ресторане? — Когда они выезжали, Питеру казалось, что поездка развлечет ее.

Она покачала головой.

— Лучше сразу вернуться и пообедать дома.

Молча они выехали из города. Ближе к дому Мэри наполовину обрела утраченное душевное равновесие: вокруг были хорошо знакомые вещи, к которым она привыкла, везде чистота, наполняющая ее гордостью, заботливо возделанный садик, прекрасный вид на залив. Здесь она чувствовала себя в безопасности.

После обеда, перед тем, как помыть посуду, она закурила и сказала:

— Я не хочу больше видеть Мельбурна, Питер.

— Там стало как в хлеву, правда?

— Там ужасно! — воскликнула она.— Все закрыто и везде эта грязь и вонь... Как будто конец света уже наступил.

— Ты же знаешь, что он близок.

Она помолчала.

— Знаю. Ты постоянно говоришь мне об этом.— Она взглянула ему прямо в глаза.— Сколько еще времени, Питер?

— Около двух недель,— ответил он.— Это не происходит молниеносно: раз! — и все кончено. Люди начинают болеть, но, конечно, не все сразу. Некоторые сопротивляются долго, другие меньше.

— Но это ждет каждого? — спросила она сдавленным голосом.

— Да, каждого.

— А какая может быть разница во времени... между людьми? То есть, во времени, когда они начинают болеть.

Он покачал головой.

— Я не знаю, но, думаю, это ждет всех в течение трех недель.

— Трех недель, начиная с сегодня или от первого случая?

— От первого случая,— сказал он.— Но точно я не знаю.— Он замолчал.— Можно переболеть легкой формой и пройти через это,— продолжал он,— но дней через десять-двенадцать все начнется снова.

— Значит, нет никакой гарантии, что мы заболеем одновременно? — спросила она.— И Дженнифер с нами? Каждый из нас может заболеть в разное время?

— Да,— сказал он.— Так оно и есть, и с этим нужно смириться.

— Это плохо,— сказала Мэри.— А я-то надеялась, что все случится в один и тот же день.

Он взял ее за руку.

— Не исключено. Но... если только повезет,— Он поцеловал ее.— Пойдем мыть посуду.— Взгляд его остановился на косилке.— Мы можем подстричь газон уже сегодня после обеда.

— Трава совсем мокрая,— сказала Мэри.— Косилка заржавеет.

— А мы высушим ее у камина,— пообещал Питер.— Я не дам ей заржаветь.

Дуайт Тауэрс провел субботу и воскресенье у Дэвидсонов в Гарквее, работая от рассвета до заката. Эта тяжелая физическая работа была для него благословением, но он заметил, что его хозяин чем-то озабочен. Оказалось, что Дэвидсон от кого-то услышал об устойчивости кроликов к радиоактивности. Кролики его не очень-то трогали, поскольку в Гарквее их никогда не было, но относительная устойчивость пушных зверей заставила его задуматься над судьбой скота, а это потянуло за собой вопросы, на которые он не мог найти ответа.

В воскресенье вечером он поделился своими сомнениями с американцем.

— Я совсем об этом не думал,— сказал он.— То есть, я решил, что мои шотландские ангусы сдохнут одновременно со мной. А теперь оказывается, что они проживут гораздо дольше. А как долго... я никак не могу узнать. Видимо, никто этого не изучал. Пока я, конечно, кормлю их сеном и силосом, как мы обычно делаем до конца сентября... примерно полтюка сена на каждую ежедневно. Я знаю, что нужно давать им столько, если хочешь удержать шерсть в хорошем состоянии. Что же будет с ними, когда не останется уже ни одного человека?

— А если открыть им сарай с сеном, чтобы брали, сколько хотят?

— Я уже думал об этом. Они не справятся с этими тюками. Даже если разорвут их, то все равно большую часть потопчут.— Он помолчал.— Вот и ломаю себе голову, пытаюсь придумать какой-

нибудь способ... Может, автоматическое устройство с часами и электрическую изгородь? Но тогда нужно будет оставить все на открытом выгоне, под дождем. Не знаю, что и делать...— Он вдруг встал.— Я налью вам виски.

— Спасибо, только немного...— Американец вернулся к проблеме сена.— Да, это трудная задача. Нельзя даже написать в газеты и спросить, как это делают другие.

Только во вторник он уехал от Дэвидсонов в Вильямстаун. Дисциплина на верфи трещала по швам, несмотря на отчаянные усилия старшего офицера и боцмана. Двое матросов не вернулись из отпуска, а один был убит в уличной драке в Гелонге. Впрочем, сообщение это не было подтверждено. Одиннадцать матросов, подравшихся в пьяном виде при возвращении из отпуска, ждали сейчас его приговора, а он не знал, как с ними поступить. Лишать их отпусков, когда на судне не было никакой работы, а жизни оставалось всего две недели, было не лучшим выходом из положения. Он оставил виновных под арестом, пока они не протрезвели, а потом велел построить их на палубе.

— Нельзя, парни, жить двумя жизнями одновременно,— сказал он им.— У всех нас осталось мало времени. Сегодня вы еще принадлежите к команде подводной лодки Соединенных Штатов «Скорпион», а это последний военный корабль Флота Соединенных Штатов. Поэтому вы можете либо остаться в команде этого корабля, либо получить отставку.

Он немного помолчал.

— С этой минуты каждый матрос, вернувшийся из увольнения с опозданием или пьяный, будет на следующий день уволен, и это будет позорное и безжалостное увольнение. Я сорву с него мундир и выпущу его за ворота верфи штатским человеком в одних кальсонах, и Военному Флоту Соединенных Штатов будет безразлично, замерзнет он в Вильямстауне или нет. Вот все, что я хотел вам сказать, подумайте над этим. Разойдись.

И когда назавтра такое случилось, он выполнил свою угрозу и вышвырнул матроса за ворота верфи в одном белье, чтобы тот впредь сам о себе заботился.

Больше нарушений не было.

В пятницу утром он поехал на служебном «шевроле» в Мельбурн, на улицу Элизабет, где был гараж Джона Осборна. Он застал физика, как и ожидал, ползающим под своим «феррари»: машина сверкала, хоть сейчас готовая к гонке.

— Я заскочил сюда по дороге,— сказал Тауэрс,— к сожалению, я не смогу увидеть, как вы выиграете «Гран-При». Я договорился поехать в горы... на рыбалку.

Джон Осборн кивнул.

— Мойра говорила мне. Желаю вам поймать много рыбы. Не

думаю, чтобы на этот раз на гонки приехало много людей, кроме участников и судей с врачами.

— А я думаю, их будет много. Ведь это «Гран-При».

— Для многих это может оказаться последним уик-эндом, проведенным в добром здравии. Они наверняка найдут себе более интересные занятия.

— Питер Холмс... будет там?

— Нет,— ответил физик.— Эту субботу он будет работать в саду.— Он заколебался.— И я не должен бы туда ехать.

— У нас нет сада.

Физик вымученно улыбнулся.

— Сада нет, но есть старая мать, а у нее пекинес. Она только что осознала, что крошка Минг переживет ее на несколько месяцев, и сейчас деревенеет от мысли, что с ним будет...— Он оборвал себя.— Страшные времена наступают. Я вздохну спокойно, когда все это кончится.

— Вы по-прежнему утверждаете, что это будет в конце месяца?

— Для большинства даже раньше.— Джон Осборн произнес несколько слов себе под нос, потом снова заговорил громко: — Только держите это при себе. Для меня это будет уже завтра после обеда.

— Надеюсь, что нет,— сказал американец,— Я еще хочу увидеть вас с кубком.

Физик влюбленно посмотрел на машину.

— Она достаточно быстрая,— сказал он,— и выиграла бы наверняка, имей она настоящего водителя. Но водитель ее — я, и это основной недостаток машины.

— Желаю вам победы.

— Спасибо. И привезите мне оттуда форель.

Американец вышел из гаража и вернулся к своей машине, не зная, увидит ли еще когда-нибудь Джона Осборна.

— Едем,— сказал он старшему матросу.— Едем на ферму мистера Дэвидсона, в Гарквей.

Он сел на заднее сиденье и стал разглядывать улицы и дома, проносившиеся мимо в свете серого зимнего дня. Скоро, может, через месяц, здесь не будет никого, никаких живых созданий за исключением кошек и собак, получивших небольшую отсрочку. А потом и их не будет. Времена года будут меняться, изменяя по-своему эти дома и эти улицы. А потом, с течением времени, исчезнет и радиоактивность; коль скоро время полураспада кобальта составляет пять лет, то на этих улицах и в этих домах можно будет снова жить лет через двадцать или даже раньше. Человечество будет сметено с поверхности Земли, и мир готов будет принять каких-нибудь более мудрых жителей. И в этом, наверное, есть смысл.

Они приехали в Гарквей до обеда; «форд» Дэвидсонов стоял во дворе, багажник его был полон канистр с бензином. Мойра уже ждала его; на заднем сиденьи лежал ее небольшой чемоданчик.

— Я решила, что будет лучше, если мы выедем до обеда и возьмем на дорогу бутерброды,— сказала она.— Дни теперь довольно короткие.

— Это мне нравится,— сказал он.— У тебя есть бутерброды?

Она кивнула головой.

— И пиво.

— Ты действительно подумала обо всем.— Дуайт повернулся к ее отцу.— Мне просто неловко забирать у вас машину. Я бы мог взять и «шевроле».

— Нет,— сказал мистер Дэвидсон.— Мы ездили вчера в Мельбурн и, наверное, больше туда не поедем. Это слишком угнетающе.

— Там становится очень грязно,— поддакнул американец.

— Вот-вот. Нет, берите «форд». У меня много бензина, его нужно использовать, а я не думаю, что он мне когда-нибудь понадобится. Слишком много работы здесь.

Дуайт перенес свои вещи в «форд» и отослал на верфь старшего матроса вместе со служебным автомобилем.

— Сомневаюсь, что он туда поедет,— сказал он, когда машина скрылась из виду.— Но форму нужно сохранять.

Они подошли к «форду», и Мойра скомандовала:

— Садись за руль.

— Нет,— ответил он.— Вести должна ты. Я не знаю дороги и могу во что-нибудь врезаться, когда по рассеянности перееду на правую сторону.

— Я уже два года не сидела за рулем,— сказала Мойра.— Но, если хочешь, можешь рискнуть головой.

Они уселись и, хотя она не сразу включила первую скорость, машина все-таки поехала.

Снова вести машину было приятно, даже очень приятно. Прибавляя газ, она чувствовала себя свободной, будто сбросила с себя узы серой сельской жизни. Они ехали через горы Денденгог, проезжали пансионаты, частные усадьбы, и в полдень остановились пообедать бутербродами. Распогодилось, из-за белых облаков на светлую синеву неба вышло солнце.

Жуя бутерброды, они профессионально оценивали воду в ручейке.

— Илистая,— сказал Дуайт.— Наверное потому, что зима только кончается.

— Пожалуй,— согласилась девушка.— Папа сказал, что вода будет слишком мутной, чтобы ловить на мушку. Он сказал, что спиннинг будет лучше, но советовал накопать червей для наживки.

— В этом есть смысл,— рассмеялся американец,— если ловить ради рыбы. Однако сам я сначала попробую на спиннинг, чтобы убедиться, что удочка хороша.

— Я бы хотела поймать ОДНУ рыбу,— сказала Мойра немного печально.— Даже если это будет такая мелкая плотвичка, что мы бросим ее обратно в реку. Поэтому, если вода в Джеймсоне будет нечистая, я попробую на червяка.

— В горах сейчас тают снега, там вода должна быть чище. Девушка повернулась к нему.

— А рыбы проживут дольше нас? Так же, как собаки?

— Не знаю, дорогая,— покачал он головой.

Они поехали дальше и в Варбуртоне свернули на шоссе, ведущее через лес все выше в горы. Спустя два часа машина вынырнула из леса в Мэтлоке; снег лежал на дороге и на лесистых склонах вокруг — мир казался холодным и мрачным. Они спустились в долину к небольшому местечку Вудс-Пойнт и оттуда снова поехали вверх. Проехав двадцать миль по холмистой долине Гулбурн, они под вечер добрались к отелю «Джеймсон».

Отель этот представлял собой обширный комплекс слегка покосившихся одноэтажных домиков, некоторые из них построили еще в начале освоения этого края. Мойра поступила правильно, забронировав комнаты — здесь уже было полно рыболовов. Машин на стоянке стояло больше, чем в дни расцвета туризма перед войной; в баре было шумно и дымно. С трудом они нашли хозяйку отеля, возбужденную, с румяным лицом. Показывая им комнаты, маленькие, неудобные и плохо обставленные, она сказала:

— Как здорово вновь принимать всех вас, рыболовов! Вы даже не представляете, что было здесь последние два года: почти никто сюда не приезжал. А теперь все как в старое доброе время. У вас есть свои полотенца? Тогда я посмотрю, может, найду.

Она выбежала, сияя от радости. Американец проводил ее взглядом.

— Гм,— сказал он.— Она прекрасно себя чувствует. Пойдем, детка, я поставлю тебе коньяк.

Они вошли в бар с бревенчатым потолком, жарким огнем в очаге, хромированными стульями и столами; там было полно гостей.

— Что для тебя, дорогая?

— Коньяк! — Ей пришлось кричать, чтобы он услышал.— Больше здесь сегодня делать нечего.

Он ответил ей улыбкой, продираясь сквозь толпу к стойке. Через пару минут, тоже не без борьбы, он вернулся с коньяком и виски. Они поискали, где можно присесть, и увидели два свободных стула у столика, на котором двое мужчин в одних рубашках раскладывали свои снасти. Когда Дуайт и Мойра подошли к ним, они согласно кивнули.

— Рыба на завтрак,— сказал один из них.

— Вы встанете рано? — спросил Дуайт.

Мужчины переглянулись.

— Нет, мы ляжем поздно. Сезон начнется в полночь.

Дуайт заинтересовался.

— И вы пойдете ловить среди ночи?

— Если, конечно, не будет снега. Лучшее время для рыбалки.— Он поднял большую белую мушку с маленьким крючком.— Вот этим я всегда пользуюсь. Именно на это они и берут. Цепляешь один или два грузика и забрасываешь подальше. Никогда не подводит.

— А меня подводит,— сказал его товарищ.— Я люблю лягушек. Идешь к реке часа в два утра, втыкаешь крючок в спину лягушки и забрасываешь, пусть плавает.., Так я всегда делаю. Вы пойдете сегодня ночью?

Дуайт глянул на девушку и улыбнулся.

— Пожалуй, нет. Мы ловим рыб при свете дня... нам далеко до вашего класса. И результаты у нас слабые.

Мужчина кивнул.

— Со мной тоже когда-то так было. Смотришь на птиц и на росу, и как солнце отражается в воде, и особо не заботишься об улове. Я не раз так засматривался. Но сегодня я приехал, чтобы ловить рыбу ночью, а это действительно кое-что.— Он посмотрел на американца.— Там, в пруду за поворотом, есть одна чертовски большая форель, которую я напрасно пытаюсь поймать последние два года. В позапрошлом году она клюнула на лягушку, но оборвала леску и ушла. Потом, в прошлом году, она снова клюнула и снова ушла... а у меня была превосходная леска. Она весит фунтов двадцать и ни унции меньше. Но на этот раз я ее поймаю, хотя бы мне пришлось сидеть там с вечера до утра, каждую ночь до самого конца.

Американец отодвинулся от столика, чтобы поговорить с Мойрой.

— Ты хочешь пойти на рыбалку в два часа утра?

Она рассмеялась.

— Уж лучше пойти в постель. Но ты иди, если хочешь.

Он покачал головой.

— Я не такой уж фанатичный рыболов.

— А я всего лишь пьющий рыболов,— сказала она.— Бросим жребий, кому идти сражаться за очередную порцию.

— Я принесу,— сказал Дуайт.

— Нет,— решила она.— Останься на месте и узнай что-нибудь новое о рыбалке. Я принесу сама.

Она забрала стаканы, продралась сквозь толпу к буфету и вскоре вернулась. Дуайт встал, чтобы взять у нее стаканы, и при этом

движении его спортивная куртка распахнулась. Подавая стакан, Мойра укоризненно сказала:

— У тебя нет пуговицы на куртке!

Он кивнул.

— Я знаю. Она отлетела, когда мы ехали.

— Она цела?

— Да. Я нашел ее в машине.

— Дай мне ее с курткой сегодня вечером. Я пришью.

— Это неважно,— махнул он рукой.

— А вот и важно.— Она мягко улыбнулась.— Не могу же я отпустить тебя к Шарон таким оборванным.

— Ей это не будет мешать, дорогая...

— Ей, может, и нет, а мне — да. Дай мне куртку. Я верну ее тебе завтра утром.

В дверях ее комнаты он отдал ей куртку и пуговицу. Было уже часов одиннадцать. Почти весь вечер они курили и пили с другими постояльцами, думая о завтрашнем походе и рассуждая, где лучше ловить форель: в озере или в ручье. Лодки у них не было, поэтому они решили попытать счастья на реке Джеймсон. Девушка взяла куртку и сказала:

— Спасибо, Дуайт, что привез меня сюда. Вечер был чудесный, и завтра тоже будет хорошо.

Он стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Ты правда так думаешь, дорогая? Не чувствуешь себя обиженной?

Она рассмеялась.

— Нет, не чувствую, Дуайт. Я знаю, что ты женат. Иди спать. Утром пуговица будет на месте.

— Хорошо.— Он повернулся, слушая крики и пение, доносящиеся из бара.— Они веселятся на полную катушку. Трудно поверить, что это уже никогда не повторится.

— Может, еще когда-нибудь будет такое,— сказала она.— На какой-то другой плоскости, в ином измерении, или как это там называется. Во всяком случае, мы тоже веселимся и завтра наловим много рыбы. Говорят, будет хорошая погода.

Он с улыбкой спросил:

— Тебе не кажется, что на этой другой плоскости по-прежнему идет дождь?

— Не знаю,— ответила она.— Мы можем убедиться в этом в любой день.

— Каким-то образом вода должна поступать в реки,— задумчиво сказал он.— Иначе уловы были бы плохими...— Он отошел от двери.— Спокойной ночи, Мойра. Так или иначе, мы завтра славно повеселимся.

Она закрыла дверь своей комнаты и долго стояла, прижимая

к груди его куртку. Дуайт таков, какой есть, всем сердцем он в штате Коннектикут, рядом с женой и детьми; с ней, Мойрой, он не будет никогда. Будь у нее побольше времени, дела приняли бы иной оборот, но для этого нужны долгие годы. Пять лет по крайней мере, думала она, пока воспоминания о Шарон, мальчике и Элен не начали бы тускнеть; тогда он пришел бы к ней, и она могла бы дать ему других детей, снова сделать счастливым. Только вот времени нет; вместо пяти лет всего пять дней жизни. Слеза выкатилась у нее из уголка глаза, и она сердито вытерла ее: жалеть себя — идиотизм, последнее дело... А может, все из-за коньяка?.. Свет единственной лампочки, что висела под потолком, был слишком слаб, чтобы пришивать пуговицы. Она разделась, надела пижаму и легла, положив куртку рядом с собой. Наконец, она уснула.

Наутро после завтрака они пошли с удочками к реке Джеймсон, что текла неподалеку от отеля. Вода была мутной; Мойра забрасывала мушки на самую быстрину, но у нее ничего не выходило, а Дуайт поймал на спиннинг двухфутовую форель, и девушке пришлось взяться за сачок. Она хотела, чтобы он ловил и дальше, умножил свою добычу, но он предпочел помочь ей, чтобы и ей было чем гордиться. В полдень на берегу показался один из вчерашних соседей по столику.

— Хороший экземпляр,— похвалил он добычу Дуайта.— На мушку поймали?

— Нет, на спиннинг,— ответил американец.— А теперь попробуем на мушку. Удалась ваша ночная рыбалка?

— Пять штук,— сообщил рыбак.— Самая большая — около шести фунтов. Часа в три утра мне захотелось спать, я вернулся в отель и вот только что встал. Вы немного наловите в такой воде на мушку.— Он вытащил из кармана пластиковую коробку и щелкнул по ней ногтем.— Попробуйте-ка вот с этим.— Он дал им маленькую блесну — кусочек металла не более шестипенсовика с одним крючком.— Это нужно бросать туда, где быстрое течение. В такую погоду они должны брать.

Они поблагодарили, и Дуайт прикрепил блесну к леске Мойры. С первого раза она не могла ее забросить, как будто тащила тонну свинца. Но вскоре освоилась, и ей удалось забросить удочку на стремнину. После пятого или шестого броска что-то вдруг рвануло леску, бамбук изогнулся, и катушка мелодично звякнула, когда леска натянулась.

— Дуайт, кажется, что-то есть,— прошептала Мойра.

— Несомненно,— сказал он.— Держи удочку прямо, дорогая. Немного опусти в ту сторону.— Рыба плеснулась на поверхности.— Хороша! Пусть леска будет натянута, но рыба пусть плывет, если хочет. Только спокойно, и она будет твоя.

Через пять минут она вытащила устаяую форель на берег,

и Дуайт занялся ею. Он добил рыбину быстрым ударом камня, и они осмотрели ее.

— Полтора фунта,— сказал Дуайт.— Может, немного больше.— Он осторожно вытащил блесенку изо рта рыбы.— Ну, попробуй теперь поймать еще одну.

— Это не такая большая, как твоя,— признала Мойра, но все равно ее распирала гордость.

— Следующая будет больше. Попробуй.

Однако приближалось время обеда, и Мойра решила отложить вторую попытку. Они вернулись в отель, гордо неся свою добычу, заказали перед обедом по кружке пива и принялись обсуждать улов с другими рыбаками.

Отдохнув после обеда, они пошли на то же самое место, и снова Мойра поймала форель, на этот раз двухфунтовую, а Дуайт — двух поменьше. Одну из них он бросил в воду. Под вечер, прежде чем вернуться, они сели над рекой, довольные хорошим днем и уловом. Привалившись к большому валуну и закурив, они наслаждались последними лучами солнца, которое уже пряталось за холмы. Становилось все холоднее, но им не хотелось уходить от спокойно журчащей воды.

Вдруг Мойра что-то вспомнила.

— Дуайт, а ведь гонка, наверное, уже закончилась.

Он уставился на нее.

— Боже мой! Я же хотел послушать радио. Совсем вылетело из головы.

— У меня тоже,— сказала она.— Я жалею, что не слушала, и чувствую себя так неудобно.

— Но мы же ничего не смогли сделать, детка.

— Ну... не знаю... Все же, надеюсь, с Джоном ничего не случилось.

— Новости будут в семь,— сказал он.— Можно будет послушать.

— Мне очень хочется узнать, чем там все кончилось,— сказала она и осмотрелась, любуясь спокойной водой, длинными тенями и золотистым закатом.— Такое приятное место... Ты можешь поверить... действительно поверить в то, что мы больше никогда этого не увидим?

— Я возвращаюсь домой,— спокойно сказал он.— Австралия — великолепная страна, и мне тут очень нравится. Но это не моя родина, и теперь я вернусь к себе. В Австралии мне хорошо, и все же я рад, что возвращаюсь домой, в Коннектикут.— Он повернулся к ней.— Я этого уже никогда не увижу, потому что вернусь домой.

— Ты расскажешь Шарон обо мне? — спросила она.

— Конечно. Может, она уже знает.

Она разглядывала камешки у своих ног.

— Что ты ей скажешь?

— Много всего,— тихо произнес он.— Скажу ей, что благодаря тебе это грустное время не было для меня таким грустным. Скажу ей, что ты заботилась обо мне, хотя и знала, что ничего не получишь взамен. Скажу ей, что только благодаря тебе возвращаюсь к ней таким же, как прежде, что это ты помогла мне сохранить свою верность, и чего это тебе стоило.

Она встала с камня и сказала:

— Пойдем в отель. Тебе очень повезет, если она поверит тебе хотя бы на четверть.

Дуайт тоже поднялся.

— Я не боюсь,— сказал он.— Думаю, она поверит во все, что я скажу, ибо это правда.

Неся рыб в сетках, они вернулись в отель, привели себя в порядок и снова встретились в баре, чтобы выпить чего-нибудь перед ужином. Съели они его быстро, чтобы успеть на передачу новостей. Вскоре она началась, причем новости были, в основном, спортивные.

— Сегодня в Турэдине прошла гонка на «Гран-При Австралии»,— сказал диктор.— Кубок завоевал мистер Джон Осборн на машине марки «феррари». Второе место...

— О, Дуайт, он его все-таки выиграл! — воскликнула Мойра.

Они наклонились, чтобы слушать дальше.

— ...Гонка была омрачена многочисленными столкновениями, иногда трагическими. Только трое из восемнадцати участников проехали все восемьдесят кругов, тем самым закончив гонку, шестеро гонщиков погибли, другие отвезены в госпиталь с более или менее тяжелыми травмами. Победитель, мистер Джон Осборн, первую половину гонки ехал так осторожно, что на сороковом круге на три круга отставал от лидера — мистера Сэма Бейли. Вскоре мистер Бэйли разбился на повороте Катка, и с этой минуты «феррари» начал набирать скорость. На шестидесятом круге он обошел всех противников, число которых к тому времени уменьшилось до пяти, и никто из них уже всерьез не угрожал лидеру. На шестьдесят пятом круге мистер Осборн установил рекорд этой гонки, обгоняя соперников на полный круг со скоростью девяносто семь и восемьдесят три сотых мили в час, что является отличным достижением для этой трассы. Потом мистер Осборн сбросил скорость, учтя предостерегающие знаки, которые делали ему его механики, и закончил гонку со средней скоростью 89,61 мили в час. Мистер Осборн — ученый из Организации Промышленных и Научных Исследований; он не имеет никакого отношения к автомобильному бизнесу и участвовал в гонке как любитель.

Поздним вечером, перед тем, как пойти спать, они несколько ми-

нут постояли на веранде, глядя на черную линию гор и звездное небо.

— Я рада, что Джон получил то, чего хотел,— сказала девушка.— Он так рвался к победе, и вот его мечта исполнилась.

— Я бы сказал, что исполняются все наши мечты,— добавил американец.

— Ты прав... У нас мало времени, Дуайт, и завтра я хочу вернуться домой. Мы провели чудесный день и поймали несколько рыб, но нужно еще так много сделать...

— Конечно, дорогая,— согласился он.— Я сам об этом думал. Но ты довольна, что мы сюда приехали?

— О, да! Я была так счастлива, Дуайт... Весь сегодняшний день... Я чувствую себя так, будто одержала над чем-то победу, но не знаю, что это такое.

Он улыбнулся.

— Не пытайся анализировать, просто прими это с благодарностью. Я тоже был сегодня счастлив. Но ты права, завтра мы должны выехать. Разные вещи будут происходить там, внизу.

— Плохие? — спросила она.

Он кивнул.

— Я не хотел портить тебе настроения, но вчера, перед выездом, Джон Осборн сказал, что уже были случаи лучевой болезни в Мельбурне, а это еще старые данные, они поступили в четверг ночью. Значит, теперь этих случаев должно быть гораздо больше.

9

Во вторник утром Питер Холмс снова поехал в Мельбурн. Дуайт Тауэрс договорился встретиться с ним в десять сорок пять в секретариате адмирала. В то утро радио впервые сообщило о размахе лучевой болезни в городе, поэтому Мэри очень беспокоилась, что муж едет туда.

— Будь осторожен, Питер,— просила она.— Ты понимаешь, я имею в виду эту инфекцию. Ну почему ты не можешь сидеть дома?

Он не нашел в себе сил, чтобы сказать ей, что радиация уже повсюду вокруг них, даже в этой уютной квартирке; она не поймет или не захочет понять.

— Я должен ехать,— сказал он.— Ненадолго, но должен.

— Только не оставайся там на обед,— напомнила она.—Наверняка будет здоровее поесть дома.

— Я вернусь прямо из Министерства,— пообещал он.

Тут ее осенило.

— Придумала! — воскликнула она.— Возьми с собой формали-

новые таблетки, которые мне выписали против кашля, и соси по одной время от времени. Они помогают от любой инфекции. Такие антисептические.

Чтобы успокоить ее, он взял таблетки.

Всю дорогу до города он был погружен в мрачные раздумья; конец был вопросом не дней, но часов. Он не знал цели конференции у адмирала, но не сомневался, что войдет в кабинет командующего в последний раз. После обеда, когда он поедет обратно, его карьера в военном флоте будет, вероятно, закончена, а вскоре закончится и сама жизнь.

Он поставил машину перед Министерством. В здании не было никого; когда он вошел в секретариат, капитан Тауэрс в мундире уже ждал его.

— Привет, дружище! — весело поздоровался он.

— Добрый день, господин капитан,— ответил Питер. Он осмотрелся и заметил, что стол секретаря пуст.

— Лейтенант Торренс еще не пришел?

— Я его не видел. Наверное, у него выходной.

Дверь адмиральского кабинета открылась, и на пороге появился сэр Дэвид Хартман. На его румяном лице не было обычной улыбки. Таким серьезным Питер еще никогда его не видел.

— Входите, господа. Моего секретаря сегодня нет.

Они вошли, адмирал пригласил их садиться.

— Не знаю, касается ли то, что я хочу сказать, лейтенанта Холмса или нет,— начал американец,— однако это может повлечь за собой некоторые задания и для офицера связи. Может, лейтенанту стоит подождать в приемной?

— Пожалуй, нет,— сказал адмирал.— Пусть лейтенант остается, если это ускорит дело. Слушаю вас, капитан Тауэрс?

Дуайт немного помолчал, подбирая слова.

— Похоже на то,— сказал он наконец,— что сейчас я являюсь самым старшим офицером Военного Флота Соединенных Штатов. Никогда не думал, что заберусь так высоко. Простите, господин адмирал, если говорю что-то не так, но я должен вас уведомить, что забираю свой корабль из-под вашего командования.

Адмирал медленно кивнул головой.

— Хорошо, капитан. Вы хотите уйти из австралийских территориальных вод или остаться здесь как наш гость?

— Я уведу свой корабль из ваших территориальных вод,— сказал командир «Скорпиона».— Пока трудно сказать, когда, но скорее всего, в конце этой недели.

Адмирал еще раз кивнул головой и обратился к Питеру:

— Лейтенант, отдайте все необходимые распоряжения, пусть корабль снабдят продуктами и топливом. Нужно помочь капитану Тауэрсу.

— Слушаюсь, господин адмирал.

Американец смутился:

— Я даже не знаю, что предложить вам взамен, господин адмирал. Простите, но у меня нет никакого опыта в таких делах.

Адмирал слабо улыбнулся.

— Не думаю, чтобы это что-то изменило, капитан. Полагаю, мы можем уладить это по-простому. Все загруженное на ваш корабль будет подсчитано и представлено атташе военного флота в вашем посольстве в Канберре, а через него пойдет в Вашингтон для окончательного расчета. Поэтому не думаю, чтобы вам пришлось беспокоиться об этой стороне процедуры.

— Значит, я могу просто отшвартоваться и уплыть? — спросил Дуайт.

— Вот именно. Вы планируете вернуться в австралийские воды?

— Нет, господин адмирал,— ответил американец.— Я выведу корабль в Бассов пролив и затоплю его там.

Питер ждал чего-то подобного, но это обсуждение потрясло его: в нем было что-то нереальное. Он хотел было спросить Дуайта, не нужен ли будет катер, чтобы после затопления «Скорпиона» перевезти команду на берег, но тут же отбросил эту мысль. Если бы американцы хотели просить катер для продления своих жизней на день или два, Дуайт сказал бы об этом. Но он наверняка не скажет. Лучше смерть в море, чем после рвоты и поноса, вдали от дома, в чужой стране.

— На вашем месте,— сказал адмирал,— я, вероятно, сделал бы то же самое... Что ж, мне остается только поблагодарить вас за сотрудничество, капитан. И пожелать вам счастья. Если вам что-то будет нужно, требуйте без колебаний... или просто возьмите.—Лицо его вдруг исказила гримаса боли, и он стиснул карандаш. Потом, немного успокоившись, встал с кресла.— Простите, господа, мне придется на минутку оставить вас одних.

Он торопливо вышел, дверь за ним захлопнулась. Капитан и офицер связи встали.

— Это оно,— сказал американец.

— Вы думаете, секретарь тоже заболел? — прошептал Холмс.

— Вероятно.

Они постояли несколько минут, молча глядя в окно.

— Нужно загрузить провиант,— сказал наконец Питер.— На «Скорпионе» мало продуктов. Ваш заместитель составил список, господин капитан?

Дуайт покачал головой.

— Нам ничего не нужно. Я только выведу корабль за территориальные воды.

Однако офицер связи все же задал вопрос, который хотел задать раньше.

— Нужно ли послать за «Скорпионом» катер, чтобы команда могла сюда вернуться?

Дуайт ответил:

— Это лишнее.

Молча они стояли еще минут десять. Наконец появился адмирал с лицом серым, как пепел.

— Это хорошо, что вы подождали,— сказал он.— Мне вдруг стало нехорошо...— Вместо того, чтобы сесть в кресло, он встал возле стола.— Это конец нашего сотрудничества, капитан. Мы, британцы, всегда с удовольствием работали с американцами, особенно на море. Мы многим обязаны вам и в свою очередь делились с вами своим опытом. И вот теперь пришел конец.— Он задумался на мгновение и с улыбкой протянул руку.— Сейчас я могу сказать вам только одно: до свидания.

Дуайт с чувством пожал его руку.

— Мне было приятно работать под вашим командованием, сэр,— сказал он.— Я говорю это от себя лично и от имени всей команды.

Они вышли из кабинета, прошли по пустым коридорам и лестницам вымершего здания, выбрались во двор.

Питер спросил:

— И что теперь, господин капитан? Вы хотите, чтобы я поехал на верфь?

— Нет,— сказал капитан.— Думаю, вы можете считать себя свободным от должности. Мне вы больше не потребуетесь.

— Если я чем-то могу помочь...

— Нет. Но если вдруг понадобитесь, я позвоню. Теперь твое место дома, парень.

— Когда вы отплываете? — спросил Питер.

— Точно не знаю,— ответил американец.— Сегодня утром среди команды отмечено семь случаев болезни. Пожалуй, мы останемся здесь еще на пару дней и выплывем в субботу.

— Сколько людей плывет с вами?

— Десять. Я — одиннадцатый.

Питер взглянул на него.

— Пока вы чувствуете себя хорошо?

Дуайт улыбнулся.

— Так мне казалось с утра, но теперь не знаю. Обед я сегодня есть не буду.— Он помолчал.— А как вы себя чувствуете?

— Вполне нормально. Мэри тоже... кажется.

Дуайт направился к машинам.

— Возвращайтесь к ней. Здесь оставаться уже незачем.

— Мы еще увидимся, господин капитан?

— Не думаю,— ответил капитан Тауэрс.— Я возвращаюсь домой, в штат Коннектикут, и возвращаюсь с радостью.

Говорить боольше было не о чем. Они пожали друг другу руки, сели в машины и разъехались, каждый в свою сторону.

В старомодном двухэтажном доме красного кирпича в предместье Малверн Джон Осборн дежурил у постели матери. Он чувствовал себя хорошо, но старая женщина заболела еще в воскресенье утром, на следующий день после того, как он выиграл «Гран-При». Врач, которого ему удалось привести к ней в понедельник, немногим мог помочь и второй раз уже не пришел. Прислуга уже несколько дней не являлась, поэтому физик сам ухаживал за больной матерью.

Она открыла глаза.

— Джон, это именно то, что предсказывали, правда?

— Думаю, что да, мама,— ответил он.— Со мной это тоже будет.

— А доктор Гамильтон... Он говорил, что это именно та болезнь? Я не могу вспомнить.

— Говорил, мама. И наверное, он уже не придет. Он сказал, что у него тоже начинается.

Последовала долгая пауза.

— Я скоро умру, Джон?

— Не знаю. Это может тянуться и неделю, и больше.

— Ужас,— вздохнула она.— Слишком долго.

Она снова прикрыла глаза. Он вынес утку в туалет, вымыл и принес в спальню. Мать снова лежала с открытыми глазами.

— Где Минг? — спросила она.

— Я выпустил его в сад,— сказал Джон.— Он явно хотел выйти.

— Мне так жаль песика... Он будет совсем один, когда мы все уйдем.

— Он справится, мама,— утешил ее сын, сам не веря в то, что говорит.— Останутся ведь другие собаки, он сможет с ними играть.

Она не стала развивать эту тему, только сказала:

— Мне сейчас ничего не нужно, дорогой. Иди, куда тебе нужно, займись своими делами.

Он заколебался, потом сказал:

— Я думал, что надо бы зайти в лабораторию. Вернусь к обеду. Что бы ты хотела на обед?

Она снова закрыла глаза.

— Есть еще немного молока?

— В холодильнике есть полкварты,— ответил он.— Я попробую купить еще. Правда, это нелегко: вчера его нигде не было.

— Мингу нужно молоко,— сказала она.— Это пойдет ему на пользу. А в кладовке есть три банки кроличьего мяса. Открой одну, дай ему часть на обед, а остальное поставь в холодильник. Он

очень любит крольчатину. А об обеде для меня не думай, пока не вернешься.

— Ты, правда, можешь какое-то время обойтись без меня?

— Правда,— заверила она и протянула к нему руку.— Поцелуй меня.

Он поцеловал увядшие щеки, и она, улыбаясь, откинулась на подушки.

Выйдя из дома, он направился в здание Организации Исследований. Там не было никого, но в его лаборатории лежал на столе ежедневный рапорт о распространении радиации. К рапорту была приколота записка от его секретарши. Девушка сообщала, что чувствует себя плохо и, вероятно, уже не придет на работу. Она благодарила его за доброту, поздравляла с выигрышем «Гран-При», а в конце заверяла, что ей было очень приятно работать с ним. Он отложил записку и взял рапорт. Почти у пятидесяти процентов жителей Мельбурна были признаки лучевой болезни. Семь случаев зарегистрировали в Хобарте на Тасмании и три в Крайстчерче на Новой Зеландии. Рапорт, вероятно, последний, который он получил, был гораздо короче предыдущего.

Он прошел через пустые кабинеты к лаборатории, тут и там просматривал лежащие наверху журналы. Эта фаза его жизни подходила к концу, как, впрочем, и все остальные. Его мучила мысль о матери, и он торопился вернуться домой. Выйдя из здания, он сел в трамвай, они еще ходили. Водитель был на месте, но кондуктора не было: времена билетов уже кончились. Джон Осборн заговорил с водителем.

— Я буду гонять этот проклятый трамвай, пока не заболею,— сказал тот.— Тогда я заведу его в депо и пойду домой, я живу возле депо, понимаете? Я работаю трамвайщиком тридцать семь лет, езжу всегда, и в солнце, и в дождь, не перестану и сейчас.

В Малверне Осборн вышел из трамвая и пошел искать молоко, однако вскоре убедился, что это безнадежно: молоко, еще оставшееся в магазинах, отпускали только для детей. Он вернулся с пустыми руками и забрал пекинеса из сада, думая, что мать захочет его увидеть. Пустив песика перед собой, он пошел по лестнице.

В спальне он застал мать, она лежала навзничь, глаза были закрыты. Подойдя ближе, он коснулся ее руки — она была уже холодной. На столике у кровати стоял стакан с водой и лежала записка, написанная карандашом, а рядом — небольшая коробочка из красного картона, открытая и пустая. Он и не знал, что у нее был яд.

Он взял записку.

«Мой дорогой сын. Было бы просто нелепо, если бы я портила последние дни твоей жизни, судорожно цепляясь

за собственную. Не беспокойся о моих похоронах, просто закрой дверь и оставь меня в постели, в моей комнате, среди моих вещей. Мне здесь будет хорошо.

ЖАЛЬ, НО Я НИЧЕГО НЕ МОГУ ДЛЯ НЕГО СДЕЛАТЬ.

Я очень рада, что ты выиграл эту гонку.

Прощай.

Мама».

Две слезы скатились по его щекам, всего две. Сколько он себя помнил, мама всегда была права и сейчас снова поступила правильно. Задумавшись, он спустился вниз. Сам он пока не был болен, но это было вопросом нескольких часов. Песик прибежал за ним; сев в кресло, Джон взял его на колени и стал почесывать за шелковистыми ушами.

Потом он встал, выпустил пекинеса в сад и пошел в аптеку на углу. К его удивлению, за прилавком была какая-то девушка; она дала ему красную картонную коробочку.

— Все приходят сюда за этим,— с улыбкой сказала она.— Дела идут бойко.

Он тоже улыбнулся.

— Я бы предпочел таблетку в шоколаде.

— Я бы тоже хотела,— сказала она,— но таких не выпустили. Я приму свою с мороженым и лимонадом.

Он снова улыбнулся и вышел. Вернувшись домой, Джон позвал собаку из сада и начал готовить ей обед: открыл банку, подогрел кроличье мясо и раздавил туда четыре капсулы нембутала. Перемешав порошок с мясом, он поставил миску перед пекинесом, и тот с жадностью набросился на еду.

Затем он вышел в холл, позвонил в клуб, заказал себе комнату на ближайшую неделю, после чего отправился к себе собирать вещи.

Через полчаса он вернулся на кухню; пекинес сонно лежал в корзинке. Физик внимательно прочел надпись на картонной коробке и сделал ему укол; тот его почти не почувствовал.

Убедившись, что собака мертва, он занес корзинку наверх, поставил рядом с кроватью матери и вышел из дома.

В ночь со вторника на среду Холмсы почти не спали. Дженнифер начала плакать в два часа ночи, и они до рассвета не могли ее успокоить. Около семи часов у нее началась рвота.

За окнами начинался холодный дождливый день. Питер и Мэри смотрели друг на друга, усталые и сонные.

— Питер... неужели это уже оно? — спросила Мэри.

— Не знаю,— ответил он.— Но может быть. Похоже, все уже начинают болеть.

Она медленно провела рукой по лбу.

— Я думала, что в деревне нам это не грозит.

Он не знал, как ее утешить, поэтому сказал только:

— Я поставлю чайник. Ты будешь пить?

Она подошла к кроватке и посмотрела на Дженнифер; та пока не плакала.

— Так заварить чай? — снова спросил он.

«Это пойдет ему на пользу,— подумала она.— Он почти не спал этой ночью». Улыбнувшись, она ответила:

— Завари. Я выпью с удовольствием.

Он пошел на кухню, Мэри чувствовала себя ужасно, ее мучила тошнота. Она решила, что это от бессонницы и волнений из-за Дженнифер. Пока Питер был занят в кухне, она тихонько прошла в ванную. Тошнота у нее бывала часто, но сейчас муж мог подумать, что это то самое, а ему и так хватает забот.

В кухне пахло чем-то затхлым, а может быть, ему просто казалось. Питер налил чайник и включил электроплитку, с облегчением отметив, что электричество еще есть. Однажды оно исчезнет, и тогда начнутся настоящие неприятности.

В кухне было очень душно, и Питер настежь открыл окно. Ему было жарко, потом вдруг стало холодно, а потом затошнило. Он тихо пошел к ванной, но дверь была заперта: видимо, там была Мэри. Не стоит ее беспокоить; через кухонную дверь он вышел во двор и там его вырвало.

Он постоял немного, а когда вернулся, бледный и дрожащий, почувствовал себя немного лучше. Вода в чайнике кипела, поэтому он заварил чай и с подносом вошел в спальню. Мэри уже вернулась и стояла теперь над детской кроваткой.

— Чай готов,— сказал Питер.

Она не повернулась, боясь, что лицо может ее выдать.

— Спасибо, родной. Налей мне, я сейчас приду.

Ей не хотелось ничего пить, но она хотела, чтобы после бессонной ночи муж подкрепился.

Он наполнил обе чашки и, сидя на краю кровати, начал прихлебывать из своей; горячий чай успокаивал боль в желудке.

Она неохотно подошла; может, удастся выпить хоть немного. Взглянув на него, Мэри вдруг заметила, что его халат мокрый от дождя.

— Питер, ты же весь мокрый! Ты выходил во двор?

Он взглянул на рукав — надо же было забыть об этом!

— Мне нужно было выйти.

— Но зачем?

Дальше скрывать было нельзя.

— Просто мне стало плохо,— признался он.— Но в этом нет ничего страшного.

— Питер... со мной было то же самое.

С минуту они молча смотрели друг на друга. Потом Мэри сказала:

— Наверное, это пироги с мясом, которые мы ели на ужин. Ты ничего в них не почувствовал?

Он покачал головой.

— Они мне очень понравились. К тому же, Дженнифер их не ела.

— Питер,— спросила Мэри,— ты думаешь, это оно?

Он взял ее за руку.

— Все другие уже болеют этим. Неужели именно мы должны быть более устойчивыми?

— Нет.— Она задумалась.— Нет, пожалуй, нет.— Она подняла голову.— Значит, это уже конец? Значит, теперь мы будем болеть все сильнее и сильнее, пока не умрем?

— Думаю, именно так и будет,— сказал он и улыбнулся ей.— У меня никогда этого не было, но, говорят, так оно и протекает.

Она оставила его в спальне и пошла в холл; поколебавшись, он двинулся за ней. Мэри стояла у стеклянных дверей, что вели на улицу, и смотрела на свой любимый сад, теперь серый, холодный, исхлестанный ветром.

— Как жаль, что мы не собрались купить скамейку,— сказала вдруг она.— С нею там, под стеной, было бы так мило.

— Я мог бы поискать ее сегодня,— сказал он.

Мэри повернулась к нему.

— Но ты же болен.

— Посмотрю, как буду чувствовать себя попозже. Лучше чем-нибудь заняться, чем сидеть сложа руки и думать, какие мы несчастные.

Она взглянула на него.

— Мне уже лучше... кажется. Ты сможешь съесть что-нибудь на завтрак?

— Ну, не знаю,— задумался он.— Не знаю, достаточно ли мне хорошо, чтобы есть. А что у тебя есть?

— Полторы кварты молока. Можно достать еще?

— Думаю, да. Я бы съездил на машине.

— Есть еще овсяные хлопья. На коробке написано, что в них много глюкозы. Это ведь хорошо при тошноте, правда?

Он кивнул и сказал:

— Пойду приму душ. Это должно пойти мне на пользу.

Когда он пришел из ванной в спальню, Мэри была на кухне — готовила завтрак. С удивлением он услышал веселую песенку, в которой повторялся вопрос, кто отполировал солнце. Питер заглянул на кухню.

— Я вижу, настроение у тебя исправилось.

Она подбежала к нему.

— Это такое облегчение,— сказала она, и он только теперь заметил, что напевая, она плакала. Ничего не понимая, он обнял ее и вытер слезы с ее щек.

— Я так беспокоилась,— продолжала она.— Но теперь все будет хорошо.

«Не будет хорошо, будет так плохо, что хуже не бывает»,— подумал он, но вслух не произнес.

— Что тебя беспокоило? — мягко спросил он.

— Люди начинают болеть в разное время,— объяснила она.— Так я слышала. Некоторые могут заболеть даже на две недели позже, чем другие. Я могла бы заболеть первой и оставить тебя одного... Или Дженнифер... Или ты мог бы оставить нас одних. Это был бы кошмар...— Улыбаясь сквозь слезы, она заглянула ему в глаза.— Но теперь уже ясно, что мы болеем вместе, что это началось у нас в один день. Как же нам повезло!

В пятницу Питер Холмс снова поехал в Мельбурн, якобы затем, чтобы купить садовую скамейку. Ехал он быстро, потому что не хотел надолго оставлять дом. Ему нужно было найти Джона Осборна, причем поскорее. Сначала он направился в гараж, но тот был закрыт, потом поискал его в кабинетах Организации Исследований и, наконец, попал в его комнату в Пастерском Клубе. Джон выглядел очень плохо и явно был болен.

— Джон,— сказал Питер,— прости, если помешал. Как ты себя чувствуешь?

— Болею,— ответил физик.— Уже третий день. А ты?

— Именно об этом я и хотел с тобой поговорить. Наш врач, наверное, уже умер... во всяком случае, он не приезжает. Слушай, Джон, мы оба, Мэри и я, заболели во вторник. С ней сейчас совсем плохо, а я в четверг, то есть вчера, вдруг перестал болеть. Ей я ничего не говорил, но чувствую себя здоровым и голоден, как собака. По дороге я остановился у кафе и позавтракал... и все же по-прежнему хочу есть. Похоже, мой организм побеждает болезнь. Слушай... может такое быть?

— Нет,— сказал физик.— Это временная ремиссия. Можно почувствовать себя лучше, но потом все начнется снова.

— Что значит «временная»?

— Ну, скажем, дней на десять. Но потом все возвращается. Не думаю, чтобы улучшение могло наступить еще раз. Скажи, Мэри очень плохо?

— Да. Я должен скорее вернуться к ней.

— Она лежит в постели?

— Да нет же! — ответил Питер.— Сегодня она ездила со мной в Фалмут за нафталином.

— ЗА ЧЕМ?!

— За нафталином. Знаешь... от моли...— Он замолчал.— Это было для нее очень важно. Когда я уезжал, она вытаскивала из шкафа все вещи и перетряхивала. У нее еще есть силы, чтобы заниматься этим между приступами, и, главное, ей нравится это делать.— Он вновь вернулся к прежней теме.— Слушай, Джон, значит, у меня неделя или десять дней здоровья, а потом уже никаких шансов?

— Ни малейшей надежды, старина,— ответил физик.— Никто этого не переживет. Погибнут все до единого.

— Что ж, лучше знать это заранее,— заметил Питер.— Незнание не ведет ни к чему хорошему. Скажи, я могу что-то сделать для тебя?

Физик покачал головой.

— Я сам сделал почти все. Правда, есть еще дела на сегодня, но я справлюсь.

Питер вспомнил, что у Джона Осборна есть еще обязанности дома.

— Как чувствует себя твоя мать? — спросил он.

— Она мертва,— последовал ответ.— Теперь я живу здесь.

Питер подумал о Мэри и сказал:

— Ну, мне пора. Удачи, старина.

Джон Осборн слабо улыбнулся.

— До свидания.

После ухода молодого офицера он встал с постели и пересек коридор. Вернулся он в комнату через полчаса, презирая себя за слабость. Оставшиеся дела нужно было кончать сегодня, завтра у него уже не хватит сил.

Он старательно оделся и спустился в холл. В камине на застекленной веранде горел огонь, и сэр Дуглас Фроуд одиноко сидел над стаканом хереса. Он заметил двоюродного внука.

— Добрый день, Джон. Как спалось?

Физик коротко ответил:

— Я заболел.

Обеспокоенный старик повернул к нему красное лицо.

— Мой мальчик, мне так жаль! Похоже, все вокруг болеют. Ты знаешь, мне пришлось пойти на кухню и самому приготовить себе завтрак! И это в нашем-то клубе!

Он жил в Пастерском Клубе уже три дня, перебравшись сюда после смерти сестры, которая вела его дом.

— Но теперь пришел Коллинз, помнишь, тот портье, и он приготовит нам сегодня обед. Ведь ты сегодня будешь обедать здесь?

Джон Осборн знал, что не будет обедать нигде.

— К сожалению, сегодня не могу. Мне нужно уйти.

— Жаль, очень жаль. Я надеялся, что ты поможешь нам выпить этот портвейн. Мы уже дошли до последнего ящика... Значит, есть еще бутылок пятьдесят. Думаю, мы успеем.

— А вы как себя чувствуете?

— Прекрасно, мой мальчик, просто прекрасно. Вчера вечером после ужина меня немного пошатывало, но это, наверное, из-за бургундского. Похоже, его нельзя мешать с другими винами. Во Франции в прежние времена, если пили бургундское, то из кубка объемом в пинту или какие у них там были меры, и в тот вечер уже не заглядывали ни в какие другие бутылки. Но вчера я еще раз вернулся сюда, спокойно выпил коньяку с содовой и кусочком льда и, веришь ли, поднимаясь к себе, снова был в норме. Вот так-то. И хорошо спал всю ночь.

Физик задумался, насколько долговечна устойчивость к лучевой болезни, созданная алкоголем. До сих пор, насколько он знал, никто не проводил таких исследований; сейчас такой случай представился, вот только заняться этим некому.

— К сожалению, я не могу остаться на обед,— повторил он.— Но может, мы увидимся вечером.

— Я буду здесь, мой мальчик, я буду здесь. Том Фотерингтон был вчера на ужине и обещал быть сегодня, но пока его не видно. Надеюсь, он не забыл.

Джон Осборн вышел из клуба и, как во сне, зашагал по улице. «Феррари» требует заботы, значит, нужно идти в гараж; отдых — потом. Он миновал открытые двери аптеки и остановился в нерешительности. Наконец, вошел. В аптеке царил беспорядок, и не было никого из продавцов. Посредине стоял ящик без крышки, полный красных коробочек, а еще целая куча коробочек лежала на прилавке между таблетками от кашля и губной помадой. Он взял одну коробочку, сунул в карман и пошел дальше. Когда он раздвинул двойные двери гаража, «феррари» стоял на своем месте, готовый хоть сейчас ехать куда угодно. После гонки на «Гран-При» он был без единой царапины, как будто только что выехал с завода. Владеть им было просто здорово, особенно, выиграв такую награду. Джон Осборн чувствовал себя слишком слабым, чтобы вести его сейчас или когда-либо еще, но знал, что никогда не будет чувствовать себя так плохо, чтобы не иметь сил погладить его, повозиться с ним. Он снял пиджак, повесил на гвоздь и принялся за работу.

Прежде всего нужно было поднять машину домкратом и подложить под раму кирпичи, чтобы покрышки не касались земли. Усилия, которых потребовала работа с тяжелым домкратом, и возня с кирпичами вызвали новый приступ тошноты. В гараже не было туалета, но позади был захламленный двор с черными, грязными

от масла частями старомодных забытых автомобилей. Он вышел туда и вскоре вернулся совсем ослабевший, но с твердым решением не откладывать эту работу на завтра.

Он успел поднять все четыре колеса, прежде чем начался новый приступ. Осборн сливал воду из радиатора, когда вдруг почувствовал, что должен снова выйти во двор. Ничего, оставалась лишь самая легкая работа. Вернувшись, он отключил аккумулятор и смазал жиром контакты. Потом вытащил все шесть свечей, наполнил цилиндры маслом и вкрутил свечи на место.

Теперь с «феррари» ничего не могло случиться. Когда он вернулся в гараж, начало темнеть. Он сделал все, чтобы сохранить эту машину, которую он так любил и рядом с которой остался, боясь, что еще один приступ может скрутить его по дороге в клуб.

Ему вдруг захотелось сесть за руль, посмотреть на приборную доску. Шлем и очки лежали на сиденье; он надвинул шлем на голову, повесил очки на шею и сел в машину.

Приятно, гораздо приятнее, чем было бы в клубе. Руль под его руками таил в себе что-то притягательное, три циферблата на большом счетчике оборотов были, как старые друзья. Эта машина выиграла для него гонку, так зачем мучиться и продолжать бесполезную жизнь?

Он вынул из кармана красную картонную коробочку, высыпал на ладонь таблетки, а коробочку бросил на землю. Не стоит с этим тянуть — так будет лучше.

Он положил обе таблетки в рот и с трудом проглотил.

Прямо из клуба Питер Холмс поехал на улицу Элизабет, в магазин, в котором покупал косилку. Магазин был закрыт, но кто-то выломал дверь, так что теперь каждый мог войти и взять, что хотел. Внутри было довольно мрачно — электричество в магазине было выключено. Отдел садоводства располагался на третьем этаже; Питер поднялся туда по лестнице, вспомнил, где видел садовые скамейки, и быстро нашел их. Он выбрал одну, относительно легкую, с яркой съемной подушкой, которая наверняка понравилась бы Мэри и в то же время могла служить подкладкой при транспортировке. С трудом стащив скамейку по лестнице, он вернулся за этой подушкой и веревкой. У одного из прилавков он нашел бухту бельевого шнура и забрал его с собой. Наконец закрепил скамейку на крыше машины и поехал домой.

У него по-прежнему был волчий аппетит, и чувствовал он себя хорошо. Он не сказал Мэри об улучшении, не сбирался говорить и впредь; это только расстроило бы ее теперь, когда она поверила, что все они умрут вместе. По дороге он задержался у того же кафе, в котором завтракал, и съел две порции ростбифа, а потом —

большую тарелку пудинга. Подумав, попросил хозяев, двух любителей пива, явно чувствующих себя отлично, приготовить ему дюжину бутербродов с говядиной; он решил оставить их в багажнике, чтобы Мэри об этом не знала, а вечером, тайком от нее, выскользнуть из дома и поужинать.

Он подъехал к дому вскоре после обеда и, не снимая скамейки с крыши машины, вошел в комнату. Мэри лежала на кровати, полуодетая, под пуховым одеялом; во всем доме было холодно и сыро. Он сел рядом с ней.

— Как ты себя чувствуешь?

— Страшно,— сказала она.— Питер, я так беспокоюсь за Дженнифер. Она не хочет ни есть, ни пить, ни принимать лекарства и все пачкает.— Она добавила еще несколько подробностей.

Он пересек комнату и взглянул на ребенка в кроватке. Девочка похудела и осунулась, как и сама Мэри. Безусловно, обе были очень больны.

— Питер... а как ты себя чувствуешь? — спросила жена.

— Не очень хорошо,— ответил он.— Меня дважды рвало по дороге туда и один раз на обратном пути. А если тебя интересует что-то другое... словом, я то и дело бегаю.

Она положила руку ему на плечо.

— Ты не должен был ездить...

— Во всяком случае, я привез тебе скамейку,— улыбнулся он.

Лицо ее немного прояснилось.

— Правда? А где она?

— На машине,— ответил он.— Но ты лежи, не вставай. Я разведу огонь в камине, и здесь сразу станет уютнее. Потом я сниму скамейку с машины, и ты сможешь ее увидеть.

— Но я не могу лежать,— утомленно сказала она.— У Дженнифер нужно все сменить.

— Я сам этим займусь... в первую очередь.— Он мягко уложил ее в постель.— Лежи и не вставай.

Часом позже в камине горел огонь, а скамейка стояла в саду под стеной, как и хотела Мэри. Ее было хорошо видно через застекленную дверь.

— Чудесно,— радовалась Мэри.— Как раз такая, как я хотела. Там будет очень хорошо сидеть в летние вечера...— За стеклами серел холодный день и сыпал дождь.— Питер, сейчас, когда я на нее уже посмотрела, наверное, лучше забрать подушку на веранду. Или лучше принеси ее сюда и пусть здесь лежит, пока не кончатся дожди. А то она испортится до лета.

Он принес подушку, и они передвинули детскую кроватку в теплую комнату.

— Может, ты съешь чего-нибудь? — спросила Мэри.— Есть много молока, если ты хочешь, можешь его пить.

Он покачал головой.

— Не уверен, что смогу. А ты?

Теперь качнула головой она.

— Может, подогреть коньяка с лимоном? — предложил он.

Она задумалась.

— Можно попробовать. Мне так холодно...

В камине бушевал огонь.

— Я выйду и принесу еще дров,— сказал Питер.— А потом согрею тебе коньяк.

Он вышел во двор, в густеющий мрак, открыл багажник машины и съел три бутерброда. Потом взял дрова и вернулся в комнату. Мэри стояла у кроватки.

— Так долго,— сказала она укоризненно.— Что ты там делал?

— У меня были сложности,— ответил он.— Наверное, снова из-за пирогов с мясом.

Она смягчилась.

— Мой бедный старичок Питер. Все мы в таком же положении.— Она наклонилась над кроваткой и коснулась лба ребенка. Дженнифер лежала неподвижно, слишком слабая, чтобы плакать.— Питер, мне кажется, она умирает...

Он привлек жену к себе.

— Я тоже умираю,— спокойно сказал он.— И ты тоже... Никто из нас долго не протянет. Я принес чайник, давай все же выпьем коньяка.

Он увел ее от кроватки к камину и подбросил в него дров. Мэри села на пол, он дал ей горячий коньяк с водой и лимоном. После нескольких глотков ей стало немного лучше. Себе он тоже приготовил коньяк; несколько минут они молчали.

— Питер, почему это произошло? Потому, что была война на востоке?

— В общем-то, да,— подтвердил он.— Но не только. Бомбардировки, которые привели весь мир к катастрофе, начали Америка, Англия и Россия.

— Но мы же не имели с этим ничего общего, правда? Мы здесь, в Австралии?

— Мы морально поддерживали Англию,— объяснил он.— На другую поддержку просто не хватило времени. Все кончилось в течение месяца.

— И никто не мог этого прекратить?

— Не знаю... Бывают такие истерики, которые не так-то просто прервать. То есть, если сто миллионов людей решают, что их честь требует бросать кобальтовые бомбы на своих соседей, мы с тобой вряд ли сможем что-либо с этим поделать. Надежда была бы только в том случае, если бы их начали учить уму-разуму.

— Но как, Питер? Ведь это были уже не малые дети.

— Газеты,— сказал он.— Пресса могла кое-что сделать. Но мы не сделали. Никто ничего не делал, все были слишком глупы. Мы любили наши газеты с фотографиями девиц на пляже и заголовками о нарушении прав человека, и ни одно правительство не было настолько умным, чтобы изменить такое положение вещей. Наверняка, пресса могла бы что-то сделать, будь мы немного умнее.

Мэри немногое поняла из этих объяснений.

— Хорошо, что хоть сейчас нет газет. Без них гораздо лучше,— сказала она.

Внезапно у нее начались судороги, и он помог ей дойти до ванной. Потом вернулся в комнату и встал у кроватки ребенка. Видно было, что девочка в тяжелом состоянии, но сделать он ничего не мог; вряд ли она доживет до утра. Мэри тоже плоха, но все же еще не в таком состоянии. Только он из них троих здоров и должен скрывать это.

Мысль о том, что он проживет дольше, чем Мэри, поразила его. Он бы не выдержал в этой квартире; идти ему некуда, делать нечего. Мелькнула мысль, что если бы «Скорпион» был еще в Вильямстауне, он мог бы поплыть с Дуайтом Тауэрсом и закончить жизнь в море, которому посвятил всю свою жизнь. Но зачем это? Не нужна ему была эта отсрочка, полученная из-за какого-то каприза природы. Он хотел быть с женой и дочерью.

Мэри окликнула его из ванной, и он пошел, чтобы помочь ей дойти до гостиной. Там он дал ей еще горячего коньяка с лимоном и набросил на плечи пуховое одеяло. Она сидела, держа стакан обеими руками и стараясь унять дрожь.

— Питер, что с Дженнифер? — спросила она наконец.

Он встал, подошел к кроватке, потом вернулся к жене.

— Сейчас она успокоилась. Думаю, ей не хуже, чем было.

— А ты как себя чувствуешь?

— Отвратительно.— Он наклонился над ней и взял ее за руку.— Однако, думаю, тебе хуже, чем мне.— Он решил, что она должна это знать.— У меня это протекает дня на два медленнее, чем у тебя. Но не больше. Может, потому что у меня организм крепче.

Она медленно кивнула и спросила.

— И нет уже никакой надежды? Ни для нее, ни для тебя, ни для меня?

— Нет,— сказал он.— Этого никто не переживет, дорогая.

— Наверное, завтра у меня не будет сил, чтобы дойти до ванной. Питер, дорогой мой, лучше покончить с этим сегодня и взять Дженнифер с собой. Ты думаешь, это бесчеловечно?

Он поцеловал ее.

— Я думаю, это разумно. Я тоже пойду с вами.

Она неуверенно заметила:

— Ты не так болен, как мы.

— Завтра и мне будет хуже,— сказал он.— Ни к чему затягивать это.

Она прижала к себе его руку.

— Как мы это сделаем, Питер?

Он задумался.

— Я налью горячей воды в грелки и положу их в постель. Потом ты наденешь чистую ночную рубашку и хорошенько укроешься, чтобы тебе было тепло, а я принесу тебе Дженнифер. Потом я закрою дверь и дам тебе горячий коньяк. Мы выпьем и примем таблетки.

— Не забудь выключить электричество,— напомнила она.— Мыши могут перегрызть какой-нибудь кабель, тогда будет пожар.

— Хорошо, выключу,— заверил он.

Она взглянула на него со слезами на глазах.

— Ты сделаешь все с Дженнифер?

Питер погладил ее по волосам.

— Не беспокойся, сделаю.

Он налил горячей воды в резиновые грелки и положил их в кровать, поправил белье, чтобы постель выглядела красиво и свежо. Потом проводил Мэри в спальню, а сам пошел на кухню, в последний раз поставил чайник и, пока грелась вода, внимательно прочел указания, напечатанные на картонных коробочках.

Затем наполнил кипятком большой термос и с подносом, на который поставил еще два стакана, коньяк и тарелку с половинкой лимона, вошел в спальню. Потом перенес туда же кроватку Дженнифер. Мэри с трудом села, когда он подвинул к ней кроватку.

Он спросил:

— Дать ее тебе? — Ему пришло в голову, что она захочет подержать дочь.

Мэри покачала головой.

— Я слишком больна.— Она сидела, глядя на ребенка, потом устало опустилась на подушки.— Я хочу запомнить ее здоровой. Сделай это, Питер, и пусть все скорее кончится.

Верно, подумал он, лучше сделать это быстро и не раскисать. Он сделал девочке укол в руку, разделся, надел чистую пижаму, погасил свет во всей квартире, так что горел один ночник, заставил железной решеткой камин и взял из кухни одну из свечей, которые они держали на случай, если погаснет свет. Зажженную свечу он поставил в изголовье кровати и выключил ночник.

Потом лег рядом с Мэри, наполнил оба стакана коньяком и горячей водой из термоса, выжал туда лимон и достал из коробочки таблетки.

— С тех пор, как мы поженились,— тихо сказала Мэри,— мне было так хорошо... Спасибо тебе, Питер, спасибо за все.

Он прижал ее к себе и поцеловал.

— Мне тоже было хорошо с тобой. И давай на этом кончим.

Они положили таблетки в рот и запили коньяком.

В этот вечер Дуайт Тауэрс позвонил Мойре Дэвидсон. Набирая номер, он не был уверен, соединят ли его с Гарквеем, а если соединят, возьмет ли кто-нибудь трубку. Но коммутаторы еще работали, и Мойра подняла трубку почти сразу же.

— Я и не надеялся дозвониться,— сказал он.— Что у тебя слышно, дорогая?

— Все очень плохо,— ответила она.— Думаю, что с мамой и папой скоро все будет кончено.

— А с тобой?

— Со мной, наверно, тоже... почти. А как ты себя чувствуешь?

— Я бы сказал, что все так же. Я звоню, чтобы попрощаться с тобой. Завтра утром мы отплываем и затопим «Скорпион».

— И не вернетесь? — спросила она.

— Нет, детка, не вернемся. Нам осталось выполнить это последнее задание, и все будет кончено.— В трубке стало тихо.— Я звоню, чтобы поблагодарить тебя за последние полгода,— сказал он.— Наши встречи значили для меня очень много.

— И для меня тоже,— сказала она.— Дуайт, если я смогу, можно мне приехать, чтобы попрощаться не по телефону?

Он задумался, потом произнес:

— Ну, конечно. Однако мы не можем ждать. Люди ослабели и завтра будут еще слабее.

— Когда вы отплываете?

— В восемь. Как только рассветет.

— Я приеду,— пообещала она.

Он попросил проститься за него с отцом и матерью и закончил разговор. Мойра пошла в спальню родителей, они лежали в своих постелях. Она передала им слова Дуайта и сказала, что поедет к нему.

— Я вернусь к обеду,— добавила она.

Мать кивнула.

— Ты должна попрощаться с ним, доченька. Он был тебе настоящим другом. Но если, вернувшись, нас не застанешь, пойми и не осуждай.

Мойра села на кровать матери.

— Так плохо, мама?

— Увы, да, дорогая. А папе еще хуже. Но у нас есть все, что нужно.

— Дождь идет? — слабым голосом спросил отец со своей кровати.

— Сейчас нет, папа.

— Может, ты откроешь ворота хлева, Мойра? Все остальные уже открыты.

— Сейчас, папа. Что-нибудь еще нужно?

Мистер Дэвидсон прикрыл глаза.

— Попрощайся за меня с Дуайтом. Жаль, что он не мог на тебе жениться.

— Мне тоже жаль,— шепнула она.— Но он из тех, кто легко не меняется.

Она вышла в вечернюю темноту, открыла хлев и проверила, все ли ворота открыты; скотины нигде не было видно. Потом вернулась домой и сказала, что выполнила поручение; отец вздохнул с облегчением. Больше родителям ничего не было нужно. Она пожелала им обоим спокойной ночи и легла спать, поставив будильник на пять часов, чтобы случайно не проспать.

Спала она плохо: четыре раза за ночь выходила в ванную и выпила полбутылки коньяка, единственного, чего не отвергал желудок. Как только будильник начал звонить, она приняла горячий душ, это очень ее освежило, и надела красные брюки и красную рубашку, как полгода назад, когда впервые ехала встречать еще не знакомого Дуайта... Потом старательно подкрасилась, надела пальто, тихонько открыла двери спальни родителей и заглянула, прикрывая рукой свет электрического фонаря. Отец, похоже, спал но мать улыбнулась ей со своей кровати; они тоже часто вставали этой ночью. Мойра на цыпочках подошла к кровати, поцеловала мать и вышла, тихо закрыв за собою дверь.

Она взяла из кладовки полную бутылку коньяка, села в машину и выехала на шоссе к Мельбурну. У Оклейга остановилась на пустом шоссе, глотнула в серости наступающего дня коньяка из бутылки и поехала дальше.

Она пересекла опустевший город и по другому шоссе, грязному и узкому, направилась в Вильямстаун. В четверть восьмого она была у верфи, и через открытые ворота, у которых не было никакой охраны, въехала прямо на мол, у которого стоял авианосец. На трапе не было даже часового, и некому было спросить у нее, что она здесь делает. Она поднялась на авианосец, стараясь припомнить, как они шли с Дуайтом, когда он собирался показать ей «Скорпион». Вскоре она наткнулась на американского матроса, и тот указал ей дорогу к трапу, ведущему на подводную лодку. Там она встретила другого матроса.

— Если вы увидите капитана Тауэрса, спросите, не мог бы он выйти и поговорить со мной,— сказала она.

— Ну, конечно, мисс,— ответил тот.— Подождите немного.

Вскоре к ней вышел Дуайт и взял ее руки в свои, не обращая внимания на то, что это видят матросы.

— Как хорошо, что ты приехала, дорогая. Как у тебя дома?

— Очень плохо,— сказала она.— Отец и мама вот-вот умрут, да и я тоже. Это конец для нас всех.— Она заколебалась, потом все же сказала:

— Дуайт, я хотела тебя кое о чем попросить.

— О чем, дорогая?

— Возьми меня с собой на «Скорпион».— Она опять заколебалась.— Думаю, домой мне возвращаться уже незачем. Папа сказал, что машину я могу просто оставить здесь на улице. Она ему уже не понадобится. Ты возьмешь меня с собой?

Он долго молчал, и она поняла, что ответ будет — нет.

— Об этом же меня просили четыре матроса,— сказал он наконец.— Я отказал им всем: дядя Сэм не любит женщин на своих кораблях. Я командовал лодкой согласно уставу Военного Флота, пусть же так останется до самого конца. Я не могу тебя забрать, дорогая. Каждый из нас должен встретить это по-своему.

— Хорошо,— мрачно сказала она и заглянула ему в глаза.— У тебя есть подарки для них?

— Конечно,— сказал он.— Благодаря тебе.

— Расскажи обо мне Шарон,— попросила она.— Нам с тобой ничего скрывать.

Он коснулся ее руки.

— Ты в том же костюме, в котором была, когда мы познакомились.

Девушка грустно улыбнулась.

— Главное — найти ему занятие... чтобы не было ни секунды скуки. Если он начнет думать,. то может заплакать. Как, Дуайт, хорошо я справилась со своим заданием?

— Очень хорошо,— сказал он, обнял ее и поцеловал, а она крепко прижалась к нему.

Потом она выскользнула из его объятий.

— Не будем затягивать прощание,— сказала она.— Мы сказали друг другу все, что могли сказать. Когда вы отплываете?

— Уже скоро,— ответил он.— Минут через пять. Тридцать миль пройдем проливом, потом еще двенадцать открытым морем. Сорок две морские мили. Я не буду тянуть. Это произойдет, скажем, через два часа десять минут по отплытии отсюда.

Она медленно кивнула.

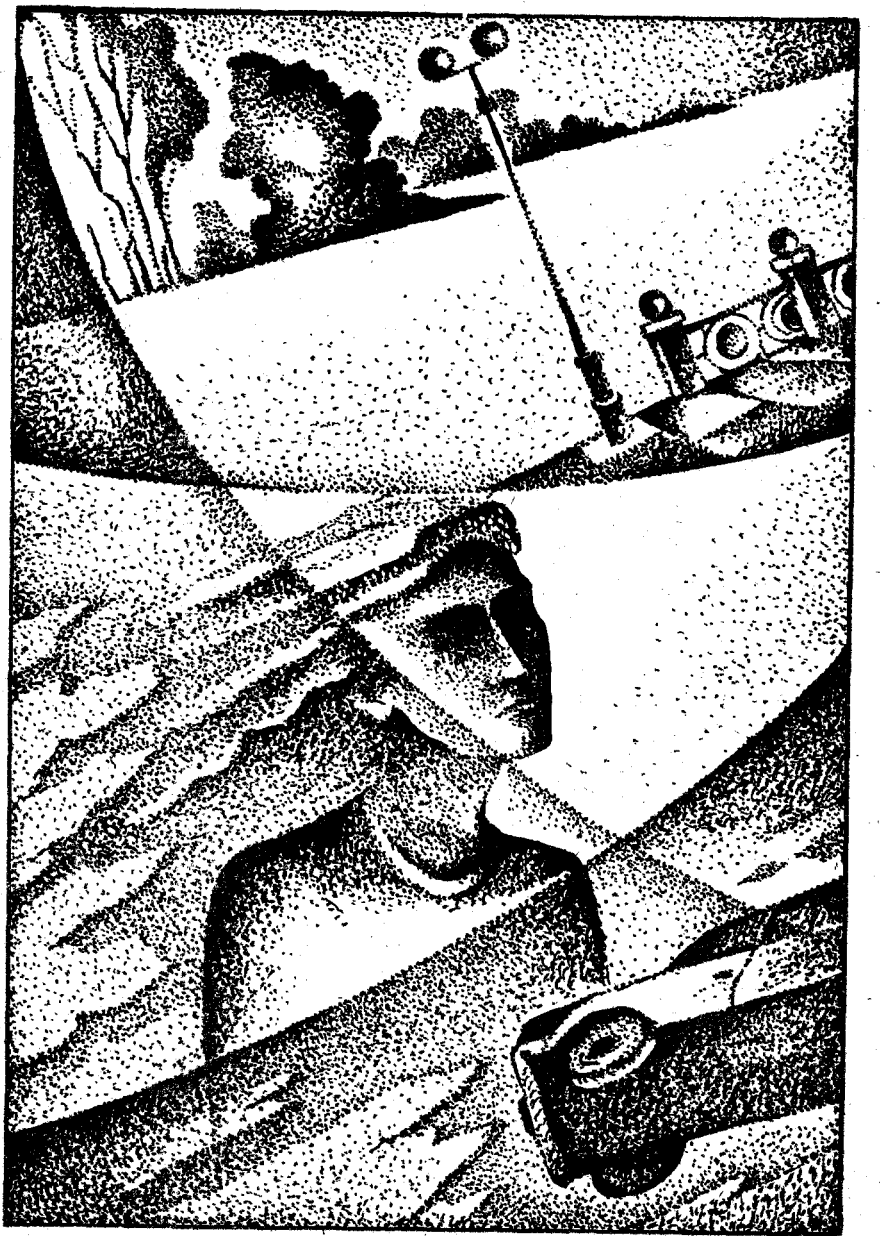
— Я буду тогда думать о тебе.— Она чуть помолчала.— Иди, Дуайт. Может, когда-нибудь встретимся в Коннектикуте.

Он притянул ее к себе и хотел еще раз поцеловать, но она не позволила.

— Нет... иди.— И мысленно добавила: «Или я начну плакать».

— Хорошо. Спасибо тебе за все,— сказал он, повернулся и исчез в «Скорпионе».

Рядом с Мойрой стояли еще несколько женщин. На авианосце



матросов не было, поэтому трап никто не убирал. Мойра смотрела, как Дуайт выходит на мостик и принимает руль, смотрела, как нижний конец трапа отрывается от «Скорпиона». Она видела, как Дуайт что-то сказал в переговорную трубку, как вскипела вода за кормой, когда заработали винты. С неба начал сыпать мелкий дождь. Матросы исчезли с палубы, на мостике остался только Дуайт с одним офицером. Он козырнул Мойре, и она помахала ему рукой, почти не видя сквозь слезы, как корабль идет к мысу Гелибренд и исчезает в темноте.

Вместе с другими женщинами она отошла от борта.

— Дальше жить незачем,— сказала одна из них.

— Никто и не заставляет,— отозвалась другая.

Мойра взглянула на часы. Три минуты девятого. Примерно в десять минут одиннадцатого Дуайт отправится домой, в свой родной Мистик, в штат Коннектикут, в дом, который он так сильно любит... А ее уже никто не ждет в родном доме; если она вернется в Гарквей, то не застанет там ничего, кроме скотины и воспоминаний. Дуайт не мог ее забрать, это запрещено уставом Военного Флота, и она его поняла. А ведь можно пойти почти рядом с ним, когда он будет возвращаться домой... Можно быть всего в двенадцати милях от него. Если вдруг она окажется рядом с ним, может, он возьмет ее с собой, и тогда она увидит, как Элен скачет на жабьей трости.

Она пробежала по мрачным пещерам вымершего авианосца, выскочила на трап и спустилась по нему к своему автомобилю. Баки были полны: накануне она заправила их из канистр, укрытых в сене. Сев за руль, она открыла сумочку: красная картонная коробочка была там. Потом открыла бутылку и глотнула неразведенного коньяка; алкоголь хорошо действовал на нее: с момента выезда из дома у нее не было никаких забот с желудком. Она запустила двигатель, развернулась и выехала с верфи. Вскоре она уже была на автостраде, ведущей в Гелонг.

Там она прибавила газу и понеслась со скоростью семидесяти миль в час — бледная девушка в ярком костюме за рулем большой быстрой машины. Где-то в районе Корио ее вдруг скрутило — пришлось остановиться и зайти в кусты. Вернулась она через пятнадцать минут белая, как мел, и долго отпаивалась коньяком.

Потом она поехала дальше, еще быстрее. Миновала школу, проехала по обшарпанным улицам промышленного Корио и вскоре оказалось в Гелонге. Там над остальными зданиями возвышался собор, и колокола с великолепной колокольни звали на богослужение.

Она снизила скорость, чтобы проехать через город, но на улицах не было ничего, кроме брошенных у тротуара машин. По дороге ей встретились всего три человека.

От Гелонга нужно было проехать еще четырнадцать миль до

Бервон-Хидс и до моря. Проезжая заливные луга, она почувствовала, что силы ее покидают, но ехать осталось немного. Спустя пятнадцать минут она въехала в широкую аллею между живыми изгородями — главную улицу этого городка. В конце аллеи она повернула налево, удаляясь от полей для гольфа и небольшой виллы; никогда больше ей не увидеть этого. Было без двадцати десять, когда она повернула направо, на мост, миновала пустой мотель и въехала на мыс. Море лежало перед ней, серое и беспокойное. С юга шли высокие волны.

Небо было затянуто тучами, но далеко на востоке был просвет, и столб света падал через него на воду. Она поставила машину на другую сторону шоссе, чтобы видеть море как можно дальше, вылезла, выпила еще коньяка и принялась высматривать на горизонте подводную лодку. Потом повернулась к маяку на мысе Лонсдейл на входе в залив Порт-Филлип и вдруг милях в пяти увидела низкий серый силуэт, идущий от Мысов к югу.

Деталей она видеть не могла, но знала, что Дуайт стоит на мостике, ведя свой корабль в последний поход на свете. Она знала, что он ее не видит, не подозревает, что она здесь, и все же помахала ему рукой. Потом снова села в машину, потому что ветер был сильный и холодный, а она чувствовала себя очень плохо. Она прекрасно могла смотреть на лодку и из машины. Бутылку она держала на коленях и думала: «Значит, это конец, самый-самый конец...»

Вскоре подводная лодка исчезла в тумане. Девушка взглянула на часы: одна минута одиннадцатого. Внезапно ей вспомнилась религия ее детских лет: нужно это как-то устроить. Слегка пьяная, она пробормотала молитву перед едой. Потом вынула из сумочки красную картонную коробочку, открыла трубку и вытряхнула таблетки на ладонь. Все тело прошил новый приступ боли, и девушка слабо улыбнулась.

— Все-таки я перехитрила тебя...

Она откупорила бутылку. Десять минут одиннадцатого. Громко и страстно она попросила:

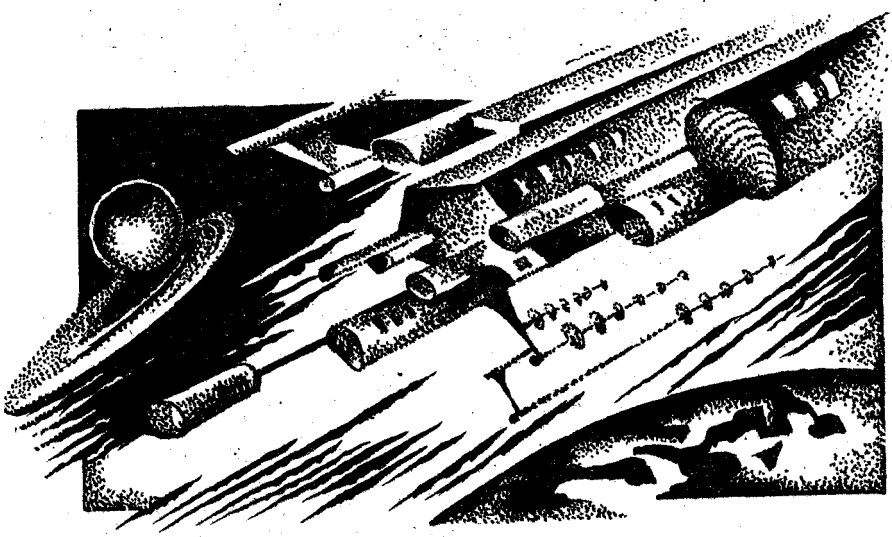
— Дуайт, если ты уже в пути, подожди меня.

Потом положила таблетки в рот, проглотила и запила коньяком...

Гарри Гаррисон

КОСМИЧЕСКИЙ ВРАЧ

Фантастический роман



I

Совершить путешествие с Луны на Марс очень просто. Космобусы доставляют пассажиров на комфортабельный межпланетный корабль «Иоганн Кеплер», а там их ждут развлечения и отдых — три месяца кряду.

Но однажды безмятежное путешествие прервала катастрофа. Корабль шел точно по графику, и первые двенадцать дней не было никаких поводов для тревоги, но на тринадцатый...

Именно в этот день головной отсек, нервный центр всего корабля, пробило метеоритом. Автоматические лазеры почему-то не сработали, а внешняя броня лишь немного снизила скорость метеорита, и он остановился только у миделя корабля, прошив восемнадцать отсеков. Погиб капитан Кардид, вместе с ним — двенадцать старших офицеров, что были в отсеке управления, и шестнадцать пассажиров. Кроме того, сильно досталось главному резервуару с водой.

Когда все это случилось, лейтенант Дональд Чейз сидел в своем лазарете и читал монографию «Размягчение костей в условиях пониженной гравитации». Он не обратил внимания на странную вибрацию корпуса.

И вдруг до него дошло. Вибрация! Откуда? На корабле, что ле-

тит в вакууме, не может быть ни качки, ни внезапных толчков. Он вскочил на ноги, и тут его оглушила сирена. Истерически замигали красные сигналы оповещения, по кораблю, заглушая рев сирены, разнеслось:

«КОСМИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА! ПРОБИТА ОБОЛОЧКА КОРАБЛЯ. УТЕЧКА ВОЗДУХА! ДВЕРИ МЕЖДУ ОТСЕКАМИ АВТОМАТИЧЕСКИ ЗАБЛОКИРОВАНЫ. КОМАНДЕ — ЗАНЯТЬ МЕСТА СОГЛАСНО АВАРИЙНОМУ РАСПИСАНИЮ».

В то же мгновение шумно раскрылся шкаф с аварийным снаряжением.

— «Развернуть и одеть на себя»,— повторил Дон слова инструкции. Он и подумать не мог, что настанет день, когда ему придется выполнять ее.

Прямо перед ним висел цельнопрессованный скафандр. Дон скинул тапочки, прыгнул к шкафу, шепотом повторяя инструкцию: — «Голова, правая нога, левая нога, правая рука, левая рука, застежка».

Скрючившись, он сунул голову в шлем и одновременно просунул в скафандр правую ногу. Автоматические клапаны пустили сжатый воздух, и скафандр надулся, словно воздушный шар. Как только нога заняла нужное положение и пальцы коснулись датчика, подача воздуха прекратилась. За правой ногой последовала левая, потом — руки. Еле-еле просунув пальцы в сплющенные перчатки, Дон дотянулся до красной кнопки с белой надписью «Герметизация», и затвор пополз от поясницы вверх, словно гигантское насекомое, соединяя и герметизируя края скафандра. Как только он добрался до шлема, костюм стал непроницаем; на все ушло секунд двенадцать.

Шлем был похож на большой аквариум с отверстием для лица и металлическим забралом, оно пока оставалось открытым. Как только давление упадет ниже пяти фунтов на квадратный метр, оно тут же автоматически опустится: кислород следовало экономить для самых крайних случаев. Кроме скафандра в шкафу стояла медицинская укладка. Дон схватил ее и подбежал к тайперу — устройству, которое представляло собой простейшую печатную машинку, напрямую подключенную к корабельному компьютеру. Он набрал свой личный номер и тем самым дал компьютеру понять, что его запрашивает судовой врач. Компьютер сам решит, какую информацию он вправе передать абоненту.

«ЧТО ПРОИЗОШЛО?» — напечатал Дон.

Компьютер проанализировал его вопрос и через секунду выдал ответ.

«ПРОБОИНА В ОТСЕКЕ 107-УП. ЭТОТ И СЕМНАДЦАТЬ ДРУГИХ ОТСЕКОВ РАЗГЕРМЕТИЗИРОВАНЫ. ИХ НОМЕРА: 32-В, 32-В1...»

Дон подошел к схеме корабля, волосы у него встали дыбом: он увидел, что отсек 107-уп — ходовая рубка, мозг корабля.

Как только компьютер отпечатал сообщение, Дон оторвал лист, сунул его в карман и, схватив укладку, помчался к рубке.

Жертвы, по всей вероятности, были во всех поврежденных отсеках. Но раненые, которых при достаточно быстрой работе удалось бы еще спасти, сейчас в расчет не принимались. Главное было лишь одно — ходовая рубка и люди, что были там: без них корабль — только громадный кусок металла, блуждающий в космосе.

Впереди показалась лестница, ведущая в рубку.

— В чем дело? Почему тревога? — путь Дону преградил перепуганный мужчина в голубом костюме.

— Оставайтесь в каюте, как вам было объявлено!

Но мужчина не думал отступать, и Дон был вынужден буквально отшвырнуть его в сторону.

Взлетев по лестнице, он остановился перед закрытой дверью: для локализации аварии все двери аварийных отсеков были плотно задраены.

Воздух в отсеке был — над дверью горела зеленая лампочка. Дон полез за служебным ключом и тут услышал за спиной чей-то топот.

— Давайте я, док! — крикнул на бегу Голд, помощник главного электрика; как и Дон, он был в скафандре с открытым шлемом. Наверное, все выжившие члены экипажа были сейчас в скафандрах.

Голд повернул ключ, дверь пропустила их и снова плотно закрылась.

Спустившись по лестнице, они остановились перед другой дверью, над этой горел красный сигнал.

— У них нет воздуха,— глухо проговорил Голд.

— И все же мы должны добраться до них.

— Попробуйте свой ключ, Дон: мой не подходит для разгерметизированных отсеков.

На межпланетном корабле воздух — драгоценность, гарантия жизни, поэтому ключи от дверей, за которыми был вакуум, имели только офицеры, да и то не все.

Дон вставил свой ключ.

Заработали электромоторы, преодолевая давление воздуха, и дверь стала медленно отходить в сторону. Неожиданно раздался тонкий свист, он становился все громче по мере расширения дверного проема.

Клац! Металлические забрала автоматически захлопнулись.

Они очутились в коридоре перед рубкой, дверь, пропустив их, плотно закрылась. Но дверь в рубку была закрыта лишь наполовину — мешало тело капитана Кардида.

Глаза его были широко открыты, на лице застыла гневная гримаса, словно он сердился на них за опоздание. Дон отвел глаза и повернул ключ еще раз.

Достаточно было взглянуть на положение тел, чтобы понять, как произошла трагедия: те, что лежали ближе к выходу, пытались в первую очередь спасти капитана — его жизнь была самой ценной; двое из них явно пытались протолкнуть капитана перед собой, они все еще цеплялись за комингс.

Первый помощник, очевидно, хотел удержать дверь открытой: он держал в руках ключ, но напрасно — все они были мертвы.

Пройдя в помещение, Дон кинул взгляд на осколки радиостанции.

По комнате плавали кусочки оплавленного металла. Пробоина была величиной с кулак, и через нее светили звезды. Мертвым не поможешь, врача ждали живые.

Когда Дон повернулся, он увидел, что Голд жестикулирует, пытаясь привлечь его внимание к чему-то очень важному.

— Можете залатать пробоину? — спросил он электрика, прижав к его шлему свой.

— Конечно, док. Это очень просто, но главное не это.

— А что же?

— Обратите внимание на эти тела. Здесь их чересчур много, и все с золотыми шевронами. Понимаете, о чем я?

Они оба вгляделись в мертвые лица.

Дон первым прервал траурное молчание.

— Очевидно, капитан проводил совещание: здесь все офицеры. Все до одного.

Голд молча кивнул.

— Да,— произнес он наконец.— Теперь нам нужно найти Первого инженера Хольца, если только с ним ничего не случилось.

— Вы так думаете?..

— Так точно, док. Если Хольц ранен или мертв, вы останетесь единственным офицером на корабле. Командование, таким образом, перейдет в ваши руки.

II

Больше в рубке делать было нечего. Как только на пороге появилась аварийная команда, Дон вернулся в жизнеспособную часть корабля.

Датчик показал нормальное давление, и металлическое забрало со щелчком откинулось.

Подойдя к ближайшему монитору, он сверился с указателем

и набрал номер инженерного отсека, но тот оказался занят. Загоревшаяся лампочка показывала, что вызов принят и его соединят с инженерами, как только освободится линия.

Дон нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Он ждал от путешествия совсем другого, космические полеты в его представлении были окутаны романтическим ореолом. Выпускники Медицинского Корпуса чаще всего работали на пассажирских кораблях до тех пор, пока не определялось их будущее. Во-первых, на межпланетных базах да и на планетах молодого врача ожидали неплохие перспективы, а во-вторых, приятно было переменить обстановку после многих лет учебы. Приятно! Дон криво улыбнулся своему отражению в экране монитора, и тут раздался сигнал.

— Доктор Чейз слушает,— отрапортовал он младшему офицеру, появившемуся на экране.

— Док, для вас есть работа. Тяжелораненный в отсеке 32-В. Собирайтесь, а я тем временем посмотрю, кому еще нужна ваша помощь.

— Договорились.

Дон бегом рванулся к указанному отсеку 32-В. При таких авариях жизнь от смерти отделяют считанные секунды.

В коридоре отсека лежал седой мужчина, над ним склонилась девушка в желтом костюме с одним рукавом. Из другого она сделала повязку и довольно умело накладывала ее на лицо раненого.

— Я его не двигала, доктор, только пыталась остановить кровь.

— Все правильно,— успокоил ее Дон, опускаясь на колени.

Сначала он достал диагностический комплекс — автоматические манжеты защелкнулись на безжизненной руке. Стрелки приборов ожили и показали Дону, что кровяное давление упало, пульс еле заметен, а кожные покровы — холодные и влажные. Шок! Он достал шприц и, прежде чем взглянуть на рану, ввел успокаивающее, потом снял повязку с лица. Рана оказалась не столь серьезной, как подумалось девушке: всего лишь рваный поверхностный разрез, хотя крови было достаточно. Дон обработал рану кровоостанавливающим составом.

— Все в порядке,— сказал он наконец.— Вы были рядом с ним в момент аварии? С вами ничего не случилось?

— Нет, нет. Со мной все нормально. Я увидела его, когда шла по коридору, и сразу вызвала офицера. А вот эту штуку я нашла в стене, хотя понятия не имею, как она там оказалась,— девушка протянула ему кусок металла.

Над дверью, возле которой они стояли, горела красная лампочка.

— Просто ему не повезло,— сказал Дон.— Вероятно, в момент аварии он проходил мимо отсека, и осколок ранил его.

Дон промолчал о том, что это — кусок метеорита и что ближайший отсек полностью разгерметизирован.

Неожиданно из динамика разнесся сигнал общего оповещения и сразу же раздался голос:

— Прошу внимания! Говорит Первый инженер Хольц. Довожу до сведения пассажиров и команды, что наш корабль потерпел аварию при столкновении с метеоритом.

Девушка вскрикнула и закрыла лицо руками.

— Не бойтесь,— успокоил ее Дон,— особой опасности нет. Разгерметизировано несколько отсеков, но пробоины уже ликвидированы.

«Может быть, Хольц и прекрасный инженер,— подумал он,— но в психологии не разбирается. Иначе не сделал бы такого заявления».

Хольц тем временем продолжал:

— По данным аварийной команды пробоины заделаны. Ведется необходимый ремонт. Пассажирам надлежит оставаться на своих местах и не мешать работе экипажа.

К Дону, держа под мышкой носилки, подбежал человек в скафандре.

— Док, для вас сообщение от аварийной команды,— он протянул Дону записку.

— Доставьте этого человека в лазарет,— распорядился Дон,— но вам понадобится помощник...

— Я могу помочь,— сказала девушка.

Она была молода и достаточно сильна, чтобы нести носилки. Решение пришло внезапно.

— Прекрасно,— сказал он.— Потом останетесь в лазарете.

— Док, мне что делать?

— Я буду у отсека 89-НА. Найдите себе помощника и приходите туда с носилками.

В отсеке 89-НА и в двух следующих все пассажиры были мертвы. Вакуум — беспощадный убийца, а жертвами оказались пожилые, малоподвижные люди. Но те, что были в отсеках, которые метеорит пробил уже на излете, выжили. Они отделались кто легким шоком, кто незначительными травмами и разрывами мелких кровеносных сосудов, так как утечка воздуха здесь была незначительной. По сравнению с числом погибших их было до обидного мало.

Вызов прозвучал неожиданно, когда Дон бинтовал очередную обмороженную руку.

— Лейтенант Чейз, ответьте ходовой рубке. Офицерское собрание.

«Да,— мрачно подумал Дон,— собрание будет на редкость малочисленным».

Оглядевшись, он увидел, что почти все пациенты спят. Он подозвал одного из космонавтов — тот как раз сворачивал носилки.

— Рама, ты справишься один, пока я схожу в рубку?

— Разумеется, док. Если что-нибудь случится, я дам вам знать.

Рама Кусум был помощником механика, но все его симпатии принадлежали медицине, поэтому в свободное время он помогал Дону, набирался опыта, чтобы поступить в медицинский колледж у себя на родине, в Индии.

Аварийная команда еще раньше сообщила, что пробоины заделаны и надобность в скафандрах отпала, но тогда у Дона не было ни одной свободной секунды. Зато теперь он с облегчением стянул скафандр и принял освежающий душ.

Вернувшись в рубку, он увидел, что двери уже открыты, а на месте пробоины блестит металлическая заплата. Тела погибших убрали.

На полу были разложены детали радиостанции, очевидно, кто-то пытался починить ее.

Дон решил было, что в рубке никого нет, но тут услышал чей-то кашель. Оглянувшись, он увидел в кресле астронавигатора Первого инженера Хольца.

— Входите и закройте дверь,— велел Хольц, строго взглянув на Дона.— Садитесь, лейтенант, нам есть о чем поговорить,— и он показал на толстую пачку бумаг перед собой.

Дону показалось, что трагические события состарили Первого инженера еще больше, хотя он и так был далеко не молод.

— Все ужасно плохо,— сказал Хольц.

— Что вы имеете в виду? — спросил Дон, сдерживая нетерпение — командование кораблем автоматически перешло к старшему офицеру.

— Взгляните сюда! — Хольц потряс пачкой бумаг.— Погибли все офицеры кроме нас. Как такое могло случиться? Этот проклятый метеорит вывел из строя радио. Спаркс обещал его починить, но мощность будет уже не та. Только это все мелочи. Главное, что мы потеряли почти половину воды, а помочь нам некому — на нашей трассе нет ни одного корабля. Ужасно!

Этот горестный монолог удручающе подействовал на Дона, и он понял, что нужно как-то прервать его.

— Конечно, сэр, все это очень плохо, но ведь корабль еще не погиб. Разумеется, смерть капитана — большая трагедия для всех нас, но тут уж ничего не поделаешь. С траектории мы не сошли, а когда приблизимся к Марсу, оттуда нам помогут,— Дон даже улыбнулся.— Все будет в порядке, капитан.

— Капитан?! — Хольц широко раскрыл глаза.

— Конечно. Командование автоматически переходит к вам, как к старшему офицеру...

— Нет,— покачал головой Хольц.— Мое дело — двигатели и реактор. Я Первый инженер и ничего не знаю об астронавига-

ции. Ничего! Кроме того, я не могу оставить двигатель. Если уж говорить о новом капитане, то это, скорее, вы.

— Но я всего лишь врач,— возразил Дон.— Это мой первый полет и... Вы должны...

— Можете не говорить мне, что я должен,— взорвался Хольц.— Мое место у двигательной установки, а вы принимайте командование до тех пор, пока на борт не поднимутся другие офицеры. Экипаж вам поможет, все люди знают свое дело.

Хольц как-то вдруг остыл, но руки его все еще подрагивали.

— Вы справитесь, на вашей стороне — молодость,— объяснил Хольц,— а я не потяну. Вы же знаете: я собираюсь в отставку и это мой последний рейс. Я разбираюсь в двигателях, и поэтому мое место рядом с ними,— выпрямившись, он посмотрел Дону прямо в глаза.— Так нужно. Принимайте командование.

В рубку вошел Бойд, оператор компьютера.

— Я принес свежие навигационные данные,— начал было он, но Хольц перебил его.

— До прибытия других офицеров командование принял лейтенант Чейз. Докладывайте ему, а я должен вернуться к двигателям.

Он встал и вышел.

Первый инженер высказался достаточно определенно. Никто не мог заставить его занять место капитана. Делать было нечего. Повернувшись к Дону, оператор протянул ему лист бумаги.

— Это первая коррекция курса после аварии, док. Наблюдения велись час назад.

— Что это значит? — Дон глядел на колонку цифр, ничего не понимая.— Пожалуйста, Бойд, объясните мне.

— Хотя я и работал с астронавигатором, но сам еще многого не знаю, только он говорил, что после каждой обсервации нужно корректировать курс. Метеорит ударил прямо в плоскость ротации. Вращение корабля он не затормозил, у нас по-прежнему тяготение около одного «же», но, поскольку масса и скорость его были достаточно большими, а удар пришелся прямо в центр, мы сошли с курса.

Дон вздохнул, возвращая бумагу.

— Если вы, Бойд, хотите, чтобы я понял суть проблемы, то говорите еще, прошу вас.

— Что ж,— оператор даже не улыбнулся,— ось тяги двигателей — наша основная ось, лежит точно на линии курса. Так, по крайней мере, было и так должно быть, но... Теперь мы начали рыскать, то есть водить носом из стороны в сторону, поэтому коррекция пока невозможна. А не скорректировав курс, мы проскочим мимо Марса и устремимся в бесконечность.

Дон понимающе кивнул: нужно было действовать, причем очень быстро, и все это должен был сделать он сам, от Хольца нечего было ждать помощи.

— Отлично, Бойд. Я займусь этим,— сказал он,— но вам придется прекратить называть меня «док».

— Слушаюсь, сэр! Вас понял, капитан! — произнес оператор, отдавая честь.

III

— Вы меня звали, сэр? — в дверях кают-компании стоял главный старшина Курикка.

— Входите,— пригласил Дон.— Собрание через полчаса, но перед началом я хотел бы поговорить с вами. Вы единственный, кто сможет меня просветить,— и он показал на макет корабля, что стоял на столе.— Вы же служите на «Иоганне Кеплере» с первого его рейса?

— Даже раньше. Я работал в бригаде, которая собирала Большого Джо на орбите, а потом остался на борту, перешел в летный состав,— финн казался моложе своих лет, определить его возраст мешали голубые глаза и белокурые волосы.

— Это даже лучше, чем я мог надеяться,— сказал Дон.— Сможете вы объяснить мне насчет рысканья и прецессии, которые так беспокоят оператора?

Курикка кивнул и осторожно снял модель с подставки.

— Нам объясняли устройство Большого Джо, когда мы начали его строить. Лучшего объяснения я в жизни не слышал: «Представьте себе басовый барабан и мяч...»

— Вы совершенно правы, такое объяснение вряд ли забудешь.

— Труба проходит через барабан и немного выступает с одной стороны, а с другой к ней подвешен мяч, в нем располагаются двигатель и атомный реактор; радиационная защита находится в месте крепления мяча к трубе, а все остальное — в барабане. Корабль во время полета вращается вокруг своей оси.

— Я все понял,— сказал Дон и дотронулся до макета.— Центробежная сила создает тяготение на палубе «А». Пол под нашими ногами в то же время — наружная обшивка корабля. Поднимаясь наверх, к центру вращения, мы попадаем на палубу «В», затем на палубу «С», где хранятся грузы. Через грузовой отсек проходит ось вращения. Правильно?

— Все правильно, сэр,— на бесстрастном лице Курикки появилось подобие улыбки.

Дон направил макет к лампе, висящей над столом, вращая его за трубу.

— Так корабль выглядит в полете, а лампа пусть будет Марсом.

— Не совсем правильно, сэр. Корабль вышел на курс сразу же

после старта. Ось тяги была направлена на Землю, а на Марс — обсерватория, она расположена на другом конце трубы.

— Мы движемся к Марсу и вращаемся вокруг оси,— сказал Дон, внимательно осматривая макет.— Что же в этом плохого?

— Ось вращения должна совпадать с курсом. Тогда носовые и кормовые двигатели, что стоят в центре корабля, исправят ошибку. А сейчас это невозможно.

— Почему?

— Потому что ось вращения сбило метеоритом, и корабль сошел с траектории. Мы уходим от нее все дальше и дальше. Ошибка довольно незначительна, но ее вполне достаточно, чтобы помешать нам скорректировать курс и вернуться на нужную траекторию.

— Следовательно, Марс останется в стороне?

Курикка промолчал, только кивнул головой в знак согласия. Легкий стук в дверь прервал тяжелое молчание. На пороге возник оператор Бойд.

— Капитан,— сказал он,— со времени старта прошло триста часов. Со мной пришел Персер, а через пару минут будет Хольц.

— Входите. Начнем без него.

Вместе с ними в кают-компанию вошел незнакомый мужчина. У него были прямые черные волосы, слегка тронутые сединой, висльте усы и бронзовая кожа. Очевидно, один из пассажиров, но что он здесь делает? Опережая вопрос вперед вышел швейцарец Персер, стюард. Раньше он был управляющим в отеле; даже теперь, после многих лет в космосе, он сохранил степенность и импозантность.

Слегка кивнув, он указал на мужчину.

— Надеюсь, капитан, вы простите меня. Я осмелился привести сюда этого господина, полагая, что вы вряд ли откажетесь от такого знакомства. Доктор Учальде из университета в Мехико — один из знаменитейших математиков. Поскольку все офицеры погибли, я подумал, что он сможет оказать нам неоценимую помощь.

Возмущаться не было смысла. Правда, Персер не имел права самостоятельно принимать такие решения, но ведь и сам Дон не имел права занимать пост капитана, он был всего лишь врачом. Так что они были квиты.

— Благодарю вас,— сказал Дон.— Я сам должен был об этом подумать, поскольку именно математика составляет суть наших затруднений.

— Многого от меня не ждите,— отчаянно жестикулируя, воскликнул Учальде.— Между реальным кораблем и абстрактными математическими понятиями огромная пропасть, а у меня нет нужного опыта.

— Опыта нет ни у кого из нас,— перебил Дон,— но полагаться мы можем лишь на самих себя, поэтому ваша помощь, доктор, для

нас бесценна. Кстати, о гибели офицеров и о нашем безвыходном положении другим пассажирам говорить не следует.

Учальде выпятил грудь и приложил руку к сердцу.

— Даю слово чести! — твердо произнес он.— Все мои благородные предки принимали участие в сражениях за свободу страны и многие погибли. Они служат мне примером.

Хотя никакой связи между этой борьбой за свободу и их нынешним положением Дон не уловил, он, тем не менее, кивнул и предложил всем сесть. Он обрисовал ситуацию, подчеркнув трудности корректировки курса из-за отсутствия у них знаний и опыта, что были у погибших офицеров.

— Такова картина в настоящий момент,— закончил он и повернулся к оператору.— Бойд, как проводится коррекция?

Оператор закусил губу и нервно огляделся.

— Не могу сказать, сэр. Обычно астронавигатор давал мне цифры, уже готовые для компьютера, а я только вводил их в машину. Правда, иногда, в сложных ситуациях, нам приходилось посылать данные на Центральную Марсианскую станцию, там более совершенные компьютеры и более опытные математики,— неожиданно его глаза загорелись внезапной догадкой.— А может, и нам воспользоваться радио?

— Мне бы не хотелось, чтобы эта информация вышла за пределы рубки; к тому же, главный передатчик разбит. Правда, радист пытается его собрать, но когда это удастся и какова будет его мощность — неизвестно, поэтому пока забудьте о нем,— он повернулся к математику.— Так вы можете нам помочь?

— Невозможно,— ответил Учальде и, заложив руки за спину, стал расхаживать по рубке.— Астронавигация — прикладная наука. Она далека от теоретической математики, и у меня нет необходимых исходных данных. Уравнения, конечно, довольно просты, но...

— А если вы поговорите с оператором и изучите бортовой журнал — там ведь отмечена предыдущая корректировка — сможете вы найти какое-нибудь решение?

— Попытаюсь, конечно, но ничего не обещаю.

— Прекрасно. Сообщите мне ваши выводы,— Дон заглянул в список, лежавший перед ним.— У нас есть еще одна важная проблема: при аварии мы потеряли много воды...

— Значит, мы погибнем от жажды! — взволнованно воскликнул Учальде, вскакивая на ноги. Очевидно, он вспомнил знойные пустыни Мексики.

— Не совсем так, доктор,— улыбнулся Дон.— Проблема не в питьевой воде, а в той, которая циркулирует в замкнутой системе корабля, в его двойной обшивке. Эта вода защищает нас от радиации поясов Ван Аллена сразу после старта и от солнечной радиации во время полета. Она — своего рода барьер для заряженных

частиц. Пока Солнце спокойно, повода для тревоги нет. Но мы должны дышать, а для очистки воздуха в Большом Джо тоже нужна вода — на ней основана вся система регенерации. Одноклеточные растения, живущие в воде, перекачиваются по прозрачным панелям наружной оболочки, поглощают двуокись углерода и превращают ее в кислород. При аварии огромное количество этих растений погибло, и быстрое восстановление биомассы не представляется возможным.

— Что же нам теперь делать? — спросил Персер.

— Мы не можем перестать дышать,— ответил Дон,— но исключить открытое пламя, пожирающее кислород, вполне в состоянии. Некоторые пассажиры, да и члены экипажа, как мне известно, курят. В наши дни, с изобретением антираковой вакцины, эта привычка стала довольно популярна. Поэтому я требую конфискации сигарет, трубок, спичек и тому подобного. Вы можете этим заняться?

— Разумеется,— кивнул Персер.— Только мне нужны помощники. По крайней мере, два.

— Отлично. Это я оставляю за вами,— Дон взглянул на список и нахмурился.— Следующий пункт очень неприятный, но необходимый. Перенос тел погибших пассажиров и офицеров в разгерметизированный отсек, где они будут находиться до прибытия корабля на Марс. Однако... Капитан Кардид в своем завещании — я нашел его в сейфе — выразил желание, чтобы его похоронили в открытом космосе... и с собственного корабля, если это будет возможно. Выбора, как мне думается, у нас нет. Знает ли кто-нибудь из присутствующих эту церемонию?

— Я знаю, сэр,— сказал Курикка.— Я девять лет прослужил под командой капитана Кардида и возьму это на себя, если позволите.

Телефон не дал Дону ответить. Он лишь кивнул Курикке и поднял трубку.

— Капитан слушает.

Дона смущал его новый титул, хотя никто из присутствующих и бровью не повел.

Он выслушал краткое сообщение и ответил еще более кратким согласием.

— Это касается нас всех,— сказал он тихо.— Радист сообщил, что собрал передатчик и теперь пытается связаться с Марсом. Сигнал был очень слаб, но его удалось записать. Сообщение повторяется непрерывно: наши позывные и следом — краткий текст. Он многого не понял, но слово «опасность» и кодовое слово «солнечное пятно» слышались вполне отчетливо.

— Это не кодовое слово,— произнес с порога Первый инженер.— Именно это меня и задержало. Мои приборы показывают

приближение солнечной бури,— на мгновение он замолчал, передернул плечами и вздохнул,— Солнечная буря. Все мы, считайте, уже покойники.

IV

— Без паники! — приказал Дон, пытаясь перекричать поднявшийся гомон.— Требую абсолютной тишины!

Космонавты, привыкшие к повиновению и дисциплине, замолчали, а следом за ними умолк и доктор Учальде.

Дон встал и почти силой заставил всех сесть на свои места. Хольц, все еще стоя в дверях, хотел что-то добавить, но Дон гневно оборвал его:

— Первый инженер Хольц, для начала вы сядете на свое место, а потом отрапортуете мне как положено. Только без истерики, если можно.

Дон намеренно грубо говорил с пожилым офицером, чтобы паника не затронула остальных. Покрасневший инженер что-то попытался сказать, но Дон не слушал его.

— Сядьте, я сказал! Приказ, по-моему, достаточно ясен,—в голосе Дона явственно звучал гнев.

Какое-то мгновение Хольц колебался, потом закрыл лицо руками, поник и опустился в кресло.

— К чему бороться? — в его голосе слышалось отчаяние.— Это последний мой рейс, а теперь он станет последним для всех нас.

Дон прервал его.

— Что показывают приборы?

— Солнечная радиация возрастает,— инженер заговорил так тихо, что приходилось напрягать слух, чтобы разобрать слова,— очень быстро возрастает,а уж мне-то известно, что это значит. Солнечная буря, укрыться от нее невозможно.

— А почему мы до этого легко выдерживали солнечные бури? — спросил Персер.— Что изменилось? Почему именно на этот раз она должна нас погубить?

— Можно мне ответить? — вмешался Курикка.

Дон кивком разрешил.

— Главная беда в том, что мы потеряли слишком много воды, которая, подобно земной атмосфере, задерживала большую часть заряженных частиц, приносимых солнечной бурей. Теперь ее не хватит, чтобы защитить нас от радиации. Если уж Марс специально нас предупреждает, значит эта буря намного сильнее предыдущих. Ослабить поток частиц будет трудно.

— Мы ослабим его,— сказал Дон.— Перед такими бурями принимаются какие-нибудь специальные меры защиты?

— Конечно, сэр. Мы меняем курс, чтобы реактор был направлен в сторону Солнца, и он, таким образом, заслоняет собой двигатель, оберегая его от потока частиц. Пока корабль ориентирован правильно, такой защиты вполне хватает.

— Нам хватит воды, чтобы повторить этот фокус? — снова спросил Дон.

— Нет, сэр.

— Но двигательный отсек все равно будет защищен?

— Конечно.

— В таком случае,— улыбнулся Дон,— часть проблемы решена. Всех пассажиров и экипаж переведем на время солнечной бури в двигательный отсек. Персер, позаботьтесь об этом.

Первый инженер пытался протестовать, но Дон призвал его к молчанию.

— Теснота им не повредит, а вот радиация — наверняка погубит. Но прежде всего мы должны придумать, как изменить курс. Времени у нас нет, поэтому работать следует быстро. Бойд?

— Я думаю, что смогу помочь,— сказал оператор.— У нас бывали случаи, когда сообщения приходили искаженными; компьютер вполне способен их обработать. Поскольку сообщение передавалось несколько раз, машина легко соберет воедино разрозненные куски.

— Прекрасно,— сказал Дон.— Вот и займитесь этими записями.

— Слушаюсь, сэр,— Бойд едва сдерживался, чтобы не броситься бегом.

Всех ждала большая работа, и каждый, получив конкретное задание, торопился уйти. Оставшись один, Дон еще раз проанализировал ситуацию и понял, что не сможет прийти к решению, не уяснив для себя некоторых вопросов.

Тем временем всем раненым оказали необходимую помощь, двух тяжелораненных оставили в лазарете, где за их состоянием следили мониторы, постоянно отмечая пульс, температуру, кровяное давление и прочее. При малейшем ухудшении сигнальное устройство по особому каналу вызывало врача к постели пациента.

Хотя Дон и остался один, о сне приходилось только мечтать. Впрочем, будет время и отоспаться, если, конечно, они переживут солнечную бурю. Он вышел в коридор и направился к ближайшему лифту, так ничего и не решив. Он решил навестить обсерваторию, поэтому, в ожидании лифта, сообщил дежурному по кораблю, где его искать.

Лифт поднял Дона к трубе, которая соединяла секции корабля. Дверь кабины бесшумно открылась, и Дон, оттолкнувшись, поплыл по коридору. Он добрался до трубы, обшитой мягким пластиком, и, перебирая эластичные поручни, направился в обсерваторию.

Корабль находился в свободном полете, двигатели были выключены, и гравитация отсутствовала. На внешних палубах вращение корабля создавало центробежную силу, но здесь, в центре вращения, эта сила отсутствовала, и человек мог, словно рыба в воде, свободно плыть по коридору. Он нажал кнопку, дверь в обсерваторию открылась, и Дон проплыл в помещение.

Как всегда, от невероятной красоты у него перехватило дыхание. Перед его глазами медленно текли звездные реки.

Обсерватория представляла собой огромный прозрачный шар, он венчал трубу, выходящую из «барабана». Прозрачный купол над головой был незаметен, в безвоздушном пространстве сияли разноцветные звезды, одна ярче другой, и Дон ощутил себя частью бесконечной вселенной.

Неистово светившее Солнце напомнило Дону о буре, уже зародившейся в его огненных недрах, и он взглянул на датчик уровня радиации: выше нормы, но еще не опасно. Хольц был прав, радиация усиливалась. Сколько осталось времени до того, как их нагонит поток убийственных частиц? Что он сможет сделать для спасения людей, которые ему доверились?

Он был один и мог бы предаться отчаянию, но на это не оставалось времени. Смертельно уставший, Дон в глубине души мечтал всю тяжесть ответственности переложить на кого-нибудь. Он только улыбнулся этим мыслям. Как и всякий врач, он привык перед лицом смерти брать ответственность на себя. Но, принося клятву Гиппократа, он и представить себе не мог, что придется спасать целый космический корабль. Его этому не обучали! Он еще раз улыбнулся и почувствовал себя гораздо лучше. Оставалось только одно: как можно лучше сыграть теми картами, что ему выпали.

Его мысли прервал телефонный звонок, необычно громко прозвучавший в спокойной тишине обсерватории.

— Капитан слушает,— автоматически произнес Дон; он уже пришел к решению.

— Сэр, говорит ходовая рубка. Компьютер обработал сообщения с Марса и выдал полный текст. Хотите послушать?

— Да, но только цифры: когда разразится буря и насколько сильная.

— Одну минуту, вот оно... Восемь баллов по шкале Хойла, с пиками до десяти баллов. Я никогда не слышал о бурях, превосходящих шесть баллов.

— Я понял. Когда это произойдет?

— Скорее всего, часа через полтора. Если и задержится, то на несколько минут, не больше.

— Отлично,— Дон перевел дыхание.— Я буду в рубке. Найдите пассажира по имени Учальде и пришлите его ко мне вместе с Куриккой.

На поворот корабля оставалось девяносто минут. Это казалось невероятно, неосуществимо, но другого выхода не было.

У двери рубки Дон столкнулся с доктором Учальде.

— Вы, капитан, потребовали от меня невозможного,— возмущенно начал он,— но я немедленно приступил к работе. А теперь вы же отрываете меня. Так мы...

— Через полтора часа начнется буря,— прошептал Дон.— Наше время вышло, доктор.

Побледневший Учальде рухнул в ближайшее кресло.

— В таком случае... в таком случае мы ничего не успеем сделать, слишком поздно,— чуть слышно произнес он.

— Не совсем. Мы произведем маневр вручную,— сказал Дон и улыбнулся, увидев изумление на лице Курикки.— Другого выхода у нас нет. Коммерческие лайнеры, как вам известно, почти полностью контролируются автоматикой, но вам, готов поспорить, приходилось летать на домашнем вертолете или самолете. Управление у них почти такое же, как у космического корабля. Первые астронавты управлялись со своими кораблями вручную. Нечто подобное проделаем и мы. Курикка, что нужно сделать, чтобы сместить главную ось?

Финн выглядел мрачнее обычного.

— Все это проделывал компьютер, сэр. Он обрабатывал данные, вводимые астронавигатором, а мы сидели и ждали.

— А существует ли устройство для ручного управления на случай непредвиденных осложнений?

— Существует, но мы никогда им не пользовались. Вот оно.

Дон подошел к пульту, осмотрел приборы и переключатели и попросил рассказать, что нужно делать для смены курса.

Инструкции не предусматривали ничего подобного, но рассудительный Курикка быстро понял, что в некоторых случаях об инструкциях лучше забыть. Он неохотно подошел к пульту и включил экраны.

— Передачу ведут две телевизионные камеры: на носу и на корме,— сказал он.— Сейчас включена носовая...— он показал на светящийся солнечный диск в центре экрана.— Направляющие расположены вокруг сферы реактора, а по ним, в направлении, обратном нашему вращению, может двигаться небольшая ракета. Достаточно придать ей некоторое ускорение, и корабль начнет рыскать по курсу до тех пор, пока не займет нужного положения.

Дон посмотрел на часы и пришел в ужас: у них оставалось слишком мало времени. Ответ напрашивался сам собой. Он повернулся и обратился к мексиканцу.

— Доктор Учальде, пожалуйста, проконсультируйте меня. Вы слышали наш разговор и знаете суть проблемы. Солнце отстоит от нужного нам курса на сто восемьдесят градусов. Придав ракете

ускорение, мы, тем самым, заставим корабль сойти с курса. Когда Солнце окажется в середине экрана, мы будем уверены, что корабль сориентирован верно, а реактор находится между нами и солнечной бурей. Это сработает?

Учальде нахмурился и записал в свой блокнот несколько уравнений.

— Не так-то все просто,— сказал он.— Ускорение второй ракеты, которую мы пустим, чтобы остановить рысканье корабля, должно в точности равняться ускорению первой, тогда...

— Ради бога, доктор, не надо деталей. Скажите только, это сработает или нет?

— Конечно,— у математика было удивленное лицо.— Почему бы и нет? Компьютер делает то же самое, правда, намного точнее.

— Точнее или нет, но это спасет нам жизнь! — Дон треснул кулаком по ладони.— Начинайте немедленно. С вашими знаниями и опытом Курикки мы махом провернем это дело.— Он бросил взгляд на часы и чуть было не застонал. До прихода бури оставалось меньше сорока пяти минут.

— Капитан, вас просит стюард Персер,— вахтенный протянул Дону телефон.

— Капитан слушает.

— Это Персер. Небольшое затруднение с пассажирами. Не могли бы вы с ними поговорить?

— Сейчас у меня нет ни минуты времени, но как только освобожусь, сразу же спущусь в двигательный отсек.

После небольшой паузы Персер снова заговорил с беспокойством в голосе.

— Сэр, именно поэтому я и прошу вас поговорить с ними. Их нет в двигательном отсеке. Они собрались в большой гостиной и говорят, что не тронутся с места, пока не переговорят с капитаном или старшим офицером.

— А разве они не знают, что все офицеры погибли?

— Нет, сэр,— сказал Персер почти шепотом.— Я скрыл от них некоторые детали, чтобы не сеять панику. Не объясните ли вы им сами?

Дон понял, что совершил ошибку, упустив из виду пассажиров. Прежде всего это были люди, а не мертвый груз; они должны знать всю правду и немедленно, тем более, что времени почти не осталось.

— Иду,— ответил он.

Увидев, что Дон уходит, Учальде окликнул его:

— Капитан, взгляните сюда.

— В чем дело? — спросил Дон. Он посмотрел на экран — Солнце медленно ползло от центра к краю.

— Смотрите сами,— ответил Учальде.— Управлять кораблем

вручную теоретически очень просто, но на практике... Мы не можем точно скорректировать курс такого большого корабля. Мы выравниваемся точно по Солнцу, но через какое-то время опять уходим с курса. Кто-то должен постоянно оставаться в рубке, корректировать курс.

— И сколько это будет продолжаться? — спросил Дон, уже предчувствуя ответ.

— Несколько часов.

— Несколько часов! Значит, на время бури этот «кто-то» останется здесь и будет обречен на смерть?

— Конечно, я понимаю... Но погибнуть ради спасения остальных... Разве такая смерть не прекрасна?

Дон взглянул на часы и снова чуть не впал в отчаяние. Осталось чуть больше получаса. Сделать что-либо за это время не представлялось возможным. Значит, все они уже мертвецы.

V

— Раз для спасения людей кто-то должен пожертвовать собой,— Учальде расправил плечи,— я беру на себя управление кораблем. Только пусть все уйдут в двигательный отсек.

Наверное, маленький доктор с выпяченным животом и скрещенными на груди руками выглядел забавно, но этого никто не заметил. Все чувствовали, что он готов отдать жизнь без промедления ради незнакомых ему людей.

— Мне кажется, что до такой крайности мы не дойдем,— ответил ему Дон.— Мы найдем выход.

— Какой выход, капитан?

И в самом деле — какой? На какой-то миг Дона все же охватило отчаяние. Но выход должен быть. Пусть думает весь экипаж, космонавты лучше него знают корабль.

— Старшина, а что если попробовать скафандр с радиационной защитой? — спросил Дон.

— Ни одного шанса,— покачал головой Курикка.— При такой буре толку от костюма не будет, он годится только до определенного уровня радиации.

— Должен быть выход,— Дон пытался перебороть отчаянье.— Мы можем продублировать пульт, перенеся приборы в двигательный отсек?

— Могли бы, будь у нас время. Нужно ведь протянуть кабели...

— Ладно, тогда испробуем что-нибудь другое,— Дон огляделвокруг.— А как насчет этого? — Он приоткрыл дверь в маленькую душевую.— Провода можно протянуть сюда, это всего несколько

футов, и устроить какую-нибудь защиту от радиации, например, свинцовые пластины.

Решение пришло внезапно. Размышляя вслух, он повернулся к Курикке.

— Вода скафандру не страшна — у него есть автономный запас кислорода, правильно?

— Предположим,— потер подбородок Курикка,— только вода ему противопоказана. Ржавчина и...

— Вряд ли с ним что-нибудь случится за пару часов.— отмахнулся Дон, физически чувствуя, как уходит время.— Сделаем так: дубликат пульта установим в душевой и подключим к главной системе. Приготовьте замазку, чтобы герметизировать дверь, и скафандр с полным запасом кислорода. Пилот будет находиться в душевой,— Дон направился к выходу,— полностью заполненной водой.

— Сэр,— спросил Курикка,— а каким образом мы сделаем водонепроницаемым пульт?

— Помозгуйте. Положите его хотя бы в пластиковый мешок. Только на все это,— он посмотрел на часы,— у нас осталось двадцать минут.

Дон помчался в большую гостиную. Времени почти не оставалось, а еще предстояло уговорить пассажиров. Он остановился у ближайшего телефона и набрал код подключения к системе всеобщего оповещения.

— Говорит капитан корабля. Всем членам экипажа, не занятым в рубке и в двигательном отсеке, срочно собраться в большой гостиной.

Из динамика над головой Дон услышал свой искаженный голос.

Когда Дон вошел в гостиную, он увидел, что все свободные от вахты космонавты уже собрались там. Столы были сдвинуты в угол, люди столпились вокруг кресла, на котором стоял один из пассажиров. Появление Дона явно смутило их.

— Выслушайте меня! — прокричал Дон.— Я врач корабля, лейтенант Чейз. Я приношу вам свои извинения за то, что не могу сейчас объяснить положение вещей. Я сделаю это позже, а сейчас — приказываю срочно покинуть это помещение и пройти в двигательный отсек.

— Мы не желаем вас слушать,— прокричал человек, стоящий на кресле.— Мы требуем капитана. Пусть капитан объяснит, что происходит.

Дон узнал его. Это был Мэтью Бриггс, генерал в отставке. Его коротко подстриженные волосы торчали в разные стороны, словно размочаленные провода. Сердитый взгляд Бриггса был знаком всему миру по газетам и выпускам теленовостей. Этот человек всегда высказывал свое мнение публично, на мнение же всего остального мира ему было наплевать.

— Как вам известно, произошла авария,— Дон холодно поглядел на генерала.— Погибли капитан и многие офицеры. В данный момент я замещаю его. Через двадцать пять минут начнется солнечная буря, поэтому я предлагаю всем перейти в двигательный отсек — это единственное безопасное место на корабле.

Пассажиры зашевелились и направились было к выходу, но генерал остановил их.

— Лейтенант, мне не совсем ясен ваш статут, поэтому я требую, чтобы...

— Вы, двое, оттащите в двигательный отсек этого человека,— приказал Дон.

— Вы не посмеете! — воскликнул генерал и сжал кулаки.

Схватка закончилась быстро. Мгновение — и Бриггса буквально вынесли на руках. Худой мужчина с пышными усами и длинным носом шагнул было в сторону, но остановился, увидев двинувшихся к нему космонавтов, а остальные пассажиры нервно и беспорядочно закружились по гостиной.

— Может вспыхнуть паника,— прошептал Персер.

— Знаю, но для объяснений у нас нет времени. Мы должны всех отсюда вывести как можно быстрее и спокойнее.— Дон огляделся.— На каждого члена экипажа придется приблизительно по десять пассажиров. Я пойду первым, а вы встанете у дверей и скажете, что экипаж покажет им дорогу. Используйте оба лифта.

— Идея неплохая, капитан...— начал Персер, но Дон уже не слышал его. Около лифта Дон догнал Бриггса с телохранителями.

— Вы за это ответите,— сказал генерал.

— Очень сожалею, но у меня не было выбора. Примите мои извинения.

— Нет, мистер. Вы затеяли это дело, а я его закончу. Суд пока еще существует и...

— Это ваше право,— сказал Дон.

Лифт остановился, Чейз и его люди ухватились за поручни, а Бриггс беспомощно повис в воздухе.

— Помогите генералу.

Натренированные космонавты схватили генерала за руки и вытолкнули из кабины. За ними, придерживаясь за поручни, последовал Дон.

Как только они приблизились к двигательному отсеку, его дверь распахнулась и в проеме возник первый инженер.

— Пассажиры помешают нашей работе — это очень опасно,— сказал Хольц.

— Понимаю,— успокоил его Дон,— но вам поможет экипаж. Здесь, конечно, будет довольно многолюдно и неудобно, зато все останутся живы. Только держите их подальше от пультов и опасных зон.

Начали прибывать первые пассажиры, совершенно беспомощные в невесомости. Дон предложил пластиковый пакет буквально позеленевшей пожилой женщине.

Приборы располагались в самом центре отсека, у основания двигателя, и пространство вокруг них оставалось свободным. Правда, места на полу всем не хватило, поэтому тем, кто пришел позже, пришлось плавать в воздухе. Дон поторопился уйти, чтобы избежать ненужных объяснений. Выпустив из лифта очередную группу пассажиров, Дон погнал кабину назад, обретая утраченный вес по мере приближения к палубе «А».

Итак, пассажиры были в безопасности. Одной проблемой меньше, но оставалась другая, главная. Он взглянул на часы, и волосы у него встали дыбом: до начала бури оставалось тринадцать минут. Всего тринадцать! Он бегом бросился в рубку.

Курикка с дымящимся паяльником в руке колдовал над приборами.

— Капитан, я почти закончил,— отрапортовал он. Провода вились по рубке и уходили в стенку. Старшина припаял последний контакт и выпрямился.— Должно сработать,— сказал он, приглашая Дона в душевую.— Как вы приказали, мы продублировали пульт, запаковав приборы в пластиковые мешки, а к кормовой телекамере подключили вот этот монитор.

Они обошли человека, который накладывал на дверной косяк замазку.

— Силиконовая шпаклевка. Она не выпустит воду. Лишний воздух выйдет через вентиляцию. Здесь же и скафандр. Капитан, я берусь обжить эту рубку.

— Отлично. Осталось всего девять минут. Отпустите тех, кто уже закончил работу. А уровень радиации отсюда определить можно?

Курикка показал на монитор, упакованный в полиэтиленовый мешок.

— Дисплейная строка внизу экрана. Те цифры, что ниже изображения Солнца — уровень радиации по шкале Хойла.

— Один и четыре, пока не много... нет, поднялось до двух и одного.

— Предвестие бури. Вам, капитан, лучше уйти. Скоро здесь будет горячо.

До начала спасения оставалось шесть минут. Они были вдвоем.

— Старшина, загерметизируйте мне костюм и идите. Это приказ.

— Но...— Курикку будто громом ударило.

— Никаких «но». Для спасения корабля гораздо важнее ваши технические навыки, нежели мои медицинские знания. И к тому же, я приказываю вам.

Курикка прекратил напрасный спор, помог Дону одеть и загерметизировать скафандр. Дон взглянул на часы, схватил старшину за руку и вытолкал из душевой — оставалось всего две минуты. Дверь захлопнулась, щелкнул замок, и Дон остался один. Проверив сливные отверстия, предусмотрительно заткнутые кем-то, он открыл краны ванны и душа. Когда вода начала переливаться через край ванны, Дон взглянул на экран монитора. Солнце сместилось от центра, и Дон, включив ракету, вернул его в прежнее положение.

Два и восемь. Буря набирала силу.

Солнце снова сместилось, и Дон почти автоматически провел корректировку. На телевизионном экране Солнце казалось маленьким и слабым — светящийся шарик, затерянный в космосе. Но оно все же дотянулось до корабля щупальцами излучения и раскаленного газа. Цифры с трудом укладывались в сознании, так они были велики. Но реальность оставалась реальностью.

Взрыв сначала выбросил хаотические радиоволны и рентгеновское излучение, они достигли Земли через восемь минут. Грозное предупреждение: убийственная плазма уже в пути. Спустя несколько минут ударил поток быстрых протонов, затем настал черед сжигающих и убивающих все на своем пути медленных протонов. Дон отвернулся от экрана. Вода прибывала мучительно медленно.

Счетчик показывал три и две. Металлическая обшивка корабля пока еще защищала Дона от радиации. «А как там остальные?» — подумал он и включил встроенный в шлем радиотелефон, но не услышал ни единого звука: металлические стены душевой экранировали радиоволны, а о том, что можно подключить обычный кабельный телефон, в этой спешке никто и не подумал. Дон был один.

Вода поднялась до колен, на экране стремительно менялись цифры три и девять... четыре и две... пять и пять...

Буря набирала силу.

Дон лег в воде лицом вниз, положив шлем прямо на пульт. Тут ему пришлось столкнуться с новой проблемой: скафандр упорно пытался всплыть. Понимая, что невидимая смерть уже пропитала весь воздух над ним, он отчаянно старался удержаться под водой.

Интересно, сильно ли корабль отклонился от курса за это время? Он наверняка погибнет, если высунет голову из воды, но если не высунет — погибнут остальные. Сколько времени он пробыл под водой? Сколько можно не корректировать курс? Старшина говорил, что отклонение на десять, даже на пятнадцать градусов вреда не принесет, следовательно, Солнце может сместиться хоть к самому краю экрана. Но сколько на это уйдет времени?

Вода все прибывала, и вскоре он уже смог повернуться и принять полусидячее положение. Экран был всего в пяти футах от него, но вода мешала разглядеть изображение.

Жизнь пассажиров была в его руках, пора было действовать. Дон решил поднять голову, даже если это будет стоить ему жизни. Он осторожно высунулся из спасительной воды. Как только струйки сбежали с забрала, Дон увидел экран.

Солнце было на полпути к его краю. Внизу горело — восемь и семь.

Вода снова сомкнулась над ним, так как он погрузился. Никогда еще не бывало такой сильной бури. Когда Дон снова посмотрел на экран, дисплей показывал девять и три, а Солнце сместилось к самому краю.

Прямо над ним плавали два пластиковых мешка. Он притянул их к себе, осторожно зажал между ладонями и, глянув на экран, провел корректировку.

— Мы победили! — завопил он, забыв, что его все равно никто не услышит.

Он очень устал, но, хотя опасность миновала, спать было нельзя. Здесь, в воде, он был в безопасности, но от его выдержки зависела жизнь остальных. Между тем, вода все поднималась, и когда она, достигнув потолка, начала выливаться через вентиляционные отверстия, Дон завернул краны.

В глаза словно швырнули горсть песка, приходилось терпеть и это.

Чуть погодя Дон понял, что задремал, и ужаснулся. Солнце было готово совсем уйти с экрана. Он поправил положение светила дрожащими руками. Цифры показывали все те же восемь и семь — доза хоть и не максимальная, но все еще смертельная. Сколько еще продлится буря? Казалось, с ее начала прошла целая вечность, и тут Дон впервые подумал о кислородном запасе. Ему пришлось немало повозиться, чтобы отыскать нужную кнопку: он плохо знал устройство скафандра. Небольшой датчик со светящейся стрелкой указателя всплыл прямо перед ним. Кислородный бак был на три четверти пуст. Сонливость как рукой сняло.

Восемь и шесть. Уровень радиации падал довольно быстро, но запасы кислорода таяли еще быстрее. Дон старался поменьше двигаться и как можно реже дышать, но стрелка неуклонно ползла к нулевой отметке. Дон знал — когда стрелка достигнет роковой черты, у него еще останется кое-какой резерв, но и он быстро кончится. И что тогда делать? Выбирать, какая смерть лучше? Удушье или облучение? Симптомы кислородного голодания почти незаметны, и это хуже всего. Жертва просто теряет сознание, а потом погибает.

Семь и шесть. Нужно точно определить остаток кислорода и в последний момент открыть сливные клапаны.

Шесть и три. Уже скоро... Время шло, стрелка уже легла на нуль.

Пять и четыре... Пора...

Рукоятка клапана выскользнула из его ослабевших рук, и Дон, потеряв сознание, поплыл по темному туннелю навстречу смерти.

VI

— Ну, как его дела?

— По-моему, обошлось.

Дон не видел говоривших, но голоса были знакомы. Когда до него, наконец, дошло, что речь идет именно о нем, он заставил себя открыть глаза. Это далось ему нелегко.

Он лежал в кислородной камере, над ним склонились Хольц и Рама Кусум. Их лица выдавали сильное беспокойство.

— Что, Рама, наконец-то заполучил собственного пациента? — произнес Дон и удивился слабости своего голоса. Как он оказался в лазарете?

Внезапно Дон все вспомнил. Он попытался сесть на постели.

— Что произошло?.. Я, наверное, потерял сознание...

— Не волнуйтесь, сэр,— сказал Рама, мягко укладывая его на подушку.— Все в порядке. У нас в двигательном отсеке был радиационный счетчик. Мы надели костюмы радиационной защиты и подались к вам, как только упал уровень радиации. Чтобы до вас добраться, нам пришлось пуститься вплавь. К тому времени уже можно было вытащить вас из скафандра. Поначалу вы выглядели неважно, но теперь, насколько я могу судить, молодцом.

— А почему вы направились ко мне? — спросил Дон, мысли его еще путались.— Как вы узнали, что мне туго?

— На экран двигательного отсека транслировалась картинка с носовой телекамеры. Когда нам показалось, что вы не справляетесь с управлением, мы поначалу испытали несколько неприятных минут. Но вы оказались на высоте. Когда буря пошла на убыль и Солнце стало смещаться от центра к самому краю экрана, мы направились к вам,— Рама улыбнулся.— Теперь, как видите, все в порядке.

И тут, словно в насмешку над его словами, замигала аварийная лампочка и раздался вой сирены.

— ВНИМАНИЕ! — голос компьютера звучал совершенно бесстрастно.— В ОТСЕКЕ 64-А — ПОЖАР!

Дон снова попытался подняться, но ему не хватило сил. Чтобы поддержать авторитет капитанского звания, он приказал:

— Хольц, разберитесь и доложите мне. Рама, отправляйся с Первым инженером. На случай, если будут раненые, захвати комплект первой помощи. По всей вероятности, это авария двигательной установки...

— Нет,— фыркнул Хольц, уже стоя в дверях.— Отсек 64-А в пассажирском блоке.

Дон был еще слишком слаб, чтобы хоть как-то участвовать в ликвидации пожара. Он собрал все силы, сел в кровати и отключил подачу кислорода. Несколько мгновений он сидел без движения. Пожар! Запасы кислорода и так на исходе, к тому же следовало помнить об орбите Большого Джо. О ней забыли, пока бушевала буря, но в ближайшее время ее необходимо выправить, иначе будет поздно.

Зазвонил видеофон. Морщась от непрекращающейся боли, Дон поднял трубку.

— Капитан слушает,— ответил он, уже не смущаясь узурпированным званием.

— Капитан, Хольц у вас? — на экране появился Курикка.— Была пожарная тревога...

— Знаю, знаю. Хольц уже принял меры. Вы где сейчас?

— В ходовой рубке. Я временно принял управление кораблем, сэр. Дело в том, что поступают донесения, что дым проникает на палубу «А», но откуда он, мы определить не можем. Может быть, кроме отсека 64-А есть и другие очаги возгорания? Прошу разрешения перекрыть вентиляцию на палубе «А».

— Разрешаю. Если будут новости, дайте мне знать.

Дон положил трубку, медленно встал, преодолевая тошноту, и пошел к двери. Изолятор примыкал к его кабинету, где в стену был вмонтирован аптечный шкаф. Добравшись до него, Дон приложил к пластине опознавателя большой палец и открыл дверцу. В шкафу были лекарства, способные вернуть ему силы. Пользоваться ими он не любил: за возбуждением следовала сокрушительная реакция, но другого выхода не было. Дон набрал в шприц жидкость из ампулы и сделал себе укол. Закрывая аптечку, он услышал звонок видеофона. Это опять был Курикка, еще более мрачный, чем раньше.

— Капитан, вентиляция перекрыта, палуба задраена, все пассажиры эвакуированы. Я послал на подмогу несколько человек. Сэр, не сможете ли вы сюда прийти? Нужна врачебная помощь.

— Что произошло?

— Похоже на отравление угарным газом.

— Иду.

Лекарство уже действовало: Дон мог двигаться, хотя голова болела страшно. Решив, что кислорода в медкомплекте Рама может не хватить, Дон сорвал со стены маску с баллоном и выбежал в коридор.

Двери палубы «А» пропустили его и снова наглухо закрылись. Сплошная пелена дыма мешала дышать. Он увидел, что Рама, весь

в саже, дает кислород потерпевшему. В лежащем человеке Дон узнал Первого инженера.

— Пришлось выламывать дверь...— еле выговаривал Рама между приступами кашля.— Все было в дыму, и я подумал, что там кто-нибудь остался.

— Молчи,— приказал Дон.— Кислород оставь себе, а Хольцем займусь я сам.

Дон приладил маску и пальцем нажал на глазное яблоко Хольца. Плохо. Он испугался. Одной рукой нащупывая пульс, он дотянулся до медкомплекта, нашел нужный шприц, приставил его к шее Первого инженера и сделал укол. Рама, наблюдая за Доном, снял с лица кислородную маску.

— Вы ввели сердечно-сосудистый стимулятор,— произнес он.— Неужели...

— Инфаркт. Об этом мало кто знал. Именно поэтому он и должен был списаться с корабля.

— А как он сейчас?

— Очень плохо. Это худшее из всего, что могло случиться. Был в отсеке кто-нибудь еще?

— Вроде нет. По крайней мере, мы никого не видели. К тому же этот дым...

Из дверей отсека вышел человек с еще шипящим огнетушителем в руках.

— Все в порядке, сэр, огонь потушен.

Поднявшись, Дон поглядел на то, что осталось от каюты. Стены обгорели, повсюду пузырилась пена. На полу возвышались две груды обгорелого мусора.

— Как это произошло? — спросил Дон.— Я всегда думал, что на этих кораблях нет ничего горючего.

— Вы забываете о багаже, сэр. Сгорели два чемодана со всем содержимым.

— И что вы думаете о пожаре?

— Я не хочу делать никаких выводов, капитан, но на столе я нашел вот это,— в его руках лежала вскрытая пачка сигарет.

Дон молча посмотрел на него и приказал:

— Отнесите это старшине Курикке и дайте полный отчет обо всем, что здесь произошло. Только прежде пригласите его в рубку и скажите, чтобы он сейчас же прислал сюда двух человек с носилками.

— Доктор! — крикнул Рама.— Пульс слабеет.

Бросив на Хольца короткий взгляд, Дон приказал космонавту-пожарному:

— Подождите! Вы поможете нам отнести больного в лазарет.

Карл Хольц был немолод, да и сердце у него болело уже не-

сколько лет. Его можно было подлечить, но аппаратура, обычная в клиниках, не входила в оборудование корабельного лазарета. Не было аппарата «сердце — легкие», не было оборудования и операционной бригады для экстренной пересадки сердца. Но все, что было в его силах, Дон уже сделал. Он даже Раму отправил в постель, несмотря на все его протесты. Теперь все койки маленького госпиталя были заняты.

Вспомнив, что он не только врач, но и капитан корабля, Дон связался с ходовой рубкой.

— Полный порядок, сэр,— доложил Курикка.— За пределами отсека 64-А никаких следов огня.

— Кислород?

— Содержание кислорода немного уменьшилось. Расследуя причины пожара, я пришел к заключению, что виною всему была зажженная сигарета, выпавшая из пепельницы.

— На корабле есть гауптвахта? — спросил Дон после некоторого раздумья.

Курикка опешил, но ответил четко:

— Смотря что считать гауптвахтой, капитан. Можно приспособить отсек 84-В, он не открывается изнутри и временами использовался именно в этом качестве.

— Отлично. Я хочу, чтобы вы нашли виновника и заперли его или ее. Пусть всем будет понятно, насколько серьезно наше положение. Нарушитель приказа должен быть наказан. Это не должно повториться.

— Сэр, если бы вы знали, кто это...

— Неважно. Это приказ, старшина.

— Есть, капитан. А что с Хольцем, сэр? Он, как я слышал, надышался дыма.

— Первый инженер Хольц умер,— сказал Дон, показав глазами на тело, лежащее на кровати,— только держите это пока при себе. О том, что мы потеряли последнего офицера, никто не должен знать.

VII

Дон был совершенно измотан и удручен — действие стимуляторов кончилось, а для веселья не было поводов. Не будь дела так плохи, его позабавили бы встревоженные лица космонавтов, что собрались в кают-компании. Офицеры межпланетного корабля «Иоганн Кеплер» оставляли желать много лучшего. Капитан — врач, впервые ступивший на борт корабля несколько недель назад. Второй офицер — старшина, хотя в таких обстоятельствах трудно найти более ценного человека. Технический советник — и вовсе

не член экипажа. Выдающийся математик, он был настолько далек от суетного мира, что допускал ошибки в простейших арифметических действиях. А двигателем стоимостью два с половиной миллиарда долларов заправлял помощник Первого инженера.

Налив себе вторую чашку кофе, Дон посмотрел на двигателиста и через силу улыбнулся.

— Тиблевски, вы вступаете в должность Первого инженера Большого Джо. Поздравляю.

Тиблевски был ничем не примечательным блондином невысокого роста. В нем обращало на себя внимание только одно — уши, оттопыренные подобно ручкам кувшина.

— Не знаю, сэр,— сказал он и нервно закусил губу.— Я принадлежу к обслуживающему персоналу и умею только исполнять приказы, но...

— Вот и выполняйте приказ,— прервал его Дон.— Старшина говорит, что вы знаете свое дело и обладаете достаточной квалификацией для работы с двигателями. Так что принимайтесь за работу.

Тиблевски попытался что-то сказать, но только кивнул, подчиняясь приказу.

Дон не старался корчить из себя супермена, просто так уж все складывалось: корабль и пассажиры были превыше всего.

— О'кэй, джентльмены,— сказал Дон, оглядев собравшихся.— Ставлю вас в известность о создавшемся положении. О солнечной буре можно забыть, она позади. Положение с кислородом тоже не вызывает опасений. Правда, концентрация кислорода внутри корабля понемногу падает из-за большой потери фитопланктона и утечки воды, но опасного уровня мы еще не достигли, так что этот вопрос можно отложить. Наш курс — вот самая насущная проблема. Нам давно пора провести коррекцию, иначе мы пройдем от Марса на расстоянии доброго миллиона миль. Как ваши дела, доктор Учальде?

Математик был мрачен, его лоб за последние сутки прорезали глубокие морщины.

— Что я могу сказать? Поможет ли нам ложь? — он воздел руки в жесте отчаяния.— Я приложил все силы, но дело все равно плохо. Рассчитать управление таким большим кораблем я могу, но только теоретически, а на практике — это за пределами моего понимания, хотя математика тут довольно проста. На изучение книг по небесной механике и навигации уйдет слишком много времени. Еще одна проблема — составление программы для компьютера.

— И сколько времени вам понадобится? — спросил Дон.

— Не могу сказать. Может, недели, а может, месяцы. Прошу прощения, но я лучше продолжу свои занятия.

«Не очень воодушевляет,— подумал Дон,— у нас не остается времени». Вслух же он произнес:

— Давайте подумаем о радио. Спаркс вместе с помощником электрика Голдом облазил все склады с запчастями и собрал приемник. Правда, качественный прием затруднен высокой солнечной активностью, и, что еще хуже, для передачи сообщения нам не хватает мощности, но ничего другого у нас нет. Вопросы есть?

— Сэр, можно два вопроса?

— Давайте, Курикка.

— Нужно похоронить капитана Кардида. До этого у нас не было времени...

— Мы похороним его при первой же возможности, если вы все подготовите.

— Все уже готово, нужен только ваш приказ.

— Тогда похороните капитана сразу после собрания. А второй вопрос?

— Арестант на гауптвахте выражает протест и желает с вами говорить.

— А, поджигатель! Честно говоря, я забыл о нем, даже об имени не спросил.

— Сэр, это генерал Мэтью Бриггс.

— Ого! Я должен был сам догадаться, но это не имеет значения. Пусть пока останется там. Я поговорю с ним позднее.

Поскольку вопросов больше не было, Дон закрыл собрание, объявив, что погребение капитана Кардида состоится через час и об этом будет объявлено по корабельной связи. Он попытался вздремнуть, но не смог: в его голове роились мысли о безвыходном положении корабля. В который уже раз ему захотелось переложить бремя ответственности на кого-нибудь другого. Ситуация усложнялась несмотря на все его усилия. По всей вероятности, настало время признать, что все их старания оказались напрасными и все они обречены...

К реальности его вернул резкий звук сирены. Он попытался отрешиться от гнетущей безнадежности, но тщетно. Горячий, а потом холодный душ помог, но немного. Высохнув под струей теплого воздуха, он надел форму и направился к служебному шлюзу, ведущему на палубу «А». Остальные уже ждали его. Он козырнул в ответ на приветствие Курикки.

— Сэр, все в сборе,— доложил старшина.— Погребальная команда готова, экипаж построен,— Курикка протянул ему книгу в черном переплете с черной ленточкой-закладкой.— Всю церемонию проведу я,— шепнул он.— Она займет не много времени. Место из устава, отмеченное закладкой, прочтете вы, когда я прикажу экипажу снять фуражки.

— Приступайте, старшина.

Церемония была простая, но волнующая, она вела свое начало от древнего ритуала морских похорон. Под четкую дробь барабанов внесли тело капитана, обернутое флагом, и весь экипаж, без малого сорок человек, молча свидетельствовали это. Из пассажиров на церемонию были приглашены всего несколько человек, чтобы не напоминать им лишний раз о смерти, побывавшей недавно так близко. Шесть человек осторожно внесли тело и опустили его рядом со шлюзом.

— Снять фуражки,— скомандовал старшина.

Дон выступил вперед, держа фуражку на согнутой руке, а в другой руке — открытую книгу.

— Глубинам космоса мы вверяем мореплавателя космических морей, командира «Иоганна Кеплера», капитана Кардида.

Ритуал был недолгим, в книге он занимал всего одну страницу, но Дон знал, что эта краткость не соотносится с важностью события. Кардид командовал одним из самых больших кораблей всех времен, налетал в космосе многие миллионы миль и погиб на посту. Но корабль и экипаж продолжали жить, а он, доктор медицины Дональд Чейз из Соединенных Штатов Америки, с Земли, стал одним из них. Он ушел в космос, не зная, что такое космическое товарищество, в котором стал своим, пожалуй, даже не осознавая возложенной на него ответственности перед ним. Теперь он в полной мере почувствовал все это. Закончив читать, он посмотрел на экипаж, все ответили ему серьезными взглядами, и Дон понял, что этот момент он не забудет до конца жизни.

— Надеть фуражки, погребальная команда — вперед!

Заработали моторы, открывая внутреннюю дверь. Подняв свой скорбный груз, носильщики внесли его в тесный цилиндрический шлюз. Возвращаясь, они вынесли бело-голубой флаг Земли и тщательно его сложили. Дверь закрылась. Зашипели насосы, откачивая воздух.

— Капитан, откройте наружную дверь,— тихо сказал Курикка, отходя от пульта.

Дон подождал, пока загорится красный сигнал, и нажал кнопку. Беззвучно открылась внешняя дверь, и центробежная сила вынесла тело капитана в открытый космос.

— Разойдись.

Взволнованный Дон пошел было в свой кабинет, но тут услышал сзади быстрые шаги и оглянулся.

— Капитан, можно с вами поговорить? — это был Спаркс, весь в машинном масле, с темными кругами под глазами. Он последовал за Доном в ходовую рубку, памятуя приказ не обсуждать при пассажирах служебные дела.

— Мы собрали передатчик,— сказал он, как только закрылась дверь.

— Отлично! Давайте попробуем вызвать Марс.

Приемник работал еле-еле; Спарксу пришлось до отказа вывернуть ручку громкости. Центральная станция на Марсе передавала одно и то же записанное на пленку сообщение: «Кеплеру» предлагалось немедленно выйти на связь.

— Работает нормально, хотя мощности не хватает,— признал помощник электрика Голд.

На столе перед ним громоздился какой-то кошмарный прибор: блок, снятый с радара, соседствовал с усилителем от проигрывателя из кают-компании, даже с электронной кухонной плиты сняли несколько деталей.

— А вы уверены, что это будет работать? — спросил Дон.

— Уверен,— ответил Спаркс, возясь с настройкой.— Я посылаю сигнал на нашей волне и даю полную мощность,— включив микрофон, он зашептал в него, и динамик, заглушая сообщение с Марса, тут же разнес его слова.

— Звучит довольно громко,— сказал Дон.

— Да,— мрачно ответил Голд,— но у нас приемник и передатчик разделены всего сотней футов, а сколько миллионов миль до Марса?

— Но у них мощные приемники,— запротестовал Спаркс.— Параболическая антенна способна уловить даже самый слабый сигнал.

— Ладно,— решил Дон.— Попробуем пробиться...

Должно быть, слухи все же поползли по кораблю, потому что к ним присоединились Курикка, Учальде и стюард Персер. Спаркс вновь и вновь производил точную настройку, пока не удовлетворился результатом. Тогда он подключил питание и взял микрофон.

— «Иоганн Кеплер» вызывает Марс-Централь. Ответьте, как слышите. Прием.

Его слова заглушило сообщение, доносящееся из приемника. Спаркс четким и спокойным голосом несколько раз повторил вызов, а потом отключил питание и откинулся в кресле. Марс передавал все то же сообщение.

— Мы не пробились? — поинтересовался Дон.

— Пока еще рано судить, сэр. Нашему сигналу потребуется несколько минут, чтобы дойти до места, и столько же для ответа.

Он снова включил передатчик и повторил вызов.

Время шло. Все молчали, и эта тишина была страшнее любых дурных вестей. Наконец Спаркс нарушил это оцепенение и, выдернув шнур, отключил питание передатчика. Когда он повернулся к остальным, на лице его блестели капли пота.

— Капитан, я очень сожалею, но больше ничего не могу сделать. Наш сигнал ушел, но он слишком слаб, а помехи от солнечной бури еще весьма сильны...

Вдруг монотонная передача с Марса прервалась, а чуть погодя раздался голос:

— «Иоганн Кеплер», это вы на связи? Мы поймали сигнал на вашей частоте, но не смогли его расшифровать. Если вы на связи, повторите, слышите ли меня? Марс-Централь вызывает «Иоганна Кеплера».

— Это все буря,— пояснил Спаркс.— Буря и наша слабая мощность...

— Никто вас не винит, Спаркс,— сказал Дон.— Вы сделали все, что возможно.

Да, винить его не мог никто, но легче от этого не стало. Без связи с Марсом все они были приговорены.

VIII

Все уже отвернулись, а Дон все смотрел на изуродованный передатчик, словно мог заставить его работать усилием своей воли. Радио оставалось их последней надеждой, поэтому следовало найти выход.

— А хоть как-нибудь увеличить мощность вы можете? — спросил Дон.

Спаркс покачал головой.

— Я и так загрузил все цепи на сорок процентов сверх нормы. Некоторое время они продержатся — вы, наверное, заметили, что я то и дело отключаю питание. Но еще немного — и они перегорят.

— А усилить их вы можете?

— Боюсь, что нет. Собрать эту штуку было не трудно, а все остальное время мы с Голдом думали, как усилить сигнал. По мере приближения к Марсу связь будет все лучше и лучше, и они нас со временем услышат.

— Это нам вряд ли подходит,— вступил в разговор Учальде, потом подошел к радио и, заложив руки за спину, принялся раскачиваться на носках, как если бы говорил перед школьной аудиторией.— Управлять кораблем я пока не могу, но рассчитать орбиту вполне в моих силах. На основании данных, полученных покойным навигатором, я произвел расчет и нашел ошибку в курсе, которая возрастает каждую секунду. Чем она больше, тем труднее ее исправить. Представьте себе наклонный желоб, очень длинный и широкий, по которому катится шарик. Внизу желоба он собьет колышек, если будет двигаться прямо, но стоит легонько щелкнуть его, и он отклонится от своей траектории на значительный угол. На исходную траекторию его можно вернуть таким же легким щелчком, но только сразу же после первого щелчка. Если упустить

время, то шарик отойдет от нужной траектории на несколько футов, и для возвращения его обратно потребуется значительное усилие. И чем больше это время, тем большее понадобится усилие. Вы, конечно, понимаете, что шарик — это наш корабль, а колышек — Марс. Мы упустили довольно много времени и не сможем произвести нужную коррекцию. Связаться с Марсом необходимо сейчас же.

В ходовой рубке воцарилась зловещая тишина. Спаркс, откинувшись на спинку кресла, оглядел всех собравшихся.

— Не смотрите на меня так! — крикнул он.— Я сделал все, что в моих силах. Радио собрано и действует, вы сами слышали, а большего из него не выжмешь. Это не радар и не генератор, где колебания просто форсируются, а всего лишь радио с модулированным сигналом. Это все, что...

— Что вы сказали про радар? — Дон крепко стиснул его плечо.

— Ничего, сэр. Ничего полезного для нас. В два раза большую мощность можно получить при сфокусированном сигнале. Но чтобы передать информацию, нужно послать модулированный сигнал, иначе Марс сможет засечь только направление сигнала. Они узнают, где мы, и больше ничего.

— Нет, нет,— сказал Дон, меряя шагами рубку.— Кое-что мы сможем сделать. В какой-то книге я читал о первых годах радиосвязи, там писали о каком-то коде...

— Правильно, есть такой код,— сказал Спаркс.— Им пользуются около двухсот лет. Мы изучали его в радиошколе. Раньше, до изобретения модуляции сигнала, использовали просто длинные и короткие импульсы. Каждой букве, как я полагаю, соответствовал свой сигнал, и его на другом конце могли снова перевести в буквы. Только сделать это мы не сможем.

— Почему?

— Понимаете,— Спаркс хотел улыбнуться, но поглядел на лицо Дона и раздумал,— теперь никто толком не знает этого кода. Но даже если бы мы его и знали, даже если смогли бы передать сообщение, расшифровать его никто не сможет. Это великолепная идея, но...

— Никаких «но»! Если я дам вам текст, вы сможете передать такие сигналы?

— Думаю, что смогу. Я постараюсь собрать прерыватель, а еще проще — записать сообщение на пленку.

— Тогда начинайте. Текст я вам принесу. Курикка, идемте со мной.

Когда они вышли в коридор, Курикка, до сих пор молчавший, шумно вздохнул.

— Сэр, не откажите в любезности и скажите, что вы собираетесь делать?

— Все очень просто. Сейчас мы идем в библиотеку. Мы найдем нужную информацию если не в книгах, то в блоках памяти.

Все оказалось очень просто. Библиотека комплектовалась для пассажиров, в основном, из художественной литературы, и Дон сразу же обратился экциклопедии.

Он нашел статью «Коды», полистал ее и остановился на разделе «Международный код».

— Вот,— сказал Дон,— то, что нам нужно. Поглядим, получится ли у нас кодирование.

Когда они вернулись в ходовую рубку, доктор Учальде нашел решение.

— Мы запрограммируем компьютер,— сказал он,— ибо сия тупая машина именно для этого и предназначена. Я составлю программу для перевода нашего сообщения на язык кода, компьютер запишет его на пленку, и мы выпустим его в эфир. Я думаю, там быстро разберутся, что это за код. Только перед передачей самого сообщения, как мне кажется, нужно будет передать числовой ряд от одного до десяти, тогда будет понятно, что это не случайный набор импульсов.

— Разумно,— кивнул Дон.— А после цифр пошлите простое сообщение: спросите, понятен ли код? Если ответят положительно, сообщите, что мы слышим их, но отвечать будем морзянкой. Проделайте все как можно быстрее. Я буду в лазарете. Вызовете меня, когда все будет готово.

В лазарете ему пришлось использовать все свое красноречие, чтобы успокоить больных. Он объяснил, что буря прошла и больше не вернется, что слухи о нехватке воздуха не имеют под собой никаких оснований, и так далее. Он сменил повязки больному с обморожениями и прошел в свой кабинет. Там его уже ждал доклад о готовности к выходу на связь.

— Испытания прошли успешно,— доложил Спаркс.— Мощность повысилась почти вдвое.

— Приступайте,— распорядился Дон, откидываясь в капитанском кресле, и взялся за кофе, что принес Персер. Спаркс перемотал пленку, проверил настройку, и катушка закрутилась: в эфир пошло сообщение, которое они готовили последние часы. Он дважды перематывал и вновь запускал пленку.

— Теперь подождем. Доктор Учальде рассчитал время,— сказал радист.

— Да,— сказал Учальде,— по моим расчетам мы услышим ответ меньше чем через тридцать секунд, если учесть наше положение относительно Марса.

Все посмотрели на бортовые часы и всем показалось, что секундная стрелка еле ползет. Наконец она перевалила за тридцать секунд... миновала минута. Учальде скомкал листок с расчетами.

— Похоже, я ошибся...

Но закончить он не успел — монотонный голос из приемника внезапно замолк. Все обернулись к аппарату и спустя несколько секунд услышали другой голос:

— Алло, «Иоганн Кеплер», вы меня слышите? На вашей частоте мы засекли серию сигналов. Если на связи вы, пошлите серию пятерок. Повторяйте сигнал: у нас нестабильный прием.

— Выполняйте,— приказал Дон.

Спаркс подключил в схему ключ для ручной передачи и начал отбивать точки-тире.

— Пять, пять, пять...— повторял он.

Снова потянулись томительные минуты ожидания: промчавшись со скоростью сто восемьдесят шесть тысяч миль в секунду, их сообщение достигло Марса, и вскоре пришел ответ.

— Мы получили ваше сообщение, «Иоганн Кеплер»,— произнес голос, встреченный радостными криками,— и поняли, что у вас неполадки с радио. Мы связались с библиотекой, сейчас там ищут код, которым вы пользуетесь. Когда мы его получим, нам будут необходимы точные данные о вас. Просим повторить ваше сообщение, по крайней мере, пять раз, поскольку прием затруднен. Мы вас слушаем на вашей частоте, желаю удачи.

На переговоры ушла уйма времени. Дон запустил в компьютер сообщение о катастрофе, и компьютер превратил его в ряд точек и тире, а на другой пленке записали данные последней обсервации. Марсианский компьютер обработает их и определит необходимую коррекцию. Шло время, с каждой секундой они отклонялись от курса все больше и больше. Но вместо указаний о коррекции их запросили о количестве оставшегося топлива. Данные были немедленно переданы, но прежде, чем пришел ответ, прошло еще несколько томительных минут.

— Хэлло, Большой Джо,— проскрипел голос, в котором слышалось беспокойство, хотя человек пытался говорить бодро.— Это еще не утвердительный ответ, цифры будут проверены, но... вы долго шли неверным курсом и, как нам кажется, с таким количеством топлива... вы не сможете скорректировать курс. Ваш корабль уходит в открытый космос.

IX

В тишине, воцарившейся после такого заявления, стук в дверь показался оглушительным. В рубку вошел помощник офицера, ответственный за очистку воздуха на корабле.

Он козырнул, оглядел молчавших людей и протянул Дону листок бумаги.

— Сэр, я подумал, что это нужно отнести прямо вам. Данные получены несколько минут назад.

Усилием воли Дон заставил себя переключиться на новую, может быть, не менее важную проблему.

— Простите, а что означают эти цифры?

— Это процент содержания кислорода в воздухе,— помощник указал на ряд чисел, подчеркнутых красным карандашом.— Как видите, он постепенно падает. После аварии мы снимаем данные каждые пять часов. Вначале изменения были незначительными, но потом произошел внезапный скачок. Вероятно, солнечная буря уничтожила большую часть фитопланктона. Утечка при аварии плюс гибель планктона привели к нарушению газового равновесия.

— И что это значит?

— Что у нас начинается нехватка кислорода: мы перерабатываем кислород в двуокись углерода быстрее, чем растения его восстанавливают.

Дона передернуло — слишком много проблем для одного рейса.

— Когда мы подойдем к критическому уровню?

— В лучшем случае — через несколько дней, но что-то необходимо предпринимать уже сейчас.

— Я займусь этим, как только появится свободная минута. А кто отвечает за очистку воздуха?

— Лейтенант Хонг погиб, значит, отвечаю я.

— Как вас зовут?

— Хэнсен. Помощник офицера, ответственного за очистку воздуха, старшина третьего класса Хэнсен.

— Что ж, Хэнсен, с этой минуты вы — офицер по контролю за воздухом. Все мы зависим от вас, поэтому сделайте все, что в ваших силах.

— Слушаюсь, сэр,— ответил Хэнсен и отдал честь.

«Этот сделает»,— подумал Дон, провожая взглядом Хэнсена. Внезапно он вспомнил о сообщении с Марса и едва не отчаялся.

— Почему Марс беспокоился об оставшемся у нас топливе? — спросил он, повернувшись к Курикке.— Мне не хотелось бы выглядеть невеждой, но занятия медициной совершенно не оставляют времени для совершенствования в других областях. Я все время считал, что на наших кораблях стоят атомные двигатели.

— Совершенно верно, сэр, но и атомные нуждаются в топливе. Ракета двигается, отбрасывая от себя часть своей массы, а вовсе не отталкивается от чего-нибудь извне. Химические ракеты, например, отбрасывают горячий газ, он летит в одну сторону, ракета — в другую. Чем больше вы отбрасываете, тем сильнее отталкиваетесь и, следовательно, тем быстрее движетесь. Отбрасывая массу с большей скоростью, можно получить большую силу реакции, что

мы и делаем. Только наше топливо — мельчайшие частицы кремния, полученные из шлаков сталелитейных заводов. Их выпаривают в вакууме и получают частицы микроскопических размеров. Они и обеспечивают наше движение.

— Теоретически это выглядит просто,— кивнул Дон.— Следовательно, топлива для изменения курса у нас не хватит, хотя энергия атомных двигателей, фактически, беспредельна?

— Все правильно, сэр. Топлива у нас обычно более чем достаточно, так что коррекция производится при первой же необходимости. Чем дальше корабль удаляется от своей траектории, тем больше требуется топлива на возвращение. Мы потеряли слишком много времени.

Всеми овладело уныние, только Дон пока не поддавался общему настроению.

— А можно использовать в качестве топлива что-нибудь другое?

— Боюсь, что нет,— покачал головой Курикка.— Для форсунок все будет слишком велико, да и двигатели спроектированы только для такого топлива,— он отвернулся, и Дон впервые увидел бравого старшину в такой депрессии.

— Но мы не должны сдаваться,— настаивал Дон.— Надо попробовать вывести корабль к правильному курсу, если уж не можем вернуться точно на него.

— Это вряд ли поможет, капитан: не останется топлива для торможения.

— Но так мы будем, по крайней мере, ближе к Марсу. Оттуда к нам подойдут корабли и заберут людей. Запросите Марс, как насчет такого варианта.

И снова все толпились, ожидая ответа.

— Обнадежить пока нечем, хотя мы просчитываем любую возможность,— сообщили с Марса.— В окрестностях Марса сейчас нет ни одного корабля дальнего действия, а челночные ракеты не достанут вас даже на точном курсе. Главное, не теряйте надежды. Мы пытаемся найти решение.

— Спасибо, утешили,— буркнул Спаркс.— Их бы на наше место.

— Прошу прощения, но я вынужден опровергнуть последнее заявление Курикки, ибо оно неверно,— доктор Учальде вышел из прострации и еще не осознал, что это «последнее заявление» было сделано минут пятнадцать назад.— Мы можем кое-что сделать. Я изучил ситуацию и пришел к выводу, что вы, извините, смотрите на нее лишь с одной стороны, потому что суть проблемы была неверно сформулирована,— он заходил по рубке взад и вперед.—Вопрос не в том, где взять топлива, а в том, как изменить курс. При такой постановке проблемы все станет ясным, а ответ — очевидным.

— Только не для меня,— произнес Курикка.

— Если у нас нет необходимого топлива,— улыбнулся Учальде,— следовательно, нужно уменьшить общую массу корабля.

— Правильно! — воскликнул Дон.— Это именно то, что нужно!

— Важно, чтобы все, от чего мы избавимся, предварительно тщательно взвешивалось,— предупредил Учальде.— Это понадобится для последующих вычислений. Чем быстрее мы это сделаем, тем больше у нас будет шансов добраться до Марса.

— Прямо сейчас и начнем,— сказал Дон, доставая записную книжку и электрический карандаш.— Нужно составить список предметов, не имеющих жизненно важного значения для корабля, экипажа и пассажиров. Ваши предложения?

— В первую очередь, багаж пассажиров,— сказал Учальде.— Нужно оставить лишь то, что на них есть, а от остального избавиться.

— Представляю, какие нам предъявят иски,— простонал стюард.

— Ничего. Багаж пассажиров наверняка застрахован,— сказал Дон, помечая в блокноте.— У них есть выбор: багаж или жизнь. Пусть оставят драгоценности и то, что дорого как память, а все прочее — за борт. Через пятнадцать минут соберите всех в гостиной. Я побеседую с ними.

Персер кивнул и ушел, а Дон повернулся к остальным.

— Обеденные столы, кресла, большинство кухонного оборудования, посуда,— загибая пальцы, перечислял Курикка.— Все мороженое мясо. Нам нужна только вода, тогда мы продержимся на дегидрированном пайке.

— Отличная идея. Следующий?

Предложения посыпались градом: ковры и украшения, лестничные перила, мебель, осветительные приборы и запчасти. Список рос, но оставался один, но очень значительный пункт.

— Груз,— напомнил Дон.— Что с ним будем делать?

Курикка покачал головой.

— Ничего мы с ним не поделаем, а жаль: ведь там тяжелое оборудование и контейнеры с одеждой, без которой можно обойтись. К сожалению, все контейнеры намертво прикреплены к полу специальными отстреливающимися замками. Я мог бы изготовить что-то вроде ключа к ним, но на это нужно время, дня два, по крайней мере.

— Для нас это слишком долго. Пусть груз остается, а все, что можно убрать — за борт.

Экипаж приступил к работе, а Дон без воодушевления направился в гостиную, ясно представляя, какой его ждет прием. И не ошибся. Все сто двенадцать пассажиров были в самом гадком расположении духа. Обращаясь к ним, Дону пришлось перейти на крик, тем более, что экипаж уже начал выносить столы. Он объяс-

нил пассажирам, в какое трудное положение они попали, и объявил, что сейчас жизненно важно облегчить корабль. Как только он сказал про багаж, ропот усилился.

— Вы не можете меня заставить, не имеете права! — вопила стареющая матрона. Ее поддержали и другие пассажиры.

Дождавшись, когда вопли протеста немного утихнут, Дон сказал:

— Очень сожалею, если кажусь вам самодуром, но вот вам слово офицера — другого выхода нет. И это не мое решение. Как вы знаете, я врач, и пост капитана корабля занимаю только потому, что все остальные офицеры погибли. Мы связались с Марсом, и они одобрили наше решение.

Раздались новые крики, но Дону удалось усмирить их.

— Я — капитан, и это мой приказ. Вы оставите при себе только самое необходимое, остальное через полчаса принесете к шлюзу. От этого зависит ваша жизнь.

Пассажиры разошлись с большой неохотой, и Дон с грустью усмехнулся, подумав, что общественный рейтинг его здорово упал. Но он должен спасти их жизни, хотят они этого или нет.

К Дону подошел один из оставшихся пассажиров, высокий худой мужчина с небольшими усиками. Дон уже встречался с ним, но не помнил, по какому поводу. Пассажир представился:

— Капитан, меня зовут Дойль. Я — секретарь генерала Бриггса.

— Чем могу помочь?

— Не столько мне, сэр, сколько генералу,— улыбнулся Дойл, не обращая внимания на холодность приема.— Он хотел бы с вами поговорить.

Дон вспомнил, что сам обещал поговорить с Бриггсом, и решил, что более удобного момента не найти.

— Отлично. Я иду с вами.

— Спасибо, сэр. Генерал будет очень благодарен вам за это.

Захватив из рубки ключ, они отправились в помещение, отведенное под гауптвахту. Генерал поднялся им навстречу.

— Капитан, я рад, что вы пришли,— сказал он.

— Вы хотели поговорить со мной, генерал?

— Да, если вы уделите мне несколько минут. Сначала я хочу принести извинения за инцидент в моей каюте. Конечно же, я подчинился приказу и выбросил все сигареты, однако забыл про пачку в кармане и по рассеянности закурил. Это и вызвало пожар. Я очень сожалею...

— Мы тоже, генерал.

— Уверен в этом. А теперь позвольте задать вопрос: сколько времени продлится мой арест? Разумеется, ваши действия были справедливы, я не протестую, но думаю, что меру наказания можно изменить.

Дон очень нуждался в поддержке пассажиров, а если на его

стороне будет Бриггс, это здорово поможет ему, тем более, что гнев генерала остыл и он раскаялся. Дон подумал и решил, что держать Бриггса под замком не имеет смысла.

— Генерал Бриггс, вы свободны. Это была всего лишь временная мера, пока мы выясняли причину пожара, а вовсе не наказание.

— Вы очень добры,— ответил генерал, но эти слова прозвучали сухо и формально, в них не было ни следа прежней теплоты. Они тотчас же вышли.

Глядя им вслед, Дон мучительно вспоминал что-то. О чем говорил ему тогда один из космонавтов? Пожалуй, с этой сигаретой еще не все ясно. Что ж, теперь это было не важно: даже если генерал погрешил против истины, чтобы избежать дальнейшего заключения, решение принято и инцидент исчерпан. Дону нужно было думать о корабле.

Когда Дон поднялся на палубу «А», он стал свидетелем невероятного зрелища. Пол палубы одновременно был наружной оболочкой корабля, и в нем находились иллюминаторы из закаленного стекла диаметром два ярда. Через них были видны мириады ярких звезд; они, казалось, медленно плыли вокруг корабля. Конечно, на самом деле вращался корабль: так имитировалась сила тяжести. Обычно в иллюминаторы не было видно ничего, кроме этих звезд, если не считать моментов старта и финиша.

Но сейчас яркий свет далекого солнца отражался от множества предметов, вращавшихся вокруг корабля. Столы и чемоданы, стулья и ботинки, ковры и продукты — перечислять можно было без конца. Медленно уплывающие вдаль предметы сменялись новыми. Начался аврал.

У шлюза получилась настоящая свалка, правда, упорядоченная. Прибывающие партии вещей взвешивали, вес записывали, а сами вещи отправляли за борт. Руководил работой Курикка. Увидев Дона, он подошел с докладом.

— Капитан, все идет прекрасно. Небольшие недоразумения с пассажирами улажены.

— Какие недоразумения?

— Сэр, я реалист. Когда речь идет о моей жизни, я забываю об учтивости. После того, как пассажиры принесли сюда свой багаж, мы со стюардом и несколькими людьми из команды прошлись по каютам и обнаружили множество «необходимых вещей», без которых вполне можно обойтись. Теперь они все здесь.

— Старшина, вы неукоснительно исполнили свой долг; надо думать, судебные иски подтвердят это со всей очевидностью. Кстати, на суде нам придется сидеть бок о бок.

— Так точно, сэр. Мы почти закончили. Данные для Марса проходят последнюю проверку.

— Заканчивайте как можно быстрее. Сами знаете, почему.

Курикка молча кивнул и вернулся к своим делам.

Выходя из шлюзовой, Дон внезапно споткнулся и еле успел опереться о стену. Невероятная усталость охватила все его тело, но остановиться на полпути он не мог. Потихоньку добравшись до ходовой рубки, он без сил рухнул в кресло и незаметно для себя задремал.

— Сэр, срочная информация,— донесся голос радиста.

Дон поднял голову, тупо посмотрел на поданный Спарксом лист бумаги.

— Что они говорят?

— Десять минут работы двигателей. Доктор Учальде и старшина составляют программу для компьютера. Марс говорит, что они настроены оптимистично.

— Черт с ним, с оптимизмом. Будет лучше, если они окажутся правы,— пробурчал Дон.— Благодарю вас, Спаркс, и весь экипаж за огромную проделанную работу.

— Надеюсь, работали не впустую,— ответил Спаркс, складывая бумагу.

Теперь в работу включилась машина. Программу работы двигателей, составленную компьютером на Марсе, ввели в бортовой компьютер.

Дон увидел в иллюминаторе, как звезды медленно сходят со своих мест, и грустно улыбнулся. Он вспомнил часы, затраченные на работу, которую компьютер проделал в считанные минуты.

Зашевелились стрелки приборов — это включились двигатели ракет управления, но за этим не последовало ничего, кроме легкого толчка.

— Вот и все,— произнес Дон.— Доктор Учальде, когда мы узнаем, на верном ли курсе корабль?

— По крайней мере, через час, пока не определим общее направление. Передадим данные обсервации на Марс, а они рассчитают нашу новую траекторию и сообщат нам.

Зазвонил вызов. Дон включил аппарат и увидел встревоженного Раму Кусума.

— Сэр, не могли бы вы прийти в лазарет? Здесь пациент с лихорадкой, и я не знаю, что делать.

— Симптомы?

— Ничего определенного, сэр. Общее недомогание, расстройство желудка...

— Не стоит беспокоиться. Множество легких заболеваний начинается таким образом. Я иду к вам.

Столкнувшись с медицинской проблемой, Дон почувствовал явное облегчение.

Он был уверен, что справится с любой болезнью — ведь он

был врачом. Беспомощным он себя чувствовал лишь когда речь заходила об управлении кораблем.

— Старшина, я буду в лазарете. Когда придет сообщение с Марса, дайте мне знать.

При выходе он столкнулся с Хэнсеном, новым инженером системы очистки воздуха. Тот явно спешил и беспокоился.

— Простите, сэр, но я хотел бы поговорить с вами наедине, если можно.

Закрыв дверь, Дон огляделся. Коридор был пуст.

— Здесь нас никто не услышит. Что случилось?

— Содержимое кислорода снова упало, капитан. Мы перешли уровень воспроизводства и теперь дышим аварийным запасом. Я удаляю излишек двуокиси углерода, но кислород...

— Когда это станет заметно?

— Это уже заметно. Если вы побежите, то через несколько минут вас одолеет одышка. А дня через два или три...

— Что?..

— Люди начнут умирать, сэр.

X

Дон ощупал шею и подмышки больного, но увеличенных лимфатических узлов, указывающих на общее заражение, не обнаружил.

— У вас где-нибудь болит, мистер Прис? — спросил он.

— Нет. Если бы болело, я сказал бы вам.

У Приса было тонкое лицо и крючковатый орлиный нос. В нем чувствовался человек, привыкший к немедленному исполнению своих желаний.

— За это путешествие я заплатил кучу денег, но не могу назвать его приятным. Метеоры, плохая пища, потерянный багаж... А теперь еще и это. Со мной ничего бы не случилось, будь на корабле почище.

— Вы не правы. На космических кораблях поддерживается госпитальная чистота: это предотвращает перенос болезней с одной планеты на другую.

У Приса была высокая температура, сорок градусов, но дыхание и пульс были в норме.

— Похоже, вы подцепили инфекцию еще на Земле. Как только пройдет инкубационный период, мы точно узнаем ее происхождение.

— Но что это такое? — заволновался мужчина.

— Успокойтесь, ничего серьезного. Обыкновенная лихорадка. Во избежание распространения инфекции среди пассажиров

я прошу вас несколько дней побыть в лазарете. Мы дадим вам жаропонижающее и немного снотворного.

Неожиданно зазвенел вызов, и Дон чуть не выронил шприц.

— Капитан слушает.

— Мы закончили,— доложил Курикка. В его голосе не было обычной сдержанности.— Марс сообщил, что мы на правильном курсе. Они ведут Большого Джо не по обычной траектории торможения, а по траектории перехвата, так как топлива у нас кот наплакал.

— А какая между ними разница?

— Обычно мы направляемся к Фобосу и тормозим до тех пор, пока не встанем на его орбиту. А раз топлива на торможение не хватает, мы идем прямо к Марсу. Не так, конечно, чтобы пробить атмосферу, но достаточно близко, чтобы встать на ареоцентрическую орбиту.

— Отличные новости, старшина. Объявите мою благодарность всем, кто в этот трудный час честно выполняет свой долг.

— Теперь все будет в порядке.

Дон молча выключил связь. Не все еще было в порядке. К тому времени, когда они доберутся до Марса, все на корабле будут мертвы, задохнутся.

Он сделал больному укол и отправился в лабораторию контроля за атмосферой корабля, что располагалась на палубе «С». Эта палуба, полностью отданная под службы, теперь была пуста, как гробница. Дон прошел мимо гулких складских помещений, с которых сняли даже двери, и подошел к ожидавшему его Хэнсену.

— Сэр, вот последние новости,— сказал тот.— Посмотрите сами.

Дон бросил взгляд на страницы с колонками цифр, но его захлестнула новая волна усталости.

— Прошу вас как специалиста, объясните мне, почему содержание кислорода падает так быстро.

Хэнсен указал на приборы, расположенные на одной из стен лаборатории. Среди них был смотровой глазок, в котором едва колыхалась почти прозрачная зеленая жидкость.

— В этом окошке вы видите тот самый фитопланктон, другими словами, одноклеточные растения. Они перерабатывают выдыхаемую нами двуокись углерода в кислород. Большую часть этих растений мы потеряли во время аварии, много фитопланктона погибло из-за солнечной бури, а того, что осталось, недостаточно для производства необходимого нам кислорода.

— А есть какие-нибудь способы ускорить рост фитопланктона?

Хэнсен покачал головой.

— Я делаю все возможное, но процесс идет чересчур медленно.

Мы не в состоянии ускорить деление клеток, даже если добавим в воду питательные вещества.

— Понимаю,— Дон глянул вокруг себя.— А другие приборы для чего?

— В основном, для отбора проб воды, а еще — для микроскопического анализа, и в том же духе. Кроме того, здесь стоят фильтры для удаления пыли из воздуха и поглотители двуокиси углерода.

— Они работают?

— Да, но не очень эффективно, хотя я врубил их на полную мощность. Они неплохо разлагают двуокись на углерод и чистый кислород, но они — лишь вспомогательная цепь в главной системе очистки воздуха. Обычно они включаются в случае превышения допустимого уровня двуокиси углерода, да и то ненадолго.

Дон попытался собраться с мыслями.

— Может быть, нас выручат резервные запасы кислорода?

— Думаю, что нет, сэр. Этих запасов не хватит даже на сутки.

— И что же нам делать?

— Не знаю,— на лице Хэнсена отразился страх, и Дон пожалел о своем вопросе: этот человек исполнял свою работу добросовестно, но с большим ему явно не справиться.

— Ничего-ничего, не волнуйтесь. Придумаем что-нибудь.

Легко сказать «что-нибудь», но что именно? Где посреди космоса можно взять кислород? Он безрезультатно напрягал свой усталый мозг, глядя на крошечные, плавающие в воде растения, словно пытался отыскать в них ответ.

Внезапно Дон рассмеялся.

— Решение перед нами! — он похлопал по плечу изумленного Хэнсена.— Что вы здесь видите?

— Планктон, сэр.

— И больше ничего?

— Нет, если не считать воды...

— Какое последнее слово вы сказали?

— Вода...

— А из чего она состоит?

Лицо Хэнсена тоже озарилось улыбкой.

— Из водорода и... кислорода.

— Абсолютно точно. К тому же, атомный реактор даст сколько угодно энергии. Мы пустим ток через воду и разложим ее электролизом.

— Мы оставим себе кислород, а водород выбросим в космос. Но, капитан, для этого нужно много воды, да и планктон будет нам по-прежнему необходим.

— А я и не собирался от него отказываться. Я предвижу новую волну недовольства среди пассажиров. На корабле вся вода проходит замкнутый цикл, но ее намного больше, чем нужно для

повседневных нужд. Мы определим минимальное количество необходимой воды, а остальную превратим в кислород. Пусть пассажиры будут грязными, зато они будут дышать.

— Какое потребуется оборудование?

— Во-первых, нужна емкость размером с обычную ванну,— начал перечислять Дон.— В самом процессе ничего сложного не будет, емкость даже герметизировать не потребуется. Во-вторых, нужен постоянный ток, его мы получим от генератора. Затем, нужен слабый раствор электролита: простая соль и щелочь, растворенная в воде.

— Столовая соль подойдет?

— Пожалуй, нет: она представляет собой хлорид натрия, следовательно, в воздухе окажутся остатки хлора. Нам необходима какая-то другая соль. Найдется что-либо в этом роде среди питательных веществ для ваших растений?

Хэнсен нашел нужный список, наскоро просмотрел его и спросил:

— Может, вот это подойдет? У нас много магнезии, она применяется для стимулирования фотосинтеза.

— Магнезия! Лучше и быть не может! Теперь единственная проблема — найти необходимую емкость и подвести к катоду отводную трубку. С катода пойдет водород, его мы отведем прямо в космос, а кислород с анода пойдет непосредственно в атмосферу корабля,— Дон протянул Хэнсену приблизительный чертеж.

— Сэр, мне кажется, это должно сработать,— сказал тот.—Мы используем стеклянный отстойник, его нужно только вымыть. Я приготовлю слабый раствор электролита. Не знаю, правда, справлюсь ли я с проводами и откачкой газа.

— У вас будет помощник,— сказал Дон.— Если старшина Курикка сам не сможет собрать эту схему, он найдет того, кто с этим справится.

В помощь Хэнсену старшина прислал Спаркса и Тиблевски, нового Главного инженера. С помощью кабеля они подвели питание от пустого теперь склада-холодильника. Над катодом установили стеклянный колпак, подошел резервный купол бортовой обсерватории. Через него вывели за борт корабля отводную трубку. Они быстро наладили несложную схему, и Тиблевски тронул ручку реостата. Как только пошел ток, на электродах начали вспухать пузырьки газа. Ток усилили, пузырьков стало больше и наконец они начали с шумом вырываться из воды. Дон наклонился над ванной и глубоко втянул воздух.

— Прекрасно,— сказал он.— Похоже, с нашими проблемами покончено навсегда.

Дон почти отрешился от всех прошлых напастей, но тут резкий звонок заставил его вздрогнуть.

— Слушаю,— произнес он в трубку.

— Сэр, прошу вас срочно прийти в лазарет,— сказал Рама Кусум.— Еще четыре случая такой же лихорадки. Первый пациент в коме, пульс слабый. Я никак не могу его разбудить. Что делать?

XI

Чтобы остаться одному и подумать, Дон отослал Кусума поспать, предварительно успокоив его. Прис лежал в изоляторе, новых пациентов поместили в большую палату. Дон подошел к кровати Приса, прислушался к тяжелому медленному дыханию больного. Потом осмотрел батарею регистрирующих приборов, присоединенных к телу Приса. Симптомы были довольно ясными, но что они могли значить? Сердце — в порядке, пульс — медленный и неустойчивый, температура неуклонно растет, несмотря на уколы жаропонижающего. Даже инъекции мощных антибиотиков не дали заметного результата. В чем же дело? Раньше он гордился, что ему по плечу любая болезнь, но с этой... с этой ему явно не справиться. К тому же, он очень устал...

Дон подавил зевок, зашел в свой кабинет, тщательно вымыл руки и сунул их в ультразвуковой стерилизатор. Потом налил чашку кофе из термоса и попытался выстроить известные факты в какое-то подобие системы.

Что ему было известно, кроме того, что этой лихорадкой заболели уже пять человек? Лихорадкой, кстати, неизвестного происхождения. Судороги лица и челюстей, правда, очень редкие, были единственным характерным симптомом. Это похоже на несколько смазанный симптом Колливера. Не то... Такое встречается только в параличной фазе полиомиелита. А у этой болезни других характерных симптомов просто не было. Что же это такое?

Снова мелькнула мысль, что это какая-то новая болезнь. Совершенно невозможно... Бывают очень редкие болезни, возбудители заметно мутируют, но новым болезням взяться неоткуда. По всей вероятности, эта болезнь редко встречалась во врачебной практике. В библиотеке можно несколько дней кряду проискать аналогичный случай, следовательно, необходимо максимально сузить поле поисков. Единственной зацепкой был Прис, ведь именно он стал первой жертвой болезни, и, естественно, был ее носителем.

Дон позвонил стюарду.

— Персер, мне нужна информация об одном из пассажиров.

— Кто вас интересует, сэр?

— Некто Прис. Мне необходимо знать, откуда он прибыл на

корабль, где жил последнее время, словом, любая информация о нем.

— Минуту, сэр. Мне перезвонить, или вы подождете?

— Я буду у себя, в лазарете.

Вошел Рама Кусум. В руках у него был поднос, накрытый салфеткой.

— Капитан, я пообедал и взял на себя смелость...

Дон попытался вспомнить, когда он ел в последний раз, но не смог. К тому же, он дьявольски устал и просто забыл проголодаться.

— Спасибо, но не думаю, что смогу протолкнуть в себя хоть кусок. Я не сомневаюсь в питательности дегидрированной пищи, но ее вид... она больше похожа на мокрые опилки. Как-нибудь потом, не сейчас...— и замолк, увидев, что было на подносе. На тарелке аппетитно дымился бифштекс, его сочный аромат заставил Дона облизнуться. Через секунду гнев исказил черты его лица.— Но я же приказал выбросить за борт все съестное, кроме дегидратов! Я не потерплю никаких исключений, тем более — для себя.

— Сэр!— воскликнул Рама, воздев руки.— Все очень просто. Один из поваров был пойман старшиной, когда жарил этот бифштекс. Для себя, я полагаю. Зная боцмана Курикку, я содрогаюсь при мысли о каре, постигшей повара. Он должен был дожарить этот бифштекс, а съесть его, по общему мнению, должны вы. Пожалуйста, ешьте, пока он не остыл.

Дон чуть помешкал и взял вилку.

— Это единственное, что мне остается,— сказал он дрогнувшим голосом.— Пожалуйста... поблагодари всех от моего имени...

Когда он мыл посуду, позвонил стюард.

— Капитан, я все выяснил. Прис прибыл на корабль ракетой из Чикаго-Лейк. Весь год перед полетом он не покидал Землю. Вы это хотели узнать, сэр?

— Совершенно верно, благодарю вас,— Дон медленно положил трубку. Тупик. Экзотических болезней в Чикаго никогда не бывало.

— Случилось что-нибудь?— спросил Рама.

— Ничего особенного, всего лишь ложный след,— поспешно встряхнулся Дон.— Я пытаюсь определить природу болезни. Это очень трудно, но если быть откровенным до конца, то я не имею о ней ни малейшего представления. Вот тебе случай убедиться, что все доктора — обыкновенные люди. Это полезно знать, раз уж ты сам собрался в доктора. Царапни нас, и польется кровь. Всего знать мы не можем, именно поэтому среди нас есть узкие специалисты. Я пойду в рубку, а ты побудь пока здесь.

Он шел, и ему казалось, что идет он очень долго, шел и не понимал, то ли коридоры стали длиннее, то ли он еще больше устал.

По дороге Дон встретил какую-то пассажирку, но не мог вспомнить ее имени. Он поздоровался, но она громко фыркнула и отвернулась. Он представил себе, что она думает о нем — багажный вор, похититель воды и еды, капитан-самозванец — и улыбнулся.

В рубке был только Курикка, он сидел в навигаторском кресле и, казалось, спал. Но это был не такой человек, чтобы спать на вахте. Несмотря на протестующий жест Дона, он вытянулся и отдал честь.

— Капитан, мы на верном курсе, и все в полном порядке. Хэнсен докладывает, что кислород в норме.

— Вольно, старшина. Садитесь,— Дон обратил внимание на темные круги под его глазами, на мятую форму, которая обычно была безукоризненна.— Когда вы в последний раз отдыхали?

— Не знаю точно, только сейчас я чувствую себя прекрасно. Я не пью, не курю, сплю по девять часов, с чего бы мне уставать?

— Врете вы все,— сказал Дон и улыбнулся.— Марс уже слышит нас?

— Пока нет, но доктор Учальде показал нам, как набивать сообщение на компьютере. Дайте мне текст, и я его передам.

— Радиограмма простая. Нужно попросить их связаться с Лондонским Диагностическим Центром: мне необходима консультация. Только прежде чем послать перечень симптомов, передайте это сообщение. Возможно, для связи с Землей им понадобится время.

— Консультация по поводу болезни? Это связано с нашими пациентами?

— Разумеется. Скажу вам по секрету, как моему первому помощнику, что первый случай оказался чрезвычайно серьезным. То же самое и у других. Но что это за болезнь, я не знаю.

Старшина молча повернулся к клавиатуре компьютера и принялся набирать сообщение.

Дон сел в капитанское кресло и попытался привести мысли в порядок. Вдруг все спуталось в дьявольский узел: и болезнь, и симптомы, и лечение.

Голосов он не слышал, его разбудило легкое прикосновение. Дон открыл глаза и увидел склонившегося над ним Курикку.

— Лондонский Центр на связи,— доложил старшина.

— Я долго спал?

— Почти четыре часа, сэр. Я связался с лазаретом. Мне ответили, что ваша помощь пока не нужна, ну, я и не будил вас.

— Вы правы, старшина. Вероятно, это было необходимо,— он оглянулся. Вахтенный что-то писал в бортовом журнале, Спаркс возился с передатчиком.— А теперь передайте мое сообщение.

Дон продиктовал все симптомы таинственной болезни, медицинские характеристики пациентов, включая имена и адреса, чтобы их можно было сверить по медицинским картам на Земле. Покончив с этим, он зевнул и широко потянулся.

— Пойду, умоюсь,— сказал он.— До того, как придет ответ, у нас уйма времени. Спросите, нельзя ли прислать сюда крепкий черный кофе.

С того времени, как потянулась вся эта цепь кошмарных событий последних дней, Дон впервые почувствовал себя более или менее хорошо. Он немного поспал, и опасности словно отступили. Оставалась, правда, эта история с лихорадкой, но и тут он был не один. Теперь за его спиной стояла вся земная медицина. Это внушало уверенность, хотя такая консультация и напоминала стрельбу из пушки по воробьям.

Марс передал сообщение из Лондона, в котором требовали уточнить кое-какие детали, и Дон немедленно отослал ответ. По донесением Рамы в лазарете было все спокойно, и Дон решил было расслабиться и выпить чашку кофе, но тут пришло сообщение с Марса. К такому повороту Дон не был готов.

— Хэлло, Большой Джо, вызывает Марс. Сообщение из Лондонского Диагностического Центра для доктора Чейза: «Сожалеем, но перечисленные симптомы не соответствуют ни одной из известных нам болезней. Поскольку болезнь может оказаться уникальной для Земли, просим собрать более точные данные».

Дон вскочил на ноги так резко, что чашка с кофе покатилась на пол. Уникальной! Следовательно, с Земли помощи не будет, он снова остался один на один с болезнью. Теперь он был даже более одинок, чем когда-либо раньше.

— Звучит неутешительно,— сказал Курикка, увидев грустную улыбку Дона.

— «Неутешительно» — не то слово. Ясно, что природу лихорадки им определить не удалось.

— Не так уж все плохо, если это просто лихорадка. Через пять-шесть дней мы будем на Марсе, а там любые врачи будут к нашим услугам.

— Да, если это просто лихорадка...

Дона прервал звонок вызова. Трубку поднял Курикка, молча выслушал и положил на место.

— Это Рама,— ответил он на вопросительный взгляд Дона.— Вы срочно нужны в лазарете.

— А зачем? Он сказал, зачем?

— Да,— Курикка оглядел собравшихся и решил говорить в открытую.— Он сказал, что пациент Прис умер.

XII

— Сэр, вы сделали все, что могли,— сказал Рама.

— Возможно,— начал было Дон, но не закончил: он и сам знал, что Рама прав.

Когда Рама накинул на мертвое тело простыню, Дон поспешно отвернулся в сторону. Ничто не помогло, хотя были использованы все возможные средства: переливание крови, стимуляция сердца, наркотики — словом, все, но Прис умер. Его жизнь угасла, словно свечка, и вся мощь современной медицины была не в силах остановить этот губительный процесс.

— Доктор,— сказал Рама, понизив голос,— я должен вам сказать, что у нас еще два пациента: я принял их, пока вы занимались Присом. Лондон уже определил, что это за болезнь и как ее остановить?

Дон вспомнил, что второпях не успел рассказать Раме о последнем сообщении, и медленно помотал головой.

— Мы одни перед лицом болезни. Лондон не в силах нам помочь.

— Но они обязаны знать,— упорствовал Рама, в нем жила почти религиозная убежденность в могуществе медицины.— Раз они знают о всех болезнях, то обязаны знать и об этой.

— Этого-то они как раз и не знают.

— Вероятно, и такое возможно, если это какая-то новая болезнь.

— Очевидно, так оно и есть. Вопрос, как и где Прис подцепил эту заразу, представляет теперь чисто академический интерес. Что ж, попытаемся справиться своими силами, раз уж не от кого ждать помощи. В первую очередь мы должны остановить инфекцию: наложим карантин на лазарет и попытаемся изолировать тех пассажиров, с которыми контактировали наши пациенты.

— Но корабль большой, это будет трудно сделать.

— Даже если это невозможно, мы обязаны попробовать. Я иду в рубку. Как только освобожусь, сразу вернусь.

В рубке собрались все, кого он вызвал: Спаркс, Тиблевски, Курикка и стюард. У старшины была побрита лишь одна щека, наверное, вызов оторвал его от бритья.

— Вольно, садитесь,— приказал Дон, раздумывая, каким образом поднести им новость, а потом решил — прямо и честно. Все они — закаленные космолетчики, следовательно, привыкли смотреть фактам в лицо.

— Все вы добровольно приняли на себя ваши обязанности, собственно, я — тоже. На борту корабля лихорадка, и первый пациент только что умер. Если говорить честно, то никто не знает, что это за болезнь, поэтому я принял решение изолировать рубку и ла-

зарет. Я и сам должен находиться в карантине, поскольку контактировал с больными, но я к тому же еще и командир корабля. Я не знаю, насколько велик риск проникновения инфекции в рубку, поэтому вынужден просить вас всех оставаться на своих местах.

— А нам больше ничего и не остается, капитан,— ответил за всех Курикка.

— В лазарет нужно доставить несколько коробок с дегидрированными пайками, водопроводные краны там есть, таким образом, он будет на автономном обеспечении. Всех пассажиров необходимо перевести в другой конец корабля, чем дальше, тем лучше. Они, конечно, будут недовольны, но к этому нам не привыкать. Необходимо еще установить вторичную карантинную зону для пассажиров, контактировавших с больными. Пути распространения инфекции нам неизвестны, но мы можем успеть их перекрыть, если проделаем все достаточно быстро. Персер, вы принесли список пассажиров?

Кивнув, стюард положил рядом с собой лист бумаги, сложенный пополам.

— Отлично, тогда начнем. Нам нужны два таких списка.

Первым на след напал Курикка; это было закономерно — в свое время он участвовал в строительстве «Иоганна Кеплера». Слушая перечень имен и отсеков, он нахмурился, и с каждым новым словом мрачнел все больше и больше. Потом поднялся, тихо подошел к шкафу с документами и начал там что-то искать. Наконец он вытащил какой-то чертеж и углубился в его изучение. Через некоторое время, окончательно уверившись в своем подозрении, он сказал:

— Взгляните сюда, капитан.

Дон подошел к нему и увидел план одной из частей корабля.

— Что это?

Курикка достал огрызок красного карандаша и принялся объяснять:

— Это разгерметизированные отсеки, через которые прошел метеорит,— он обвел их карандашом.— Персер, пожалуйста, еще раз перечислите номера кают, которые занимали заболевшие пассажиры.

Персер снова читал список, Дон смотрел на план и беспокойство его росло. Когда стюард закончил, Дон посмотрел на старшину.

— Вы предполагаете?..

— Сэр, я ничего не предполагаю, я лишь констатирую имеющиеся факты.

— Но что это значит? Все заболевшие жили в каютах, пробитых метеоритом; правда, в момент аварии их, по счастью, не было в каютах. Вероятно, это совпадение.

— Капитан, я не очень-то верю в совпадения. На этот раз их слишком много. Одно, другое, но не все же!

Дон рассмеялся.

— Иными словами, вы предполагаете связь между болезнью и метеоритом?

— Это вы предполагаете, сэр, а я только привожу факты.

— Но это невозможно,— Дон зашагал по комнате.— Воздух из отсеков вышел, температура упала, потом они снова были загерметизированы и в них закачали новый воздух. Но до тех пор, пока все не пришло в норму, туда никто не заходил. Это ведь не простуда или что-нибудь подобное.

Внезапно он замер, широко раскрыв глаза.

— Нет, это невероятно,— упорствовал он.— Старшина, где мы шли в момент аварии?

— Примерно здесь, сэр,— Курикка показал на звездной карте.

Взглянув на него, Дон кивнул.

— В плоскости эклиптики, между Землей и Марсом, верно? Тогда возникает очень важный вопрос: что еще находится в этой плоскости между Землей и Марсом?

— Ничего.

— Не спешите с ответом. А как насчет астероидов?

— Не здесь, капитан,— Курикка улыбнулся и показал на карте.— Астероиды кружатся вот здесь, между Марсом и Юпитером.

— Но, насколько я разбираюсь в астрономии, есть еще Аполлон и Эрос, их орбиты проходят через орбиту не только Марса, но и Земли.

— Точно, я забыл об этом,— улыбка на лице старшины погасла.

— Тогда не может ли быть так, что нас ударил небольшой осколок космической скалы, пришедший из пояса астероидов?

— Согласно одной из теорий, астероиды представляют собой остатки планеты, некогда существовавшей между Марсом и Юпитером. И поразивший нас обломок был частью такой планеты.

Стюард первым понял, куда ведет такое предположение.

— Боже,— прошептал он, внезапно побледнев.— Значит, вы считаете, что это метеорит принес лихорадку? Что это — болезнь с планеты, исчезнувшей миллионы лет назад?

— Вот именно. Идея не настолько дикая, как кажется на первый взгляд. Вы помните, я взял у больных все анализы и просмотрел их на электронном микроскопе. Окажись там какие-либо микроорганизмы, я бы их обнаружил, но вирусы под микроскопом неразличимы. Я уверен, что мы имеем дело с вирусной инфекцией, но что это за вирус — не знаю. А теперь немного о самих вирусах. Это мельчайшие формы жизни, как раз на границе между живой и мертвой материей. Некоторые ученые склонны считать, что это даже не живые организмы. Их создавали в лабораториях, и искус-

ственные вирусы полностью идентичны с натуральными. Некоторые из них, даже попадая в неблагоприятную среду, сохраняют способность восстанавливаться, причем через многие годы. Они, как мы знаем, не меняются в течение сотен лет, поэтому в нейтральной среде они, вероятно, могут существовать тысячи и даже миллионы лет. Нечего удивляться, что болезнь не распознали. Она могла существовать много дольше, чем мы можем вообразить, но оставаться абсолютно неизвестной на Земле. Следовательно, мы — жертвы лихорадки из другого мира, если, конечно, мое предположение верно. От этой болезни наш организм совершенно не защищен, и наша медицина против нее бессильна.

В наступившей тишине шепот Персера прозвучал оглушительно:

— Но тогда... мы все мертвы.

— Нет!— крикнул Дон, пытаясь развеять общее отчаяние.— У нас есть шанс. На борту есть оборудование, из которого можно собрать неплохую микробиологическую лабораторию. Раньше мне это не приходило в голову: выделить инфекционный штамм из крови больных в наших условиях невозможно — это долгий и сложный процесс. Но у меня все же есть шанс приготовить противовирусный препарат. Старшина, вы, помнится, говорили, что метеорит застрял где-то внутри корабля?

— Так точно, среди груза, в самой середке.

— А мы сможем его найти?

— Думаю, да. Но зачем?

— Для того, чтобы раздобыть вирус в латентном состоянии. Если он смог активизироваться сам по себе, то почему нельзя проделать это в лаборатории? Если все пойдет хорошо, я смогу получить сыворотку.

— Неплохо звучит,— согласился Курикка.— Я прикажу принести скафандр и сам вытащу эту штуку, если она еще там.

— Пусть принесут два скафандра: я пойду с вами. Я должен быть рядом, когда вы обнаружите метеорит, должен быть уверен, что лишних неприятностей он не доставит.

— Вы — капитан и не должны рисковать.

— Сейчас важнее, что я врач. Если на корабле вирус, то я — единственный, кто может справиться с ним. Поэтому, старшина, я иду с вами.

Во время разговора они не заметили, как открылась дверь. Чей-то голос внезапно прервал их.

— Никто никуда не пойдет,— в дверях стоял генерал Бриггс с револьвером в руке, а за ним Дойль и еще двое мужчин с металлическими дубинками наперевес.

— Возвращайтесь в лазарет, доктор, командование кораблем я беру на себя. С тех пор, как вы стали капитаном, вы наделали множество глупостей, уверяю вас. Точно так же думают и остальные

пассажиры. Они полностью согласны с тем, что капитаном должен быть человек, привыкший командовать, то есть я. Забудьте свой безумный план и возвращайтесь к своим прямым обязанностям. Теперь я — капитан «Иоганна Кеплера», а вы — обычный врач.

XIII

Генерал и его люди в полной тишине вошли в рубку. Старшина Курикка пришел в себя первым и шагнул вперед, не обращая внимания на оружие, направленное на него.

— Ваши действия — чистое пиратство,— произнес он сурово.— Космическое пиратство, согласно правилам Мирового Соглашения, приравнивается к пиратству на море, но наказывается более сурово. Вам грозит, по меньшей мере, пожизненное заключение, так что бросайте оружие, пока не зашли слишком далеко.

Особого эффекта его слова не произвели, но люди Бриггса с беспокойством переглянулись и опустили импровизированные дубинки. Курикка шагнул вперед и протянул руку к револьверу, так что генералу пришлось отступить на несколько шагов.

— Назад, или я пристрелю вас,— произнес он все так же решительно.

— В таком случае вам будет предъявлено обвинение в убийстве, и вы проведете в тюрьме остаток жизни. Бросайте револьвер!

— Дойль, уберите его!— не оборачиваясь, приказал генерал.

Дойль, размахнувшись, опустил дубинку на плечо старшины и повалил его на пол.

— Нас не остановить!— произнес Бриггс.— Мы — люди решительные!

Сопротивление было сломлено. Лежа на полу, старшина тщетно пытался подняться, а из коридора тем временем вошла еще одна вооруженная группа пассажиров.

— Так вы далеко не уйдете,— сказал Дон.— Об управлении кораблем вы ничего не знаете, да и на помощь экипажа не можете рассчитывать.

— Ошибаетесь,— рот Бриггса скривился в холодной усмешке,— у нас есть один человек, знающий достаточно много. Не занятые на вахте члены экипажа будут под стражей, а двое моих людей будут постоянно дежурить возле вахтенного. Они согласятся работать, поскольку отказ ставит под угрозу не только наши, но и их собственные жизни. В этом затруднений не будет, доктор, как и с моим первым помощником. Вы ведь знакомы с доктором Учальде?

Держа в руке нож, в рубку вошел Учальде. Коротко кивнув, он

сел в капитанское кресло. Дон был потрясен: он и в мыслях не держал, что мексиканец способен предать их. Его охватило отчаяние, и он повернулся к генералу.

— Что ж, Бриггс, кораблем вы завладели, но что вам это дает?

— Шанс благополучно добраться до Марса.

— Это даст вам тюремный срок,— вмешался Курикка, поднявшись на ноги.— Незаконный пронос оружия на борт корабля — серьезный проступок.

— Несмотря на все запреты, я не расстаюсь с оружием.

— Ваше оружие и даже ваши пиратские действия меня не волнуют,— гневно закричал Дон.— Меня волнует жизнь остальных пассажиров. Я обязан вытащить этот метеорит.

— Нет, доктор, вас ждут ваши пациенты. Я не собираюсь повторять.

— Как вы не поймете, что мне нечем их лечить. Если же мы найдем метеорит, то я, вероятно, смогу получить...

— Уберите его,— приказал Бриггс, давая знак двоим пассажирам.— Я слышал эту дурацкую теорию и уверен, что она так же безумна, как и остальные ваши планы. Как только прибудем на Марс, я потребую психиатрической экспертизы над вами, сейчас же попробуйте оставаться врачом, если только сможете.

Дон позволил двум рослым пассажирам вывести себя в коридор и провести в лазарет. Его конвоиры остались у дверей.

— Что случилось?— испуганно спросил Рама, увидев Дона, а выслушав его объяснения, испугался еще больше.— Мы обязаны сопротивляться, бороться! Вы спасли им жизнь, а что получаете в награду? Как в этом мире может существовать такое зло?— он начал искать оружие, не обращая внимания на попытки Дона успокоить его.

— Это не выход. Эти люди вооружены и постоянно начеку. Они никогда бы не позволили Бриггсу поднять мятеж, если бы не были так испуганы. Какое имеет значение, кто командует кораблем, если мы сумеем достигнуть Марса? Важно другое: смогу ли я найти лекарство против болезни, но Бриггс мне в этом мешает. Поэтому нам необходимо предпринять что-нибудь.

Но все было бесполезно: стража за дверью сменялась через равные промежутки времени. В борьбе за корабль Бриггс отключил телефоны; связь была восстановлена только после того, как генерал почувствовал себя в безопасности. Попытка Дона дозвониться в двигательный отсек кончилась неудачей, так как трубку снял один из людей Бриггса. С другими постами произошло то же самое.

Члены экипажа содержались отдельно друг от друга, и мятежники почти вдвое превосходили их численностью.

Дон, сдавшись, вернулся к своим пациентам, их теперь стало уже четырнадцать. А самые первые быстро сдавали. В тщетной на-

дежде наткнуться на необходимое лекарство, он перепробовал разные комбинации антибиотиков с другими препаратами, но все напрасно.

Сломленный напряжением и усталостью, Дон лег и попытался заснуть, на корабле была ночь. Солнце светило им круглые сутки, но по корабельному времени происходила постоянная смена «дня» и «ночи» — это благотворно влияло на здоровье людей. На сбой привычного ритма бодрствования и сна человеческий организм реагирует очень болезненно, поэтому «ночью» на корабле все спали, кроме вахтенных, естественно.

В четыре часа утра по корабельному времени Дона разбудил звонок вызова. На экране появился Дойль, секретарь генерала.

— Я хочу поговорить с охранниками. Позовите их,— приказал он.

У Дона мелькнула мысль отключить связь, чтобы хоть в этом не помогать им — пусть сами решают свои проблемы,— но потом решил, что ничего этим не добьется, и подошел к двери. Охранники были осторожны — пока один разговаривал по телефону, второй не спускал глаз с Дона.

— Доктора требуют в рубку,— сказал первый, положив трубку.— Ты оставайся здесь, я его провожу.

— А зачем он там понадобился?

— Заболел кто-то. Док, берите свой чемодан и пошли.

Дон умылся, взял укладку и отправился в рубку, сопровождаемый охранником. Еще один случай лихорадки? Кто бы это мог быть? Позабыв на минуту о профессиональной этике, он пожелал, чтобы этим больным оказался Бриггс: если генерал выйдет из строя, мятеж исчерпается сам собой.

Стоявший у рубки охранник кивнул им и открыл дверь. В капитанском кресле сидел доктор Учальде, Дойль с оружием в руке стоял в другом конце комнаты, а на полу, держась за живот, стонал Спаркс.

— Позаботьтесь о нем,— приказал Дойль.— Он болен, а другого радиста у нас нет.

— Он весь пылает,— произнес Учальде.

Обычно лихорадка начиналась не так, но Дон знал о ней мало, так что было вполне возможно и такое начало. Дон открыл укладку и склонился над Спарксом. Он положил руку ему на лоб и достал электронный термометр. Температура была абсолютно нормальной. Не успел Дон удивиться, как Спаркс открыл глаза и подмигнул ему. В этот момент дверь распахнулась, и прозвучал голос старшины:

— Во избежание ненужного кровопролития бросайте оружие, Дойль.

Дон оглянулся. Ситуация в корне изменилась. В дверях стоял

Курикка, направляя в сторону Дойля большой автоматический пистолет, а рядом... рядом с другим охранником, приставив к его шее свой острый нож, стоял доктор Учальде.

— Бросайте оружие,— прорычал он,— или я вам глотку перережу.

На пол с грохотом упал металлический прут. Ошеломленный Дойль переводил взгляд с одного на другого, потом поднял пистолет.

Раздался выстел Курикки, и Дойль, застонав от боли, схватился за руку, выронив пистолет. Кровь побежала по его пальцам.

Спаркс поднялся с пола, похлопал в ладоши и поднял оружие. Дон никак не мог опомниться.

— Курикка...— спросил он.— Как вы это провернули?

— Благодаря доктору Учальде,— улыбнулся старшина.— Это был его план.

Под устремленными на него взглядами Учальде покраснел от удовольствия и церемонно поклонился.

— Такие вещи в моей стране случаются слишком часто, и генерал Бриггс, зная о революционном прошлом моих предков, обратился ко мне за помощью. Я сразу же принял его предложение, поскольку он явно не помнил о случаях контрреволюции, а действовать внутри враждебной организации намного проще. Сделавшись его ближайшим помощником, я дождался ночи. Я всегда считал, что мятежи нужно подавлять на раннем этапе, прежде чем они обретут стабильность. Оставалось только дождаться удобного случая. Я понял, что пора действовать, когда генерал, оставив вооруженного Дойля, удалился. По телефону я предупредил Курикку, который любезно сообщил мне, где в капитанской каюте спрятан пистолет. На борту всегда есть оружие на случай недовольства и тому подобного, хотя это известно далеко не всем, что, надо сказать, весьма предусмотрительно. Остальное было очень просто: раз, два, три, падает Спаркс, посылают за вами, появляется старшина — и все кончено.

— Кончено, но не совсем. Вам придется иметь дело еще и со мной,— в дверях стоял генерал Бриггс с перекошенным от гнева лицом. Холодно оглядевшись, он вошел в рубку.— Это небольшое дельце вам не удалось: меня поставили в известность сразу же, как только доктор покинул лазарет. Была вероятность, что этот отчаявшийся психопат попытается вновь завладеть кораблем. Этого, конечно же, не случится,— он указал на стоявших в дверях людей с дубинками.— Если бросите оружие, то никакого насилия не будет,— генерал снисходительно усмехнулся.

С поднятой рукой он направился к Курикке, а тот медленно направил свой пистолет прямо в генеральскую переносицу.

— Сделайте еще шаг, и вы мертвец!

— Мне хотелось избежать кровопролития,— сказал генерал, останавливаясь.— Мы — решительные люди, а ваших зарядов не хватит на всех, поэтому даю вам последнюю возможность сдаться.

В рубке воцарилась тишина, но никто не шевельнулся.

— Ничего не выйдет, Бриггс,— вмешался Дон.— Вы блефуете и сами знаете это. Вы — ожесточившийся маленький человечек, и неумелый пират к тому же. Никто не собирается умирать за вас. Как капитан этого корабля, я обещаю вам снисхождение, если вы сейчас же бросите оружие...

— Не слушайте его! — лицо Бриггса налилось кровью от ярости.— Вперед! Схватите их!

Но его людей начало одолевать сомнение. Если бы они верили в победу, то были бы готовы сражаться за свои жизни, но сейчас посмотреть в лицо смерти, плясавшей на мушке старшины, было выше их сил.

Они не предпринимали никаких активных действий, только переминались и переглядывались.

— Трусы!— завизжал Бриггс, хватая с пола прут, брошенный охранником.— Среди вас нет мужчин! За мной! Он не посмеет стрелять, ведь он еще больший трус, чем любой из вас!— генерал бросился вперед.

— На вашем месте я бы этого не делал,— произнес Курикка и взвел курок. В наступившей тишине легкий щелчок прозвучал неожиданно громко. Оружие было готово к бою.

— Вы не посмеете стрелять!— зарычал Бриггс, поднимая прут.

— Я выстрелю в любого, но не в вас,— сказал Курикка, опуская пистолет.— Вас мне хочется видеть на скамье подсудимых.

Бриггс победно закричал и опустил свое оружие на голову старшины.

Несмотря на свое крупное тело, старшина двигался быстро, как кошка. Сделав шаг вперед, он поднятой рукой блокировал удар. После минутной борьбы прут выскользнул из онемевших пальцев Бриггса. Курикка повернулся на носках и навес генералу молниеносный удар в солнечное сплетение.

Тот рухнул на пол, согнувшись пополам, а Курикка, не обращая на него внимания, направил свое оружие на людей, стоявших в дверях.

— Каждого, кто не подчинится, я застрелю. Бросайте оружие.

Все поняли, на чьей стороне сила, и дубинки полетели на пол. Мятеж был подавлен. Взглянув на неподвижного генерала, Курикка неожиданно улыбнулся.

— Вы даже не представляете, какое это мне доставило удовольствие,— сказал он.

Тем временем Дон подошел к Дойлю, сидящему в кресле, и осмотрел довольно аккуратную рану на его предплечье.

— Я национальный чемпион по стрельбе из пистолета,— сказал Курикка,— и никогда не мажу.

Дон ввел Дойлю антибиотик и наложил давящую повязку. Потом он вздрогнул, озабоченно посмотрел на раненого и приложил к его руке термометр.

— Дойль болен,— объявил он.— Температура — сорок и пять.

— Я не удивлен,— ответил Учальде.— Мне не хотелось говорить об этом, но вынужден сознаться, что последнее время и я чувствую жар.

— Курикка, мы обязаны найти этот метеорит как можно скорее.

Они взглянули друг на друга и оба увидели в чужих глазах свой собственный страх.

XIV

— Думаете, эта штука сработает?— спросил Спаркс.

— Должна сработать,— ответил Дон, стараясь не отчаиваться, глядя на самодельное оборудование, собранное на живую нитку.— Нашу методику опробовали в госпитале на Марсе. Они построили точную копию этой штуки, из тех же деталей. Во время испытаний она вела себя чудесно. Точно следуя их рекомендациям, мы выделим любой вирус и приготовим сыворотку. Если, конечно, найдем метеорит,— добавил он тихо.— А если не найдем — значит, вся работа делалась впустую. Может быть, моя теория неверна, и метеорит не имеет ничего общего с болезнью... слишком много «если»...

Но поиски метеорита давали хоть какой-то шанс, и Дон полез в свой скафандр, перекладывая из руки в руку металлический контейнер.

— Надеюсь, он сюда уберется,— сказал Курикка.

— Должен убраться. Ведь контейнер больше входного отверстия. А что с ним нужно делать?

Старшина откинул плоскую крышку контейнера.

— Все довольно просто. Мы положим сюда метеорит, смажем крышку быстро твердеющим клеем, и он за две минуты герметизирует наш контейнер. Клей хорошо действует и в вакууме, это проверено. Таким образом, нам нужно только открыть тюбик, а уж с этим-то мы как-нибудь справимся.

— Если мы отыщем метеорит, все будет отлично,— сказал Дон, надевая шлем.— Пошли.

— Сколько уже больных?— спросил Курикка.

— Я дошел до шестидесяти и бросил считать. Больше половины, кроме того, трое умерли.

Он молча подошел к лифту. Натужно загудели тросы, унося их

к центру корабля. Как только лифт остановился, они оказались в полной невесомости. Дон в этих условиях передвигался чуть медленнее старшины, тот давно привык к отсутствию силы тяжести. Когда Дон догнал его, Курикка уже открывал дверь переходного шлюза, ведущего в трюм корабля.

— Скорее всего, он в грузовом отсеке. Мы здесь не были с тех пор, как приварили пластырь на пол палубы «С», это в тридцати футах отсюда. Я не имею ни малейшего представления, насколько далеко он проник, но след, наверняка, оставил заметный. Я точно знаю, что он где-то на корабле. Приготовьтесь, начинаем переход.

Они защелкнули забрала шлемов и подождали, пока за ними закроется дверь и начнется откачка воздуха. Как только загорелась зеленая лампочка, автоматически открылась вторая дверь, и они поплыли в темноту громадного трюма.

Здесь царил кошмарный мир резких теней. Дон сразу же полностью потерял ориентацию. Темные пятна в пространстве трюма могли оказаться либо тенью, либо реальным телом, но это можно было обнаружить или при непосредственном контакте, или в упор осветив лучом ручного фонаря. К фонарю, встроенному в шлем, Дон никак не мог приспособиться. Он остановился, ухватившись за стальную скобу в стене. К нему подплыл старшина.

— Это довольно трудно поначалу,— прозвучал его голос в наушниках Дона,— но вы быстро приспособитесь.

— Я тут же теряю ориентацию, как только начинаю двигаться, ибо здесь нет ни верха, ни низа.

— Сэр, вы не единственный. Отбросьте все мысли и сосредоточьтесь на чем-нибудь одном. Я буду идти впереди, а вы — сразу за мной. Смотрите прямо на меня, пусть луч вашего фонаря упрется мне в спину. Если захотите взглянуть в сторону, поворачивайте не глаза, а всю голову. Готовы?

— Да, поехали!

Трюм был буквально забит грузами: со всех сторон, отбрасывая нелепые тени, громоздились огромные контейнеры. Курикка с легкостью обогнул поперечную балку и осветил темную плоскость у себя над головой.

— Посмотрите сюда,— сказал он, указывая на блестящую металлическую заплату.— Это и есть пластырь.

Они повернули головы и уткнулись лучами своих фонарей в алюминиевый контейнер, что стоял в нескольких футах от них.

— Это он?— спросил Дон.

— Да. Только прежде, чем мы откроем контейнер, необходимо убедиться, что метеорит по-прежнему там. Постойте здесь, один я смогу работать намного быстрее.

И верно, старшина произвел осмотр на удивление быстро. По-

светив внутрь пробоины, Дон ничего, кроме темноты, не увидел.

— Я нашел выходное отверстие, сейчас провожу вас,— услышал он голос Курикки.

Выйдя из контейнера, метеорит застрял в кипе тюков.

— Одежда,— прочитал старшина этикетку.— Нам очень повезло: она должна была замедлить его движение или совсем остановить. Нам придется извлечь весь тюк, так что режьте крепления.

Справиться с тросами труда не составило, а вот вытащить тюк оказалось невозможно: соседние тюки накрепко его зажали.

— Придется освободить всю кучу,— сказал Курикка, перерубая тросы,— и вытаскивать по одному.

Вскоре освобожденные тюки поплыли над ними, сталкиваясь друг с другом, и им с трудом удалось найти среди них нужный. Но когда они направили на него луч света, то увидели сквозную дыру.

— Еще одна. Значит, метеорит где-то дальше,— вздохнул Курикка.

Второй ряд оказался гораздо плотнее.

— Нам его не освободить,— проговорил Дон.

— А это и не нужно. Взгляните! Он здесь!

Вспоров быстрым ударом один из тюков, Курикка начал раскидывать одежду. Вгрызаясь, как мыши в мешок с зерном, они пробирались все дальше.

— Вот он!— воскликнул Дон без особой радости и удовлетворения, потому что совершенно выдохся.

Метеорит выглядел бы обыкновенным грязным камнем, если бы не полоски белых кристаллов.

— Ящик, быстрее!— отскакивая, приказал Дон.— Только не прикасайтесь к нему.

— Эти кристаллы мы и искали?— спросил старшина, подталкивая камень ножом.

— Надеюсь, что да,— на лице Дона выступили капли холодного пота.— Замазывайте.

Курикка достал тюбик с клеем, не торопясь обмазал поверхность крышки, а затем прижал ее и осмотрел края.

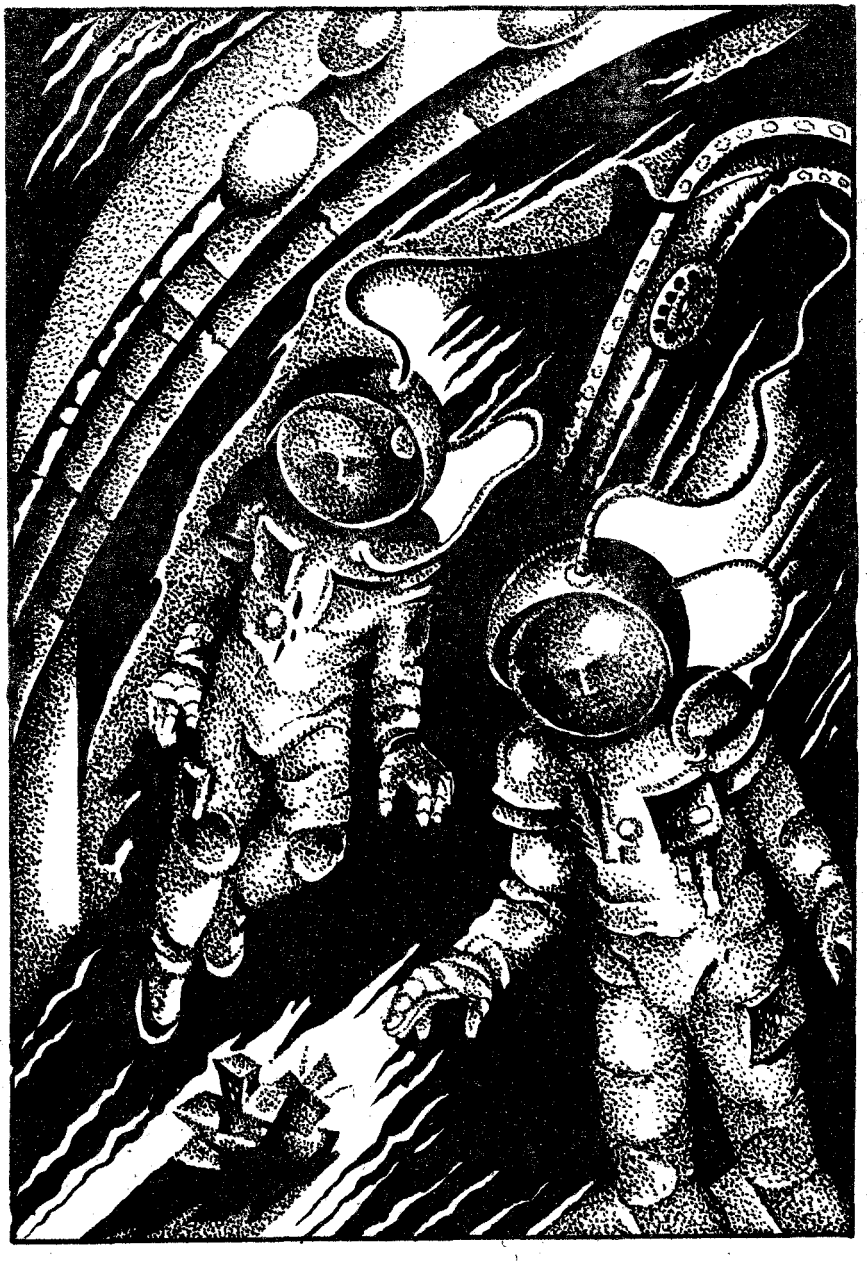
— Через пару минут будет тверже стали,— сказал он.

— Хорошо. Ножи придется оставить здесь, на них могла остаться эта зараза. Микробы могут быть и на скафандре, поэтому снимайте его осторожно.

— Слушаюсь. Идите за мной. Еще до того, как мы войдем в шлюз, ящик станет герметичным.

— Как хоть выглядит этот вирус?— спросил старшина, пока они ждали, когда откроется дверь шлюза.

— Понятия не имею. Вероятно, это те кристаллы,— он стер со стекла шлема конденсат, образовавшийся при нагнетании воздуха.— Когда можно будет открыть скафандры?



— Как только загорится зеленая лампочка, не раньше. Но еще лучше открыть их, уже выйдя из шлюза: можно получить сильный ожог, металл здесь сильно охлажден.

— Давайте ящик сюда,— сказал Дон, когда они покинули шлюз.— Когда будете снимать скафандр, постарайтесь не касаться его внешней стороны. Я помогу вам, если понадобится. А потом — возвращайтесь в рубку.

— Но вам тоже потребуется помощь...— выразил протест старшина.

— Нет. Я вполне компетентен, чтобы распознать симптомы болезни. Я не боюсь заразиться... тем более, что я уже болен...

XV

Днем раньше они изолировали половину пассажиров, теперь же лихорадка свалила восемьдесят процентов из всех, находившихся на борту.

Марс был в двух днях пути. Ракеты с врачами-добровольцами на борту были наготове. Покинуть борт корабля без особого на то разрешения никто не осмеливался, так как Большой Джо был объявлен зачумленным. Пока не будет найдено лекарство, способное остановить болезнь, корабль должен находиться в изоляции. Доставить на борт пищу и медикаменты не составляло труда, но никто не должен был покидать корабль.

К этому времени на «Иоганне Кеплере» умерло двадцать два человека. Приняв еще одну обезболивающую таблетку, Дон влажным полотенцем вытер со лба пот и, взяв себя в руки, усилием воли установил капельницу на нужный режим.

— Доктор, предоставьте это мне,— предложил Рама.

— Нет, уходи, а то сам подцепишь эту гадость.

— Это не важно, сэр. Я могу вам помочь, значит, придется смириться с этим риском. А как дела с нашим вирусом?

— Не знаю. У меня даже нет уверенности, что мы на правильном пути. За неимением подопытных животных придется испытывать вакцину на себе самом. Я растворил добытые кристаллы в питательной среде при различных температурах, потом профильтровал и пропустил через наши приборы. Но это может в конце концов оказаться обыкновенной водой,— Дон задрожал, закашлялся и вновь вытер лоб.— Что в рубке?

— Я только что разговаривал с Курикко и Бойдом. Оба пока здоровы и настроены оптимистично. Правда, я проговорился, что на Учальде рассчитывать им не стоит, так как он в коме, но Марс передал, что даже если в ходовой рубке не останется ни души, они смогут управлять кораблем.

Прозвенел звонок таймера, Дон подошел к центрифуге и внезапно рухнул на пол. Рама подхватил его под руки и дотащил до кресла. Чуть погодя Дон снова поднялся на ноги.

— Через минуту я буду в порядке, а ты пока отключи центрифугу,— распорядился Дон, держась за спинку кресла.— Это может оказаться вирусным агентом, если нам повезет.

— И мы его тут же используем?— выдохнул Рама, волнуясь.

— Не сразу,— покачал головой Дон.— Для начала ты мне поможешь разобраться с растворами,— он принялся разглядывать темную жижу, находившуюся в колбе.— Здесь находятся кристаллы, которые были растворены в такой же питательной среде, какую мы использовали для перегонки в центрифуге. Если первая попытка окончится неудачей, мы попробуем еще раз.

Дон закончил перегонку, тщательно настроив аппаратуру, и открыл дверцу центрифуги. Он поднес к свету одну из вынутых пробирок. Под светлым слоем жидкости был желтовато-коричневый осадок.

— Принесли шприц и иглу.

Вскоре шприц был наполнен темновато-коричневой жидкостью.

— Уколы сделай только тем, кто на грани смерти.

— А доза?

— Пожалуй, три с половиной кубика, внутривенно. Лекарства хватит всем, но все же в первую очередь сделай самым тяжелым, а уж потом и остальным.

«Звонок, температура сто десять градусов, фильтровать. Осторожно, лекарство не восстановить, если разольешь. Если бы руки так не дрожали, то было бы намного проще.

Звонок. Что дальше? Если подставить голову под кран, сполоснуть лицо холодной водой — это поможет, по крайней мере, должно помочь. Неужели это я в зеркале? Доктор, ты давно не брился. Своим видом ты напугаешь всех пациентов. Так что же дальше?»

Прямо перед глазами — пол, во рту — соленый привкус крови, в щеке — острая боль.

— Рама?..

— Сэр, вы упали и слегка порезали щеку. Я сейчас обработаю порез.

СТРАХ!!!

— Аппаратура! Я разбил какой-то прибор?

— Нет, нет. Вероятно, почувствовав приближение обморока, вы откинулись от стола. Потом я услышал звонок таймера. Что дальше?

— Я покажу тебе, только помоги мне подняться.

Перед глазами — серый туман, и так трудно сосредоточиться. А что с пациентами?

— Сколько прошло времени с тех пор, как вы сделали уколы?

— Немного больше восьми часов, сэр. Я и вам сделал укол, когда...

— Как они?

После долгого молчания, Рама, наконец, произнес:

— Никаких изменений, сэр, только еще двое умерли и... заболел Курикка.

— Неужели все усилия напрасны, и мы погибнем?— хрипло произнес Дон.— Но я не вижу другого выхода.

Ничего не поделаешь, придется уступить и умереть. Ну нет, это не для него! Дон выпрямился, собрав волю в кулак, но тело отказывалось повиноваться. Он начал с остервенением тереть глаза до тех пор, пока не почувствовал боль, пока слезы не полились по щекам. Теперь он опять ясно видел все окружающее.

— Для начала — отключи звонок... теперь охлади раствор и поставь его в центрифугу минуты на четыре, и в дело...

— И это будет нужное лекарство?

Губы Дона скривились в гримасе боли, он страшно оскалился, но ему казалось, что он улыбается.

— Это будет прозрачная жидкость, похожая на дистиллированную воду. Мы...

...Все кончилось. Он окунулся в темноту...

XVI

Вселенная состояла из двух огромных, во весь мир, черных скал. Они разговаривали друг с другом — неизвестные слова неизвестного языка — ничего, что могло бы заинтересовать. Говорящие горы... О чем же они все-таки говорят?

— ...можно начинать...

— ...или...

— ...все кончилось...

Какие-то несвязные обрывки слов... Неужели это и вправду горы? Нет, это люди, и говорят они о нем. Дон долго пытался ухватиться за эту мысль, она его беспокоила. Мысль ускользала, и, если бы не эти голоса, он бы о ней забыл.

За все это время он впервые понял, что глаза его закрыты, память пуста, а тело существует как бы отдельно от разума. Но глаза в первую очередь, потому что горы — это люди, вернувшие его к жизни, он обязан их увидеть. Он собрал все силы и открыл глаза — перед ним было что-то белое.

— Доктор, он открыл глаза!

Дон увидел девичье лицо — это ее голос помог ему сосредоточиться,— а затем и всю девушку в белой одежде. Он с нею никогда не встречался, откуда она взялась на корабле? И тот, другой в белом — еще один врач. Дон пытался сказать, что видит их, но язык ему еще не повиновался.

— Хотя с вами не все еще в порядке, но вы живы и скоро поправитесь, а это главное. Я хочу, чтобы вы знали это, прежде чем снова уснете.

Словно послушный ребенок, Дон закрыл глаза и погрузился в сон.

Когда Дон проснулся во второй раз, он сразу понял, что находится в полном сознании. Его мутило, и чувствовал он себя хуже выжатого лимона, но в голове была полная ясность. Только на сей раз вместо незнакомцев он увидел склонившегося над ним Раму Кусума.

— Старшина! Курикка! Идите сюда!— закричал Рама.— Он проснулся!

Раздались тяжелые шаги, и перед Доном предстал улыбающийся Курикка.

— Капитан, вы сделали свое дело. Вы нас всех спасли.

Больше всего Дону хотелось услышать именно эти слова. Раз они в безопасности, то все остальное не в счет. Кашель помешал Дону заговорить, и Рама тут же дал ему стакан воды. Освежившись, Дон попытался снова, и его старания на этот раз увенчались успехом.

— Что произошло? Расскажите мне все по порядку,— вместо своего голоса он услышал лишь хриплый шепот.

— Как только вы потеряли сознание, Рама позвал меня. Я чувствовал себя довольно паршиво и валялся там же, в лазарете. Собственно, все мы к этому времени были в той или иной мере больны. Когда мы уложили вас в кровать, Рама показал мне продукт второй перегонки. Мы сделали укол первому, потом остальным, всем, кто был в лазарете. Правда, у нас стало на одного мертвеца больше, но это был последний смертный случай. Им, к величайшему моему огорчению, оказался Дойль, таким образом он избежал скамьи подсудимых.

— А Бриггс?

— Ну, этот жив и здоров,— холодно улыбнулся Курикка.—Он в прекрасной форме, чтобы предстать перед судом. Но это теперь уже не важно. Самое интересное началось потом, и если бы мы не видели всего этого собственными глазами, ни за что не поверили бы. Словно ночь сменилась днем. Рама взглянул на вас, когда мы

вернулись за новой партией лекарства, и, не удержавшись, позвал меня.

— Прошло всего несколько минут,— вступил в разговор Рама,— и лихорадки как не бывало. Вы спали обычнам крепким сном, даже похрапывали. Еще давало о себе знать разрушительное действие болезни, но лихорадка мгновенно отступила. Вторая перегонка попала в самую точку. Те, кто заболел недавно, встали на ноги после первого же укола. Мы провели всеобщую вакцинацию, и на следующий день люди уже несли вахту и в двигательном отсеке, и в рубке. К тому времени Большой Джо уже сам вышел на орбиту.

— Вы его утомили,— прервал разговор чей-то голос.— Покиньте палату.

Дон улыбнулся врачу, стоявшему в дверях и покачал головой.

— Доктор, это лучшее лекарство во всей вашей аптеке.

— Не сомневаюсь, но считаю, что на сегодня этого лекарства вполне достаточно. Они вернутся, как только вы проснетесь.

После ухода посетителей врач взял шприц с маленького стола, стоявшего в изголовье кровати.

Дон огляделся и понял, что находится не в корабельном лазарете: кровать да и вся комната были гораздо больше. А увидев на стене фотографию «Иоганна Кеплера», догадался, что это каюта капитана.

— Позвольте один вопрос перед сном.

Врач молча кивнул.

— Как мои пациенты?

— Гораздо лучше, чем вы сами. Все благодаря вашему волшебному лекарству. Но корабль остается в карантине, пока нет полной уверенности в его безопасности. Что касается вас, то я, если говорить честно, всерьез опасался за вашу жизнь: вы сильно перегрузили свой организм стимуляторами и анальгетиками.

— Но другого выхода не было.

Врач хотел что-то возразить, но только улыбнулся. Затем произнес:

— Пожалуй, так. Я от всей души рад, что в такой критический момент там находились именно вы. Будь там я, не знаю, чем бы все закончилось. Ну а теперь — укол.

— Доктор, последний вопрос о мятеже. Что вы намереваетесь делать с мятежниками? Нужно оценить наше тогдашнее положение и понять, что у них были причины...

— Мы это знаем, поэтому вряд ли кто предстанет перед судом, кроме генерала Бриггса. Конечно, это мое личное мнение, но я уверен, что это было самое настоящее пиратство. Вы приняли командование вполне законно как единственный оставшийся в живых офицер. Более того, поскольку новый капитан еще не назначен,

вы и сейчас исполняете обязанности капитана. Не знаю, доктором вас называть или капитаном, но спать вы должны в любом случае.

Дон заснул с улыбкой на губах.

Проснувшись на следующее утро, Дон позавтракал, сиделка побрила его и положила под плечи еще одну подушку.

— Это еще к чему?— удивился Дон.

— У вас будут гости, и вам нужно выглядеть молодцом.

— Гости? — переспросил Дон.— А я считал, что еще слишком слаб для посещений, по крайней мере, вы так говорили. Я же...

— Разрешите, сэр?— спросил с порога Курикка.

— Что? Конечно, проходите, старшина. Но почему?..

Дон замолчал от удивления, увидев на Курикке парадную форму с золотыми шевронами на рукавах. Свою «парадку» старшина отправил за борт вместе с остальным багажом, следовательно, эта была позаимствована у какого-то космолетчика. Следом за ним, все в парадной форме, вошли остальные — Рама Кусум, механик двигательных установок и врач по призванию; стюард Персер, оператор Бойд, Спаркс, инженер Тиблевски и Хэнсен. Последним в своем обычном костюме, но торжественный, как и все, вошел доктор Учальде.

— Сэр, всему экипажу, к сожалению, не разрешили вас навестить, но мы будем говорить от его имени. С нами доктор Учальде, поскольку он, без сомнения, может считаться членом экипажа.

— Совершенно верно,— категорически ответил Дон, вспомнив эпопею с коррекцией курса и мятеж.

— На корабле я строго соблюдаю субординацию,— старшина наклонился над Доном,— но сейчас, как мне кажется, не тот случай. Карантин продлили на несколько дней, вас же хотят перевести в больницу на Марсе. «Иоганна Кеплера» отбуксируют к Земле, этим займется командор Доправа. Но пока он не принял командования, капитаном остаетесь вы.

У Курикки в руках появился небольшой сверток.

— Сэр, это по праву принадлежит вам. Нет ничего почетнее, чем быть выбранным капитаном корабля,— он поднял палец.— Этой чести удостаивались не многие, и среди них вы — тот, кто спас нас всех. Примите.

Старшина развернул сверток и достал фуражку с золотой ракетой на кокарде.

— Это капитанская фуражка. Мы кое-как раздобыли ее, но она теперь ваша. Примите от всего экипажа, капитан.

Дон взял фуражку обеими руками, но не нашелся, что сказать. Стоявшие перед ним так же молча отсалютовали ему. Дон приложил руку к козырьку. Никакими словами невозможно было передать его состояние, но по выражению его лица все и так было ясно видно. Это относилось ко всем присутствующим, ибо теперь они

все были связаны неразрывными узами космического братства. Один за другим космонавты молча вышли из каюты. Курикка уходил последним.

— Что вы собираетесь делать, когда выберетесь из госпиталя, капитан? Многие врачи предпочитают заниматься медициной на одном из пыльных шариков, чем служить на космическом корабле. А вы как думаете?

Дон тоже когда-то хотел обосноваться на одной из планет, и это желание мало смущало его до сих пор, но теперь... Внезапно он понял, что это невозможно. Пыльный шарик... Разве можно сравнить его со сверкающей чистотой космоса? Он решился.

— Старшина, не верьте старым сплетницам. Прозябание на Земле никогда меня не прельщало.

— Точнее и не скажешь,— Курикка широко улыбнулся, отдал честь и вышел из каюты.

Оставшись один, Дон снова взял фуражку в руки и осторожно погладил золотую ракету на кокарде, сожалея, что путешествие уже закончилось. Вероятно, работать простым врачом ему будет немного скучно.

— Перелет был тяжелым, и я рад, что с ним покончено,— сказал Дон тихо.— Рад и тому, что я, наконец-то, в безопасной гавани. Но со мной осталась фуражка и связанные с нею воспоминания. И никто этого у меня не отнимет.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Шоу
МИЛЛИОН ЗАВТРА
Перевод с англ. *И. Невструева* 5

Н. Шют
НА ПОСЛЕДНЕМ БЕРЕГУ
Перевод с англ. *И. Невструева* 127

Г. Гаррисон
КОСМИЧЕСКИЙ ВРАЧ
Перевод с англ. *Л. Дейч* 343

Литературно-художественное
издание

МИЛЛИОН ЗАВТРА

Составитель
БАРСОВ Сергей Борисович

Редактор *И. Мудрова*
Художник *Л. Колосов*
Художественный редактор *В. Кременецкий*
Технические редакторы *И. Иорданская, Г. Стачева*
Корректор *И. Пигулевская*

Сдано в набор 03.07.91. Подписано к печати 24.02.92. Формат 60×84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,18. Усл. кр.-отт. 25,58. Уч.-изд. л. 27,45. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3538. Цена договорная.

Издательство «Флокс», 603600, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

Типография ГИПП «Нижполиграф», 603006, Нижний Новгород, ул. Фигнер, 32.